

ISSN 2949-124X

Российская история

3 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*80 лет Сталинградской битве:
исторический контекст, замыслы, изучение*

Московские ополченцы в окружении врага

*Наркомат юстиции и судебные органы РСФСР
в 1941–1945 гг.*

Разминирование Калужской области

Создание гимна СССР

Первые годовщины Великой Отечественной войны

Разведка и создание ядерного оружия в СССР

*Военные заказы и горное ведомство
в конце XIX — начале XX в.*

*Дунайское пароходство
и русская политика на Балканах*

Экспорт ткани в Персию

*Взаимодействие российского и французского флотов
на рубеже XIX–XX вв.*

МОСКВА

3

май
июнь
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П.П. Соколов-Скаля. Артиллерия под Сталинградом 19 ноября 1942 г. (1946)

80 лет Сталинградской битве

Сталинград в стратегических замыслах военно-политического руководства СССР и Германии в 1942–1943 гг.

Мирослав Морозов

Stalingrad in the strategic plans of the military-political leadership of the USSR and Germany in 1942–1943

Miroslav Morozov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X2303001X, EDN: EOYTCD

Несмотря на то что с момента окончания Сталинградской битвы минуло восемь десятилетий, она по-прежнему приковывает внимание российских и зарубежных историков. Её историография насчитывает более сотни книг и несколько сотен научных статей. У большинства специалистов не вызывает сомнения, что данное событие обозначило коренной перелом не только в Великой Отечественной, но и во Второй мировой войне. Находившийся в глубине советской территории Сталинград сначала стал ареной ожесточённого сражения между Красной армией и Вермахтом, а затем превратился в символ сокрушительного поражения последнего. Вместе с тем роль, выпавшая городу на Волге, не была предопределена. Она сформировалась в результате следования планам военно-политического руководства противоборствующих сторон. Исследование этих замыслов — один из важных аспектов изучения Сталинградской битвы. Предлагаемая вниманию читателей статья является изложением авторской гипотезы по данному вопросу.

За годы советской власти Сталинград превратился в один из крупнейших промышленных центров СССР. В городе функционировало 126 промышленных предприятий. Завод «Красный Октябрь» производил ежегодно 775,8 тыс. т стали и 584,3 тыс. т проката. Завод «Баррикады» изготавливал артиллерийские орудия, завод «Красноармейская верфь» — танки Т-60, бронекорпуса танков Т-34 и штурмовиков Ил-2¹. Тракторный завод к началу 1942 г. являлся ведущим предприятием СССР по выпуску танков типа Т-34². Кроме того, Сталинград был крупным транспортным узлом. Особое значение имели пролегающие здесь железнодорожные и речные коммуникации, связывавшие центральные районы страны с Кавказом, по которым проходила транспортировка нефти.

Но, несмотря на стратегическое значение города, его название в документах плана «Барбаросса» не встречается. Немецкое командование планировало сокрушить Красную армию западнее линии Днепр–Западная Двина. Предполагалось, что после этого оставшая часть европейской территории Советского

© 2023 г. М.Э. Морозов

¹ Самсонов А.М. Сталинградская битва. Изд. 4, испр. и доп. М., 1989. С. 30.

² Танковый фронт 1939–1945. Серийное производство танков Т-34 (URL: http://tankfront.ru/ussr/industry/sp_t-34.html).

Союза до линии Архангельск—Астрахань должна была перейти под их контроль без боя. Как известно, эти планы оказались сорваны. И хотя в ходе зимнего наступления 1941/42 гг. РККА не удалось достичь целей, поставленных Ставкой верховного главнокомандования (ВГК), Вермахт временно лишился стратегической инициативы, а его войска понесли значительные потери. Война перешла в фазу борьбы на истощение, связанной со значительным напряжением людских и материальных ресурсов. Такой поворот событий не устраивал германское военно-политическое руководство, которое приняло решение предпринять в 1942 г. новую попытку военного сокрушения СССР.

Автором замысла летней кампании выступил А. Гитлер. Сохранилось свидетельство генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, сделанное 8 августа 1948 г., в котором он раскрыл ход мыслей фюрера: «1941 год, как известно, кончился для немецкого командования неудачей. Перед Гитлером возникла дилемма — либо преследовать опять цель занятия Москвы, либо начать наступление на юг... Весной 1942 года главным направлением с оперативной точки зрения продолжало оставаться московское. Однако для широкого наступления на Москву не было экономического базиса, и немецкое командование решило поэтому предпринять наступление на юге, чтобы создать эту предпосылку... за счёт захвата Донбасса, Кубани, Кавказа, за счёт захвата руды, нефти и хлеба. Именно экономические цели заставили временно отказаться от наступления на Москву»³.

Документом, определившим планы Вермахта на лето, стала директива верховного командования № 41 от 5 апреля. Цель стратегического наступления заключалась в том, чтобы «окончательно уничтожить оставшиеся ещё в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». Для этого планировалось, «сохраняя положение на центральном участке», овладеть на севере Ленинградом, а на южном крыле осуществить глубокий прорыв на Кавказ⁴ путём последовательных, проведённых без пауз операций, которые именовались в директиве различными фазами плана «Блау». Находившийся в стороне от направления главного удара Сталинград, тем не менее, вниманием не обошли. В директиве говорилось, что «необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжёлого оружия с тем, чтобы он потерял своё значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций»⁵.

Перенос боевых действий на Кавказ сулил увеличение линии фронта, составлявшей на весну 1942 г. беспрецедентные для предшествующих войн около 4,8 тыс. км. При этом по состоянию на 1 мая немецкая сухопутная армия располагала 237,5 расчётными дивизиями, из которых только 181,5 (около 2,9 млн человек) находились на советско-германском фронте⁶. Существенного увеличения числа дивизий не предвиделось, из-за острой нехватки призывного контингента 69 пехотных дивизий групп армий «Север» и «Центр» пришлось перевести с трёхполкового на двухполковой штат. В связи с этим большие на-

³ Абатуров В.В., Португальский Р.П. Харьков — проклятое место Красной армии. М., 2008. С. 41.

⁴ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 320–321.

⁵ Там же. С. 322; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 761–762.

⁶ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 363.

дежды возлагались на войска союзников нацистской Германии. В результате предпринятых немецкой дипломатией усилий из 226,5 дивизий, находившихся на Восточном фронте на 1 мая, 45 принадлежали вооружённым силам прочих стран «Оси». Их численность в течение кампании выросла до 72,5 расчётных дивизий⁷. Только в составе итальянских, румынских и венгерских войск, сосредоточенных на южном крыле фронта, числилось более 650 тыс. человек. Такого количества союзных сил германское командование не имело ни до, ни после Сталинградской битвы.

Общая численность РККА, несмотря на большие потери в ходе зимней кампании, выросла по сравнению с декабрём 1941 г. и составляла 1 мая 1942 г. почти 11 млн человек. В составе действующей армии тогда же насчитывалось 455 расчётных дивизий (почти 5,7 млн человек)⁸. Правда, фактическая численность стрелковых дивизий составляла 6–9 тыс. при штате в 12,8 тыс. человек. С апреля началось формирование танковых корпусов, а с конца мая — танковых армий. Однако из-за нехватки техники (не следует забывать, что зимой 1941/42 гг. цифры военного производства упали до низшей отметки) первые сформированные соединения обладали весьма слабыми боевыми возможностями, что вскоре и проявилось в боях под Харьковом и Воронежем.

Как следствие, большое значение уделялось восполнению стратегических резервов. Если по состоянию на 1 мая 1942 г. в резерве Ставки ВГК находились всего 2 армии, кавалерийский и танковый корпуса, то к 1 июля — 11 армий, 6 танковых и кавалерийских корпусов⁹. Именно отсутствие подготовленных резервов стало одной из главных причин неудач РККА на начальном этапе летне-осенней кампании.

Противнику не удалось в полной мере скрыть готовящееся наступление. Так, 23 марта в Ставку поступила информация, добытая разведкой НКВД: «Главный удар будет нанесён на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда — по направлению к Каспийскому морю. Этим путём немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили провести наступление на север вдоль Волги. Немцы этим летом будут стремиться не только выйти к Волге и Каспийскому морю, но и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа»¹⁰.

Таким образом, разведка указала на южное направление, но в то же время говорила о готовящихся «основных операциях» на двух других направлениях. Справедливый вывод о том, что Вермахт не способен, как годом ранее, одновременно наступать везде, не прозвучал. Верховному командованию предстояло самостоятельно интерпретировать это и другие донесения, определить направления главного удара и второстепенных или отвлекающих. Поэтому не удивительно, что верховный главнокомандующий И.В. Сталин и Генеральный штаб РККА оценивали обстановку далеко не однозначно. Они считали, что летом

⁷ Там же. С. 364, 450; Müller R.-D. An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus» 1941–1945. Berlin, 2007. S. 23–112.

⁸ Боевой и численный состав Вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 4. М., 1998. С. 16–17, 19.

⁹ Там же. С. 16; Гланц Д. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной армии. М., 2008. С. 149.

¹⁰ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. М., 1975. С. 112.

противник сможет начать крупное наступление одновременно на двух направлениях — московском и южном. При этом основным, по их мнению, должно было стать именно московское, так как здесь находилась самая крупная вражеская группировка — свыше 70 дивизий¹¹. Несомненно, что определённое влияние на эту оценку оказала небезызвестная «операция “Кремль”» по дезинформации советского командования. Также Ставка не исключала возможность нанесения врагом удара на северокавказском направлении с целью отсечь центр от каспийской нефти и поставок союзников через Иран. Однако, по мнению Генштаба, такой удар мог носить только второстепенный характер, так как в этом случае большая часть советских войск оставалась вне воздействия противника.

В конце марта прошло совместное совещание Ставки ВГК и Государственного комитета обороны. На нём Б.М. Шапошников изложил мнение Генштаба о целесообразности перехода к временной активной обороне, сосредоточения основных стратегических резервов на западном направлении и частично в районе Воронежа¹². Однако эти доводы не приняли во внимание. Согласно свидетельству Г.К. Жукова, совещание закончилось указанием Сталина подготовить и провести в ближайшее время наступательные операции в районе Харькова и в Крыму¹³. Их результат хорошо известен: к 26 июня советские войска отступили на левый берег р. Оскол. В этих боях оказались израсходованы немногочисленные резервы Юго-Западного фронта, что значительно осложнило обстановку накануне генерального наступления немцев.

Несмотря на череду крупных неудач, планы советского командования в целом сохраняли наступательную направленность. На избранный способ действий не повлияло и получение разведкой 19 июня документов о первой фазе операции «Блау»¹⁴. Это объяснялось не только стремлением добиться решения конкретных оперативных задач, но и желанием затруднить противнику формирование ударных группировок за счёт переброски войск со спокойных участков фронта. В результате удар противника пришёлся по оперативному построению советских войск, готовившихся к наступлению, а не к обороне.

28 июня оперативная группа «Вейхс», куда входили войска немецких 2-й полевой и 4-й танковой армий, нанесла удар на смежных флангах 13-й и 40-й армий Брянского фронта. 3 июля в окружение попали основные силы 40-й и 21-й армий, а 6 июля немецкие войска вошли в пригороды Воронежа, что ознаменовало успешное завершение первой фазы наступления¹⁵. В тот же день, посчитав, что задачи на этом направлении выполнены, германское командование приступило к осуществлению второй фазы — операции «Клаузевиц». Она завершилась 24 июля разгромом главных сил Юго-Западного и Южного фронтов и захватом плацдармов на нижнем течении Дона, с которых противник мог развивать дальнейшее наступление на Кавказ¹⁶.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 16а, оп. 1032, д. 21, л. 32–33.

¹² *Василевский А.М.* Некоторые вопросы руководства вооружённой борьбой летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 15.

¹³ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 61.

¹⁴ Русский архив. Т. 16(5–2). Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год / Сост. А.М. Соколов и др. М., 1996. С. 257.

¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. М., 2010. С. 383.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 249.

Крупный успех Вермахта затмил ряд важных событий, которые сыграли немаловажную роль в ходе военных действий. Одним из них стало принятое 13 июля Гитлером решение о повороте главных сил наступавших 1-й и 4-й танковых армий со сталинградского на ростовское направление. Речь, естественно, не шла об отказе от захвата Сталинграда. Из-за ожесточённого сопротивления РККА войск для одновременного наступления на обоих направлениях не хватало. Стараясь окружить крупную советскую группировку в районе Миллерово, фюрер допустил стратегическую ошибку, остановив наступление в тот момент, когда у советского командования не имелось достаточных сил для обороны Сталинграда¹⁷.

За этим просчётом последовал следующий, обусловленный головокружением от успехов и верой в то, что с организованным сопротивлением на южном крыле фронта покончено. 23 июля германское командование направило войскам директиву № 45. К тому моменту группу армий «Юг» разделили на группы армий «А» и «Б», отвечавшие за действия на различных операционных направлениях. И если группа «А» должна была продолжить наступление на Кавказе, то группа «Б» — овладеть Сталинградом и разгромить сосредоточенную на подступах к нему советскую группировку¹⁸. Поскольку единственным немецким объединением этой группы первоначально являлась 6-я армия Паулюса, ей и предстояло выполнить данный замысел.

Следует отметить, что решение Гитлера наступать на двух разобщённых направлениях подверглось критике в Генеральном штабе сухопутных войск Германии. Его начальник Ф. Гальдер считал, что данное решение приведёт к распылению сил и поставит под сомнение достижение целей кампании. Конфликт между Гитлером и Гальдером завершился отставкой последнего в сентябре, в тот момент, когда его предостережение начало сбываться.

Советская сторона оценивала возможность вражеского наступления на Сталинград как весьма вероятную. Ещё 12 июля Ставка создала Сталинградский фронт, который возглавил С.К. Тимошенко. В его состав вошли три армии из резерва Ставки (7-я, 5-я и 1-я, переименованные соответственно в 62-ю, 63-ю и 64-ю), а также остатки четырёх разбитых армий бывшего Юго-Западного фронта. Перед ним поставили задачу «прочно занять Сталинградский рубеж западнее р. Дон и ни при каких условиях не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда»¹⁹. Общая протяжённость фронтовой полосы составляла 530 км по Дону от Павловска до Верхне-Курмоярской. Наличных сил для организации надёжной обороны не хватало, к тому же соединения 64-й армии находились в районе Рязани и им только предстояло передислоцироваться к Сталинграду.

Тем не менее, оценивая обстановку, представитель Генштаба П.И. Бодин, временно исполнявший обязанности начальника штаба фронта, обратил внимание, что главный удар противник наносит на Кавказ, а сталинградское направление для него является второстепенным. С учётом выгодного положения войск он настаивал на активных действиях: нанесении ударов во фланг и тыл наступавшей на Кавказ группировке противника. Кроме того, военный совет фронта понимал, что занимаемый рубеж невыгоден для организации обороны.

¹⁷ Дёрр Г. Поход на Сталинград. М., 1957. С. 22–23.

¹⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 325–326.

¹⁹ Русский архив. Т. 16(5–2). С. 302.

Предлагалось выдвинуть сильные передовые отряды на рубеж по рекам Чир и Цимла с их более благоприятной для создания обороны местностью, а затем сосредоточить там главные силы 62-й и 64-й армий. Эти идеи Тимошенко доложил в Ставку, которая поддержала их²⁰.

Анализируя ход Сталинградской битвы и всей летне-осенней кампании, можно утверждать, что данное решение оказало огромное влияние на ход событий. Выдвижение целого советского фронта на фланг наступавшей на Кавказ группировки явилось для германского верховного командования неприятным сюрпризом. Поставленная 6-й армии задача образовать рубеж прикрытия по Дону и с ходу выйти к Сталинграду становилась невыполнимой без значительного усиления.

Как следствие, в дополнение к уже наступавшим на сталинградском направлении восьми пехотным дивизиям 6-й армии 17–24 июля из группы армий «А» и резерва главного командования в распоряжение Паулюса перешли четыре пехотных, две танковые и моторизованная дивизии²¹. Оборонительная операция Сталинградского фронта началась 18–21 июля боями передовых отрядов 62-й армии на р. Чир. Хотя противник не имел в районе Сталинграда общего превосходства, он оказался сильнее непосредственно на линии боевого соприкосновения, и к тому же владел господством в воздухе и инициативой. Однако уже на первом этапе операции – боях в большой излучине Дона – советские войска оказали ожесточённое сопротивление и нанесли ряд сильных контрударов. Этому способствовало то обстоятельство, что для усиления фронта Ставка с 25 по 31 июля передала ему 11 стрелковых дивизий, 4 танковых корпуса и 8 отдельных танковых бригад²².

Итоги июльских боёв и данные разведки убедили германское командование в том, что в сложившихся условиях одной, пусть даже усиленной 6-й армии для овладения Сталинградом недостаточно. 30 июля Гитлер принял решение переподчинить группе армий «Б» все силы 4-й танковой армии (6 пехотных, танковая и моторизованная дивизии). Основные усилия немецких войск переносились с кавказского направления на сталинградское. В связи с этим в тот же день начальник штаба Вермахта А. Йодль дальновидно подметил, что «судьба Кавказа будет решена под Сталинградом»²³.

Справедливость этого мнения можно проиллюстрировать следующими цифрами. На 25 июля командование группы армий «А» располагало 38 дивизиями (в том числе 5 танковыми и 5 моторизованными). В наступлении с плацдармов на Дону приняли участие только 10 дивизий, в то время как остальные в течение недели оставались севернее, приводя себя в порядок и ожидая доставки горючего. Затем 16 дивизий отправились под Сталинград, а 12 использовались для наращивания усилий на северокавказском направлении. К 1 сентября из подвижных войск в составе группы «А» осталось только три танковых и три

²⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 350–351.

²¹ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших её сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 2. М., 1956. С. 91.

²² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции... Т. 1. С. 418.

²³ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. 3. Frankfurt a/M., 1963. S. 493.

моторизованных дивизии, чего явно не хватало для овладения всем Кавказом²⁴. Вновь создать тут достаточную по силе ударную группировку представлялось возможным только после овладения Сталинградом и возвращения переданных туда войск.

В августе — начале сентября в результате ожесточённых боёв противнику удалось нанести войскам Сталинградского и нового Юго-Восточного фронта поражение, отеснив их на городской обвод, а 23 августа — прорваться к Волге. В этой обстановке германское командование приняло решение провести штурм городских кварталов и полностью уничтожить оборонявшие их советские части. Анализ документов позволяет понять, почему противник, ранее всячески избегавший боёв в городской черте, пошёл на этот шаг. Во-первых, само географическое положение города на берегу такой широкой водной преграды, как Волга, не давало возможности произвести обычный в таких случаях манёвр — обойти его и взять защищавшие его войска в клещи. Во-вторых, ожидалось, что захват Сталинграда позволит оборонять рубеж по берегу Волги минимальными силами и высвободит многочисленные немецкие соединения, которые можно будет использовать для нанесения ударов вдоль реки как в южном (астраханском), так и в северном (камышинском) направлениях.

На деле же солдатам Вермахта пришлось ввязаться в ожесточённые уличные бои, в которых они не могли в полной мере использовать превосходство в танках, мобильности и средствах огневого поражения. Как писал бывший немецкий генерал Г. Дёпп, «километр как мера длины был заменён метром, карта генерального штаба — планом города. За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточённая борьба, которая не имела себе равных даже в период Первой мировой войны с её гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону»²⁵.

Уличные бои не прекращались в течение двух месяцев. Несмотря на стойкость и массовый героизм, проявленные войсками Юго-Восточного фронта, позже переименованного в Сталинградский, противнику ценой чувствительных потерь 13—14 сентября удалось прорваться к Волге в районе посёлка Курпоросное, на стыке 62-й и 64-й армий. Соединения 62-й армии В.И. Чуйкова попали в окружение, связь с ними могла осуществляться теперь только в ночное время кораблями и судами Волжской военной флотилии. По этому пути прижатая к берегу реки армия получала резервы и снабжение. Днём движение по Волге и удерживаемому району города прекращалось, поскольку всё пространство просматривалось немецкими наблюдателями-корректировщиками артиллерийского огня.

И в Сталинграде, и на внешнем кольце блокады города (по Дону) советские войска регулярно контратаковали в соответствии с многочисленными указаниями Ставки. Так, директива от 5 октября приказала «отеснить противника

²⁴ Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 371; Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке... Вып. 2. С. 110.

²⁵ Дёпп Г. Указ. соч. С. 56.

от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал... Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость». И далее: «Требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена»²⁶.

Упорство обороны и контратак заставляло командование противника постоянно пополнять войска за счёт других участков фронта. В общей сложности с 23 июля до середины ноября на сталинградское направление оказались переброшены 30 дивизий и 3 бригады²⁷. Одновременно происходила перегруппировка сил и внутри самой группы «Б». Так, во второй половине сентября оборонительные позиции по берегу Дона между станицами Вёшенская и Клетская перешли к 3-й румынской армии, а высвободившиеся немецкие соединения использовались для нового штурма города. В октябре ценой значительных потерь противнику удалось овладеть районом заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». Территория, которую удерживала 62-я армия, к тому времени резко сократилась, имея глубину от 100 м до 2,5 км. Сам командный пункт Чуйкова находился всего в 800 м от передовой. В итоге силы армии оказались расчленены на несколько изолированных плацдармов и прижаты к реке, но ликвидировать их противник так и не смог²⁸. Темп наступления снижался с каждым днём. Если в сентябре немецкие части проходили по городским кварталам в среднем 250 м в сутки, то в октябре — уже не более 60 м, а в середине ноября продвижение фактически прекратилось²⁹.

В течение сентября и октября войска Донского и Сталинградского фронтов неоднократно переходили в наступление с целью восстановления сухопутной связи с 62-й армией, но терпели неудачу. Однако эти действия способствовали истощению сил противника, что привело к принятию весьма важного решения. Ещё 14 октября, т.е. более чем за месяц до начала операции «Уран», командованию Вермахта пришлось отдать «Оперативный приказ № 1» о переходе к обороне по всему Восточному фронту за исключением непосредственно Сталинграда³⁰. Таким образом, не последующее контрнаступление советских войск, а именно их героическая оборона поставила крест на планах по овладению Кавказом. Кроме того, действия войск Сталинградского и Донского фронтов привели к тому, что большинство немецких соединений группы «Б» оказались стянуты в район Сталинграда, а на их флангах оказались намного более слабые в боевом отношении войска румын и итальянцев. Всё это составило предпосылки к успешному контрнаступлению.

На следующем этапе битвы — во время стратегической наступательной операции «Уран» — главные события развернулись на значительном удалении от города, однако они нацеливались на окружение и ликвидацию находившейся в районе Сталинграда вражеской группировки. Хотя история зарождения и разработки плана операции до настоящего времени является предметом дискуссии среди военных историков³¹, в целом считается установленным, что

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 185–186.

²⁷ Стратегический очерк Великой Отечественной войны... С. 405.

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 287.

²⁹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны... С. 405.

³⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма.... Т. 2. С. 328–329.

³¹ См: *Кольянов Г.Г.* «Марс», оказавшийся в тени «Урана» // Независимое военное обозрение. 2005. № 46; *Гареев М.А.* Домыслы и факты об истории Великой Отечественной. Операция

Генштаб его разработал в конце сентября — начале октября на основе предложений Жукова и Василевского.

Предметом ещё больших споров является оценка роли и места «Урана» в замыслах советского верховного командования на зимнюю кампанию 1942/43 гг. Не вызывает сомнения, что общей военно-политической целью виделся захват стратегической инициативы с последующим проведением серии разнесённых по направлениям, но связанных по срокам стратегических наступательных операций. Их итогом виделось достижение коренного перелома в войне и начала массового изгнания врага за пределы Советского Союза³². Однако конкретное содержание этих планов не известно. На сегодняшний день не введены в научный оборот не только документы стратегического планирования зимней кампании, но и директивы Ставки о проведении группами фронтов операций, в частности «Урана» и «Марса». В ходе последней предусматривалось окружение войск группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском выступе. Традиционно в отечественной историографии она показывалась в качестве второстепенной, обеспечивающей по отношению к первой. Так, Василевский назвал «Уран» «главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года», а операцию «Марс» — отвлекающей³³. Однако документы, введённые в научный оборот в последнее время, свидетельствуют, что «Марс» готовился с начала октября, а не с середины ноября, как это следует из мемуаров Жукова и Василевского, т.е. если не раньше, то по меньшей мере одновременно с «Ураном»³⁴. Не соответствует масштабам «отвлекающей» операции и распределение сил и средств по стратегическим направлениям (см. табл.).

Таблица

Распределение сил и средств Красной армии на Западном и Юго-Западном стратегических направлениях по состоянию на 1 ноября 1942 г.

	Западное направление (Калининский и Западный фронты)	Юго-Западное направление (Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты)
Расчётные дивизии	173	107,5
Численность личного состава, тыс. человек	1 322	782
Орудия и миномёты, тыс. шт.	32,2	22
Танки, шт.	3 246	1 550
Боевые самолёты, шт.	2 139	1 529

Составлено по: Боевой и численный состав Вооружённых Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 5. М., 1996. С. 75–98, 108–122.

Также обращают на себя внимание сроки перехода войск в наступление. В окончательном варианте для «Урана» они назначались на 19–20 ноября, для «Марса» — 25 ноября. Создаётся впечатление, что первая операция должна была сыграть роль приманки, которая бы заставила командование противника

«Марс» как пример нескончаемой полемической битвы // Независимое военное обозрение. 2006. № 14.

³² Стратегический очерк Великой Отечественной войны... С. 454.

³³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 3. М., 1978. С. 223.

³⁴ Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции «Марс» 1942 г. / Пер. с англ. У.В. Сапциной. М., 2006. С. 404–405.

перебросить резервы с центрального на юго-западное стратегическое направление, что облегчило бы проведение второй. На практике этого не случилось, поскольку противник заблаговременно вскрыл подготовку наступления против Ржевского выступа. Напротив, германское командование не ожидало масштабного советского наступления на южном крыле фронта, считая, что у Красной армии для этого недостаточно сил. Ожидался удар с плацдарма в районе Серафимовичей в направлении Ростова-на-Дону, который готовились парировать. Сосредоточение советских войск перед фронтом 4-й румынской армии южнее Сталинграда заметили лишь накануне наступления, что не позволило переоценить обстановку и принять контрмеры³⁵.

Как известно, в результате прекрасно осуществлённого контрнаступления в течение 19–22 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов вышли к Дону и на следующий день встретились у Калача, замкнув кольцо окружения вокруг 6-й армии. Внутри кольца оказались 22 дивизии и 160 отдельных частей немцев и их союзников общей численностью 330 тыс. человек. Во фронте противника образовалась огромная брешь шириной более 300 км, создалась угроза отсечения всей северокавказской группировки³⁶. Успеху операции способствовали правильный выбор участков прорыва, пришедшихся на румынские войска, отсутствие у противника достаточных оперативных резервов в глубине обороны, а также возросшие боевые возможности новых советских танковых и механизированных корпусов, которые могли осуществлять наступление на глубину до 150–200 км.

Несмотря на крупную неудачу, Гитлер не пожелал отвести 6-ю армию от Сталинграда — города, о важности захвата которого говорилось в его обращении к немецкому народу 8 ноября. Вместо этого он решил деблокировать окружённую группировку ударами извне и восстановить линию фронта по Дону и Волге. Для этого была создана группа армий «Дон» под командованием Э. фон Манштейна. На её усиление с других участков фронта и из Западной Европы перебросили десять дивизий, в том числе три танковые. В результате проведённой 12–22 декабря операции «Зимняя гроза» немецкая группировка приблизилась к 6-й армии на 35–40 км, но героическое сопротивление бойцов и командиров 51-й и 2-й гвардейской армий остановило её³⁷. Одновременно с этим в результате операции «Малый Сатурн» потерпела сокрушительное поражение 8-я итальянская армия. За десять дней наступления, начиная с 16 декабря, советские войска продвинулись вперёд на 250–300 км, глубоко охватив левый фланг немецкой группировки. Попытка перевести часть подразделений на него привела лишь к изменению баланса сил в пользу РККА. Утром 24 декабря войска левого крыла Сталинградского фронта перешли в наступление, разгромили деблокирующую группировку врага и к концу декабря отбросили её на 200 км³⁸. Попытка немецкого командования восстановить положение в районе города была окончательно сорвана.

Судьба окружённых под Сталинградом войск «Оси» решилась в январе 1943 г. Положение 6-й армии резко ухудшилось. Занимаемая ею территория простреливалась артиллерией, запасы боеприпасов, горючего и продоволь-

³⁵ Das Deutsche Reich... Bd. 6. S. 1012–1014.

³⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 382.

³⁷ Там же. С. 390; *Куманёв Г.А.* Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы и материалы. М., 2007. С. 105.

³⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны... С. 468.

ствия практически исчерпались. Организовать снабжение по воздуху помешали советские авиация и войска ПВО, а также удары по аэродромам. Утром 10 января началась операция «Кольцо». К исходу 25 января окружённые войска оказались зажаты на территории, протяжённость которой с севера на юг составляла 20 км, а с запада на восток — не более 3—4 км. К исходу следующих суток группировку расчленили на две части. Противник начал сдаваться в плен группами и даже целыми соединениями. 31 января ликвидирована южная группа, её остатки во главе с Паулюсом, накануне произведённым Гитлером в генерал-фельдмаршалы, сдались в плен. 2 февраля операция завершилась ликвидацией северной группы. Всего с 10 января по 2 февраля попали в плен 91 тыс. вражеских военнослужащих, в том числе свыше 2,5 тыс. офицеров и 24 генерала³⁹.

В результате контрнаступления под Сталинградом советские войска достигли крупнейшего стратегического успеха. Общие потери противника превысили полмиллиона человек, он лишился огромного количества вооружения и боевой техники. Потери РККА также оказались довольно значительными, но её войска не утратили боеспособности, что продемонстрировали последующие операции зимней кампании 1942/43 гг. Обстановка на южном крыле советско-германского фронта коренным образом изменилась, стратегическая инициатива перешла в руки Красной армии⁴⁰. Тем временем операция «Марс» окончилась крупной неудачей и её на долгие десятилетия вычеркнули из официальной истории Великой Отечественной войны.

Совершив немало серьёзных ошибок в период подготовки и в начале летне-осенней кампании 1942 г., советское командование сумело избежать их повторения впоследствии. Сделав ставку на сосредоточение сил у Сталинграда, а затем на его упорную оборону, оно смогло навязать противнику наименее выгодные для него способ и направление действий. Это не только предопределило неудачу Вермахта в достижении целей летне-осенней кампании, но и создало выгодные предпосылки для контрнаступления. Германское командование, напротив, в ходе кампании допустило ряд просчётов, предопределивших катастрофу 6-й армии.

³⁹ Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 г. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 295.

⁴⁰ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кампании и стратегические операции... Т. 1. С. 488.

На пути к Сталинграду: события 1942 г. в контексте битвы

Сергей Кудряшов

On the way to Stalingrad: the events of 1942 in the context of the Battle

Sergey Kudryashov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030021, EDN: EPNVXO

Современная литература о Сталинградском сражении обширна и разнообразна, однако некоторые прямо или косвенно связанные с этим событием вопросы изучены недостаточно. К ним, в частности, относится его контекстуализация — вписывание в более широкую тематическую и хронологическую канву. Особенно большой интерес представляют военные действия, развернувшиеся весной—летом 1942 г. на южном театре советско-германского фронта. Они оказали существенное влияние на условия и обстоятельства битвы на Волге, во многом определившей исход Второй мировой войны.

В советской историографии этим боевым действиям не уделялось должного внимания, поскольку они оказались в тени исторической победы под Сталинградом, а преследовавшие РККА в то время крупные неудачи относились к «неудобным» темам, которые старались не афишировать. Лишь после 1991 г., в связи с деидеологизацией науки и приоткрытием архивов, появилась возможность для более объективного исследования этого периода войны¹. Тем не менее дальнейшее изучение темы на основе введения в оборот новых источников и переосмысления фактов с высоты современного знания по-прежнему актуально. Задача данной статьи — обратить внимание на некоторые малоизвестные аспекты и наметить перспективы изучения военных действий 1942 г., что позволит создать более объёмную картину кануна и начального периода Сталинградской битвы.

На примере дискуссии вокруг авторства и обстоятельств разработки планов наступательных действий РККА хочу обратить внимание на важность тщательной перепроверки данных, особенно содержащихся в источниках личного происхождения. К примеру, в литературе часто встречается ссылка на решения Ставки ВГК и заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1942 г., на котором якобы обсуждались планы военных действий. Многие авторы опираются на мемуары Г.К. Жукова, утверждавшего, что он едва ли не единственным среди военачальников в начале января, а затем и в марте 1942 г. выступал перед руководством страны с планами наступления, но к его доводам не прислушались, а начальник Генштаба Б.М. Шапошников «отмолчался»².

© 2023 г. С.В. Кудряшов

¹ См., к примеру: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1998.

² Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 355; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 278. В предисловии к этому, последнему советскому изданию мемуаров отмечалось, что они представляют собой наиболее полную версию, так как издательство Агентства печати «Новости» восстановило фрагменты текста, ранее удалённые цензурой, «по руко-

Доступные ныне источники позволяют проверить эту версию. Так, не подтверждается отсылка к упомянутому заседанию Политбюро, на котором, как выясняется, решались только кадровые вопросы, а Жуков на нём не присутствовал. Судя по опубликованным журналам посещений И.В. Сталина, тот в январе 1942 г. Жукова не принимал вообще. Более того, у Сталина в том месяце не были ни Шапошников, ни Н.А. Вознесенский³, на присутствие которых военачальник ссылаясь. Много нестыковок и в отношении марта того же года. Известно, что Шапошников тогда посетил Сталина девять раз, Жуков — два, но, как видно из журнала посещений, они ни разу не заходили в кабинет вместе. Поэтому неясно, когда именно Шапошников в присутствии Жукова «отмалчивался»⁴.

Открытые архивы Ставки свидетельствуют, что не только Жуков, но и большинство командующих фронтами активно поддерживали идею решительных наступательных действий в начале и на протяжении 1942 г.⁵ Разумеется, многие рассчитывали, что именно их фронт получит необходимое усиление и резервы. Настроения неизбежной и скорой победы поощрял и Сталин. Сначала это выглядело скорее как демонстрация воли одолеть врага и средство поднятия духа войск и населения⁶. Однако после победоносного контрнаступления под Москвой вера в близкий крах нацистского режима переросла в твёрдое убеждение, что враг исчерпал резервы и деморализован, а значит, можно закончить войну уже в 1942 г. «Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержат напор Красной армии»⁷, — утверждал Сталин в приказе № 55 от 23 февраля.

Переоценка собственных возможностей и недооценка сил противника привели к выработке политическим и военным руководством СССР стратегии, основанной на проведении серии крупных наступательных операций на разных фронтах. Возникла опасность повторения ситуация лета—осени 1941 г., когда советским войскам приходилось атаковать и контратаковать без тщательной подготовки — знания обстановки, соответствующей артиллерийской и воздушной поддержки, а часто и необходимого превосходства в живой силе и технике. В итоге ни одно из крупных и локальных наступлений не привело к существенным результатам. Позднее А.М. Василевский тактично заметил, что «верховное главнокомандование недостаточно точно учло реальные возможности Красной армии»⁸.

Нельзя, однако, согласиться с Василевским и Жуковым, а вслед за ними и с другими авторами, которые характеризовали серию крупных наступательных операций как «частные», вероятно, принизив масштаб и предполагаемую

писи автора». Однако проверить это не представляется возможным, поскольку рукопись в архивах не обнаружена.

³ По словам полководца, именно они выступали на совещании, но протокол этого совещания неизвестен.

⁴ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 358—360. Можно предположить, что главнокомандующий сам поехал на встречу к Жукову, однако это маловероятно и не имеет документальных подтверждений.

⁵ Свидетельства такого рода см.: Русский архив. Т. 16(5—2). Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год / Сост. А.М. Соколов и др. М., 1996.

⁶ См., например, речь на параде 7 ноября 1941 г.: Правда. 1941. 8 ноября.

⁷ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 44. Мысль о слабости противника высказывалась им неоднократно на протяжении всего 1942 г.

⁸ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 184.

значимость по причине их неудач. Достаточно сказать, что РККА потеряла тогда более 2 млн человек убитыми, пропавшими без вести и пленными, что составило без малого 40% от общей численности действующей армии на апрель–май того года⁹. Многочисленные, но, как правило, плохо подготовленные и безрезультатные наступления локального уровня тоже требовали немалых сил, распыляя и истощая людские и материальные ресурсы.

Неудачи порой объяснялись катастрофическим дефицитом боеприпасов, а также острой нехваткой личного состава. В январе 1942 г. к 155-мм миномётам «на круг» имелось всего 3% от необходимого боекомплекта, к 82-мм — 55%, а по всей артиллерии — 44%. То же самое касалось и состояния арсенала бронетанковых войск. К тому же после тяжелейших боёв первого периода войны 40–60% танков оказались неисправны. Не хватало средств эвакуации и ремонтных баз. В апреле военный совет Западного фронта докладывал, что войска обеспечены пулемётами-пистолетами и противотанковыми ружьями всего на 26%, ручными пулемётами — на 28%, малокалиберной зенитной артиллерией — на 50%, 122-мм миномётами — на 40%, противотанковыми пушками — на 35%, 76-мм пушками дивизионной артиллерии — на 65%, а стрелковые дивизии укомплектованы личным составом только на 50–70%¹⁰.

Казалось бы, первые крупные неудачи могли послужить хорошим уроком и побудить скорректировать планы, но этого, к сожалению, не произошло. Ставка в лице Сталина и Генштаб в лице Василевского не без участия многих командующих фронтами продолжали в ультимативной форме подстёгивать войска. Это привело к крупным поражениям, кардинально повлиявшим на ход событий. Такое упорство, вероятно, отчасти объяснялось намеренной дезинформацией врага об огромных потерях и плачевном состоянии Вермахта, которая по различным каналам попадала в Москву.

Другим фактором, из-за которого политическое руководство страны не располагало полностью достоверной информацией, явилось поступление в первой половине 1942 г. от фронтов, разведслужб, а вслед за ними и Генштаба преувеличенных данных о потерях и измотанности частей «почти побеждённого» противника. 23 октября 1942 г. начальник Совинформбюро А.С. Щербаков направил Сталину записку, в которой на основании суммирования официальных данных обратил внимание, что потери немцев за полтора года войны исчисляются в фантастические 12 млн, а по данным Генштаба — почти в 10 млн человек. Советские потери, соответственно, преуменьшались: убитых — 1 526 712, пленных — всего 23 363, хотя на самом деле к тому времени только в плен попали порядка 4 млн, из которых к моменту написания Щербаковым записки 2,5 млн погибли¹¹. Система, как неоднократно случалось ранее, «подстраивалась» под то, что хотел услышать Сталин.

Особенность ситуации заключалась в том, что руководство Третьего рейха тоже недооценивало мобилизационные возможности СССР и боевые качества РККА. Даже чувствительное поражение под Москвой А. Гитлер и его ближай-

⁹ Там же. С. 189–190; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 275–277. Жуков ссылаясь на Сталина, но из ныне изданных документов Ставки следует, что эти наступления «частными» никто не называл.

¹⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.

¹¹ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 50, д. 450, л. 36–40. В настоящее время данное дело хранится в РГНИИ.

шее окружение восприняли как «случайность» и по-прежнему считали Советский Союз слабым государством, которое неизбежно будет побеждено. Фюрер не обращал внимания на соображения экономистов и штабных аналитиков, предостерегавших от широкомасштабных военных кампаний в глубине СССР. Моральный дух германской армии ещё не был сломлен, однако современные исследования убедительно показывают, что её логистика, материальное снабжение и людские резервы уже находились в состоянии сильнейшего напряжения. К марту 1942 г. Вермахт потерял в боях около 35% своей численности (более 1,1 млн человек). 22 июня 1941 г. армия вторжения имела 3648 танков и тяжёлых орудий, 3319 из них через 9 месяцев оказались безвозвратно выведены из строя. Катастрофически не хватало вагонов и локомотивов, легковых и грузовых машин. Тем не менее Гитлер отмахивался от предостережений, настаивая на том, что если «цель поставлена, то она должна быть выполнена»¹².

Изучив планы фюрера и его штабов, а также протоколы многочисленных совещаний, немецкие историки сделали вывод, что летняя кампания Вермахта имела тот же стратегический изъян, что и план «Барбаросса»: ставку на «блицкриг». За три–четыре месяца предполагалось сокрушить армии на юге СССР и захватить ценные экономические ресурсы. Первоначально Кавказский регион не включался в оперативные планы (так, в плане «Барбаросса» он даже не упомянут), но по мере изменения военной ситуации нацистским чиновникам стало казаться, что кладёзь имевшихся там полезных ископаемых заполучить не так уж сложно. А главное, путём оккупации Кавказа в Берлине планировали сокрушить экономическую мощь Сталина и пополнить нефтяные запасы. В конце мая министр пропаганды Й. Гёббельс впервые заявил, что это война не только за идеалы, но и за полезные ископаемые.

В первую очередь речь шла о нефтяных месторождениях. К моменту планирования летней кампании на долю Германии и её союзников приходилось всего 2% мирового производства нефти, на долю США — 67%, а Советского Союза — около 10%. Приблизительно две трети советской нефти добывалось на Кавказе, поэтому в Берлине считали завоевание нефтеносных районов главной целью очередного наступления. Согласно показаниям Ф. Паулюса на Нюрнбергском трибунале, в узком кругу генералов Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, то буду вынужден прекратить эту войну»¹³. Сталинград упоминался в директивах фюрера, но пока не рассматривался как центральное направление наступления.

Трудно сказать, как сложилась бы обстановка, если бы успешной реализации столь амбициозных планов не способствовали неожиданные даже для противника крупные просчёты советского командования. Так, в Крыму немцам всего за 12 дней, с 8 по 20 мая 1942 г., удалось выбить части РККА, имевшие преимущество в живой силе и технике, с Керченского полуострова. Только в плен там попали 265 тыс. человек¹⁴. Ныне известно, что в ставке Гитлера опасались проводить эту операцию, которая с военной точки зрения казалась авантюрой. Однако командующий 11-й армией Э. фон Манштейн настоял на

¹² Наиболее подробно эти сюжеты изложены историком Б. Вегнером: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6. Stuttgart, 1990.

¹³ Подробнее см.: *Klemann H., Kudryashov S. Occupied economies. An economic history of Nazi-occupied Europe*. L., 2012.

¹⁴ *Рубцов Ю.В.* Трагедия в Крыму в мае 1942 года // *Война и общество. 1941–1945 гг.* В 2 кн. Кн. 1. М., 2004. С. 101–125.

своём, и результаты превосходили все ожидания¹⁵. Керченский разгром во многом предопределил судьбу осаждённого Севастополя: 7 июня немцы начали новое наступление, и в первых числах июля, несмотря на героизм гарнизона, овладели городом¹⁶. Этот успех открыл нацистам дорогу на Кавказ.

Одновременно трагические события разворачивались в районе Харькова. 12 мая развернулось мощное наступление Красной армии, но к нему противник оказался готов, взяв наступающих в огромный «котёл». Специалисты до сих пор спорят о целесообразности этой операции и о возможности спасения окружённых войск¹⁷. Часть авторов склонна придавать особое значение пленению назначенного командующим 48-й армией Брянского фронта А.Г. Самохина. 21 апреля его самолёт, направлявшийся в штаб фронта, был сбит, в результате чего будто бы к немцам попали важные документы о готовящемся ударе советских войск¹⁸. Решение об отмене или прекращении наступления командование не приняло, и к 28 мая сопротивление советских войск оказалось сломлено. По официальным данным, безвозвратные потери Юго-Западного фронта превысили 270 тыс. человек, к которым следует добавить, по немецким данным, ещё порядка 240 тыс. попавших в плен¹⁹. Восполнить колоссальный урон в живой силе и технике в короткий срок было нереально. В результате летом стратегическая инициатива по всему периметру южных границ фронта перешла к противнику.

Как же отреагировало верховное командование на неудачные наступательные действия? Как показывают материалы Ставки, Сталин выражал крайнее недовольство, но по-прежнему требовал наступать. Он обвинял командующих армиями и начальников штабов в бездействии, недисциплинированности, несогласованности, бюрократических методах руководства, непонимании природы современной войны. На совещаниях неоднократно повторял: «Не бойтесь немцев — не так страшен чёрт, как его малюют»²⁰. Критика во многом оказывалась справедливой, а в направлявшихся *post factum* директивах Ставки (их подписывали также Шапошников и Василевский) содержалось немало верных оценок и дельных соображений. Непонятно одно — что мешало Сталину, обладавшему исключительными полномочиями, принимать оперативные меры по исправлению ситуации непосредственно в момент кризиса? Вместо этого он искал виновных в ошибках, хотя немалая доля вины лежала на нём самом.

В условиях крупных неудач 28 июля увидел свет приказ № 227, получивший позднее название «Ни шагу назад!». Его содержание до сих пор вызывает острые споры, но большинство отечественных авторов оценивает его пози-

¹⁵ За взятие Севастополя Гитлер произвёл фон Манштейна в фельдмаршалы и приказал отлить для него специальную медаль.

¹⁶ История Севастополя. В 3 т. Т. 3. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. М.; Севастополь, 2021. С. 461–466.

¹⁷ Семидетко В.А., Шутков З.А. Харьковская катастрофа // Война и общество. 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 126–152.

¹⁸ До назначения на должность командующего Самохин служил в ГРУ и обладал большим объёмом секретной информации, которую не выдал во время допросов. Он находился в концлагере, пережил войну, был репрессирован в СССР, но после смерти Сталина реабилитирован. Следствие не смогло доказать факт его предательства и выдачи секретных документов, ему вернули звание и награды (Хохлов Д.Ю. Армия не дождалась своего командующего // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 62–66).

¹⁹ Fritz S. Ostkrieg. Hitler's war of extermination in the East. Lexington (Kent.), 2011. P. 250–251.

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 2011, д. 26, л. 81–89; ф. 148а, оп. 3763, д. 107, л. 177–184.

тивно. Этот документ отразил не только тенденцию к ужесточению воинской дисциплины, но и стремление руководства переложить ответственность за провалы на фронте на рядовых военнослужащих. Через год после начала войны Сталин в первую очередь видел в армии не героев, а трусов, паникёров и предателей, которых на самом деле было меньшинство. Он утверждал, что многие в тылу начинают терять веру в отступающую армию, которая будто бы «утекает на восток», и предлагал виновных в этом расстреливать на месте. Он также советовал учиться у «фашистов» и приказал формировать штрафные батальоны²¹.

По моему мнению, приказ оказался ненужным и вредным, поскольку создал обстановку страха, подменявшего чувства патриотизма и самопожертвования. Он усиливал произвол и внесудебные расправы, вплоть до расстрела, над десятками тысяч людей, которые на деле могли быть ни в чём не виноваты или совершили мелкие проступки. Приказ этот — порождение сложившейся ещё до войны системы власти, он позволял любому командиру-самодуру преследовать подчинённых и сваливать на них свои просчёты и преступления²².

Необходимо отметить, что его значение для наведения порядка в войсках накануне наступления под Сталинградом в значительной степени мифологизировано. Военное судопроизводство обладало всеми необходимыми инструментами для наказания за любые проступки задолго до его появления. Например, заградительные отряды существовали уже с конца августа 1941 г., а офицеров, не говоря уже о рядовых, в условиях военного времени расстреливали на месте и ранее²³. К примеру, 3 ноября 1941 г. Жуков приказал расстрелять перед строем командира и комиссара 133-й стрелковой дивизии за нарушение его распоряжения об обороне Рузы²⁴. До настоящего времени не появилось убедительных данных о том, что именно летом 1942 г. в Красной армии наблюдался всплеск случаев дезертирства, трусости и паникёрства, а также резкое падение дисциплины. Как следствие, анализ документов не показывает сколько-нибудь заметного повышения дисциплины или сокращения численности перебежчиков, а отступления с оставлением позиций продолжались и после него. Нет и серьёзных исследований об эффективности штрафных батальонов и рот. Сталин ссыался на опыт Вермахта, но историки полагают, что штрафные части не помогли немцам выиграть ни одного сражения. Требуется специальное изучение и вопрос о количестве военнослужащих, казнённых на месте на основании приказа. В целом его влияние на события Сталинградской битвы остаётся дискуссионным.

Стоит указать на ещё один аспект данной проблемы. К сожалению, в СССР не велось исследований о влиянии чрезвычайных условий войны (борьба в окружении, бомбардировки, артиллерийский и миномётный огонь и проч.) на психическое состояние бойцов. На Западе же такие исследования

²¹ Первую публикацию приказа см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

²² К примеру, руководство Ленинградского фронта (А.А. Жданов, М.С. Хозин) в самое трудное для города время (декабрь 1941 г.) утверждало, что больше всего трусов и паникёров «среди высшего командного состава», и просило расстрелять командование 80-й дивизии. Сталин ответил: «Обязательно расстреляйте» (ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 2011, д. 5, л. 191–194).

²³ Расстрелы на месте, в том числе и высших офицеров, санкционировались не менее порочным приказом № 270 от 16 августа 1941 г., подписанным Сталиным. Всех генералов, обвинённых им в трусости и предательстве, впоследствии реабилитировали. Приказ долго оставался секретным. Первую его публикацию см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 10, л. 155.

проводились со времён Первой мировой войны²⁵. И уже к 1940-м гг. учёным стало понятно, что, хотя люди психологически отличаются друг от друга и воспринимают опасность по-разному, тем не менее частично их реакции сходны. Сталина выкладки о естественной реакции организма на крайнюю опасность вряд ли убедили бы, но их смысл заключался в том, что если военнослужащий во время плотного огня или атаки с воздуха прячется в «щель», пытаясь спастись, то это вовсе не означает, что он трус, потенциальный предатель или паникёр. В РККА не обучали солдат войне в окружении, когда они оказывались без питания, боеприпасов, медицинской помощи и т.д., поэтому возможные деструктивные последствия такой ситуации представить несложно²⁶.

Рассматривая военные действия на советско-германском фронте летом и в начале осени 1942 г., не так-то просто ответить на вопрос о направлении главного удара Вермахта. Создаётся впечатление, что немцы сами точно не знали этого, предполагая в значительной мере ориентироваться на оперативную обстановку на фронте. В начале летней кампании несомненный приоритет отдавался Кавказу. Эта цель казалась легко достижимой после побед в Крыму и под Харьковом. Сложнее, как считали в Берлине, будет продвижение в районе Сталинграда. Тем не менее первые успехи на Кавказе настолько вскружили Гитлеру голову, что он разделил свои силы и поставил задачу наступать сразу в двух направлениях — на Закавказье и на Сталинград.

Боевые действия в Кавказском регионе вела группа армий «А» под командованием В. Листа²⁷. Ей противостояла группировка советских войск, насчитывавшая 112 тыс. человек, 120 танков, около 2 200 орудий и миномётов и 130 самолётов. Она уступала противнику в людях в 1,5 раза, в орудиях и миномётах в 2, в танках более чем в 9 и в авиации почти в 8 раз. Понимая, что Главный Кавказский хребет служит хорошим естественным препятствием для любых наступательных операций, немцы решили обойти его с востока и запада, одновременно наступая с севера. Советское командование не планировало оборону на этом направлении, поэтому её пришлось спешно готовить. Однако времени для создания мощных укреплений уже не оставалось, подступы к хребту от Махачкалы до горы Эльбрус прикрытия не имели. Оборонительные сооружения на Тереке, построенные 10-й сапёрной армией, к весне 1942 г. оказались полуразрушенными и использоваться не могли. Перевалы хребта от Эльбруса на запад также не оборудовались в инженерном отношении и войсками РККА не прикрывались²⁸.

²⁵ См.: *Dillon F.* Treatment of neuroses in the field: the advanced psychiatric centre // *The neuroses in War* / Ed. by E. Miller. L., 1940; *Ahrenfeldt R.H.* Psychiatry in the British army in the Second World War. L., 1958; *Harrison M.* Medicine and victory: British military medicine in the Second World War. Oxford, 2004.

²⁶ К примеру, в американской и британской армиях выпускались специальные памятки для солдат и офицеров о том, как вести себя в плену, о чём говорить, что скрывать и проч. Существовали даже специальные награды за достойное там поведение.

²⁷ Ср. директивы германского верховного командования № 41 и № 45 о продолжении наступления: *Битва за Кавказ 1942–1943 гг.* М.; Владикавказ, 2002. С. 299–307.

²⁸ Эти и другие аспекты подробно изложены в одной из лучших работ на данную тему: *Битва за Кавказ 1942–1943 гг.* См. также: *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны // *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М., 2010. С. 438–461; Деятельность Орджоникидзевого (Владикавказского) Комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Владикавказ, 2020.

Как часто происходило и ранее, противник атаковал сразу в нескольких направлениях. Одна группа войск нацелилась на Таманский полуостров с выходом к Новороссийску и Краснодару; другая наступала на Ставрополь и Майкоп, планируя в дальнейшем завладеть Орджоникидзе (Владикавказом), Грозным и достичь Баку; третья двигалась вдоль черноморского побережья на Туапсе и Сочи, чтобы затем захватить Сухуми, Батуми и выйти к Тбилиси. Удачно маневрируя, концентрируя войска и бронетехнику на направлении главных ударов, гитлеровцы оттеснили советские войска и захватили большие территории, включая такие важные города, как Ставрополь (5 августа) и Краснодар (12 августа). В Берлин посыпались победные реляции о «крахе русских» и быстром «завоевании» Кавказа. Однако очень скоро тональность посланий изменилась, в них появились тревога и неуверенность. Что же произошло?

Несмотря на захват территории, враг повсеместно столкнулся с ожесточённым сопротивлением. Оно не останавливалось и не ослабевало. Вопрос о возможности поражения или капитуляции в Кремле не обсуждался: немцев требовалось измотать, остановить и уничтожить. На южных рубежах фронта применялись те же средства и методы, что и в центральных регионах России, Белоруссии и на Украине. Только в Краснодарском крае и Северной Осетии в тылу группы «А» действовали 142 партизанских отряда и группы, которые постоянно наносили чувствительные удары по вражеским коммуникациям, штабам и тыловым объектам.

Оборонительные бои на Кавказе продолжались более пяти месяцев. Гитлеровцам не удалось преодолеть упорное сопротивление советских войск, овладеть нефтяными ресурсами Грозненского и Бакинского районов, а также другими источниками ценного стратегического сырья. Кроме того, провалились замыслы выйти к границам Турции и Ирана и перерезать важные пути доставки через Иран товаров по ленд-лизу. Считается, что уже в октябре Гитлер смирился с крахом очередного блицкрига. Какое-то время он ещё надеялся на успех, затем дал команду бомбить нефтяные промыслы в Чечне и Баку, а 28 декабря под давлением Генштаба подписал директиву о постепенном отступлении из региона.

В боях на Северном Кавказе участвовали войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов при поддержке Черноморского флота, Азовской и Каспийской военных флотилий. Сражения имели большое стратегическое значение, поскольку проходили одновременно с битвой под Сталинградом. Ставка, умело пользуясь резервами, чередуя оборону с контратаками, не позволила распылившему силы противнику существенно усилить ни одну из своих группировок. Героически обороняясь, Кавказ помог осуществить победоносное контрнаступление под Сталинградом²⁹.

Рассекреченные документы Ставки и Генштаба показывают, что тяжёлые поражения весны—лета 1942 г. не прошли даром. Методы руководства и качество подготовки операций постепенно менялись в лучшую сторону. Сталин стал ежедневно получать подробную информацию о положении на фронтах.

²⁹ Битва за Кавказ стала одной из самых продолжительных за годы Великой Отечественной войны — она длилась 442 дня (с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г.). В течение 15 месяцев шли тяжелейшие сражения на фронте от Чёрного до Каспийского морей, в донских и ставропольских степях, на море и в воздухе, в лесах и горах. Со временем историки пришли к выводу, что эти кровопролитные бои имели стратегическое значение и во многом способствовали победам под Сталинградом и Курском.

О многих недостатках ему писали простые солдаты и офицеры. Все операции, включая неудачные, анализировались в Генштабе. Специалисты обращали внимание на неудовлетворительную подготовку наступлений, плохую работу разведки, слабое обеспечение связью и, как следствие, незнание обстановки, несвоевременную постановку боевых задач и медлительность в их исполнении, острую нехватку горючего, танков, машин, боеприпасов и обмундирования, плохую слаженность (тогда говорили «сколоченность») во взаимодействии войск, недостаточную поддержку с воздуха, отсутствие оборудованных оборонительных рубежей, неудовлетворительную работу тыловых учреждений, случаи грубого обращения командиров с подчинёнными, включая рукоприкладство, непонимание рядом командиров национальной и культурной специфики региона (к примеру, на Кавказе)³⁰.

Со своей стороны, нацисты целенаправленно стремились посеять вражду между народами России, Белоруссии, Прибалтики, Украины и Кавказа, представителями разных конфессий и религий, разжечь ненависть и направить её против Красной армии и русских. На Кавказе с этой целью действовали специальные структуры — полк особого назначения «Бранденбург», особый отряд «Бергман» («Горец») и абвергруппы 101 и 114³¹. Важно иметь в виду, что расовый и человеконенавистнический подтекст войны не исчез, нацисты ежедневно убивали советских граждан и планировали в дальнейшем истребить десятки миллионов человек. Более того, под влиянием растущего сопротивления политика немецких властей радикализировалась³². Уничтожению теперь подлежали не только евреи, коммунисты и комиссары, но и этнические русские³³. Хотя значительная часть еврейского населения, проживавшего в западных районах СССР, к тому времени уже погибла, антиеврейские «акции» продолжались на всех оккупированных территориях и в 1942 г.³⁴

Стремясь нанести максимальный урон живой силе, Гитлер возлагал особые надежды на массированное применение кассетных осколочных бомб, специально разработанных для войны против СССР³⁵. В 1942 г. фюрер в узком кругу соратников неоднократно обсуждал возможность использования химического оружия, но в итоге отказался от этой идеи, опасаясь масштабных ответных мер союзников против городов Германии. Тем не менее в ряде случаев на советско-германском фронте нацисты ядовитые газы всё-таки применяли — к примеру, в Крыму против партизан и красноармейцев, скрывавшихся в катакомбах.

³⁰ См., в частности: Краткий обзор операций, проведённых на фронтах в сентябре 1942 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2010. С. 184–189.

³¹ *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М., 2021. С. 33–48, 221–238. См. также: *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999.

³² Именно в 1942 г. разрабатывался план «переселения народов» («Ост»).

³³ «Уничтожить как можно больше русских» // Источник. 1998. № 2. С. 74–75; «Без срока давности»: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М., 2020.

³⁴ *Дюков А.Р.* Народная война. Партизаны против карателей. М., 2017; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945. М., 2002; *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000.

³⁵ Управление ВВС РККА подготовило специальную брошюру о немецкой бомбе SD-2, которую разослали во все сапёрные подразделения.

В целом, 1942 г. стал для Советского Союза не менее тяжёлым, чем 1941-й. Под оккупацией оказались новые обширные территории. Вследствие неудачных наступательных действий РККА погибли или попали в плен сотни тысяч советских солдат, а Вермахт перехватил инициативу, рассчитывая на блицкриг. Однако немцы столкнулись с неизбежными при ведении войны вдали от своих границ и баз снабжения проблемами в логистике, а Красной армии в упорных боях удалось навязать противнику свою тактику. Первую группировку немцев остановили в декабре в предгорьях Главного Кавказского хребта, вторая подошла к Сталинграду, вокруг которого развернулось грандиозное сражение, ставшее началом конца нацистской Германии.

Сталинградская битва: некоторые актуальные вопросы изучения

Matthias Uhl

The Battle of Stalingrad: some topical issues of study

Matthias Uhl

(Germany)

DOI: 10.31857/S2949124X23030033, EDN: EPONXR

Сталинградская битва за 80 лет, прошедших со времени её окончания, обросла солидной историографией. Это неудивительно, ведь результаты сражения на Волге оказали огромное воздействие на ход Второй мировой войны. За последние годы появились работы, которые рассматривают битву и её последствия с новых позиций, например, в рамках антропологического подхода. Особо отмечу книгу «Сталинградские протоколы» Й. Хелльбека — немецкого историка, ныне преподающего в США. Работа основана на хранящихся в Научном архиве ИРИ РАН материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, сотрудники которой сумели по горячим следам записать сотни интервью с советскими солдатами и офицерами¹. Сохранённые в стенограммах впечатления «от первого лица» несут большой эмоциональный заряд. Их исключительная ценность состоит в том, что они дают представление о событиях, интерпретации которых ещё не были сформированы советской пропагандой и более поздней культурой памяти.

В немецкой историографии сохраняется ярко выраженный германоцентричный подход². Военные исследования мало подвержены влиянию современных тенденций. В них по-прежнему доминирует история сражений, которая концентрирует внимание на стратегических и оперативных решениях высшего командования. Историки сравнительно редко решаются заглянуть на передовую и проследить, что означали отданные приказы для солдат и гражданских лиц в зоне боевых действий³.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвящённых разным вопросам Сталинградской битвы, до сих пор недостаточно изучены некоторые важные аспекты, имеющие отношение к ходу и результатам боевых действий.

© 2023 г. М. Уль

¹ Опубликованы немецкая, американская и российская версия книги: *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M, 2012; *Hellbeck J.* Stalingrad: the city that defeated the Third Reich. N.Y., 2015; *Хелльбек Й.* Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев. М., 2018.

² *Schmidl S., Telesko W.* Die ewige Schlacht. Stalingrad-Rezeption als Überwältigung und Melodram. München, 2022; *Gerlach H.* Durchbruch bei Stalingrad. Roman. Herausgegeben, mit einem Nachwort und dokumentarischem Material versehen von Carsten Gansel. Berlin, 2016; *Reulecke J., Kohut T.* «Sterben wie eine Ratte, die der Bauer ertappt». Letzte Briefe aus Stalingrad // *Reulecke J.* «Ich möchte einer werden so wie die...». Männerbünde im 20. Jahrhundert. Frankfurt a/M, 2001. S. 177–193.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012; *Glantz D.M., House J.M.* To the gates of Stalingrad: Soviet-German combat operations, April–August 1942. Lawrence (Kansas), 2009; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart, 1990.

Самый большой пробел, пожалуй, касается логистики. За исключением истории неудачи воздушного моста, организованного для снабжения окружённой армии Ф. Паулюса⁴, почти ничего не известно о том, как противоборствующие стороны организовывали снабжение своих миллионных войск, какие проблемы при этом возникали и как они решались. Между тем чем дальше германские войска и их союзники уходили вглубь СССР, тем сложнее им становилось обеспечивать оперативное пополнение и ротацию солдат, эвакуацию и лечение раненых, продовольственное и материально-техническое снабжение, ремонт военной техники и др. Присутствие под Сталинградом, наряду с немецкими, иностранных подразделений тоже усложняло выстраивание логистических цепочек и боевое взаимодействие.

К числу вопросов, требующих специального исследования, относятся роль разведывательных служб и противостояние разведок накануне и во время битвы. Отчасти проблема в том, что доступ ко многим документам советской военной разведки остаётся ограниченным. Тот факт, что отдельные историки имеют привилегированный доступ к архивным делам⁵, вряд ли меняет ситуацию, поскольку приводимые ими данные и основанные на них выводы подчас невозможно проверить. С учётом вышесказанного в центре внимания данной статьи находятся такие актуальные вопросы, как роль советской военной разведки, принятые на основе её сообщений решения, оценка немецких воздушных налётов на Сталинград и др.

Как известно, зимой–весной 1942 г. И.В. Сталин по-прежнему считал, что гитлеровское командование попытается захватить советскую столицу. Однако Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (ГРУ) уже в середине декабря 1941 г. впервые предположило, что фокус будущих операций Вермахта сместится на юг, и поэтому вполне вероятно, что следующей целью Гитлера станет не Москва, а Кавказ. В пользу этого говорили, среди прочего, разведанные, поступавшие от агентов⁶. Весной 1942 г. эти предупреждения приобрели конкретику. Источники советской военной разведки из Швейцарии, Великобритании, Швеции и США сообщали о плане Вермахта наступать на юге по линии Ростов–Майкоп до Баку.

Соответствующее донесение ГРУ направило в ГКО 18 марта 1942 г.⁷ Буквально спустя пять дней аналогичная информация поступила к Сталину по линии НКВД: нарком Л.П. Берия сообщил, что помощник японского военного атташе в Софии узнал от своего немецкого коллеги, «что главный удар, вероятно, будет нанесён на южном участке фронта и будет иметь задачу продвинуться через Ростов на Сталинград и затем на Северный Кавказ, откуда... к Каспийскому морю»⁸. О планах скорого наступления на юге Москву информировали самые ценные, проверенные источники ГРУ — «Дора», «Морис», «Эдуард»

⁴ Дёгтев Д.М. Воздушная битва за Сталинград. Операции Люфтваффе по поддержке армии Паулюса. 1942–1943. М., 2021; Hayward J. Stopped at Stalingrad. The Luftwaffe and Hitler's defeat in the East, 1942–1943. Lawrence (Kansas), 1998.

⁵ Лота В.И. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; Квашин А., Павлов А., Лота В. Сталинградская эпопея военной разведки. М., 2002.

⁶ Кондрашов В.В. История отечественной военной разведки. М., 2014. С. 456–458.

⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975. С. 112.

⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 8 т. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 г. / Сост. В.М. Ямпольский. М., 2003. С. 292–293.

и «Брион»⁹. Наконец, за 40 дней до удара группы армий «Юг» в направлении Сталинграда помощник советского военно-морского атташе по вопросам авиации в Лондоне К.С. Стукалов проинформировал о получении информации о предстоящем продвижении Вермахта на Кавказ¹⁰.

Несмотря на то, что сведения поступали из разных, независимых друг от друга источников, Сталин, как и в июне 1941 г., скептически отнёсся к донесениям разведки. Он был убеждён, что немцы снова пойдут на Москву, а данные иного рода — дезинформация германских спецслужб. Начальник Генштаба А.М. Василевский позже не без разочарования отмечал: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага не были учтены. На юго-западное направление было выделено меньше сил, чем на западное»¹¹.

Советский лидер, похоже, действительно попался на обманный манёвр противника, а именно отдела военной разведки и контрразведки Верховного командования Вермахта. Его операция началась в мае 1942 г. и получила кодовое название «Кремль». Предполагалось заставить РККА поверить, что группа «Центр» хочет «прочно занять район вокруг Москвы... с тесно окружённым городом, и таким образом помешать противнику использовать это оперативное пространство». Датой начала наступления на советскую столицу называлось 23 июня 1942 г.¹² В результате Сталин и военное командование получали как достоверную информацию о главном направлении предстоящего немецкого наступления в направлении Кавказа, так и дезинформацию, подкреплявшую уже сложившееся мнение Сталина. Даже после того, как 19 июня самолёт разведки с офицером штаба 23-й танковой дивизии И. Райхелем совершил вынужденную посадку на советской территории и все планы развёртывания Вермахта для операции «Блау» попали в руки Кремля, их не восприняли всерьёз, видимо, посчитав очередной дезинформацией¹³.

Заблуждения в отношении намерений противника и недоверие к собственной разведке способствовали первоначальным успехам германского наступления, начавшегося 28 июня. Ставке не удалось стабилизировать оборону. Отказ от стратегического отступления привёл к неоправданно высоким потерям. Девять советских армий, вырвавшихся из немецкого окружения в ходе битвы за Дон, в совокупности потеряли более 370 тыс. человек, или почти треть находившихся там войск¹⁴.

В свою очередь Гитлер, ободрённый первыми успехами, решил, что советский фронт на юге распадается, и изменил стратегические планы. В директиве № 45 он поставил задачу одновременной оккупации Кавказа и Сталинграда. Для этого группа армий «Юг» оказалась разделена на группы «А» и «Б». Первая должна была сначала овладеть Ростовом, а затем Кавказом и Баку, вторая — Сталинградом. Этим решением фюрер раздробил наступательные силы, что

⁹ Двое последних — советский военный атташе при правительствах в изгнании Югославии, Польши и Чехословакии в Лондоне А.Ф. Сизов и советский военный атташе и одновременно резидент ГРУ в Великобритании И.А. Скляров. Многие предупреждения ГРУ напечатаны в книге: *Лота В.И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 473–493. См. также: *Bullock A.* Hitler und Stalin. Parallele Leben. Berlin, 1991. S. 1010–1011.

¹⁰ *Фёдоров В.М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 116.

¹¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Минск, 1984. С. 182.

¹² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 392, л. 19, 32.

¹³ *Biggs B.* Wealth, war, and wisdom. Hoboken, 2008. P. 234; *Beevor A.* Stalingrad. München, 2001. S. 96.

¹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 106.

резко осложнило снабжение и повлияло на темп продвижения. Тыловым службам и штабам пришлось в спешном порядке просчитывать логистику обеспечения сразу на двух направлениях. Правда, группе «Б» удалось в августе захватить большую дугу Дона и продвинуться до Волги, однако постоянно усиливающееся сопротивление советских войск не позволило восполнить потери и добиться окончательного успеха. Аналогичные проблемы возникли и на Кавказе, где наступление также увязло, и захватить нефтеносные районы не удалось. С этого момента Гитлер начал настаивать на взятии Сталинграда¹⁵.

Военные эксперты считают, что с оперативной точки зрения проведение двух наступательных операций явилось фатальной ошибкой летней кампании. Немецкие силы были слишком слабы, чтобы достичь всех целей одновременно, и не имели чёткого центра тяжести. Попытка 6-й армии сходу взять Сталинград провалилась из-за ожесточённого сопротивления 62-й армии РККА. Её командующий В.И. Чуйков руководил войсками энергично, жёстко и эффективно. Свою роль сыграли также постоянный приток резервов и наведение дисциплины с помощью заградительных отрядов. Они обеспечивали неуклонное выполнение приказа Сталина от 28 июля, получившего известность как «Ни шагу назад». К примеру, только с 13 по 15 сентября эти подразделения перехватили в Сталинграде 1218 солдат, по разным причинам отставших или покинувших свои части. По некоторым данным, 21 из них расстреляли на месте¹⁶.

После провала плана быстрого захвата Сталинграда войскам Паулюса пришлось сражаться за каждый район — улица за улицей, дом за домом, а иногда даже этаж за этажом. Росли жертвы, росло и ожесточение по отношению к обороняющимся и поддерживающим их жителям города.

В планах немецкого командования значительная роль отводилась авиации, имевшей в то время господство в воздухе. В период с 23 по 29 августа 4-й воздушный флот совершил в общей сложности 1600 налётов, сбросив более 1 тыс. т бомб¹⁷. Почти вся инфраструктура города (в центральной части — до 95% зданий) оказалась уничтожена. Последствия этих ковровых бомбардировок для мирного населения ужасают. К тому времени в Сталинграде оставалось несколько сотен тысяч человек, из которых часть трудоспособного населения мобилизовали на рытьё окопов и строительство оборонительных сооружений в окрестностях. В самом городе находились преимущественно старики, дети, женщины и инвалиды. На них летели тяжёлые фугасные бомбы, разрушавшие строения, а следом за ними — зажигательные, вызывавшие пожары (город, особенно на окраинах, состоял преимущественно из деревянных построек). Поскольку под прицелом оказались не только заводы и нефтехранилище, но также гражданские объекты и жилые кварталы, исследователи считают главной целью налётов подавление воли жителей к сопротивлению.

¹⁵ Об операции «Блау» вплоть до боёв вокруг Сталинграда см.: *Glantz D.M., House J.M. To the gates of Stalingrad...* О планах Гитлера по завоеванию Кавказа см.: *Hirter J., Uhl M. Hitler in Vinnica. Ein neues Dokument zur Krise im September 1942 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2015 (63). Н. 4. S. 581–639.*

¹⁶ Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и Вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки особых отделов фронтов и армий / Сост. В.К. Виноградов. М., 2000. С. 199.

¹⁷ *Overy R. The bombing war. Europe 1939–1945. L., 2013. P. 210.*

В историографии внимание заостряется на особенно разрушительной первой массовой бомбардировке 23 августа. Однако ныне по документам известно, что они продолжались и в дальнейшем. Так, в сентябре противовоздушная оборона РККА зафиксировала в районе Сталинграда 69 налётов. На город было сброшено 10 тыс. фугасных и 25 тыс. зажигательных бомб, в результате чего погибли по официальным данным МПВО г. Сталинграда не менее 1,5 тыс. человек и 2,5 тыс. получили ранения¹⁸. В последующие недели интенсивность налётов снизилась, поскольку участвовавшие в них бомбардировочные подразделения Люфтваффе несли большие потери¹⁹.

Общее число жертв налётов среди мирного населения обычно оценивается в 40 тыс. человек²⁰. Оно превосходит численность погибших в результате любых других известных в мировой истории случаев бомбардировок до Хиросимы и Нагасаки в 1945 г.²¹ Вместе с тем о точности этой цифры ведутся споры. Некоторые авторы считают, что её необходимо перепроверить. Сомнения, в частности, вызывают советские отчёты по противовоздушной обороне Сталинграда, из которых следует, что с 23 по 29 августа число убитых и раненых горожан составило соответственно 1815 и 2698 человек²². Очевидно, что далеко не все жертвы бомбардировок попали в эту статистику, так как в условиях военных действий подсчитать погибших, многие из которых сгорели бесследно или находились под завалами разрушенных домов, не представлялось возможным. Необходимо условиться и о методике подсчётов. Например, причислять ли к жертвам людей, лишившихся вследствие бомбёжек крыши над головой и умерших затем от голода, холода и болезней? С учётом значимости событий Сталинградской битвы, вероятно, требуется специальное исследование на эту тему.

Здесь следует ещё раз уточнить, что Гитлер отдал 2 сентября приказ о полном уничтожении Сталинграда, включая его жителей²³. Целью налётов ставилось разрушение жизненно важной инфраструктуры, а также запугивание людей и подавление их воли к сопротивлению. Убийство бесчисленного количества гражданских лиц одобрило и руководство Люфтваффе. Этот факт тоже неоспорим. Преувеличение числа жертв, тем не менее, опасно. Непроверяемые и преувеличенные данные позволяют поставить под сомнение достоверность советских источников и масштабы трагедии города в целом.

В тяжёлых и изнурительных боях немецкие войска пробивались к оружейному заводу «Баррикады» (одно время сражения шли на его территории, а линия фронта проходила между полуразрушенными заводскими корпусами) и к металлургическому заводу «Красный Октябрь», но захватить их не удалось. К началу ноября солдаты Паулюса заняли почти 90% города и вытеснили бойцов Чуйкова на узкую полосу вдоль берега Волги. Но на этом наступательная мощь

¹⁸ РГВА, ф. 37878, оп. 1, д. 438, л. 139–141; д. 444, л. 226–243.

¹⁹ Там же, д. 444, л. 152–340; Списки потерь самолётов Люфтваффе, август–ноябрь 1942 г. // Imperial War Museum London. GER/MISC/MCR18-№ 11; Overy R. The bombing war... P. 208–212.

²⁰ *Pikalkiewicz J.* Stalingrad. Anatomie einer Schlacht. München, 1977. S. 74; *Beevor A.* Stalingrad. S. 195.

²¹ Атака бомбардировщиков на Дрезден в феврале 1945 г. унесла жизни около 35 тыс. человек, а американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки суммарно – 120 тыс. (*Groehler O.* Geschichte des Luftkriegs 1910 bis 1980. Berlin, 1981. S. 458, 492).

²² РГВА, ф. 37878, оп. 1, д. 438, л. 125.

²³ *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945* / Hrsg. von P. Schramm. Bd. II/1. 1942. Frankfurt a/M, 1963. S. 669.

германской армии выдохлась. Она несла колоссальные потери: только с 21 августа по 17 октября из строя выбыло около 40 тыс. человек²⁴. Урон в материальной части и в боевой технике также оказался невосполним. Так, к 31 октября в 14-й танковой дивизии оставалось всего 11 боеспособных танков, что соответствовало численности одной танковой роты²⁵. В целом же с июля по ноябрь немецкие группы армий «А» и «Б» лишились 425,8 тыс. человек²⁶. Однако значительные потери пришлось и на период советского контрнаступления, когда большая группировка оказалась в котле, была разгромлена и впоследствии пленена.

Потери советской стороны тоже огромны. В критический период оборонительных сражений ежедневно погибало от 300 до 500 солдат. В письме на родину один красноармеец описывал прибытие транспорта с 4 тыс. человек маршевого пополнения. Его немедленно ввели в бой, из которого вернулись только 15–20 новобранцев²⁷. В общей сложности РККА потеряла под Сталинградом и на Кавказе более 520 тыс. солдат убитыми, пропавшими без вести и пленными, ещё 502 тыс. получили ранения²⁸.

В связи с усилением германского давления на 62-ю армию в октябре Ставка спланировала и провела две отвлекающие наступательные операции в районе посёлка Котлубань — севернее осаждённого города. Однако, по мнению специалистов, они не дали ощутимых результатов и не принесли защитникам Сталинграда заметного облегчения²⁹. Успешное отражение советских контрударов и почти полный контроль над городом вскружили голову немецкому верховному командованию. Оно посчитало судьбу сражения решённой, утратило чувство опасности и недооценило противника. В частности, значительную часть территории между Доном и Волгой передали под контроль союзников. Именно здесь в ноябре началось стремительное наступление РККА, которому румынские и итальянские части ничего не смогли противопоставить и которое привело к сокрушительному поражению Вермахта.

Как выяснилось в последнее время, вклад в этот успех внесло ГРУ. Оно своевременно уведомило Сталина об отказе Японии предпринимать военные действия против СССР на Дальнем Востоке, что позволило перебросить к Волге 11 свежих дивизий³⁰. Источник этой ценной информации носил псевдоним «Долли». За ним скрывался британский офицер Дж. Макгиббон — коммунист, служивший лейтенантом в военной разведке и имевший доступ к радиопереговорам немцев и японцев, расшифрованным в Блетчли-парке. На этом секретном объекте в 80 км от Лондона велась работа по взлому кодов и расшифровке секретной переписки стран «Оси». Советская военная разведка завербовала Макгиббона ещё в 1940 г. 19 августа 1942 г. он передал в Москву перехваченный британской разведкой подробный отчёт о поездке японского посла

²⁴ Ziemke E.F. Stalingrad to Berlin: the German defeat in the East. Washington (DC), 2002. P. 46.

²⁵ Glantz D.M., House J.M. Armageddon in Stalingrad, September–November 1942. Lawrence (Kansas), 2009. P. 541.

²⁶ Das Deutsche Reich... S. 780–781.

²⁷ Glantz D.M., House J.M. Armageddon in Stalingrad... P. 464.

²⁸ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 279–280.

²⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997. С. 193; Glantz D.M., House J.M. Armageddon in Stalingrad... P. 444–453.

³⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооружёнными силами СССР. М., 2015. С. 292.

в Германии Х. Осима на советско-германский фронт. С санкции штаба фюрера дипломат посетил Одессу, Николаев, Симферополь, Севастополь, Мариуполь, Сталино (Донецк), Ростов-на-Дону, Таганрог, Днепропетровск и Киев. Повсюду он получал исчерпывающую информацию о планах Вермахта, в частности о развёртывании сил для операции «Блау». Такой откровенностью гитлеровское командование пыталось добиться вступления Японии в войну. Информация подтверждалась другими источниками. На этот раз Сталин поверил разведке и приказал немедленно усилить войска на Кавказе и Сталинградском фронте³¹.

Как известно, широкомасштабное контрнаступление под Сталинградом застало немецкое командование врасплох и завершилось окружением и капитуляцией армии Паулюса. На этом этапе важную роль сыграли сведения, добытые находившимся в Швейцарии, но получавшим информацию и из Германии агентом ГРУ «Дора» (псевдоним венгерского коммуниста Ш. Радо). В период с ноября 1942 по март 1943 г. он передал в Москву около 750 радиосообщений, который помогли Генштабу вскрыть планы противника и успешно противодействовать отчаянным попыткам немецкого командования вызволить войска из окружения³².

На последнем этапе битвы заметно возросло значение сведений, добытых в ходе допросов пленных. Они оказались ценным источником информации о боевых возможностях, настроениях и моральном духе окружённых частей. В частности, выяснилось, что солдаты осознавали исключительную важность битвы в масштабе всей войны. Например, два офицера 44-й пехотной дивизии, элитного подразделения Вермахта, попавшие в плен 4 декабря, говорили на допросе: «Данная обстановка является решающим фактором, выход немецких войск из окружения и исход битвы у Сталинграда решит исход войны. Окружение офицеры считают временным явлением и ждут выручку, которую им обещают. Дисциплина в роте хорошая, солдаты недовольства не выражали». В этой ситуации советскому командованию нельзя было допустить прорыв «котла», на что бросили значительные силы. В результате уже к концу декабря настроения в окружённых частях изменились: «Политико-моральное состояние солдат — низкое. Причины: окружены, сил мало. Подкреплений нет. Питание плохое. Морозы ещё впереди, а половина солдат в сапогах и некоторые солдаты 3-го батальона не имеют тёплого зимнего обмундирования. Есть случаи обморожения... Дух солдата поддерживает ещё ведущаяся пропаганда офицеров о идущей помощи (две армии), об обязательном и скором прорыве кольца». Когда попытка прорвать «котёл» провалилась, настрой 44-й дивизии рухнул: «Дух солдат поддерживают угрозы офицеров и расстрел в случае неповиновения, обещание офицеров в скорой помощи танковых сил, которые должны прорвать окружение и соединиться с группировкой... Война для Германии проиграна, это уже понятно всем»³³. Ещё быстрее разложение происходило в рядовых частях Вермахта. Пленные из 76-й пехотной дивизии, например, открыто говорили офицерам военной разведки РККА: «Солдаты в победу Германии не верят. Знают об окружении немецких дивизий под Сталинградом. Убедены,

³¹ Лота В.И. ГРУ на острие победы. М., 2020. С. 252–256; Haslam J. Near and distant neighbours. A new history of Soviet intelligence. Oxford, 2015. P. 119. Об агенте «Долли» см. книгу его сына: MacGibbon H. Maverick spy: Stalin's super-agent in World War II. L.; N.Y., 2017.

³² Лота В.И. Сталинградская битва военной разведки // Родина. 2013. № 1. С. 36.

³³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12486, д. 173, л. 38, 58, 64.

что русские победят... Политико-моральное состояние солдат, унтер-офицеров весьма плохое»³⁴.

Одной из составляющих успеха Красной армии под Сталинградом, как выясняется, стало тщательное изучение военного потенциала действовавших на этом направлении итальянских и румынских войск, а также подразделений других иностранных союзников Германии. Так, в конце октября ГРУ оценило 5-ю итальянскую пехотную дивизию «Коссерия» следующим образом: «Подготовка дивизии слабая, в боях участвовала мало; является дивизией боеспособной; но в боях большого упорства ожидать нельзя»³⁵. Командир 5-й румынской пехотной дивизии Н. Мазарини, попавший в плен в начале декабря, подтвердил, что Генштаб РККА безошибочно выбрал самый слабый участок фронта: «Наблюдая за действиями советских войск в последней операции, можно сказать, что советское командование имеет значительные успехи в вопросах руководства операциями вообще, о чём говорит столь умелое построение операции по разгрому 3-й румынской армии. Войска действовали значительно лучше, чем в прошлом году. Традиционно хорошей оказалась артиллерия, хороши тяжёлые танки, отлично действовали миномёты... Успех советских войск в данной операции объясняется тем, что им удалось изолировать... дивизии 3-й румынской армии, а подвижными частями выйти в глубокие тылы и перехватить все коммуникации. Успех также зависел и от того, что была большая растянутость румынских дивизий перед фронтом советских войск. Батальоны первой линии занимали участки до 5 км по фронту, а резервов достаточного количества не имелось»³⁶.

Малоизвестен, однако значителен вклад в победу радиоразведки ГРУ. Осенью, благодаря умелой работе в радиоэфире, она смогла обнаружить местоположение румынских и итальянских частей и выявить наиболее уязвимые места построения войск противника для последующего контрнаступления³⁷. В ноябре радиоразведка точно определила, какие именно части оказались в ловушке под Сталинградом, что позволило разработать план дальнейших действий. Сталин, в частности, получил донесение: «В окружении находятся части 4-й и 6-й немецких армий под командованием генерала танковых войск Паулюса, в составе 11, 8, 51-го и двух танковых корпусов, всего 22 дивизии, из них пехотных дивизий — 15, танковых дивизий — 3, механизированных дивизий — 3... Вся окружённая группировка имеет: людей — 75–80 тысяч, орудий полевых — 850, орудий ПТО — 600, танков — 400»³⁸. В декабре удалось выявить нахождение в районе станицы Нижнечирской и станции Котельниково двух танковых корпусов Вермахта, которые должны были наступать навстречу попавшей в окружение 6-й армии в рамках операции «Винтергевиттер» («Зимняя буря»). Благодаря, среди прочего, докладам радиоразведки советское командование смогло организовать стремительное наступление 2-й гвардейской танковой армии, в результате чего продвижение немецких танков удалось остановить в 48 км от Сталинграда³⁹.

³⁴ Там же, д. 324, л. 42.

³⁵ Там же, д. 657, л. 19.

³⁶ Там же, д. 553, л. 18.

³⁷ Ларин Д.А. Защита информации и криптоанализ в СССР во время Сталинградской битвы // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. 2012. № 14. С. 21–22.

³⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 254.

³⁹ Ларин Д.А. Защита информации и криптоанализ в СССР... С. 23.

Срыв операции по деблокаде означал, что попавшие в окружение войска обречены. Около 60 тыс. солдат погибли в «котле» ещё до капитуляции, а в конце января 1943 г. почти 100 тыс. (среди них около 3 тыс. румын и неизвестное количество итальянцев) попали в плен — большинство в морально подавленном и физически тяжёлом состоянии (обморожены или ранены, измучены голодом и болезнями). Часть из них использовалась в качестве рабочей силы для разбора завалов на месте строений, разрушенных в результате бомбардировок и военных действий. Считается, что из попавших в плен в Германию смогли вернуться только 6 тыс. человек⁴⁰.

Перспективным направлением исследований представляется дальнейшее изучение вопросов логистики Сталинградской битвы и роли разведки в ней. Важнейшее значение в этом играют документы ГРУ (ЦАМО РФ, ф. 23). Трудно понять, почему по прошествии 80 лет после победы под Сталинградом они всё ещё закрыты.

Среди других перспективных направлений — изучение социальной и гендерной истории войны. Хороший источник для этого — доступные ныне материалы допросов военнопленных, в том числе проведённых советскими военными. Они позволяют понять, как солдаты противника воспринимали боевые действия и что думали об этом после пленения. Такого рода исследования будет важно сравнить с трудами на данную тему, недавно опубликованными на базе аналогичных материалов западных союзников⁴¹.

⁴⁰ Müller R.-D. *An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus», 1941–1945.* Berlin, 2007. S. 70; Knopp G. *Der verdammte Krieg: Stalingrad 1942–1943.* München, 1991. S. 247.

⁴¹ Neitzel S., Welzer H. *Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben.* Frankfurt a/M, 2011; Roemer F. *Keine Kameraden. Die Wehrmacht von innen.* München, 2012.

Советская гидрометеорологическая служба и контрнаступление Красной армии под Сталинградом

Владимир Прямицын

The Soviet Hydrometeorological Service and the Red Army's counteroffensive at Stalingrad

Vladimir Pryamitsyn

(Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation,
Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030045, EDN: EPQIEE

По словам маршала Советского Союза В.И. Чуйкова, с сентября 1942 г. по апрель 1943 г. командовавшего 62-й армией, «Сталинград в 1942 г. оказался, как Москва в 1941 г., таким объектом, в котором сошлись главные стратегические, экономические и престижные цели и задачи всей войны»¹. Но на этом сходства двух великих битв не заканчиваются: в обоих случаях советским войскам приходилось сражаться не только с врагом, но и с погодой.

Разрозненные примеры влияния гидрометеорологических условий на подготовку и проведение контрнаступления под Сталинградом в изобилии встречаются в мемуарной литературе², в исследованиях, посвящённых битве³, а также участию гидрометеорологов в Великой Отечественной войне⁴. Гораздо полнее они отразились в документах Центрального архива Министерства обороны РФ и его филиала — Центрального военно-морского архива⁵. Вместе с тем деятельность советской гидрометеорологической службы по обеспечению контрнаступления под Сталинградом до сих пор практически не рассматривалась историками⁶.

© 2023 г. В.Н. Прямицын

¹ Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 81.

² Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1972; Чуйков В.И. Указ. соч.

³ Корец Л.Б. Советские Военно-воздушные силы в битве под Сталинградом. М., 1959; Мазунин Н. Волжская военная флотилия в боях за Сталинград // Военно-исторический журнал. 1972. № 11. С. 55–60.

⁴ Информационный сборник № 2 (Метеорологическая служба ВВС в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн). М., 1947; Сперанский В.М. Метеорологическое обеспечение боевых действий авиации // Военно-исторический журнал. 1982. № 5. С. 20–26; Аристов Н.А., Гинсбург Б.М. Центральный институт прогнозов в годы Великой Отечественной войны. Обнинск, 1985; Астапенко П.Д. Хорошая школа профессионального мастера. М., 1985; Скрипник Н.П. Гидрометеорологическое обеспечение боевых операций Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1985; Военная гидрометеорология и её роль в гидрометеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 1995; Осипов Б.А. Главный гидрометеорологический центр Министерства обороны РФ. М., 2003; и др.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11264, оп. 1126; ф. 50, оп. 761830, оп. 762081; ФЦАМО РФ (ЦВМА), ф. 710, оп. 1.

⁶ Отчасти этот пробел восполняют работы: Прямицын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии: 1876–1945 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019; Прямицын В.Н. Гидрометеорологическое обеспечение сухопутных войск Красной армии в Сталинградской битве // Военная безопасность России: взгляд в будущее. Материалы

К осени 1942 г. Главное управление Гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА) завершило все мобилизационные преобразования, располагало подготовленным личным составом и отлаженной организационной структурой, накопило опыт всестороннего обеспечения боевой деятельности авиации, сухопутных войск и флота⁷. В приказах народного комиссара обороны СССР 1942 г. командирам и штабам всех уровней не раз предписывалось внимательно относиться к информации, поступавшей от гидрометеорологов, и использовать её при ведении военных действий. Подготовка каждой крупной операции стала сопровождаться множеством запросов в адрес подразделений соответствующего звена⁸. Ставку верховного главнокомандующего и Генеральный штаб Красной армии соответствующими данными регулярно обеспечивал Центральный институт прогнозов (ЦИП). Разработанные его сотрудниками материалы в Генеральном штабе докладывал начальник ГУГМС КА генерал-майор Е.К. Фёдоров. При необходимости там выслушивали и самих прогнозистов.

Гидрометеорологические службы (ГМС) фронтов четырежды в сутки принимали консультации ЦИП, определяя фактическое положение циклонов, антициклонов, атмосферных фронтов и т.д., и ежедневно по радиотелеграфному каналу передавали в войска карту с прогнозом погоды на ближайшие 24 часа, а также выпускали краткий бюллетень по району расположения своих частей. Как правило, он оформлялся на одной стандартной машинописной странице: на левой стороне помещался обзор погоды текущего дня, а на правой – прогноз на ближайшие сутки. Такие бюллетени направлялись офицерами гидрометслужбы в нижестоящие штабы и лично докладывались начальнику штаба фронта и его оперативного отдела.

По регламенту доклад начальника ГМС фронта занимал 5–10 минут. При этом командование интересовало не только общие сведения, включённые в бюллетень, но и детальная информация по отдельным районам. В зависимости от обстановки и конкретных задач, стоящих перед объединениями и соединениями фронта, начальники штаба или оперативного отдела могли потребовать прогноз погоды по любой точке полосы действий. В некоторых случаях для достижения внезапности удара от начальника ГМС фронта требовали назвать время с наилучшими погодными условиями на том или ином участке⁹. Гидрометеорологические отделения оперативных отделов штабов армий предоставляли командованию прогнозы, сведения о гидрологическом режиме рек и других водных объектов, о проходимости дорог и местности различными видами техники¹⁰.

Химическая служба армии выставляла сеть постов метеорологического наблюдения вдоль передовой. Они следили за состоянием приземного слоя воздуха и его параметрами. Данные, полученные ими, использовались затем для оценки возможности применения противником химического оружия и при

7-й международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Т. 3. М., 2022. С. 301–306.

⁷ Информационный сборник № 2... С. 5.

⁸ РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 461–464.

⁹ Лебедев А.Н. Гидрометеорологическое обеспечение войск фронта // Военная гидрометеорология и её роль... С. 69–77.

¹⁰ Коган-Белецкий Г.И. Авиационные метеорологи в Великой Отечественной войне // Военная гидрометеорология и её роль... С. 81.

планировании постановки дымовых завес. Для обеспечения действий артиллерии в прифронтовой полосе ЦИП дважды в сутки передавал по радио прогнозы о направлении и силе ветра на предстоящие 24 часа по высотам до 5 км¹¹. О фактической погоде сообщал личный состав артиллерийских метеорологических взводов, входивших в отдельный армейский разведывательно-артиллерийский дивизион и постоянно перемещавшихся на удалении нескольких километров от переднего края¹².

Руководство авиационными метеорологами осуществлялось через Главную аэрометеорологическую станцию (ГАМС) ВВС, располагавшуюся в Москве и подчинявшуюся ГУГМС КА. Возглавлял её генерал-майор В.И. Альтовский. Сотрудники ГАМС составляли и передавали по радио в войска синоптические консультации, на основе которых метеорологи воздушных армий, авиационных корпусов и дивизий разрабатывали прогнозы погоды. По заявкам в ГАМС также прогнозировали погодные условия конкретных операций или вылетов. Как правило, это делалось накануне массированного применения авиации или её использования на значительном удалении от линии фронта. ГАМС и ЦИП в некоторой степени дублировали работу друг друга, но между их прогнозами и консультациями не возникало расхождений, поскольку они согласовывались дежурными службами обоих органов¹³.

Тяжелее всего приходилось фронтовым авиационным метеорологам. Начальники метеорологических служб воздушных армий представляли заявки в ГАМС ВВС и ЦИП, организовывали сбор и распространение метеорологической информации, взаимодействовали с «соседями», добивались получения данных от сухопутных частей и партизанских отрядов. В метеорологическом бюро армии ежедневно выполнялся значительный объём работ по составлению карт, метеосводок, прогнозов и докладов, направлявшихся на командный пункт. Подобным образом, только в пропорционально меньших масштабах, была устроена метеорологическая служба в авиационных корпусах и дивизиях¹⁴. Ближе всех к лётчикам находились метеорологи батальонов аэродромного обслуживания (БАО). На каждом аэродроме функционировали авиационные метеостанции (АМС), в состав которых входили начальник, старший метеоролог, два метеоролога, два радиста-кодировщика, метеонаблюдатель и водитель грузовой машины. Они общались непосредственно с экипажами самолётов. От начальника АМС БАО требовалось наличие как большого опыта практической работы, так и основательных теоретических знаний¹⁵.

К осени 1942 г. в распоряжении начальника ГМС каждого из фронтов имелся передвижной радиометцентр, который принимал донесения о погоде из войск и передавал их в ГАМС ВВС и ЦИП. В свою очередь центральные учреждения ГУГМС КА передавали информацию радиометцентрам для дальнейшего распределения¹⁶. ГУГМС КА подчинялись и гидрометеорологические службы флотов и флотилий¹⁷. Таким образом, военные гидрометеорологи дей-

¹¹ Аристов Н.А., Гинсбург Б.М. Центральный институт прогнозов... С. 2.

¹² Ловцюс А.В. Метеорологи на передовой. М., 2012. С. 91.

¹³ Астапенко П.Д. Хорошая школа... С. 3; Сперанский В.М. Метеорологическое обеспечение...

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11264, д. 116, л. 156.

¹⁵ Герасимов А.А. Метеорологическое обеспечение фронтовой истребительной авиации // Военная гидрометеорология и её роль... С. 130–142.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11264, д. 46, л. 84.

¹⁷ Там же, д. 116, л. 6, 7.

ствовали во всех видах и родах войск. В ГУГМС КА была выстроена вертикаль, позволившая службе к концу 1942 г. преодолеть кризис, наблюдавшийся на первом этапе войны, и заслужить авторитет. Её структуры, как правило, комплектовались личным составом необходимой квалификации и располагали специальными техническими средствами.

Непосредственно в окрестностях Сталинграда к осени 1942 г. в распоряжении начальника ГУГМС КА находились: гидрометеорологические отделения оперативных отделов штабов Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, а также штабов армий, входивших в их состав; радиометеорологические центры этих фронтов, артиллерийские метеорологические взводы их армий и посты химических подразделений; службы и бюро Авиации дальнего действия и 2-й, 8-й, 16-й, 17-й воздушных армий (ВА), их авиационных корпусов и дивизий, сеть АМС БАО; Отдельная базовая гидрометеорологическая станция Волжской военной флотилии (ОБГМС ВВФ). Кроме того, с сентября 1942 по февраль 1943 г. в районе Сталинграда в качестве представителя центральных органов ГУГМС КА работал один из наиболее опытных специалистов ГАМС ВВС КА майор Е.К. Бугров. Прибыв к месту назначения, он вскоре получил осколочное ранение, но проявил личное мужество и продолжал выполнять свои обязанности¹⁸.

В ходе подготовки и проведения контрнаступления под Сталинградом завершилось создание радиометцентров, которые появились на каждом из фронтов. Благодаря им все профильные подразделения района удалось объединить в единую сеть. Оценки и консультации лучших московских прогнозистов теперь быстро доводились до штабов сражающихся войск, а оттуда через гидрометслужбы фронтов материалы метеорологических наблюдений, проведённых авиаторами, химиками и артиллеристами, поступали в ЦИП и ГАМС ВВС КА¹⁹.

Под Сталинградом впервые стала широко применяться воздушная разведка погоды, результаты которой немедленно передавались в метеорологические подразделения и после обработки докладывались командованию. Безусловно, она велась и ранее, но только теперь её объёмы и масштабы в целом отвечали потребностям²⁰. Вместе с тем к концу 1942 г. заметно усилилось внимание руководства ГУГМС КА к качеству производимых работ²¹.

Между тем, как писал позднее маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, «Зима 1942 года выдалась суровой. Сильные ветры с метелями, морозы до -32°C необычайно затрудняли наступление»²². Погода в декабре 1942 — январе 1943 г. определялась прохождением циклонов, каждый из которых нёс с собой атмосферные фронты. В такие периоды скорость ветра достигала 12–17 м/с, температура падала до -31°C (с 11 по 20 января). При этом наблюдались и оттепели до $+2^{\circ}\text{C}$ (с 14 по 16 декабря). Преобладала низкая облачность с высотой нижней границы 200–400 м с понижениями до 100–200 м. Видимость систематически ухудшали интенсивные снегопады, морось и туманы²³.

¹⁸ Осипов Б.А. Главный гидрометеорологический центр... С. 12.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11264, д. 46, л. 30, 30 об., 144.

²⁰ Там же, д. 228, л. 221.

²¹ Там же, д. 88, л. 7.

²² Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 163.

²³ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11264, д. 116, л. 100, 101.

Ещё 2 октября ЦИП представил долгосрочный прогноз, согласно которому в районе Сталинграда в начале ноября ожидалась пасмурная погода с частыми морозящими дождями, но уже к концу первой декады её должно было сменить резкое понижение температуры до $-6...-10^{\circ}\text{C}$. Понимания, что похолодание улучшит проходимость раскисших дорог, командование фронта заблаговременно спланировало перегруппировку войск и усиленный подвоз боеприпасов, продовольствия и всего необходимого для наступления. Инженерные части до 60% сократили количество транспорта и людей, предназначавшихся для поддержания дорог в проезжем состоянии, перебросив высвободившиеся ресурсы на другие участки. Тыловая и медицинская службы своевременно предприняли меры по обогреву личного состава и предупреждению обморожений²⁴.

Каноническим примером влияния погоды на военные действия является перенос даты перехода в контрнаступление под Сталинградом. Первоначально его намечали на 9–10 ноября 1942 г., однако стремительное ухудшение гидрометеорологических условий и ледостав, начавшийся на Волге, существенно осложнили переброску войск и грузов на правый берег, что не позволило своевременно завершить создание ударных группировок и необходимых запасов. Поэтому начало операции решили перенести: для Юго-Западного и Донского фронтов на 19 ноября, а для Сталинградского — на 20 ноября²⁵.

Не менее показательны то, что сложная метеорологическая обстановка не позволила советской авиации принять полноценное участие в подготовке контрнаступления. Для того, чтобы непосредственно перед его началом подавить и уничтожить немецкие самолёты, был разработан и утверждён представителями Ставки Г.К. Жуковым и А.А. Новиковым план совместных действий 8-й, 16-й и 17-й воздушных армий, которым предстояло массированными налётами воспрепятствовать сосредоточению резервов противника, а перед тем в ночь на 16 ноября нанести удар по его аэродромам. Но погода не только не дала претворить данный замысел в жизнь, но и не позволила авиации поддерживать свои войска, когда они перешли в атаку²⁶.

Отсутствие информации с территории, занятой неприятелем, и объективная сложность анализа меняющихся условий затрудняли в конце 1942 г. работу прогнозистов и приводили к досадным просчётам. Рокоссовский, командовавший в ходе Сталинградской битвы Донским фронтом, вспоминал, как начиналось контрнаступление: «Накануне был получен утешительный метеорологический прогноз. Но ещё задолго до рассвета стало ясно, что синоптики ошиблись. Вокруг стоял густой туман, и ничто не предвещало улучшения. Предусмотренные планом массированные удары авиации срывались из-за нелётной погоды. Я разрешил действовать парами и одиночными самолётами, что оказало большую поддержку нашей пехоте. От лётчиков требовалось высокое мастерство и мужество, чтобы водить машины в тумане. Сплошной туман скрывал от нас поле сражения. Не помогали никакие оптические приборы. Молочная пелена лишь озарялась вспышками разрывов снарядов и тяжёлых реактивных мин»²⁷.

Действительно, 19 ноября по всему району боевых действий отмечался густой туман, сменившийся сильным снегопадом. Высота облачности не

²⁴ Брегман Г.Р. Гидрометеорология и война. Л., 1948. С. 185.

²⁵ Булатов О.Г., Клемин Ю.В., Страдинь В.Г. Модифицирование геофизических условий в интересах боевых действий войск // Военная мысль. 2003. № 2. С. 26.

²⁶ Корец Л.Б. Указ. соч. С. 164.

²⁷ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 156, 157.

превышала 50 м, а видимость — 200 м. В результате штурмовики 2-й, 16-й и 17-й ВА совершили всего 106 вылетов, что позволило поразить лишь отдельные цели. Не имея возможности применять авиацию массированно, командование 8-й ВА решило наносить удары одиночными самолётами, управляемыми наиболее подготовленными экипажами. В результате за пять первых самых напряжённых суток наступления она выполнила всего 238 вылетов²⁸.

Лишь к 24 ноября погода улучшилась, что позволило советским лётчикам совершать в небе над Сталинградом до тысячи самолётовылетов в сутки. В целом же из 76 суток контрнаступления лишь 28 оказались благоприятными для воздушных атак²⁹. «Опять над Волгой и приволжскими степями туман, — писал в мемуарах В.И. Чуйков. — Ночью то замораживало, то отпускало, на рассвете начался снегопад. Опять наша авиация не сможет поддержать наступление... Туман начал рассеиваться только в десятом часу. Несколько раз командующий фронтом А.И. Ерёменко переносил срок начала артподготовки»³⁰.

Превратности ненастья испытывали на себе не только защитники сталинградского плацдарма, но и войска, стремившиеся прорваться к ним с севера через немецкое полуокружение. В обстановке строжайшей секретности и скрытности 65-я армия готовила удар навстречу 62-й, двигавшейся из Сталинграда. Но за два дня до начала наступления донские степи покрылись снегом, что нарушило маскировку. В результате, несмотря на все усилия, направленные на то, чтобы избежать наземного и воздушного наблюдения противника, атакующих встретил сильный огонь, тогда как авиация из-за нелётной погоды не могла им помочь³¹.

Почти 49% всех самолётовылетов, совершённых советскими ВВС в ходе Сталинградской битвы, пришлось на 8-ю ВА, насчитывавшую 11 дивизий, один отдельный полк и несколько отдельных эскадрилий. Начальник её метеослужбы майор И.Г. Ермолаев в сложнейшей ситуации успешно выполнял возложенные на него обязанности и регулярно докладывал о метеорологической обстановке командовавшему армией генерал-лейтенанту Т.Т. Хрюкину, а при необходимости и представителям Ставки — генералу армии Жукову и генерал-полковнику А.М. Василевскому³².

При планировании массового боевого вылета в полосе действий корпуса или дивизии обычно выделялось от трёх до пяти разведчиков погоды. Один только 2-й бомбардировочный авиакорпус за 54 дня произвёл 45 вылетов на разведку метеорологической обстановки. Они отклонялись от маршрута полёта остальных экипажей в сторону ухудшения погоды. Определяли её и формулировали задачу корпусные и дивизионные специалисты-метеорологи, которые часто сами отправлялись вместе с лётчиками³³.

Примечательно, что и советские, и немецкие пилоты старались сделать осеннее небо Сталинграда своим союзником. В сентябре—октябре город подвергался интенсивным бомбардировкам, но его защитники вели жестокую

²⁸ Булатов О.Г., Клемин Ю.В., Страдинь В.Г. Модифицирование геофизических условий... С. 26.

²⁹ Корец Л.Б. Указ. соч. С. 221.

³⁰ Чуйков В.И. Указ. соч. С. 298.

³¹ Воронцов Т.Ф., Бирюков Н.И., Смекалов А.Ф. От волжских степей до австрийских Альп (боевой путь 4-й гвардейской армии). М., 1971. С. 14.

³² Коган-Белецкий Г.И. Авиационные метеорологи в Великой Отечественной войне. С. 80.

³³ Информационный сборник № 2... С. 43.

борьбу с вражескими самолётами. Немцы подходили к целям скрытно, используя облачность и заходя со стороны солнца. Сбросив бомбы, они отрывались от преследования и огня зенитчиков в плотных облаках. В свою очередь, штурмовые авиационные дивизии 8-й и 16-й ВА получили приказ подготовить в каждом полку по 5–6 экипажей, способных действовать в сложных погодных условиях³⁴.

С 19 по 30 ноября в районе Сталинграда было три нелётных, шесть ограниченно лётных и всего три лётных дня. С 1 по 12 декабря на три лётных дня снова пришлось девять нелётных или ограниченно лётных. Впрочем, Люфтваффе также приходилось бездействовать. Один из немецких офицеров констатировал: «Неустойчивая погода, неблагоприятные метеорологические условия начала зимы в степях Дона и Поволжья мешали бесперебойной работе воздушного моста. Временами, например, во вторую неделю декабря густые устойчивые туманы и снежные метели, грозившие самолётам обледенением, обрекали нашу авиацию на полное бездействие»³⁵. При этом Рокоссовский отмечал, что «наша авиация по мере улучшения погоды всё усиливала свои действия»³⁶. Согласно подсчётам исследователей, при одинаково сложных для обеих сторон обстоятельствах активность боевых действий советской авиации была в 3,5 раза выше, чем у противника³⁷. Во многом это являлось заслугой авиационных метеорологов, своевременно и качественно информировавших командование о предстоящих изменениях в атмосфере.

В период уничтожения группировки Ф. Паулюса в Сталинградском котле погода играла не менее существенную роль, чем раньше. «Наша разведка установила, — вспоминал Чуйков, — что начинается скопление противника в районе посёлков Баррикады и Красный октябрь. Наступавшие холода как бы прижимали гитлеровцев к городу»³⁸. Утратив господство в воздухе, немцы стремились использовать туманы, чтобы незаметно доставлять грузы окружённым войскам. Однако советские солдаты сбивали с толку пилотов транспортных самолётов врага, применяя ложные световые посадочные сигналы³⁹. При стремительном наступлении Красной армии ненастье не позволило немцам перебазировать авиацию с оставляемых аэродромов. В Осиновке трофеями наступающих частей стали 42 самолёта, в том числе 18 исправных⁴⁰.

Особую базовую гидрометеорологическую станцию Волжской военной флотилии возглавлял инженер-капитан Воеводин. Прогнозы на сутки, разработанные синоптиками станции, ежедневно докладывались им командующему, начальнику штаба, начальнику оперативного отдела и оперативному дежурному флотилии, после чего рассылались в Сталинградскую оперативную группу, Гидрографический отдел, Управление тыла, авиационный отряд, дивизионы и бригады ВВФ, в оперативное управление Наркомата ВМФ, коменданту, городскому комитету ВКП(б), городскому совету, штабу ПВО Сталинграда. Одна из задач ОБГМС заключалась в приёме от ЦИП и распространении долгосроч-

³⁴ Корец Л.Б. Указ. соч. С. 76, 87.

³⁵ Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965. С. 60.

³⁶ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 156, 157.

³⁷ Корец Л.Б. Указ. соч. С. 174.

³⁸ Чуйков В.И. Указ. соч. С. 256.

³⁹ Видер И. Указ. соч. С. 62.

⁴⁰ Корец Л.Б. Указ. соч. С. 170.

ного прогноза погоды на месяц. Он сообщался командованию и оперативной службе флотилии, доставлялся фельдъегерской почтой или курьером в соединения и управления флотилии, а также народно-хозяйственным и партийным организациям, находившимся в районе базирования ВВФ⁴¹.

Гидрометеорологи ВВФ тесно контактировали с центральными прогностическими учреждениями ГУГМС КА, гидрометслужбами фронтов и воздушных армий, принимавших участие в Сталинградской битве. На ОБГМС ВВФ также получали информацию от коллег из Гидрометеорологической службы Каспийской флотилии⁴². Опираясь на полученные материалы, гидрологи ОБГМС составляли и распространяли долгосрочные и краткосрочные прогнозы уровня и ледового режима, а также ежедневные доклады об уровне воды в Волге и ледовом покрове на ней. Для ВВФ они имели большое значение, поскольку с момента установления прочного льда бригады речных кораблей прекращали плавание по реке и могли использоваться в лучшем случае как неподвижные огневые точки⁴³. Но ещё важнее было гидрологическое обеспечение переправ через Волгу. Для 62-й армии, удерживавшей плацдарм на правом берегу, река оставалась единственной связью с основными силами фронта, и гидрологические прогнозы представляли поистине жизненный интерес⁴⁴.

В декабре 1942 г. Волга покрылась льдом, и корабли перестали курсировать между её берегами. Это существенно осложняло снабжение защитников Сталинграда⁴⁵. Противник прекрасно знал об этих трудностях и спешил ими воспользоваться. Теперь ключевую роль стали играть ранние ледовые переправы. Время с момента наступления ледостава шло, а толщина льда у Сталинграда всё ещё не позволяла наладить полноценную переброску войск и грузов. 17 декабря она составляла всего 3–5 см. По такому льду могла пройти только пехота в колонне по одному, на больших дистанциях. Между тем именно в эти дни командование 62-й армии остро нуждалось в людских резервах, боеприпасах и технике⁴⁶.

Во время одного из совещаний Василевский поручил Бугрову выяснить, когда лёд на Волге будет способен выдержать тяжёлую технику. После всестороннего анализа обстановки и консультаций со специалистами ГАМС майор доложил, что в районе Сталинграда ожидается сохранение умеренных морозов, при которых естественное нарастание толщины льда происходит медленно, и целесообразно искусственно её наращивать, многократно поливая водой. По указанию Жукова пожарные машины быстро создали несколько намывных ледяных мостов, по которым через Волгу переправили артиллерийские орудия и танки. За личный вклад в победу под Сталинградом Бугрова впоследствии наградили орденом Ленина⁴⁷.

Однако никакими техническими мерами нельзя было заменить естественное нарастание волжского льда до необходимых значений. Поэтому командование фронта внимательно следило за прогнозами ЦИП. 17 декабря ведущие

⁴¹ ЦВМА, ф. 710, оп. 1, д. 1004, л. 6.

⁴² Там же, л. 8.

⁴³ Мазунин Н. Волжская военная флотилия в боях за Сталинград // Военно-исторический журнал. 1972. № 11. С. 60.

⁴⁴ Чуйков В. И. Указ. соч. С. 154.

⁴⁵ Василевский А. М. Указ. соч. С. 249.

⁴⁶ Брегман Г. Р. Указ. соч. С. 73.

⁴⁷ Осипов Б. А. Главный гидрометеорологический центр... С. 18.

гидрологи страны высказали предположение, что к 21 декабря толщина льда достигнет 16 см. Это уже допускало перемещение пехоты в любом строю, полковой и дивизионной артиллерии, автомобилей с грузами. Исходя из такого прогноза, командование приступило к сосредоточению войск у будущих переправ. В итоге ожидания оправдались: 22 декабря толщина льда колебалась уже в пределах 15–17 см⁴⁸.

Контрнаступление под Сталинградом ознаменовало собой начало коренного перелома в Великой Отечественной войне. На берегу Волги в сложнейших погодных условиях Красная армия разгромила одну из самых сильных военных группировок рейха. Не случайно серое небо с низкими плотными тучами изображали на многих картинах, посвящённых Сталинградской битве. По словам Чуйкова, защитникам города приходилось «бороться на два фронта — и с противником, и со стихией на Волге»⁴⁹. Гидрометеорологи сухопутных войск, авиации и флотилии, принимавшие участие в битве, вполне заслуженно удостоились медалей «За оборону Сталинграда»⁵⁰. Они внесли весомый вклад в общее дело, оказали сражавшимся частям действенную помощь, спасли жизни тысяч советских воинов.

⁴⁸ Брегман Г.Р. Указ. соч. С. 73.

⁴⁹ Чуйков В.И. Указ. соч. С. 295.

⁵⁰ Клепиков В.А., Удриш В.В., Попов Д.А. 90 лет Гидрометеорологической службе Вооружённых сил Российской Федерации. М., 2005. С. 21.

Стратегии выживания московских ополченцев в окружении и на оккупированной территории осенью—зимой 1941—1942 гг.

Константин Дроздов

Survival strategies of the Moscow militia encircled and in the occupied territory in the autumn—winter of 1941—1942

Konstantin Drozdov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030057, EDN: EPRNSG

Если о формировании и участии в боевых действиях дивизий московского народного ополчения советские и российские историки писали давно и достаточно подробно¹, то о том, как бывшие ополченцы выживали осенью—зимой 1941—1942 гг., выходя из окружения, проживая на оккупированной врагом территории, долгие годы предпочитали не вспоминать и открыто заговорили лишь в период перестройки. Уже в постсоветскую эпоху увидело свет достаточно много откровенных воспоминаний оставшихся в живых ополченцев, которые, как правило, были записаны ими спустя десятилетия².

В настоящее время в отечественной историографии, посвящённой проблемам истории повседневности в годы Великой Отечественной войны, достаточно активно используется методологический подход, связанный с описанием и анализом индивидуальных и коллективных стратегий выживания в экстремальных условиях войны как всего населения того или иного региона Советского

© 2023 г. К.С. Дроздов

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

¹ См., например: Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину. М., 1990; Климанов В.В. С собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. М., 2005; Кириллов А.А. Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; Бирюков В.К. Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017; Разин С.А. Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941. М., 2023; Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3—20. На мой взгляд, в статье Будницкого даётся наиболее взвешенный и аргументированный анализ причин создания московских дивизий народного ополчения (ДНО) в начале войны.

² См., например: Гордон А.Е. Московское ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158—163; Шимкевич В. Судьба московского ополченца. Фронт, окружение, плен. 1941—1945. М., 2008; Рунин Б. Записки случайно уцелевшего. М., 2010; Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941—1942. М., 2020; Головин И.Н. Сто дней в ополчении (URL: <http://www.famhist.ru/famhist/golovin/0004b520.htm>); и др.

Союза³, так и отдельных его социальных⁴ и этноконфессиональных групп⁵. При этом все авторы исходят из того, что стратегии выживания населения в период войны связаны с необходимостью физического самосохранения: это поиск необходимого человеку пищевого рациона, обеспечение его кровом и одеждой⁶.

А.Э. Ларионов отметил, что «жизнь в окружениях различного масштаба стала одной из констант повседневной жизни РККА в первом периоде войны, в которую оказались вовлечены несколько миллионов человек военнослужащих»⁷. Окружение — по определению ситуация экстремальная, при которой неизбежно нарушается нормальный уклад армии. Важнейшей чертой пребывания в окружении была «изолированность от главных сил своих войск и, как неизбежное следствие — отсутствие устойчивого снабжения, связи с высшим командованием, достоверной информации об оперативной обстановке»⁸. Чем дольше находились люди в окружении, тем большим трансформациям подвергались взаимоотношения между ними, определяемые в нормальных условиях военными уставами (иерархия и субординация). Ларионов подчеркнул, что поведение окруженцев в условиях массовой гибели командиров и политработников способствовало «дрейфу армейских подразделений в сторону неуправляемой толпы, охваченной паническим стремлением выжить»⁹.

Специальных исследований, посвящённых стратегиям выживания московских ополченцев, в отечественной историографии пока не имеется. Многие современные авторы, которые по крупицам восстанавливают историю боевых действий ополченческих дивизий в вяземской оборонительной операции 2–13 октября 1941 г., в той или иной степени касаются и проблемы их выживания в условиях окружения и прорыва из него¹⁰. Однако следует признать, что до сих пор данная тема остаётся слабо изученной, прежде всего из-за малочисленности, либо вообще отсутствия архивных источников. Данная статья является одной из первых попыток преодолеть эту «зону молчания».

³ См., например: *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности. Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М., 2021. С. 213–227; *Селянинова Г.Д.* «Имея пропитание, и одежду, и кров, удовлетворимся этим» // *Технологос*. 2020. № 3. С. 134–144.

⁴ См., например: *Шадрин А.В.* Стратегии выживания православного духовенства Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. Т. 23. 2018. № 1. С. 77–87.

⁵ См., например: *Реброва И.* Стратегии выживания и причины (само)спасения евреев во время Холокоста: тематизация и саморефлексия life-story (на материалах Юга России) // *Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII международной ежегодной конференции по иудаике*. М., 2017. С. 227–243.

⁶ *Селянинова Г.Д.* «Имея пропитание, и одежду, и кров, удовлетворимся этим». С. 135, 136.

⁷ *Ларионов А.Э.* Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2010. № 2. С. 46–53.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 49, 50.

¹⁰ См., например: *Лопуховский Л.Н.* Вяземская оборонительная операция (2–13 октября 1941 г.). Ход боевых действий и причины поражения // *Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. (Материалы межрегиональной научно-практической конференции)*. Вязьма, 2016. С. 13–58; *Михайлов И.Г.* Пропавшая без вести армия // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 74–125; *Баранов А.В.* Новые данные о действиях 2-й дивизии народного ополчения при прорыве из окружения // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 126–147; *Климанов В.В.* 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района Москвы // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 148–154; и др.

Под стратегиями выживания московских ополченцев понимается модель поведения и комплекс первоочередных неотложных действий в экстремальных условиях окружения и прорыва из него, которые были нацелены на сохранение их жизней и удовлетворение базовых потребностей в еде, крове, гражданской одежде.

Как уже отмечалось, источниковая база по истории московских ДНО довольно узка из-за трагической судьбы самих дивизий. Однако мне удалось обнаружить интересный комплекс источников личного происхождения, который, наряду с послевоенными мемуарами и воспоминаниями, позволяет современным исследователям подробно изучить и проанализировать основные стратегии выживания бывших ополченцев в период их нахождения в окружении и на оккупированной территории осенью–зимой 1941–1942 гг. Речь идёт о материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны при президиуме АН СССР под руководством И.И. Минца (комиссия Минца)¹¹, хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Среди тысяч документов комиссии за 1942–1948 гг. сохранился большой массив интервью («стенограмм бесед») с теми, кто воевал тогда в дивизиях народного ополчения под Москвой и выбрался из вяземского котла. Обратимся к этим уникальным документам, а также к опубликованным воспоминаниям, чтобы попытаться реконструировать и описать модели поведения, характерные для большинства бойцов, командиров и политработников ополченческих дивизий, ежедневно подвергавшихся опасности быть убитыми или захваченными в плен.

В начале октября 1941 г., когда началось немецкое наступление на Москву, практически все ополченческие дивизии летнего формирования, к этому времени переформированные в стрелковые дивизии, оказались на направлении главного удара Вермахта. Они попали либо в полное окружение (дивизии, входившие в состав 24-й и 32-й армий), либо в полуокружение (дивизии в составе 43-й и 33-й армий)¹².

В результате 2, 8, 29, 139, 140-я стрелковые дивизии пришлось расформировать ввиду невосполнимых потерь. Военные подразделения, которым удалось избежать полного разгрома и окружения, также понесли огромные потери. Например, численность 17-й стрелковой дивизии (бывшая 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района) на 12 октября 1941 г. составляла всего 483 человека, а 60-й стрелковой дивизии (бывшая 1-я дивизия народного

¹¹ Подробнее о комиссии и её деятельности см.: Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М.; СПб., 2015; *Budnitskii O. A Harvard Project in Reverse. Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences of the History of the Great Patriotic War – Publications and Interpretations* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 19. 2018. № 1. P. 175–202; и др.

¹² 22 ноября 1966 г. на конференции, посвящённой 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Г.К. Жуков вспоминал: «Особенно невыгодное для нас соотношение было создано на участке Резервного фронта, где противник наносил один из главных ударов. Этот удар пришёлся по 24-й и 43-й армиям Резервного фронта... Западный, Резервный и Брянский фронты понесли большие потери. В период со 2 по 10 октября Западный и Резервный фронты, по существу, перестали существовать. Была окружена [в районе Вязьмы] значительная часть войск этих фронтов, и кроме окружённых войск были сильно потрепаны 30, 43 и 33-я армии, которые, понеся значительные потери, не имели возможности вести организованное сопротивление» (Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001. С. 180).

ополчения Ленинского района) — 669 человек¹³. Уцелевшие остатки семи дивизий народного ополчения были в короткий срок заново переформированы, пополнены новым личным составом и вновь направлены на фронт под Москву, сохранив при этом прежнюю нумерацию.

Те из ополченцев, кто в составе небольших групп решили прорываться из окружения на восток, по направлению к Москве, интуитивно понимали, что более или менее безопасное продвижение возможно лишь ночью, а днём следует отдыхать и набираться сил. По возможности, двигаться следовало по грунтовым сельским дорогам, через леса и перелески, оставляя в стороне крупные населённые пункты и шоссейные дороги. А.П. Смирнов (1899—1974), ополченец 1-й ДНО Ленинского района, в интервью сотрудникам комиссии Минца обращал внимание именно на этот факт: «Мы шли лесами. Открытые пространства и дороги мы пересекали ночью, а днём отсиживались в глубине лесов. Первоначально лесов было довольно значительное количество, и идти было легко... Мы прошли до реки Угры, переправились через эту реку приблизительно числа 9—10 октября. Разделись и в холодной воде прошли. С одним из наших бойцов случилось несчастье. Он уронил плащ-палатку со всем имуществом в воду и вылез нагишом, но мы ему кое-что собрали. Первый раз в жизни я выпил после этого холода одеколона, чтобы не простудиться»¹⁴. Об этом же рассказывал и его однополчанин П.Г. Рындзюнский (1909—1993): «Шли мы по ночам... Мы подошли к шоссе. По нему двигались на мотоциклах немцы, мы побоялись его пересекать днём. Легли вблизи него. В это время выпал первый ранний снег, мы заснули, и, когда я проснулся, у меня в ботинке был лёд. (Когда до этого Рындзюнский по мосту переходил реку, то попал в воду и промочил ногу. — Д.К.). Тут я отморозил ногу»¹⁵. Такое же, характерное для окруженцев поведение описывают в своих послевоенных воспоминаниях Б.М. Рунин (1912—1994) из 8-й ДНО Краснопресненского района¹⁶, Б.В. Зылев (1916—2004) из 6-й ДНО Дзержинского района¹⁷ и А.Е. Гордон (1918—2010) из 5-й ДНО Фрунзенского района¹⁸.

Чтобы остаться в живых, ополченцам необходима была постоянная помощь местных жителей, успешная коммуникация с населением, в основном женским. Как свидетельствуют в стенограммах бесед сами ополченцы, в большинстве случаев колхозники и крестьяне Смоленской и Московской областей не воспринимали бойцов и командиров РККА как чужих и всячески им помогали. Рындзюнский вспоминал: «В деревнях меня очень хорошо принимали, в одной деревне накормили большим куском мяса, в другой деревне я ночевал, и там меня накормили. За всё время крестьяне принимали исключительно хорошо, на всём протяжении дороги было исключительное отношение и не только ко мне, но вообще к человеку в красноармейской форме, они буквально нас спасали, не отказывали в ночлеге и пище и даже сами предлагали... Я ходил по избам и просил, кто что даст. Пробовал я из промёрзшей земли выкапывать

¹³ Цит. по: *Разин С.А.* Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941 г. М., 2023. С. 170.

¹⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 28, л. 5.

¹⁵ Там же, д. 27, л. 6 об.

¹⁶ *Рунин Б.* Указ. соч. С. 12, 16—17.

¹⁷ *Зылев Б., Дарков А.* Указ. соч. С. 102, 104.

¹⁸ *Гордон А.Е.* Указ. соч. С. 162.

кормовую свёклу, и некоторое время я питался больше свёклою. Крестьяне мне давали, кто что мог — кто блин, кто пирожок, а кто просто кусочек хлеба»¹⁹.

Схожие воспоминания остались и у Смирнова: «Крестьяне нас снабжали и, вообще, так тепло к нам относились в Смоленщине, что сказать трудно. Везде мы находили себе кусок хлеба. В деревнях организовался своеобразный актив проводников. Спросишь, куда идти, и тебе укажут, куда обратиться, чтобы узнать точное направление. Указывали даже, куда можно зайти подкормиться, где лучше можно устроиться на ночлег. Надо сказать, что по этим деревням проходили сотни тысяч людей. И для всех находился кусок хлеба. Там я понял, что значит народная война. Мы не были одиноки и всюду видели тёплое отношение. Я помню один только случай, когда в каком-то доме нам отказали, но и то мы потом узнали, что это бывшие кулаки. На смоленской земле больше такого случая не встречалось»²⁰.

О том же свидетельствовал и ополченец 9-й ДНО Кировского района М.М. Рыбаков (1891–1969): «По дороге колхозное население к нам относилось исключительно хорошо: помогали хлебом, молоком и картошкой, показывали направление. Своевременно предупреждали, где были поблизости немцы, и сопровождали. Один старичок 65 лет нас сопровождал 20 км. Провёл через деревни, которые не заняты были противником, обходя ближние деревни, где находились немцы»²¹.

Однако договориться с хозяевами о еде и ночлеге удавалось далеко не всегда, и красноармейцы вынуждены были скитаться голодными. Вот пример такого эпизода, участником которого стал ополченец Смирнов: «Вспоминаю, как одна старушка, к которой мы подошли с невинной просьбой дать нам воды, вдруг со злостью нам сказала: “Проходи, проходи! 24 года процарствовали и будет, довольно”! Такое враждебное отношение бросалось в глаза в Московской области. Той теплоты, искренности и поддержки, которые были в Смоленской области, здесь мы не находили»²². Но, скорее, такие случаи были все же исключением. Наоборот, местное население всячески стремилось помочь красноармейцам, оказавшимся в смертельной опасности на оккупированной территории»²³.

Ещё одной спасительной мерой, которая должна была способствовать выживанию, стала замена военного обмундирования на гражданскую одежду. Чтобы не попасть в плен, требовалось немедленно сменить красноармейские шинели и пилотки на одежду колхозника. Так, например, А.В. Дарков с благодарностью вспоминал колхозника Зайцева, отца шестерых маленьких детей, который, тем не менее, «сменял мне мою шинель на тужурку с меховой под-

¹⁹ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 27, л. 7, 9–10.

²⁰ Там же, д. 28, л. 5 об.

²¹ Там же, оп. 70, д. 2, л. 2. Фрагмент этой стенограммы был впервые опубликован в сборнике документов: Москва прифронтовая... С. 187. О помощи продуктами питания и одеждой со стороны колхозников ополченцам, оказавшимся в окружении, см. также: *Рунин Б.* Указ. соч. С. 26; *Зылев Б., Дарков А.* Указ. соч. С. 103–104, 113–114, 173; *Дунаевский В.А.* «О прошедшем» (июнь 1993 г.) // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 286.

²² НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 28, л. 6. См. также: *Головин И.Н.* Сто дней в ополчении. См. главу «Один, выход из окружения» (URL: <http://www.famhist.ru/famhist/golovin/000354dd.htm>).

²³ См., например, стенограмму беседы с А.В. Дарковым от 8 апреля 1943 г.: НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 41, д. 3, л. 22, 24. Фрагмент этой стенограммы был впервые опубликован в книге: Москва прифронтовая... С. 191–196.

кладкой»²⁴. Такая трансформация внешнего облика давала возможность ополченцам относительно безопасно передвигаться по сельским дорогам и днём. Тем самым восстанавливался и привычный режим отдыха и сна²⁵.

Вынужденное уничтожение личных документов ополченцами также следует рассматривать в качестве необходимого средства их выживания при выходе из окружения и проживании на оккупированной территории²⁶. Понимая, что одним из способов спасения могут стать фальшивые документы, ополченцы просили представителей местной власти выдать им подложные справки о работе в их колхозе, и колхозники оформляли такого рода документы²⁷.

Повседневная жизнь ополченцев на оккупированной территории была полна опасностей. Очень часто их спасали местные крестьяне, выдавая за своих родственников или знакомых. Так, Рындзюнский вспоминал: «Я был уже одет в гражданское, но внизу под гражданской одеждой была моя красноармейская. Они (немцы. — *К.Д.*) схватили меня, начали осматривать, выяснили, что внизу красноармейская одежда, назвали меня партизаном. Там с переводчиком разговаривал какой-то штабной офицер. Я сказал, что я из этой деревни, сослался на мою знакомую, и, благодаря этому, он меня отпустил. Перед этим меня спасли ещё крестьяне. Когда они меня задержали в охране, я сделал вид, что я не понял, что они меня задерживают, и со спокойным видом вышел из избы. И вдруг слышу женский крик за собой. Я оглянулся и увидел, что немец вскинул винтовку и хотел стрелять в меня. Женщина спасла меня, сказала, что я здешний и даже показала, что у меня “цвай киндер” (два ребёнка. — *К.Д.*)»²⁸. Свидетелем похожей ситуации стал и Дарков, когда он прятался по колхозным домам от немцев. Красноармейца спасла женщина, назвав себя его матерью²⁹.

Существенных отличий в стратегиях выживания бывших ополченцев и других красноармейцев, оказавшихся в окружении под Вязьмой, не было. На практике эти стратегии являлись универсальными в сложившихся обстоятельствах, их использовали и другие советские военнослужащие, в том числе и кадровые офицеры РККА. Достаточно заглянуть в воспоминания генерал-лейтенанта И.А. Толконюка (1913–1995). В середине октября 1941 г. капитан Толконюк, служивший в оперативном отделе штаба 19-й армии генерала М.Ф. Лукина, прорывался из вяземского окружения на восток с группой бойцов и командиров численностью около 280 человек. Вот что он пишет: «По открытой местности шли ночами, отсиживаясь днём в каком-либо укрытии. Лесами шли и днём. В первые дни удавалось заходить в не занятые немцами сёла и запастись продовольствием. Потом свободных от противника населённых пунктов становилось всё меньше и меньше; наконец их вовсе не стало... В населённых пунктах, как правило, ночевать не приходилось. Отдыхали в лесу, изловчившись, когда позволяла обстановка, разводить костры в любую погоду. Добывать пропитание стало трудно, а порой и вообще невозможно. Стал преследовать голод»³⁰. Как видим, здесь та же стратегия выживания — передвижение ночью, через леса, по глухим дорогам, в стороне от населённых пунктов, занятых противником.

²⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 41, д. 3, л. 19.

²⁵ Рунин Б. Указ. соч. С. 23, 27–28.

²⁶ Зылев Б., Дарков А. Указ. соч. С. 110; Рунин Б. Указ. соч. С. 22.

²⁷ См.: Зылев Б., Дарков А. Указ. соч. С. 170.

²⁸ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 27, л. 10.

²⁹ Там же, оп. 41, д. 3, л. 21.

³⁰ См.: Толконюк И.А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М., 2017. С. 208–209.

Как и в случае с ополченцами, продукты питания, укрытия от непогоды и холода, безопасный ночлег в сельском доме могли предоставить группе Толконюка только местные жители, с которыми необходимо было договариваться. В противном случае был риск, что крестьяне донесут о красноармейцах, оказавшихся в их селе, немцам. Так случилось, например, в с. Форово, когда «одна женщина, у которой наши солдаты самовольно зарезали поросёнка, ночью сбегала к немцам и сообщила им о нас, чтобы отомстить». В отличие от рассказов ополченцев, воспоминания Толконюка свидетельствуют, скорее, о настороженном, безучастном или нейтральном отношении колхозников к судьбам бойцов и командиров РККА, выходивших из окружения и оказавшихся на оккупированной территории. Толконюку встречались преимущественно женщины и подростки, и «все они, за малым исключением, казались неразговорчивыми, отвечали на вопросы нехотя и односложно. Их скудная информация была путаной и противоречивой. На вопрос, как бы связаться с партизанами, они неизменно делали удивлённое лицо и говорили, что ничего не слыхали и ничего не знают. Бойцов Красной армии они называли “ваши”, а немцев — “они”»³¹.

Толконюк был кадровым военным, коммунистом, человеком с обострённым чувством справедливости, верным присяге и солдатскому долгу. Как один из старших офицеров, который имел карту местности и компас, он руководил движением всей группы. При этом он выходил из окружения с оружием в руках, в советской военной форме, сохранив знаки различия и партийные документы. Но такое образцовое поведение было характерно далеко не для всех кадровых офицеров, что уж говорить о рядовых бойцах, оказавшихся в экстремальной ситуации окружения. Чтобы избежать плена, многие красноармейцы стремились сменить военное обмундирование на гражданскую одежду, передвигаться без оружия и документов. Как вспоминает Толконюк, однажды к их лесному костру вышла группа военнослужащих во главе с полковником К. Люди были одеты в штатскую одежду, при них не было ни оружия, ни документов. Они стали «настойчиво советовать нам последовать их примеру: уничтожить документы, бросить оружие, переодеться в гражданское и, выдавая себя за невоеннослужащих, идти в более безопасной обстановке»³².

Но даже успешный выход из немецкого окружения и переход через линию фронта в расположение своих частей не гарантировал ополченцам безопасность. Зачастую советское командование рассматривало окруженцев как потенциальных шпионов и диверсантов противника. Впереди их ждала проверка в особом отделе НКВД, которая могла закончиться отправкой уже в советский лагерь³³.

Поздней осенью 1941 г. возвращение окруженцев стало обыденностью для москвичей. Многие жёны ждали своих мужей, и некоторым выпадало такое счастье, когда после двух месяцев полной безвестности мужчина неожиданно приходил домой. «Вчера врач Пуриц сообщала по телефону, что прибыл её муж, который вырвался из немецкого окружения под Вязьмой. Она не имела от него никаких известий около 2-х месяцев. И он пришёл... А что же сказать мне о Серго? Прошёл сентябрь, октябрь и кончается ноябрь, а я в полном неведении. Где он, где?... Те, кто попадал в окружение, давно уже вернулись. О нём ни слуху, ни духу», — записала в своём дневнике 23 ноября 1941 г. врач район-

³¹ Там же. С. 217, 223.

³² Там же. С. 216.

³³ См.: Гордон А.Е. Указ. соч. С. 162. О сборном пункте для вышедших из окружения см.: Рунин Б. Указ. соч. С. 33–34.

ной поликлиники Е. Сахарова³⁴. Но лишь отдельные счастливы, вырвавшись из окружения и пройдя сотни километров по оккупированной противником территории, смогли пройти проверку и вернуться в Москву. Основная же масса ополченцев либо погибла, либо попала в немецкий плен³⁵.

Уцелевшие остатки семи дивизий ополчения ещё в ходе Московской битвы были полностью переформированы за счёт других воинских частей, прибывавшего пополнения, а также вышедших из окружения. «После вяземского прорыва, когда части Красной армии под напором численно превосходившего противника отходили к Москве, дивизия, сохранив свои основные кадры, вошла в район Звенигорода и здесь по приказу командования была направлена на переформирование. В одном из санаториев, где до войны отдыхали советские учёные, в такой сугубо мирной обстановке, закипела напряжённая военная жизнь — формировалась дивизия. День и ночь по дорожкам старинного парка шагали группы бойцов и командиров. Там и тут составлялись списки, формировались подразделения и части. Автомобили подвозили обмундирование, вооружение, боевые припасы. Напряжённо работал аппарат управления. На базе бывшей ополченческой дивизии создавалась 18-я стрелковая дивизия регулярной Красной армии», — сообщал в беседе сотрудникам комиссии Минца заместитель ответственного редактора дивизионной газеты «За Родину» 18-й ДНО Ленинградского района старший политрук С.Е. Гарбузов (1908–1962)³⁶.

Комиссар штаба 9-й ДНО Кировского района В.М. Нехаев (1898–?) вспоминал: «В ожесточённых боях мы прорвали кольцо окружения в районе южнее Вязьмы и 18/Х подошли к Можайску, влились в 5 армию. Всего я вывел 522 чел[овек], бойцы и командиры Кирдивизии»³⁷. Схожим образом выход ополченцев из окружения описывал комиссар 3-го батальона 1314-го стрелкового полка 17-й ДНО Москворецкого района В.Е. Филиппов (1901–?): «Когда мы прибыли в Можайск, нас было около 155 чел[овек] в батальоне. Там был пересыльный пункт, и мы получили назначение в Чернь, кажется. В окружении мы, по существу, не были, отходили. Всё было вразброд, ни одного полка, ни одного батальона. Командир дивизии вышел отдельно, на две недели позднее нас. Он человек 200 вывел»³⁸.

Случилось так, что И.А. Толконюк 30 октября 1941 г. вышел из окружения в расположение частей 33-й армии, а в июне 1942 г. после лечения в госпитале был направлен для прохождения дальнейшей службы в её штаб. Он смог объективно оценить боевой путь 33-й армии, которую называл армией московского народного ополчения: «За полгода жестоких боёв в невероятно тяжёлых условиях соединения и части, созданные из народного ополчения, закалились, возмужали, укрепились в уверенности в свои силы и возможности, обогатились многообразным боевым опытом и во всех отношениях достигли уровня кадровых соединений и частей; они тоже стали кадровыми, и уже не было оснований называть их ополченческими... В штабе армии, штабах родов войск

³⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 5, д. 16, л. 9, 10.

³⁵ См., например, стенограммы бесед с бывшими ополченцами 13-й ДНО Ростокинского района Н.А. Сусаровым и И.И. Богдановым, которые пережили ужасы немецкого плена: Там же, разд. I, оп. 67, д. 6, л. 3 об.; д. 10, л. 6–6 об.

³⁶ Там же, оп. 30, д. 1, л. 27.

³⁷ Там же, оп. 70, д. 4, л. 1 об.

³⁸ Там же, оп. 68, д. 18, л. 5. Эта стенограмма была впервые опубликована в книге: Москва военная... С. 273–277.

и служб, в штабах соединений и частей было много офицеров и политработников, пришедших из московского народного ополчения, бывших сотрудников правительственных учреждений, центральных управлений, научных и учебных заведений. Все они имели высокое образование, и большинство из них быстро освоило военное дело и успешно справлялось со своими обязанностями»³⁹.

В заключение необходимо ещё раз отметить, что стратегии выживания московских ополченцев в экстремальных условиях немецкого окружения под Вязмой и выхода из него, а затем проживания на оккупированной территории осенью—зимой 1941–1942 гг. были направлены, прежде всего, на физическое выживание людей. Чтобы сохранить свою жизнь и удовлетворить базовые физические потребности — в еде, безопасном жилище, гражданской одежде, — они должны были изменить своё привычное поведение.

Во-первых, чтобы прорваться из окружения к линии фронта, следовало передвигаться только в ночное время, через лесные массивы и по небольшим грунтовым просёлочным дорогам, обходя стороной шоссе, по которым в это время шла мотопехота противника. В связи с этим отдых и сон у ополченцев происходил, как правило, днём, а не ночью. Во-вторых, необходимо было заручиться поддержкой и помощью местных колхозников-крестьян во время поиска продовольствия и безопасного жилища. В-третьих, нужно было как можно скорее произвести трансформацию своего внешнего вида и поведения — заменить армейское обмундирование на гражданскую одежду, уничтожить подлинные документы и обзавестись фальшивыми справками, сменить имя, придумать новую биографию и т.д. И, наконец, в-четвёртых, следовало использовать возможность проживания у своих настоящих или фиктивных сельских родственников в качестве «приймаков» или «зятков».

При этом стратегии выживания ополченцев вряд ли чем-то отличались от стратегий выживания других окруженцев. Так сложилось, что бывшие ополченцы, как правило, горожане-москвичи, грамотные и образованные, которым посчастливилось выжить после вяземской катастрофы, смогли выразить свои мысли, чувства и переживания по поводу трагических событий осени 1941 г. в дневниковых записях и воспоминаниях, в интервью сотрудникам комиссии Минца. Поэтому их судьбы стали нам известны. Но миллионы бойцов, зачастую малограмотных или вовсе не грамотных, оказавшихся в многочисленных «котлах» первого года войны, так и погибли безвестными.

В полной мере воссоздать индивидуальный опыт выживания московских ополченцев в кризисной ситуации осени 1941 г., а тем более, отразить те чувства и переживания, которыми они жили тогда, наверное, не удастся никому из современных исследователей. Ибо, как справедливо написал бывший ополченец Б.М. Рунин, «только те, кому довелось в сорок первом выходить из окружения в отрыве не только от своей части, но даже от своего подразделения, только такие бедолаги знают, что собой представляла эта ни с чем не сравнимая тоска абсолютной личной автономности. Только они знают, что делает с человеком эта, случайно доставшаяся ему и потому постылая свобода, свобода как осознанная необходимость распорядиться собой на войне по своему усмотрению. Что творится у человека на душе, когда он полностью предоставлен сам себе и должен действовать в условиях такого же полного отсутствия информации»⁴⁰.

³⁹ Толконюк И.А. Указ. соч. С. 240.

⁴⁰ Рунин Б. Указ. соч. С. 12.

Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг.

Владислав Рыбаков

RSFSR People's Commissariat for Justice and its activity on the courts management (1941–1945)

*Vladislav Rybakov
(HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23030069, EDN: EPXCDT

В историко-правовой литературе отсутствие независимости судебных учреждений в советском государстве рассматривается как общепризнанный факт. Её и не могло быть в условиях господства принципа единства власти. Эта черта ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда органы юстиции служили одним из наиболее важных «приводных ремней» в репрессивном аппарате СССР.

Содержательное наполнение термина «управление в сфере юстиции», в частности отнесение к нему судов, в современных исследованиях является дискуссионным¹. По мнению Р.С. Абдулина, Наркомат юстиции СССР уже в предвоенные годы превратился в орган судебного управления и политики². При этом П. Соломон утверждал, что система правосудия в сталинский период была в значительной степени самостоятельна по отношению к административным структурам³. Однако целостного представления о механизме взаимодействия между ними учёный не дал, а военное время и вовсе осталось вне его поля зрения. Отдельные элементы управления судами, осуществлявшегося наркоматами юстиции в военный период, рассмотрены А.И. Казаковым, А.Я. Кодиным, Р.С. Абдулиным⁴ и другими авторами.

© 2023 г. В.А. Рыбаков

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

¹ Олейник И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917–1936 гг.). Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; Кодинов А.Я. Государственная политика в СССР в 30–50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш, 2008.

² Абдулин Р.С. Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.): историко-юридическое исследование. М., 2014. С. 199.

³ Solomon P.H., Jr. Soviet criminal justice under Stalin. Cambridge, 1996. См. также: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998; Изд. 2. М., 2008.

⁴ Казаков А.И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; Кодинов А.Я. Наркоматы юстиции союзных республик как органы судебного управления накануне и в годы Великой Отечественной войны // Военно-юридический журнал. 2008. № 12. С. 18–21; Кодинов А.Я. Народные комиссариаты (министерства) юстиции союзных республик в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Военно-юридический журнал. 2012. № 2. С. 28–32; Кодинов А.Я. Управления наркоматов юстиции НКЮ союзных республик как органы судебного управления накануне и в начале войны

Однако совокупность инструментов, при помощи которых обеспечивалось подчинение судебных органов административным, изучена недостаточно. Между тем в чрезвычайных условиях 1941–1945 гг., ставших своеобразным «моментом истины» и «лакмусовой бумагой» как для советского правосудия, так и для сталинской системы в целом, специфика их функционирования проявлялась особенно отчётливо. Анализ полномочий Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР и их реализации на практике позволяет раскрыть механизм управления судами.

Накануне Великой Отечественной войны в ведении НКЮ находилась обширная сеть судебных учреждений: Верховный суд республики, верховные суды АССР (16), краевые и областные (54), окружные (17), а также народные суды (5154)⁵. Наркомат управлял ими, выполняя как организационные, так и контрольные функции. Он имел право проверять их деятельность и правильность применения ими законодательства, направлять неверно разрешённые дела в Верховный суд РСФСР, исследовать и обобщать судебную практику, издавать приказы и инструкции по организации и совершенствованию работы судов⁶. Руководство народными судами осуществлялось через НКЮ автономных республик, краевые и областные управления республиканского наркомата.

Война повлекла за собой значительные изменения, направленные на ужесточение мер наказания по обвинению в контрреволюционных, военных и должностных преступлениях, преступлениях против порядка управления, а также посягательствах на социалистическую собственность. Появились новые нормативные акты карательного характера. Так, президиум Верховного совета СССР в 1941 г. принял указы 6 июля — об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, и 26 декабря — об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы, в 1942 г.: 13 февраля — о мобилизации трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве и 15 апреля — об ответственности за уклонение от мобилизации на сельхозработы или за самовольный уход мобилизованных с работы. На базе народных, краевых и областных судов на территориях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий создавались военные трибуналы, руководство которыми поручили местным управлениям юстиции⁷.

В других местностях обвинения в хищении социалистической собственности, спекуляции, растрате, самовольном уходе с предприятий, уклонении от мобилизации рассматривали народные суды. Период 1941–1945 гг. отличается

(1939–1942 гг.) // История государства и права. 2014. № 3. С. 49–54; *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации...

⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 14, д. 110, л. 2; оп. 16, д. 62, л. 116.

⁶ Постановление СНК РСФСР № 646 от 11 ноября 1939 г. «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции РСФСР» // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. 1939. № 10. Ст. 37.

⁷ Так, в Москве, находившейся на осадном положении с 20 октября 1941 г., управление НКЮ осуществляло руководство и контроль над работой городского военного трибунала. Подробнее см.: *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации... С. 200–202; *Латышева Н.А.* Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 19–23.

наибольшим числом репрессированных за всю историю СССР: около 16 млн человек, из них суды общей юрисдикции приговорили 13 млн⁸.

Существенные изменения в законодательстве и возрастания роли органов чрезвычайной юрисдикции не повлияли на формы и методы работы Наркомюста РСФСР. Основными инструментами судебного управления оставались его указания по применению законов и по работе судов, ревизии и проверки, административные решения в отношении судей. Ещё 8 апреля 1941 г. замнаркома юстиции РСФСР приказал начальникам управлений принять меры по устранению случаев наказания спекулянтов ниже санкции, установленной ст. 107 УК РСФСР (лишение свободы на срок не менее пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества). Следовало принять меры к отмене уже вынесенных приговоров по этим делам⁹.

Во время войны особое внимание органов юстиции обращалось на судебную практику по контрреволюционным преступлениям. Так, секретная директива № 18/28с, направленная 15 сентября 1941 г. заместителем наркома юстиции СССР И.А. Басавиным (с 5 января 1944 г. — нарком юстиции РСФСР), предписывала судам, независимо от объявления местности на военном положении, применять ч. 2 ст. 58–10 УК РСФСР¹⁰. В соответствии с ней за антисоветскую агитацию и пропаганду могла быть назначена смертная казнь, в то время как ч. 1 этой статьи предусматривала только лишение свободы. Бригада НКЮ РСФСР, обследовавшая в сентябре 1941 г. деятельность Верховного суда республики, указала, что «наиболее типичные политические ошибки и извращения» в работе коллегии заключались в сохранении по ряду дел в силе приговоров по ч. 1 ст. 58–10 УК (8–10 лет лишения свободы) вместо переквалификации на ч. 2 этой статьи, основной мерой наказания по которой был расстрел¹¹.

24 сентября 1941 г. на совещании членов Верховного суда РСФСР замнаркома юстиции И.Д. Перлов откровенно заявил: «Спрашивается, когда судишь по этой статье, надо ли всех расстреливать?.. Санкция этой статьи требует применения расстрела, если нет смягчающих вину обстоятельств. Надо понять, что репрессия применяется в условиях военного времени, а то можно так разжижить 2 ч. 58–10 ст. УК, что и боевой дух её пропадёт». Как справедливо отметил О.В. Будницкий, судьям приходилось не столько объяснять основания для применения смертной казни, сколько искать оправдания, почему они её не применили¹².

НКЮ регулярно требовал от судов ужесточения наказаний. 31 октября нарком К.П. Горшенин издал секретный приказ № 07к о работе по делам о контрреволюционных преступлениях в военное время. В нём говорилось, что суды не перестроили свою деятельность в соответствии с требованиями обстановки, «в ряде случаев проявляют гнилой либерализм», выносят мягкие приговоры, неверно квалифицируя антисоветскую пропаганду. Так, Астраханский окруж-

⁸ *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941: toward a history of wartime Stalinist criminal justice // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. Vol. 20. 2019. № 3. P. 447. Сведения о числе осуждённых взяты из: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. М., 2004. С. 620.

⁹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 34, л. 29.

¹⁰ Там же, оп. 16, д. 36, л. 58. Эту директиву отменили в апреле 1942 г.

¹¹ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11.

¹² *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941... P. 454–455; ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11.

ной суд приговорил некого Красавина к лишению свободы сроком на восемь лет по ч. 2 ст. 58–10 за «пораженческую агитацию», проводившуюся 22 июня 1941 г. Как утверждалось в приказе, Красавин служил в армии Н.Н. Юденича, выдавал коммунистов, в 1935 г. высылался НКВД на пять лет, и никаких оснований к смягчению наказания суд не имел. Приказ также требовал от судебных органов после начала войны квалифицировать «контрреволюционную агитацию и пропаганду» по ч. 2 ст. 58–10 независимо от наличия или отсутствия в местности военного положения¹³.

Указания НКЮ и отмена Верховным судом РСФСР приговоров из-за их мягкости привели к тому, что отдельные областные суды стали огульно применять по таким делам высшую меру наказания¹⁴, а общее количество расстрельных приговоров, утверждённых судами республики, возросло в третьем квартале по сравнению с первым полугодием 1941 г. почти вдвое (487 против 286), а в четвёртом — ещё в 2,5 раза (1194)¹⁵.

Курс на ужесточение проводился и в отношении других преступлений. В 1942 г. по итогам ревизии органов юстиции Татарской АССР подверглась критике «недостаточно репрессивная» политика судов в отношении лиц, привлечённых к ответственности за прогулы и самовольный уход с работы по указу 26 июня 1940 г. В народных судах автономии реабилитировали более 3,5 тыс. человек, а местный нарком юстиции М.С. Якупов ещё и поставил вопрос о том, что по данному указу в массовом порядке под суд отдаются невинные люди. Этот «непорядок» Наркомюст потребовал ликвидировать¹⁶. Приказ наркома юстиции РСФСР 12 декабря 1942 г. осудил «либеральное» отношение судов Коми АССР к расхитителям социалистической собственности, растратчикам, спекулянтам и дезорганизаторам производства¹⁷.

Впрочем, в следующем году, под влиянием нареканий и указаний из НКЮ СССР, а также приказа наркомов обороны и внутренних дел и прокурора СССР 13 марта 1942 г. «О призыве в Красную армию лиц, осуждённых к лишению свободы [на срок] не свыше 2-х лет без поражения прав»¹⁸, Горшенин объявил, что борьба с «либерализмом судов» устарела. В условиях войны опаснее незаконное осуждение, и преступнику надо дать возможность пойти на фронт и искупить вину кровью¹⁹. Таким образом, указания Наркомата, требовавшего от судебных учреждений ужесточения или смягчения наказаний, следовали директивам партийных и государственных органов. При этом степень несвободы судов оказывалась различной, находясь в зависимости от характера преступлений.

Другая часть директив и указаний НКЮ РСФСР предполагала исправление очевидных нарушений в применении норм процессуального характера. Так, широкое распространение в военное время получило заочное рассмотрение дел о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений. Ежегодно в народные суды поступало около 200 тыс. таких обвинений, из них

¹³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 37, л. 106–109.

¹⁴ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11. Подробнее см.: *Budnitskii O. The Great Terror of 1941...* Р. 447–480.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 10.

¹⁶ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 51, л. 64–67.

¹⁷ Там же, оп. 16, д. 40, л. 139, 141.

¹⁸ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 43–43 об.

¹⁹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 57, л. 77; д. 58, л. 47.

в ряде областей свыше 80% рассматривались заочно²⁰. Наркомат неоднократно указывал судам и управлениям юстиции на местах на недопустимость этого, а также запрещал единоличное рассмотрение дел об ответственности колхозников за невыработку трудодней²¹.

В годы войны очень часто совершались преступления, связанные с нарушением правил торговли и спекуляцией сельхозпродуктами, продовольственными товарами и промтоварными карточками и др. С 1941 по 1945 г. в народные суды РСФСР поступило более 103 тыс. уголовных дел по ст. 107 УК (спекуляция), по которым осудили почти 61 тыс. человек. За этот же период по ст. 105 (нарушение правил торговли) привлекли к уголовной ответственности почти 91 тыс. человек, из них осудили 80 тыс.²², во многих случаях безосновательно. Народным судам приказом наркома юстиции РСФСР № 26 31 мая 1944 г. предписывалось прекратить незаконную практику осуждения граждан по ст. 105 за единичную и случайную перепродажу купленных товаров и обмен товаров в потребительских целях. Одновременно требовалось не допускать наказания по этой статье явных спекулянтов, применяя к ним ст. 107²³.

Директивная деятельность НКЮ РСФСР на всём протяжении войны оставалась достаточно активной. Исключением стал лишь 1942 г., когда большая часть подразделений и сотрудников Наркомата находилась в эвакуации в Чкаловской обл. Каждое полугодие на места рассылалось от 17 до 32 директивных и методических писем²⁴. В частности, во второй половине 1941 г. Наркомат дал судам 19 указаний, а общее число разосланных директивных писем, в том числе от НКЮ СССР и Верховного суда РСФСР, составило 28²⁵. Значительная часть этих документов, исходивших от Наркомюста РСФСР, посвящалась организации работы судов, регламентации процесса по разным категориям дел, уточнению применения правовых норм, результатам обобщения судебной практики, оказанию помощи судьям.

Начальники краевых и областных управлений юстиции также имели право давать судам руководящие указания. Во многих случаях это приводило к нарушению законов. В данном отношении выделялось управление НКЮ по Ростовской обл., которое направило народным судам несколько противоправных директив: о привлечении к уголовной ответственности за обмен предметов широкого потребления на сельскохозяйственные продукты при отсутствии в нём признаков спекуляции, о привлечении за самогоноварение во всех случаях как за спекуляцию, о единоличном рассмотрении дел об ответственности колхозников за невыработку трудодней. В результате народный суд Андреевского района 30 января 1942 г. вынес обвинительный приговор местной жительнице Свечкиной за продажу на рынке лимона, купленного в магазине (ст. 105). На-

²⁰ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 102, л. 64.

²¹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 47, л. 32–37; оп. 16, д. 47, л. 11 об. Проблему решило – по крайней мере формально – постановление СНК СССР № 1952 1 августа 1945 г. «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений» (см.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 259).

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 975, л. 23, 67, 70.

²³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 61, л. 62 об.

²⁴ Там же, д. 428, л. 152–154; д. 464, 508–509, 543; оп. 16, д. 47, л. 6; д. 51, л. 77–77 об.

²⁵ Там же, оп. 13, д. 428, л. 152–154.

родный суд второго участка г. Новошахтинска осудил за спекуляцию (ст. 107) и приговорил к десяти годам лишения свободы колхозника Гайворененко за продажу мяса принадлежавшей ему коровы²⁶. Эти приговоры и указания народным судам Ростовской обл. впоследствии отменили.

Однако практика издания директив и приказов по вопросам, не входившим в компетенцию местных руководителей, имела место и в других областных структурах НКЮ. При этом они нередко прямо противоречили закону и постановлениям пленума Верховного суда СССР. Так, начальник управления по Сталинградской обл. выпустил совместно с прокурором и начальником областной милиции директиву, обязавшую судебные органы привлекать к ответственности граждан за всякий обмен, вне зависимости от наличия или отсутствия в нём признаков спекуляции. И.о. начальника управления по Смоленской обл. 26 мая 1942 г. категорически запретил судам назначать условное осуждение по всем делам, вне зависимости от характера преступления и личности обвиняемого. Он же велел применять максимум санкций за прогулы и самовольные уходы с работы²⁷. Согласно указу 26 июня 1940 г., наказание за прогул предусматривалось в виде исправительно-трудовых работ сроком до шести месяцев с удержанием до 25% заработной платы, а за самовольный уход с предприятия или из учреждения полагалось тюремное заключение от двух до четырёх месяцев.

Управление по Молотовской обл. неоднократно давало народным судам противоправные установки. В результате применялись меры наказания, не предусмотренные законами, без учёта как личности обвиняемого, так и существа дела. По указанию начальника управления прекратили ряд дел о мелких кражах на производстве, в то же время остались в силе приговоры по делам, подлежащим прекращению за отсутствием состава преступления²⁸. Прямым вмешательством в работу судебной системы стала директива начальника управления по Ярославской обл. 2 марта 1942 г., обязавшая народных судей высылать председателю облсуда для проверки приговоры по делам о преступлениях, связанных с весенним севом²⁹. Одновременно с этим, впрочем, выходили указания местных управлений юстиции, нацеленные на действительное улучшение организации работы судов и соблюдение законности в их деятельности. Они касались требований к срокам рассмотрения дел, своевременной отчётности и т.д.

Основной формой контроля за деятельностью судебных органов являлись комплексные и целевые проверки. Как правило, ревизия (комплексное обследование) осуществлялась бригадой оперативных работников наркомата и местных управлений юстиции. Целевая проверка, проводившаяся чаще всего отдельным ревизором, предполагала контроль выполнения конкретных постановлений партии и правительства, приказов наркомюстов СССР и РСФСР или рассмотрение какого-либо участка работы суда. Целью этих действий заявлялось исправление недостатков и оказание практической помощи судьям³⁰. Результаты ревизий и проверок обычно обсуждались на заседаниях коллегии НКЮ РСФСР, а затем оформлялись приказом наркома или его заместителя с требованием устранить выявленные нарушения и привлечь виновных к ответственности.

²⁶ Там же, д. 47, л. 32–37.

²⁷ Там же, д. 49, л. 3.

²⁸ Там же, д. 50, л. 74–74 об.

²⁹ Там же, д. 49, л. 3.

³⁰ Там же, д. 61, л. 134.

Ревизии стали главным методом управления судами ещё до начала войны. Начальник управления судебных органов (с 1939 г.) и одновременно (с лета 1941 г.) заместитель наркома юстиции РСФСР Перлов приложил немало усилий, чтобы наладить систему плановых проверок региональных судов. Ревизоров стали прикреплять к определённым территориям, а в октябре 1942 г. утвердили примерную программу ревизии народного суда. Количество проверок в условиях военного времени не сократилось, сузилась лишь их география, главным образом в связи с оккупацией ряда территорий³¹. В то же время уменьшилось количество обследований народных судов местными управлениями юстиции. Так, управление НКЮ по Свердловской обл. в первый год войны ревизовало только 43 судебных участка из 117³².

Анализ 25 отчётов краевых и областных управлений юстиции, проведённый в 1943 г. показал, что произошло перераспределение форм контроля в пользу целевых проверок по делам о прогулах и самовольном уходе с предприятий и из учреждений, невыработке колхозниками обязательного минимума трудовой, контрреволюционных преступлениях, расхищении продовольственных и промышленных товаров, растратах и хищениях в кооперации и государственной торговле, спекуляции и др.³³

Наиболее результативными показали себя ревизии, в которых принимали участие руководители НКЮ РСФСР. В 1943 г. бригада во главе с Перловым работала в Молотовской, а затем в Кировской и Кемеровской областях. Бригада во главе с замнаркома Е.А. Румянцевой побывала в Саратовской, а затем в Тамбовской областях. В феврале 1943 г. бригада во главе с Горшениным ревизовала Свердловский областной и 44 местных народных суда. Внимание ревизоров сосредоточилось на делах о трудовых преступлениях, растратах и хищениях. По результатам изучения судебной практики местным работникам указали на ошибки. Так, в Свердловске выявили недостатки, типичные и для других областных судов: вынесение неправильных определений, дача народным судам разноречивых указаний, игнорирование процессуальных нарушений, оглашение на заседаниях не всех документов, в том числе приговоров. Многие судьи не знакомились с поступавшими жалобами и протестами на приговоры, отправляли их в Верховный суд РСФСР с большим опозданием³⁴.

В ходе ревизий изучались местные кадры, уровень их подготовки и целесообразность расстановки, работа аппарата судов и судебных исполнителей, оказывалась помощь в устранении недостатков. Так, в конце 1942 г. бригада из центра укомплектовала состав народных и областного судов Горьковской обл., проверила 32 народных суда и провела инструктаж их работников, изучила судебную практику по ряду дел важнейших категорий, сделала представления по тем из них, которые сочла неправильно разрешёнными. Итоги ревизии обсудили на совещании сотрудников управления и народных судей, доложили

³¹ См.: В коллегии НКЮ СССР. Итоги проверки работы НКЮ РСФСР за время войны // Социалистическая законность. 1942. № 13–14. С. 27–29; ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 51, л. 3, 74–74 об.; д. 56, л. 3 об., 58 об.–59; ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 42.

³² Козинцев А.Я. Управления наркоматов юстиции НКЮ союзных республик... С. 53.

³³ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 91, л. 50; ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 9–9 об.

³⁴ Козинцев А.Я. Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны // История государства и права. 2012. № 16. С. 43–44; ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 7 об.; оп. 16, д. 45, л. 53.

секретарю обкома³⁵. Ревизия Ярославского облсуда выявила случаи неосновательной отмены приговоров или, наоборот, оставления в силе незаконных решений, а также ошибки в кассационной практике. Кроме того, стало известно о составлении членом облсуда подложного определения. Итоги ревизии обсуждались на совещании работников облсуда и были представлены председателю облисполкома³⁶.

Однако в большинстве случаев проверки не достигали главной цели — выявления и исправления допущенных ошибок и улучшения работы судебного учреждения. Качество их проведения в целом оставалось крайне низким, что неоднократно отмечалось и НКЮ РСФСР, и местными структурами. Так, в протоколе закрытого партсобрании управления по Ростовской обл. 29–30 июля 1943 г. говорилось, что ревизии «недостаточно глубокие, поверхностные, не дающие должного эффекта в работе проверяемого народного суда»³⁷. Это приводило к пересмотру более высокой судебной инстанцией значительного количества приговоров и решений. По данным облсуда, только в марте–июле отменили 27% приговоров и 55% решений народных судов³⁸. Всего же по СССР, согласно данным управления кадров ЦК ВКП(б), только за 1942 и первый квартал 1943 г. вышестоящие инстанции отменили приговоры народных судов по уголовным делам в отношении 103461 человека. В каждом таком случае отмечались серьёзные нарушения законодательства, допускавшиеся при их вынесении³⁹.

В 1941–1942 гг. в Татарской АССР необоснованного преследовался сельский актив. Так, председателя колхоза «Иркен-Юл» Альметьевского района на второй день после избрания на должность отдали под суд за невыполнение плана зернопоставок и приговорили к четырём годам лишения свободы (по ст. 59–6). Председатель колхоза Кзыл-Юльского сельсовета на втором месяце деятельности получил год исправительно-трудовых работ за несвоевременный ремонт молотилки (по ст. 111). Оба факта прошли мимо внимания ревизорского аппарата НКЮ автономии, который реагировал на случаи необоснованного осуждения с большим опозданием. Пересмотр дел выявил много подобных случаев⁴⁰.

Нередко выводы о правильности применения народными судами тех или иных мер наказания проверяющие делали на основании лишь статистических данных о процентах отмены или оставления в силе приговоров и решений, на основании незначительного количества дел или вообще без их изучения и анализа. К примеру, ревизор управления по Горьковской обл., проверив всего шесть дел по ст. 79–4 (преступно-небрежное обращение с лошадьми), из которых по двум вынесли оправдательные приговоры, а одно прекратили за отсутствием состава преступления, сделал вывод: «Таким образом, по 50% дел этой важнейшей категории виновные остаются не наказанными»⁴¹.

³⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 4 об.–5.

³⁶ Там же, л. 5–5 об.

³⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИ РО), ф. 1881, оп. 1, д. 3, л. 38 об.

³⁸ Там же, л. 30–30 об., 39. Следует заметить, что высокий процент отмен характерен и для предвоенного времени. По сведениям начальника УНКЮ по Ростовской обл., в 1939 г. отменялось до 50% приговоров и решений народных судов (Там же, д. 1, л. 5).

³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 466, л. 61.

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 180–181.

⁴¹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 61, л. 102 об.–103.

Анализ работы судов зачастую производился только по докладом их руководителей, а также по другим имевшимся в НКЮ РСФСР материалам. Так, обследовавшему судебные органы Чувашской АССР ревизору из Москвы местные работники составили отчёт, который проверяющий и представил в наркомат как акт ревизии⁴². Но главная проблема заключалась в том, что во многих случаях по актам обследований не принимались меры к исправлению действительно незаконных и часто жестоких приговоров и решений, а также иных выявленных недостатков.

Низкое качество ревизий отличало местные управления юстиции, контролировавшие работу народных судов. Ещё в апреле 1941 г. на совещании актива НКЮ РСФСР отмечалось, что начальникам управлений необходимо самим участвовать в проверках, таким образом поднимая их уровень, показывая, как правильно осуществить ревизию, составить акт, оказать помощь судьям, разработать мероприятия по улучшению их работы и т.п.⁴³ Однако, несмотря на неоднократные требования ведомства, местные руководители не только избегали этого, но и не инструктировали ревизоров. В итоге проверки не достигали результата.

Показателен пример проверки областным управлением работы народного судьи Перевозского района Горьковской обл. Ванчагова. Она носила формальный характер и не вскрыла его преступной деятельности. Позже выяснилось, что с 1940 по 1943 г. он присваивал промтовары и продовольствие из вещественных доказательств, а также пьянствовал при исполнении служебных обязанностей. Управление не выявило злоупотребления и двух других народных судей⁴⁴. Аналогичный случай имел место в управлении по Алтайскому краю, которое, располагая сведениями о систематическом грубом нарушении законов народным судьёй Алейского и Шаргинского районов Крупининым, тем не менее в феврале 1943 г. направило его на работу в Калманский район и в течение целого года не осуществляло за ним контроля. Впоследствии, при проверке районного народного суда, обнаружилось, что в 15 уголовных и 68 гражданских делах за 1943 г. отсутствовали протоколы заседаний, и был выявлен случай написания приговора самой осуждённой. Кроме того, Крупинин появлялся в суде в пьяном виде, склонял к сожительству сотрудниц канцелярии, вместо марок об оплате государственной пошлины принимал от истцов наличные деньги, которые оставлял себе, и т.д. Только после сигнала о злоупотреблениях судьи управление организовало проверку его работы⁴⁵.

Особенно осложняли ситуацию на местах профессиональная слабость ревизорского состава и нехватка кадров. Почти половина оперативных работников краевых и областных управлений юстиции не имели юридического образования⁴⁶. Положение выразительно характеризует ситуация в НКЮ Татарской АССР, где в первом квартале 1942 г. работал только один ревизор, притом недостаточно компетентный. Из-за этого наркомат не мог оказывать судебным органам практической помощи. Истребованные дела изучались в отрыве от деятельности судов, которые не информировались о допущенных ими ошибках⁴⁷.

⁴² Там же, д. 428, л. 1.

⁴³ См.: *Абдулин Р. С.* Судебное управление в Российской Федерации... С. 204.

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 442, л. 157–158.

⁴⁵ Там же, ф. А-353, оп. 16, д. 49, л. 62–62 об.

⁴⁶ Там же, оп. 14, д. 110, л. 2, 4–5, 8, 10–15.

⁴⁷ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 184.

Каждый год на заседаниях коллегии Наркомюста РСФСР говорилось про дефицит квалифицированных ревизоров, неподготовленность к проверкам и их поверхностное проведение, отсутствие какого-либо анализа, а главное — неспособность помочь судьям в их повседневной деятельности. Однако почти ничего не менялось, уровень их работы оставался довольно низким.

Административные органы имели широкие полномочия в области наказания и поощрения судебных работников, что служило одним из действенных способов управления ими. Ещё до войны — 29 июля 1940 г. — по указу Президиума Верховного совета СССР наркоматы и их местные управления получили право налагать на судей дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, выговор с предупреждением о постановке вопроса об отзыве с должности (его вынесение являлось прерогативой наркомов юстиции СССР и союзных республик)⁴⁸. Однако в документах НКЮ РСФСР военного периода встречаются и другие виды взысканий: строгий выговор и предупреждение. Так, 29 июня 1942 г. народному судье Октябрьского района Татарской АССР Мальковской объявили строгий выговор за волокиту с исполнением приговора в отношении прогульщиков и лиц, самовольно ушедших с предприятий. Проверка установила, что некоторые приговоры судья направляла на исполнение с задержкой до двух месяцев после их вынесения⁴⁹. Местные руководители нередко более активно пользовались своими правами. Например, нарком юстиции РСФСР в первом полугодии 1943 г. наложил дисциплинарные взыскания на 27 судей, а во втором — на 23⁵⁰. В свою очередь, начальник управления по Кировской обл. лишь за три месяца того же года подверг санкциям 26 народных судей из 67 имевшихся⁵¹.

Наряду с разного рода взысканиями приказом НКЮ СССР 27 сентября 1941 г. наркомы юстиции автономий и начальники управлений получили право ставить перед местными советами вопрос об отзыве народных судей⁵². Однако кое-где на местах пошли дальше. Учитывая нерегулярность проведения сессий советов в военных условиях, есть основания полагать, что начальники управлений сами снимали и назначали судей. Так, 12 марта 1945 г. из Ростовской обл. отчитались об освобождении от должности десяти судей (10% от их общего количества в области), причём инициатива исходила от ревизоров⁵³. Но наиболее яркий случай произвола связан с Москвой, где в октябре 1941 г. дошло до того, что начальник управления НКЮ не только бежал из столицы (хотя перед этим получил разрешение одного из секретарей горкома), но и издал приказ о роспуске в городе судов⁵⁴.

⁴⁸ Указ Президиума Верховного совета СССР от 29 июля 1940 г. «О дисциплинарной ответственности судей» // Ведомости Верховного совета СССР. 1940. № 28.

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 182, 186.

⁵⁰ Там же, ф. А-353, оп. 16, д. 47, л. 12 об.—13 об., 95—97.

⁵¹ *Кодинцев А.Я.* Кадровый состав советских судов в 1941—1945 годах // Администратор. 2011. № 1. С. 37.

⁵² ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 63, л. 75.

⁵³ ЦДНИ РО, ф. 1881, оп. 1, д. 5, л. 11—12. Хочу извиниться за неточное изложение этого материала в более ранней публикации: *Рыбаков В.А.* Административные органы юстиции на местах в годы Великой Отечественной войны // Ноябрьские историко-архивные чтения — 2020 г. Материалы международной научно-практической конференции «Изучение истории Великой Отечественной войны: источники, методы исследований и результаты. Итоги научно-исследовательской деятельности к 75-летию Победы» (ПермГАСПИ, 5—6 ноября 2020 г.). Пермь, 2021. С. 165.

⁵⁴ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 39, л. 122.

Административные органы юстиции также имели право поощрять судебных работников⁵⁵. Так, в 1942 г. ряд народных судей прифронтовых областей и районов боевых действий, не оставляя основной деятельности, входили в истребительные батальоны и партизанские отряды, двое из них погибли. Приказом наркома юстиции РСФСР 14 марта 1942 г. 23 судьям Московской, Калининской, Ростовской и Тульской областей, отличившимся в борьбе с захватчиками, объявили благодарность и выдали денежные пособия⁵⁶. В первом полугодии 1943 г. нарком поощрил 40 судей, во второй половине того же года — 21⁵⁷.

Рассмотрение механизма судебного управления в годы войны показывает, что в советской системе соединения властей административные органы юстиции играли двоякую роль. Для проведения политической линии верховной власти и поддержания устойчивости партийно-государственной системы судебные органы должны были работать по определённым правилам, руководствуясь единообразным пониманием закона и обеспечивая предсказуемость решений. Наркомат юстиции РСФСР исправлял прямые нарушения в применении законодательства, отменял незаконные директивы местных управлений, выявлял противоправные приговоры и решения судов, принимал меры по устранению недостатков в организации их работы, стимулировал судей посредством поощрений и дисциплинарных взысканий. Одновременно многие секретные указания административных органов юстиции сами носили противоправный характер и грубо нарушали закон, а ревизии и проверки судов часто не исправляли допущенные ошибки. При этом степень несамостоятельности судебных органов оказывалась различной в зависимости от видов преступлений и их злободневности.

Таким образом, система органов управления юстицией балансировала между противоправным давлением на суды и стремлением добиться единообразия в их деятельности и исполнении ими законов. Обе линии приводили к широкомасштабным репрессиям в отношении граждан, зачастую неосновательным и весьма жестоким, однако их сочетание обусловило относительную устойчивость системы и её способность к функционированию в военных условиях.

⁵⁵ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 63, л. 151–152.

⁵⁶ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 47, л. 12–16.

⁵⁷ Там же, оп. 16, д. 47, л. 12 об.–13 об., 95–97.

«Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области

Игорь Кометчиков

«We're going to sow, not to remove mines»:
the local authorities and the total removal of mines in Kaluga region

Igor Kometchikov

(Kaluga State University named after K. Tsiolkovsky, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23030070, EDN: EQLKMR

Сплошное разминирование, под которым в директивах и инструктивной литературе 1940-х гг. понималась «очистка всей освобождённой от противника территории от мин, неразорвавшихся артиллерийских снарядов, авиабомб, миномётных мин и других боеприпасов»¹, являлось важной предпосылкой налаживания мирной жизни. В полной мере это касалось Калужской обл., образованной 5 июля 1944 г. из ряда районов Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областей, на территории которых шли бои за Москву, Ржев, Орёл, сражения меньшего масштаба. Роль гражданской власти в организации разминирования на Западе РСФСР упоминается в советской и современной литературе в основном в связи с деятельностью структур Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству СССР (Осоавиахим) и Местной противовоздушной обороны (МПВО). В целом она оценивается панегирически, в рамках концепции морально-политического единства советского общества². Однако это не позволяет понять ни логику

© 2023 г. И.В. Кометчиков

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х — 1960-е гг.)».

¹ Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). М., 1943. С. 2–3; Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства). М., 1944. С. 3; Семёнов Г.И., Раевич Л.Г. Как уберечься от подрыва на минах (памятка для населения районов, освобождённых от немецких захватчиков). М., 1944. С. 23.

² Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне / Под ред. А.П. Бекасова. Тула, 1970. С. 323–324; Очерки истории Калужской организации КПСС / Под ред. А.Ф. Сладкова. Тула, 1967. С. 268–272; Гауриленков В.М. На земле Демидовской. Смоленск, 1994. С. 296–298; Комаров Д.Е. Великая Отечественная война на Вяземской земле. Смоленск, 2009. С. 501–502; Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 326–327; Полынкин А. Покровский край в годы Великой Отечественной войны. Орёл, 2015. С. 200–207; Гусев А.В. Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.). Кострома, 2012; Каммерер Ю.Ю., Караулов В.С., Лапиров С.Е. «Москве — воздушная тревога!» Местная ПВО в годы войны. Изд. 3, доп. и перераб. М., 2000; Гущина Н.В., Дроздов В.Н. 90 лет на службе Отечеству. История Калужской оборонной организации. Калуга, 2017. С. 61–63; Писаренко И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны. Калуга, 1998. С. 68–69; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Калужская область. Т. 6. Калуга,

принятия решений о широком привлечении к работам такого рода минёров-осоавиахимовцев, ни позицию и роль партийных и советских структур, ни причину длительности разминирования. Ответить на эти вопросы можно, лишь исследовав эволюцию подходов к решению проблемы с учётом ресурсов, имевшихся у центрального и регионального руководства.

Источниковую базу исследования составляют законодательные и нормативные акты: постановления ГКО СССР, военных советов Брянского, Западного, Центрального фронтов, их армий и воинских частей, Московского, Белорусского, Смоленского и Орловского военных округов, Центрального совета Осоавиахима, Калужского, Московского, Орловского, Смоленского и Тульского обкомов ВКП(б) и облисполкомов, райкомов ВКП(б) и райисполкомов, инструкции структур Наркомата обороны СССР и ЦС Осоавиахима об организации сплошного разминирования, а также делопроизводственные материалы партийных и советских органов, местных структур Осоавиахима, воинских частей и органов военного управления, статистические данные о ходе разминирования, потерях среди населения, военных и разминёров (так в официальных документах назывались минёры-общественники).

Следует отметить, что ни гражданская власть, ни военные долгое время не представляли масштаба предстоявших работ. Впервые в сколько-нибудь суммированном виде о нём говорилось в отчёте Калужского совета Осоавиахима об окончании сплошного разминирования области (осенью 1946 г.). К весне 1944 г. заминированными и засорёнными взрывоопасными предметами считались все районы, кроме Калужского, уже очищенного военными сапёрами. Контрнаступление Красной армии под Москвой привело к освобождению районных центров тогдашней Смоленской обл.: Мосальска, Мещовска, Юхнова, Барятино, Кирова, Думиничей, Сухиничей. В марте 1942 г. фронт стабилизировался на рубеже р. Истра (Износковский район), р. Угра — Ресса (Юхновский район), д. Зайцева гора — Сининка — Шмеленки (Барятинский район), Городище — Верхне-Песочная (Кировский район), Шипилёвка — Букань — Палики (Людиновский район) — Усты (Думиничский район) и далее по р. Жиздра (Думиничский и Жиздринский районы).

Советские войска смогли прорвать этот рубеж только в сентябре 1943 г. К тому времени врагу удалось создать несколько дополнительных полос обороны. Основная позиция представляла собой систему траншей полного профиля в две—четыре линии, соединённые ходами сообщения. Она насыщалась долговременными огневыми точками, блиндажами, командными и наблюдательными пунктами. В лесных массивах вместо окопов сооружались деревянные заборы с земляной насыпью, обращённой к противнику. Передний край усиливали проволоочный забор в четыре кола и проволоочные заграждения. На лесных дорогах устраивались завалы, надолбы и противотанковые рвы. На расстоянии до 20 км от основного рубежа располагались запасные позиции, имевшие две—три линии окопов и проволоочные заграждения. Перед передним краем обороны устанавливались от двух до четырёх рядов противопехотных и от четырёх до шести рядов противотанковых мин разных типов, фугасы и «сюрпризы». Встречались также сплошные минные

поля с двух- и трёхъярусной установкой немецких и отечественных мин. По основному рубежу обороны располагалось большое количество отдельных очагов с бессистемным минированием. Нередко два–три и более минных полей перекрывали друг друга. К началу работ многие из них заросли бурьяном и кустарником, а в поймах рек и на болотах их затянуло песком и илом³.

Инженерно-сапёрные части Брянского и Западного фронтов делали проходы в минных полях (своих и противника), разминировали населённые пункты, дороги и наиболее важные объекты транспортной инфраструктуры, обеспечивая продвижение армии на запад⁴. Однако директивой штаба инженерных войск Красной армии за № 1234852-с от 9 ноября 1943 г. им предписывалось прекратить эти работы⁵. Повсеместная очистка территории считалась делом тыловых подразделений управлений оборонительного строительства, внутренних войск НКВД, формирований МПВО, пожарных команд и отрядов гражданского населения⁶. В 1942–1943 гг. военные советы Брянского, Западного фронтов, Белорусского и Московского военных округов и Московской зоны обороны, а также ряда армий приняли постановления, обязавшие обкомы ВКП(б) и облисполкомы организовывать команды для разведки и обезвреживания мин и минных полей, их ограждения и оповещения местной власти и населения об их наличии, сбора, охраны и передачи воинским частям или органам НКВД оружия, боеприпасов, трофейного имущества.

Исходя из этих указаний, а с начала 1944 г. – и постановлений ГКО СССР, гражданская власть принимала постановления о сплошном разминировании. Так, смоленские обком и облисполком посвятили этому два постановления в 1943 г. и одно в 1944 г., орловские обком и облисполком – постановление в 1942 г., два – в 1943 г. и четыре – в 1944 г., Московский обком – по одному постановлению в 1942 и 1944 гг., калужские обком и облисполком – по три постановления и распоряжения в 1944 и 1945 гг. Всё это – не считая решений о привлечении населения к сбору оружия, боеприпасов, военного имущества, лома чёрных и цветных металлов, стреляных гильз, стальных шлемов и т.п. Окончание работ в 1946 г. оформили четыре решения Калужского облисполкома.

Ответственность за подготовку команд разминёров из числа гражданского населения возлагалась на секретарей и военные отделы райкомов ВКП(б), председателей райисполкомов и райотделения НКВД⁷. Фактически речь шла о мобилизации на работы по разминированию местности как разновидности государственной повинности (наряду со строительством и ремонтом дорог, полевых аэродромов и укреплений). Таким образом, уже в 1942–1943 гг. наметились два подхода к проведению работ: преимущественно местными силами или же при ведущей роли инженерно-сапёрных подразделений РККА.

³ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 89–91, 151–152.

⁴ Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. М., 1942. С. 46–65.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. П-52, оп. 2, д. 518, л. 24.

⁶ Инструкция по сплошному разминированию местности... С. 3–4; Положение о районной команде Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев. М., 1944. С. 3; ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 518, л. 24.

⁷ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИ СО), ф. 6, оп. 1, д. 1100, л. 26–27; д. 1119, л. 26; ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 492, л. 87–88.

Первый поддерживали военное командование и центральная власть, второй — местное партийно-государственное руководство.

Развитием продвигавшегося центром и военными подхода стало постановление ГКО № 5215 от 19 февраля 1944 г. «О привлечении организаций Осоавиахима к работе по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобождённых от немецкой оккупации»⁸. Его можно рассматривать как компромисс между армией и местной властью по вопросу о том, сколько наличных ресурсов выделить на этот род деятельности.

Приоритетом для командования инженерных войск, судя по директиве их штаба № 1234852-с, выступала концентрация сил и средств на обеспечении нужд фронта. Оно осложнялось боевыми потерями и общим сокращением мобилизационных контингентов на заключительном этапе войны. Учитывая это, ГКО вводил сокращённые штаты ряда подразделений, заменял годных к строевой службе военнослужащих тыловых подразделений военнослужащими, годными к нестроевой, старших возрастов и женщинами, сокращал численность командного состава. Так, согласно постановлению № ГОКО-2382 от 2 мая 1943 г. «О численности Красной армии», инженерные войска сокращались более чем на 97 тыс., а стрелковые — возрастали на 429 тыс. при общем урезании штата РККА более чем на 500 тыс. человек⁹. Постановление № ГОКО-3261 от 21 июня 1943 г. «Об установлении нового лимита штатной численности Красной армии» запланировало дополнительное сокращение только инженерных войск более чем на 76 тыс. человек. В 1943 г. расформировали два из пяти военно-инженерных училищ, в 1944 г. — ещё одно¹⁰. Всё это, а также мобилизация в армию на Западе РСФСР абсолютного большинства мужчин призывного возраста до и сразу после закончившейся осенью 1943 г. оккупации, угон большого количества трудоспособного населения в Германию предопределили принятие решения о привлечении к сплошному разминированию допризывников старших возрастов, учтённых военкоматами и Осоавиахимом — одной из немногих категорий населения в его половозрастном балансе, считавшейся подходящей для этой работы.

Постановление ГКО № 5215 распространило такой подход на все районы бывших боевых действий. Согласно ему при каждом райсовете Осоавиахима создавалась на добровольных началах команда по разминированию и сбору трофеев в количестве 50—100 человек, преимущественно из членов Общества не моложе 15 лет, способных участвовать в этом деле без отрыва от производства. Руководство разминированием в облсоветах Осоавиахима возлагалось на командира-инструктора. Региональные и районные советы должны были обеспечить команды простейшими приспособлениями для разминирования, питанием и транспортом, а военные — выделить руководящий состав для обучения и руководства работой команд, необходимое инженерное имущество и пособия¹¹.

Какими возможностями для выполнения постановления располагал Осоавиахим? В освобождённых от оккупации Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областях его организации страдали от дефицита кадров,

⁸ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 287, л. 39—46.

⁹ Там же, д. 165, л. 27—33.

¹⁰ Там же, д. 182, л. 1—6; ф. 17, оп. 127, д. 513, л. 131.

¹¹ Там же, ф. 644, оп. 2, д. 287, л. 39, 43; д. 384, л. 65.

слабого материально-технического обеспечения¹². Калужский облсовет Общества начал действовать 1 октября 1944 г. К этому времени штаты его райсоветов были укомплектованы на 47%, а работники не имели ни знаний, ни опыта разминирования. В области насчитывалось около 20% от расчётной потребности обученных минёров-общественников. Только в октябре–ноябре облсовет смог командировать в районы представителей, которые провели первичную разведку площадей, засорённых взрывоопасными предметами¹³.

Эти данные, дополненные материалами Инженерного управления Московского военного округа, легли в основу плана работ 1945 г. По мнению первого председателя Калужского облсовета Осоавиахима В.Д. Шабашева, совет не получил данных о минированных площадях и проделанной работе в районах, отошедших области. Много времени и сил заняли «приёмка новых районов и их подчинение новому председателю облсовета», так как «из финансовых соображений и соображений снабжения» они «льнули» к бывшему областному руководству. В итоге план на вторую половину 1944 г. составить не удалось¹⁴. Сам Шабашев, по словам его же сотрудников, не горел желанием всерьёз заняться делом, не имел опыта, «не мог разобраться в директивах», «на работу являлся в 11 часов, уходил в 4 часа», «работой в Осоавиахиме не руководил», «относился к ней халатно и без инициативы»¹⁵.

Неудивительно, что злободневность разминирования и неспособность многих местных организаций Осоавиахима справиться с ним обусловили сосредоточение руководства в местных партийных и советских органах. Именно они контролировали скудные кадровые и материальные ресурсы, именно к их ходатайствам в первую очередь прислушивались военное командование и центральное партийное и государственное руководство. В директивах региональной власти, принятых на основе постановления № 5215 до образования Калужской обл., ответственность возлагалась на райисполкомы и райкомы ВКП(б)¹⁶. Так было и позднее. К примеру, решением Калужского облисполкома № 9–93с от 24 августа 1944 г. комплектование команд и организация их обучения поручались председателям райисполкомов. Этим же решением создавалась областная комиссия «для руководства и организации работы по проведению курсов инструкторов и разминированию полей» в составе председателя (им стал А.Д. Тимарёв — председатель Калужского горисполкома), представителей облсовета Осоавиахима, НКВД и облвоенкомата и руководителя межрайонных курсов, командированного штабом инженерных войск Московского военного округа (МВО)¹⁷.

Региональное и особенно районное начальство, отвечавшее за призывы молодёжи в армию, фабрично-заводские школы, ремесленные и железнодорожные училища, использовало опыт мобилизации для комплектования ко-

¹² Государственный архив Тульской области (далее — ГА ТО), ф. П-177, оп. 9, д. 113, л. 69–71 об.; ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 451, л. 107, 133, 146–147; ф. Р-1691, оп. 1, д. 42, л. 99–99 об.; ГАНИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1343, л. 103, 136–137; д. 1484, л. 180; д. 1685, л. 9–10, 39–41.

¹³ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 5, д. 231, л. 86–89.

¹⁴ Там же, оп. 6, д. 202, л. 147, 149.

¹⁵ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее — ГАДНИ КО), ф. 55, оп. 8, д. 55, л. 1–2.

¹⁶ ГА ОО, ф. Р-1691, оп. 1, д. 23, л. 16; ЦГА Москвы, ф. П-3, оп. 31, д. 48, л. 72–74; ГАНИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 94; д. 1685, л. 10.

¹⁷ Государственный архив Калужской области (далее — ГА КО), ф. Р-883, оп. 19, д. 4, л. 17–18.

манд разминирования прежде всего из допризывников старших возрастов¹⁸. Фактически, пройдя подготовительные курсы, они направлялись для участия в разминировании своей местности. Так, Смоленский обком ВКП(б) и обл-исполком 1 марта 1944 г. обязали райисполкомы содействовать комплектованию таких команд. Оно должно было вестись на добровольных началах и преимущественно из женщин(!). Но, поскольку райсоветы Осоавиахима не смогли их сформировать, райкомы и райисполкомы перепоручили эту работу райвоенкоматам, которые укомплектовали их допризывниками 1927 г. рождения¹⁹.

Людиновский райисполком Калужской обл. 14 июля 1944 г. решением № 25 «Об открытии курсов по подготовке минёров» потребовал от председателей колхозов и сельсоветов «выслать на курсы» 60 человек, разверстав их между сельсоветами. Пятый пункт постановления предписывал «подобрать людей бездетных, образование иметь не менее 4-х классов»²⁰. В результате из 596 инструкторов и бойцов-минёров, подготовленных в области к концу года, 80% составляли допризывники 1927 и 1928 г.р. В ноябре команды распустили в связи с призывом многих разминёров в армию. Оставшихся их членов на учёт не взяли²¹, из-за чего в 1945 г. команды пришлось создавать заново. В 56 таких взводах состояли 1097 человек, в том числе 87 — 1927, 891 — 1928 г.р.²² Председатель Людиновского райсовета Осоавиахима сообщал о срыве подготовки минёров из-за отсутствия помощи районного руководства, которое «отсиживается в кабинетах»: «Райсовет Осоавиахима на добровольном соглашении не может собрать и подготовить 191 чел[овека], потому что люди никакой агитации и разъяснительной работе не подчиняются, только надо заставлять учиться под силой»²³. Председатель Барятинского райсовета считал, что допризывники 1928 г.р. «непосредственно подчинены» райвоенкомату и он мог бы лучше помогать в отборе кандидатов в разминёры²⁴. В 1946 г. подавляющее большинство минёров-осоавиахимовцев вновь составила молодёжь старших допризывных возрастов²⁵. Прошедшие курсы подготовки вызывались на работы по повесткам, в которых их предупреждали об ответственности за неявку²⁶.

Скудость ресурсов серьёзно ограничивала возможности местной власти по обеспечению разминёров продовольствием, транспортом и жильём. В Сухиничском районе «в первые дни 20% команды разбегалось и приходилось рассылать нарочных для сбора людей»²⁷. В Юхновском районе разминёр получал в день 40 г крупы, 8 г сахара и 12 г жиров, а вместо положенного по карточкам мяса, которого, по словам работников местных торговых организаций, «нет и не будет», — яичный порошок. Из-за такого снабжения случа-

¹⁸ ЦГА Москвы, ф. П-3, оп. 31, д. 48, л. 72; ГА ОО, ф. Р-1691, оп. 1, д. 23, л. 2.

¹⁹ ГАНИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1685, л. 39–39 об.

²⁰ ГА КО, ф. Р-524, оп. 1, д. 238, л. 47.

²¹ Там же, ф. Р-883, оп. 19, д. 31, л. 2–3; ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 2, д. 8, л. 45.

²² ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 213, л. 26–27.

²³ ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 1, д. 191, л. 69.

²⁴ Там же, д. 203, л. 72 об.

²⁵ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 93; ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 166, л. 4а, 6; д. 294, л. 100; ф. П-7713/Р-776, оп. 1, д. 217, л. 5; д. 221, л. 8; д. 222, л. 42–43; д. 223, л. 6–6 об.; д. 224, л. 3–3 об.; д. 228, л. 11.

²⁶ ГА КО, ф. Р-524, оп. 1, д. 237, л. 42.

²⁷ ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-766, оп. 1, д. 231, л. 2 об.

лись отказы от работы²⁸. Председатель райсовета сообщал в Калугу: «В питании в некотором случае приходится брать на бога, плутовать, мошенничать и т.д. Только так кой-что вырвешь»²⁹. 24 разминёра Людиновской районной команды Осоавиахима направили в облсовет Общества рапорт о том, что каждый из них получает на месяц 1,2 кг крупы, 1,8 кг мяса, по 0,4 кг сахара, соли и масла, 15 кг хлеба, и просили «усилить продуктов питания, так как при таких продуктах питания мы работать не в силах, и просим обеспечить обмундированием»³⁰.

Труд минёров-общественников являлся преимущественно ручным. Миноискателей не хватало, они были технически несовершенны. Работать приходилось простейшими приспособлениями для обнаружения и обезвреживания мин: шупом (стальной стержень на древке) и «кошкой» (якорь на длинной верёвке для безопасного стаскивания обнаруженных боеприпасов с места). Первое время ощущался дефицит даже взрывчатки и детонаторов для подрыва.

Таким образом, попытки реализации постановления № 5215 в регионах натолкнулись на дефицит сил и средств. Впрочем, местное руководство это осознало задолго до названного решения, поэтому напрямую и через ЦК ВКП(б) и СНК СССР пыталось воздействовать на командование военных округов и фронтов, добываясь их содействия. Так, в апреле 1942 г. руководство Смоленского управления НКВД проинформировало председателя облисполкома Р.Е. Мельникова, что только в Медынском, Износковском, Кировском и Дзержинском районах органами ЗАГС зарегистрировано 77 случаев подрыва на боеприпасах, в основном детей³¹. 15 мая командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков наложил на просьбу помочь в разминировании полей и разрядке авиабомб на территории Мосальского района следующую резолюцию: «т. Мельникову. Видимо, Вы не в курсе обстановки. Эти пункты находятся в зоне обороны наших войск. Эти районы мы минуем и будем минировать ещё глубже, а Вы, наоборот, просите разминировать. Указанные Вами пункты находятся в 6 км от переднего края противника. Жуков»³². Летом 1943 г. руководство Орловского и Смоленского обкомов содействовало выделению начальниками инженерных войск Западного и Брянского фронтов миноискателей для обучения разминёров и началу работ по разминированию³³. Отдел инженерных войск Белорусского военного округа командировал в засорённые взрывоопасными предметами районы офицеров для подготовки разминёров, а заместитель командующего артиллерией округа — для руководства сбором боеприпасов³⁴.

Начало сплошного разминирования весной 1944 г. ещё более обострило взаимоотношения гражданской власти и военного командования. Довольно быстро выяснилось, что значительная часть подготовленных Осоавиахимом

²⁸ Там же, ф. 55, оп. 8, д. 171, л. 82.

²⁹ Там же, ф. П-7713/Р-766, оп. 1, д. 189, л. 27.

³⁰ Там же, д. 226, л. 13–13 об.

³¹ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. Р-2361, оп. 5, д. 59, л. 86.

³² Там же, д. 54, л. 17.

³³ ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 517, л. 79; ГАНИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1343, л. 103, 136.

³⁴ ГАНИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 95; ГА СО, ф. Р-2361, оп. 5, д. 115, л. 59–59 об.

разминёров в работах не участвует, на что не замедлили указать военные³⁵. Командиры сапёрных частей сообщали, что команды расходились, проработав один—два дня, из-за отсутствия подвоза продовольствия. Без обещанного количества разминёров военным сапёрам приходилось складировать обезвреженные мины, так как они уже начали зарастать травой, и их снова пришлось бы отыскивать. Управление начальника инженерных войск 3-го Белорусского фронта отсылало смоленское областное руководство за помощью в разминировании в инженерное управление Белорусского военного округа (БелВО), поскольку вся документация о минных полях на старых рубежах была передана туда, а фронт не имел возможности выделить сапёрные части. Командование округа в ответ просило партийное руководство дать «самые решительные указания» районным партийным и советским органам о полном привлечении к работам всех разминёров³⁶. В результате Мельников обратился напрямую к начальнику инженерных войск РККА маршалу инженерных войск М.П. Воробьёву с просьбой «оказать реальную помощь в быстрейшем разминировании полей и населённых пунктов Смоленской области», так как, несмотря на обращения к военным советам БелВО, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, «работа по разминированию до сих пор по-настоящему не проводится»³⁷. Настойчиво требовали содействия военных и партийные руководители районов, позже вошедших в Калужскую обл.³⁸

Благодаря настойчивости регионального руководства основной объём работ выполнили военные. В 1942—1943 гг. инженерно-сапёрные части МВО разминировали в Московской обл. 3928 кв. км, сняв более 751 тыс. мин, собрали и уничтожили 80,1 тыс. снарядов, в 1944—1945 гг. — ещё 1302 кв. км, уничтожив 23,3 тыс. мин и 4,6 тыс. снарядов³⁹. Инженерно-сапёрные части БелВО в течение 1944 г. разминировали 3655 минных полей, установленных РККА и Вермахтом на территории Смоленской обл., сняли и обезвредили 2,4 млн мин, собрали более 790 тыс. различных боеприпасов, очистили от взрывоопасных предметов 19,2 тыс. кв. км территории, 20,3 тыс. пог. км дорог, 3615 населённых пунктов⁴⁰. В Тульской обл. инженерные части МВО в 1943—1944 гг. разминировали 1770 минных полей на площади 20,5 кв. км, подвергнув тщательной и контрольной проверке 4484 кв. км, 530 населённых пунктов, 24 моста, 2234 пог. км дорог⁴¹. Сапёры Орловского военного округа разминировали к 1 июня 1944 г. на территории соответствующей области 60,8 кв. км, сняли и уничтожили 20,3 тыс. мин и собрали 27,1 тыс. боеприпасов⁴².

В 1944 г. в четырёх районах Калужской обл. действовала 5-я трофейная бригада, зачищавшая территорию от «тяжеловесов» — подбитых танков, орудий, миномётов, складов боеприпасов, металлолома военного происхождения. Попутно трофейщики очистили от мин 780 кв. км. К октябрю бригада

³⁵ ГАИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1484, л. 117—118, 154, 161—162, 164, 178—179, 194.

³⁶ Там же, л. 143, 145, 297.

³⁷ ГА СО, ф. Р-2361, оп. 5, д. 115, л. 67—69.

³⁸ ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 932, л. 6, 75, 76; ГАИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 2009, л. 144—144 об., 145—146, 153, 177.

³⁹ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 196, л. 51 об.

⁴⁰ ГАИ СО, ф. 6, оп. 1, д. 1685, л. 38.

⁴¹ ГА ТО, ф. П-177, оп. 9, д. 113, л. 71—71 об.; ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 196, л. 129.

⁴² ГА ОО, ф. П-52, оп. 2, д. 932, л. 60.

сдала гражданской власти три района и 57 станций Московско-Киевской железной дороги⁴³. Однако, когда в конце 1944 г. военный отдел Калужского обкома запросил у военных отделов райкомов сведения о состоянии дел, их отчёты показали, что в большинстве районов работы в 1942–1944 гг. вели военные при содействии истребительных батальонов и команд Осоавиахима, и они далеко не закончены⁴⁴.

Это заставило центральную власть вновь вернуться к проблеме. Постановление ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. констатировало срыв завершения разминирования освобождённых районов организациями Осоавиахима. Порядок его ведения оказался изменён: на военных возлагалось разминирование бывших рубежей обороны, команды же Общества сосредотачивались на очистке территорий за их пределами. Руководство «в целом» поручалось ЦС Осоавиахима, СНК союзных и автономных республик и исполкомам региональных советов⁴⁵. На основании данного постановления 9 сентября 1944 г. Воробьёв приказом № 0101 обязал подведомственные части и отряды разминирования управлений оборонительного строительства очистить от мин до зимы июньский рубеж 1944 г. и все территории восточнее него, а также как минимум посевные площади и пастбища западнее него⁴⁶.

В результате и в 1945 г. обезвреживание земель области велось преимущественно военными сапёрами. 16 января представители начальника инженерных войск МВО и ЦС Осоавиахима направили в калужские обком, облисполком и облсовет Осоавиахима документ под названием «Организационные мероприятия по завершению окончательного разминирования Калужской области в 1945 году». Его добавили в качестве приложения к постановлению бюро обкома и облисполкома от 16 января «О мероприятиях по завершению сплошного разминирования районов области». Документ этот важен тем, что показывает распределение ответственности и порядок работ. Их общий объём оценивался в 5387 кв. км, из которых 3287 (вдоль бывших рубежей обороны) надлежало очистить инженерным частям РККА, а остальное — командам Осоавиахима. По прибытии на место сапёры и разминёры получали от начальника оперативной группы по разминированию и председателя райисполкома план со сроками сдачи каждого участка. Прежде всего планировалось очистить площади под весенний посев, затем — сенокосы и земли, подлежащие обработке поздним летом. Потребность в инженерно-сапёрных подразделениях на весенне-летний период оценивалась в 2720 человек⁴⁷.

Облисполком 8 декабря 1944 г. решением № 42–491с обязал председателей райисполкомов «возглавить работу по разминированию и сбору трофеев», «осуществлять повседневный контроль за [её] ходом», совместно с председателями советов Осоавиахима составить план для каждого района. Обком должен был «дать указания райкомам ВКП(б) об оказании всемерного содействия организациям Осоавиахима в их работе по сплошному разминированию и сбору трофеев»⁴⁸. Указание секретарям райкомов и председателям райисполкомов «усилить руководство работами по разминированию районов,

⁴³ Там же, д. 518, л. 71, 74–75.

⁴⁴ ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 53, л. 1, 14, 22, 26, 33, 35–36, 40, 45–46, 48, 56–57, 60–61.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 384, л. 63, 65.

⁴⁶ ГА СО, ф. Р-2272, оп. 3, д. 10, л. 110.

⁴⁷ ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 171, л. 47–53, 56.

⁴⁸ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 4, л. 156 об.

считая это мероприятие особой государственной важности», содержалось и в постановлении, принятом бюро обкома и облисполкома 16 января 1945 г. Облсовету Осоавиахима рекомендовалось «при подборе кандидатов не охватывать ведущие профессии, нужные для проведения весенне-посевной кампании в 1945 г., а взять упор (50%) на граждан, родившихся в 1928–1929 гг., и 50% на женщин и на лиц старших возрастов, признанных негодными для службы в Красной армии»⁴⁹. Среди лозунгов для засорённых взрывоопасными предметами районов присутствовал следующий: «Женщины! Девушки! Вступайте в команды по разминированию! Освобождайте родную землю от мин! Помогайте своим мужьям и братьям окончательно разгромить фашистских захватчиков!»⁵⁰.

Работы столкнулись с теми же трудностями, что и ранее. Необеспечение полного участия в них разминёров сразу же поставило под угрозу выполнение плана и стало для регионального руководства основанием обратиться к командованию МВО с просьбой о выделении дополнительных сил и средств. Начальник группы по разминированию Калужской обл. майор Т.М. Кошкин сообщил командованию округа 20 апреля, что из 1166 подготовленных бойцов-минёров 506 жгли траву на заминированных участках, а остальные использовались на сельхозработах, так как «местные власти с приходом воинских частей в район пытаются всю работу возложить на части». Кошкин заключал, что десять наиболее засорённых районов невозможно очистить имеющимися силами, и требуется выделение ещё четырёх–пяти инженерных батальонов на два–три месяца. Разминирование в течение года лесов и болот он вообще поставил под сомнение из-за высокой плотности и сложности минирования. Опыт показал, что в таких условиях один сапёр мог за день обезвредить 0,15–0,20 га, проверить 3–4 га, снять 20–30 мин. Общую потребность в сапёрах Кошкин определил в 4105 человек, что на 1610 превышало число находившихся в его распоряжении⁵¹.

К 20 июня из 1557 подготовленных разминёров Осоавиахима работали уже 869, они выполнили около половины того, что было запланировано. Однако проверка сданных гражданской власти восьми районов показала, что все они, включая областной центр, не могут считаться безопасными из-за отсутствия должным образом оформленной документации. Облсовет Общества по-прежнему жаловался на некомплект штата, плохое служебное помещение, а также «недостаточный авторитет у местных органов советской власти». В отчёте 31 августа Кошкин вновь сделал вывод, что из-за длительных дождей, на треть сокративших пригодное для работы время, уменьшения личного состава частей, занятых на разминировании, и отъезда ряда из них из области, завершение разминирования к концу 1945 г. может быть сорвано. Положение планировалось выправить при условии выделения командующим Смоленского военного округа (СВО) инженерного батальона⁵². К сходным выводам пришёл и областной штаб, констатирующий, что имеющимися силами область в срок не уложится. Для этого требовались продление пребывания войск МВО, дополнительное выделение четырёх–пяти инженерно-

⁴⁹ Там же, д. 15, л. 304; ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 2, д. 26, л. 31.

⁵⁰ ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 1, д. 176, л. 2.

⁵¹ Там же, ф. 55, оп. 8, д. 171, л. 75, 79.

⁵² Там же, л. 85, 91.

сапёрных батальонов, а также перевод личного состава частей и районных команд Осоавиахима на более калорийное питание⁵³.

Опираясь на подпункт «в» 5-го пункта постановления № 6564, согласно которому инженерные части, производившие разминирование бывших рубежей обороны и сложных минных полей, могли быть освобождены от этой задачи только решением военных советов округов по согласованию с местными органами власти⁵⁴, калужское руководство добивалось от военных полного завершения работ. Секретарь обкома И.Г. Попов, председатель облисполкома А.М. Батамиров, сменивший его на этом посту П.И. Шурыгин, заместитель председателя облисполкома М.А. Константинов, ставший главой оперативного штаба по разминированию, только в течение второй половины 1945 г. направили пять ходатайств, адресованных командующим войсками СВО и МВО Ф.П. Озерову и П.А. Артемьеву, начальникам инженерных войск РККА и инженерного управления МВО Воробьёву и В.А. Копылову, председателю ЦС Осоавиахима П.П. Кобелеву, заместителю председателя СНК СССР А.Н. Косыгину и секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову⁵⁵. При условии выделения запрашиваемого количества войск и привлечения команд Осоавиахима областное руководство обещало закончить разминирование 132 кв. км в семи районах, проверить 353,3 кв. км территории, проходившей по бывшим рубежам обороны, и 1 500 кв. км лесов до весеннего сева 1946 г.⁵⁶ Ходатайства о выделении дополнительных инженерно-сапёрных подразделений поступали и от руководства районов⁵⁷.

В ответ на последнее по времени обращение временно исполняющий должность начальника штаба инженерных войск Красной армии генерал-майор Г.Н. Яковлев сообщил, что в связи с расформированием отрядов разграждения и невозможностью довести их численность до штатной разминирование далее будет вестись инженерными частями. Для этого разрабатывался план их передислокации в районы ведения работ с расчётом окончания таковых летом 1946 г., а также давались соответствующие указания начальнику инженерных войск СВО⁵⁸.

В какой мере могли быть удовлетворены просьбы калужского руководства? Пик работ пришёлся на 1944–1946 гг., когда началась демобилизация РККА, сократившая численность инженерно-сапёрных войск. Так, на 1 мая 1945 г. в них насчитывалось 110 бригад, 11 полков и 78 батальонов (большинство — в действующей армии), а в военных округах и на недействующих фронтах — лишь 6 бригад, 2 полка и 30 батальонов. В МВО, который на 1 мая 1945 г. охватывал помимо Калужской обл. ещё Москву и 13 близлежащих областей (7 из которых нуждались в сплошном разминировании), имелись инженерная бригада, понтонно-мостовой полк и инженерный батальон⁵⁹.

⁵³ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 31, л. 32–34.

⁵⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 384, л. 64–65.

⁵⁵ ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 169, л. 18–19, 22–23; ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 31, л. 30–31, 51, 67–68.

⁵⁶ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 31, л. 67–68.

⁵⁷ ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 170, л. 21–22.

⁵⁸ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 6.

⁵⁹ Боевой состав Советской Армии. Ч. V (январь–сентябрь 1945 г.) / Сост. В.В. Гуркин, Е.В. Симаков, С.И. Исаев, Г.А. Пирогова, Л.Н. Ефименко. М., 1990. С. 179, 215; *Феськов В.И., Голиков В.И., Калашиников К.А., Слугин С.А.* Вооружённые силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Ч. 1. Томск, 2013. С. 78.

К концу года расформировали 27 бригад, а ещё 7 переформировали в батальоны⁶⁰. К этому добавились организационные изменения — перенос границ МВО и образование СВО в составе Смоленской, Брянской, Калужской и Великолукской областей⁶¹, просуществовавшего с августа 1945 по май 1946 г.

Всё это замедляло ход дела. В Калужской обл. весной 1945 г. им занимались 2 тыс. военных сапёров, а после демобилизации и отзыва из области ряда частей в середине сентября — около 700⁶², всего же в 1945 г. — 3176 человек (228-й и 206-й отдельные отряды разминирования, 113-й военно-строительный отряд, 2-й батальон 1-й запасной инженерно-сапёрной бригады, рота 53-го понтонно-мостового полка, 38-й отдельный инженерный батальон миноискателей, подразделения 5-й и 18-й запасных стрелковых дивизий), преимущественно уделявшие внимание очистке сложных минных полей по бывшим рубежам долговременной обороны в девяти районах⁶³.

В результате постановление № 6564, требовавшее закончить работу по разминированию и сбору трофеев к началу весенней посевной кампании 1945 г., осталось не выполнено. 22 января 1946 г. председатель Калужского облсовета Осоавиахима П.Н. Жаров и старший командир-инструктор по разминированию гвардии капитан Ярошук переслали председателю облисполкома Шурыгину объяснительную записку, адресованную ими в Министерство государственного контроля СССР, в которой перечислили причины такого положения дел. Главной из них названо отсутствие точных сведений о масштабах засорённости территории области взрывоопасными предметами. При проведении в начале 1945 г. дополнительной разведки подлежащие проверке и очистке площади увеличились с 4074 до 11681 кв. км, причём не разминированными остались обширные участки по бывшим рубежам обороны.

Второй причиной стало запоздалое выделение нужного количества инженерно-сапёрных подразделений. Так, в мае—июне в области работало только два батальона и отряд сапёров. Когда же после выявления дополнительных площадей региональные власти запросили через ЦК ВКП(б) и СНК СССР ещё пять батальонов, командование МВО выделило лишь 206-й отдельный отряд из 500 человек, укомплектованный на 60%, а 2-й батальон 1-й запасной инженерно-сапёрной бригады, разминировавший Барятинский район, в июле отозвало. Только в октябре в область направили роту 38-го понтонного батальона. К этому времени во всех частях прошла демобилизация военнослужащих старших возрастов, их личный состав в совокупности уменьшился до 500 человек.

Третьей причиной срыва плана Жаров и Ярошук считали недостаточную помощь обл- и райсоветам Осоавиахима местных органов власти, которые отвлекали минёров, отправляя их на лесозаготовки, сельхозработы, в школы ФЗО, ремесленные училища. Несмотря на то что ГКО запретил направлять председателей райсоветов Осоавиахима заминированных районов в длительные командировки, не связанные с разминированием, многие райкомы и райисполкомы назначали их своими уполномоченными. Многие райсоветы Общества возглавляли не годившиеся для этого по деловым качествам люди, а в Думиничском и Медынском районах эти должности вовсе оставались

⁶⁰ Феськов В.И. и др. Вооружённые силы СССР после Второй мировой войны... С. 299.

⁶¹ Там же. С. 77—78.

⁶² ГАДНИ КО, ф. 55, оп. 8, д. 171, л. 91.

⁶³ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 28, 153.

вакантными. Во многих районах не имелось командиров-инструкторов военного обучения для руководства работой команд, которым к тому же несвоевременно и недостаточно выделялись продовольствие и транспорт. У многих осоавиахимовцев не было одежды и обуви. При этом из-за затяжных дождей работать получалось не более 50% времени, значительные территории ушли под воду⁶⁴.

Сходные выводы сделал и майор Кошкин, указавший, что передача Калужской обл. из МВО в СВО затянула сроки окончания работ, так как инженерный отдел СВО не контролировал занятые в них части. С 15 сентября по 27 ноября разминирование не удалось завершить ни в одном районе, а очищенная за это время площадь потребовала повторной проверки в 1946 г.⁶⁵ Несмотря на это Воробьёв 23 ноября 1945 г. доложил наркомму обороны СССР И.В. Сталину о завершении «в целом» сплошного разминирования районов бывших боевых действий⁶⁶.

23 января 1946 г. областное руководство сообщило заместителю председателя СНК СССР Косыгину, что в области предстоит провести работы по контрольной проверке и разминированию в семи районах на площади 1077 кв. км, а также вторично проверить ранее разминированные лесные массивы в четырёх районах на площади 525 кв. км⁶⁷. 12 июня Совет министров СССР принял постановление № 1225–502с «О мероприятиях по сплошному разминированию территорий, освобождённых от немецкой оккупации», которое развило подход, изложенный в постановлении № 6564. ЦС Осоавиахима и Совет министров РСФСР обязывались обеспечить их окончание к 1 октября. Для этого следовало подготовить в районах, не завершивших сплошное разминирование, команды минёров, а в районах, их завершивших, — взводы минёров-добровольцев для уничтожения единичных взрывоопасных предметов. Облисполкомы, а также руководства предприятий союзного подчинения обязывались создать в организациях, ведущих строительные и земляные работы, команды минёров из числа рабочих, совмещающих основные обязанности с поиском и уничтожением взрывоопасных предметов при их обнаружении на тех или иных участках. В ряде областей (например, в Смоленской) при отсутствии «в силу местных условий» минёров-добровольцев разрешалось привлекать таковых за плату. Воробьёву (с апреля 1946 г. — начальник инженерных войск Сухопутных войск) поручалось обеспечить к 1 октября окончательное разминирование бывших рубежей обороны. В распоряжении Осавиахима в 1946 г. оставалось 46 офицеров-минёров, ранее прикомандированных для руководства поиском мин и сбором трофеев, к ним также причислялись 10 артиллерийских офицеров-пиротехников⁶⁸.

В Калужской обл. в 1946 г. работы начались так же, как и годом ранее. 12 апреля областной штаб вновь констатировал неудовлетворительное состояние подготовки к ним: в трёх районах не имелось необходимого количества минёров-общественников, в четырёх к формированию и обучению команд не приступали, ещё в двух не наладили их нормальное питание. Штаб сделал

⁶⁴ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 7–10 об.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 155.

⁶⁶ Инженерные войска Советской Армии 1918–1945 / Сост. Е.П. Егоров, В.П. Андреев, С.Ф. Бегунов и др. М., 1985. С. 471.

⁶⁷ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 4.

⁶⁸ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 213, л. 206–209.

вывод о «самоустранении от разминирования» руководства шести райисполкомов. В постановлении по этому поводу начальникам районных штабов поручалось взять соответствующую деятельность под полный контроль, а райисполкомам — оказывать полное содействие командам Осоавиахима в части выделения из местных ресурсов транспорта, одежды и обуви, улучшения питания⁶⁹.

Однако «тихое сопротивление» участию разминёров-осоавиахимцев, неспособность (а подчас и нежелание) региональной и районной власти обеспечить их полное привлечение к делу вновь обострили трения между военными и региональным руководством. Выявилась и нехватка в МВО инженерных частей. Ещё 12 февраля Воробьёв сообщил Маленкову о данном им командующему войсками МВО указании использовать инженерные части округа, а недостающее количество сапёров подготовить из личного состава других родов войск. Инженерный отдел МВО рассчитывал на все инженерные части и подразделения стрелковых дивизий. На территории Калужской обл. в соответствии с «Планом разминирования территории Московского военного округа в 1946 году», утверждённым 5 марта, 1902 кв. км площади должны были очистить 727 военных сапёров и 197 разминёров. Кроме того участвовали 76-я и 87-я гвардейские стрелковые дивизии⁷⁰.

На деле количество военных сапёров, направленных в область, оказалось ещё выше⁷¹. Однако вновь сказалось серьёзное расхождение числа подготовленных и фактически действующих осоавиахимовцев. К 1 мая, согласно донесению начальника инженерных войск МВО Копылова начальнику управления кадров ЦК ВКП(б) Н.Г. Жукову, работы вели 1922 военных сапёра и 132 члена команд по разминированию вместо 361 разминёра по плану, 25 мая — 1192 и 165, 10 июня — 1993 и 239, 25 июня — 1804 и 244, 10 июля — 1796 и 197, 25 июля — 1789 и 211, 10 августа — 1379 и 144, 10 сентября — 1038 и 30 человек соответственно⁷². Между региональной властью и инженерным отделом МВО продолжались препирательства из-за невыхода на работу части разминёров, их необеспеченности продовольствием, обмундированием, отсутствия твёрдого распорядка дня, организации труда и отчётности⁷³. 5 августа Совет министров РСФСР рекомендовал Калужскому облисполкому оказать структурам Осоавиахима всестороннюю помощь и обеспечить завершение сплошного разминирования к 1 октября⁷⁴.

Запланированное на 1946 г. удалось выполнить к концу августа. Порядок проверки и оформления итогов регламентировался директивой председателя ЦС Осоавиахима Кобелева и временно исполняющего должность начальника штаба инженерных войск РККА Яковлева № 01628 от 16 декабря 1944 г. В состав комиссии по приёме входили представители обкома, облисполкома, облсовета Осоавиахима, облвоенкомата, инженерного отдела штаба военного округа, областного управления НКВД, ЦС Осоавиахима. Сдатчиком определялся облсовет Осоавиахима, который представлял перечень документов об

⁶⁹ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 39, л. 46–47.

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 1105, л. 141–143.

⁷¹ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 213, л. 156.

⁷² РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 1105, л. 153, 160–161, 172, 194, 199, 210, 219, 226.

⁷³ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 29–29 об.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 1105, л. 156, 166, 198–199.

⁷⁴ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 40.

итогах работы. Комиссия рассматривала их и организовывала контрольную проверку качества в трёх районах, после чего составлялся акт об окончании разминирования и сбора трофеев на территории области. Председатель облсовета Общества вносил на рассмотрение облисполкома итоговый доклад, а облисполком принимал окончательное решение о завершении разминирования и направлял его копию в ЦС Осоавиахима⁷⁵. Аналогичные по составу комиссии создавались в районах⁷⁶. Областная комиссия в присутствии представителя ЦС наблюдала за проверками в шести районах, опрашивала местное население и руководящий актив. Облсовет Общества организовал в Калужском краеведческом музее отдел, посвящённый разминированию области, создал фотоальбом об этом⁷⁷.

В постановлении областного штаба 27 октября 1946 г. констатировалось, что за 1944–1946 гг. команды Осоавиахима очистили 6283 кв. км, обезвредив и уничтожив 1,43 млн взрывоопасных предметов, в то время как инженерные части МВО «проделали наиболее сложную и трудоёмкую работу»: разминировав бывшие рубежи долговременной обороны на площади 7342 кв. км, они обезвредили 3,2 млн взрывоопасных предметов. Качество достигнутого результата изучили контрольные проверки на 115 участках площадью 617 кв. км. Областной штаб просил облисполком считать территорию области полностью разминированной и очищенной от взрывоопасных предметов, а задачу команд Осоавиахима и воинских частей — выполненной⁷⁸. 27 октября 1946 г. решение облисполкома № 87–1358с утвердило акт и материалы областной комиссии об окончании работ. Этим же решением облсовет Осоавиахима обязывался переподготовить необходимое количество разминёров для формирования дежурных взводов и отделений в районах, а также обеспечить их подготовку по заявкам строительных, лесозаготовительных и земельных организаций⁷⁹.

Судя по статистике, пик разминирования пришёлся на 1944–1946 гг., когда в области на площади 13,6 тыс. кв. км обезвредили 4,63 млн взрывоопасных предметов. Для сравнения, за 1944 — начало 1950-х гг., по далеко не полным данным, — 4,68 млн на площади 13,9 тыс. кв. км⁸⁰. Неудивительно в этой связи, что, несмотря на официальное завершение разминирования, к маю 1948 г. из-за засорённости минами и проч. в 12 районах всё ещё не обрабатывалось 1170 кв. км пахотных земель⁸¹. И здесь прежде всего стоит указать на слабость структур Осоавиахима, на которые в первую очередь и возлагалась ответственность. Организация практически не имела политических и административных рычагов, зависела от центральной и региональной власти в вопросах снабжения материальными ресурсами. По сути, она могла лишь оказывать содействие гораздо лучше оснащённым и многочисленным военным сапёрам, которые привлекались благодаря возмож-

⁷⁵ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 181, л. 4–5.

⁷⁶ ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 2, д. 8, л. 53.

⁷⁷ ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 106–107.

⁷⁸ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 52.

⁷⁹ Там же, д. 39, л. 96.

⁸⁰ Подсчитано по: ГА РФ, ф. Р-8355, оп. 6, д. 231, л. 26, 28; ф. Р-9545, оп. 2, д. 72, л. 44; ГАДНИ КО, ф. П-7713/Р-776, оп. 2, д. 54, л. 106 об., 107 об.; ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 49, л. 52; д. 154, л. 96а; д. 175, л. 3; д. 203, л. 20.

⁸¹ ГА КО, ф. Р-883, оп. 19, д. 89, л. 9.

ностям региональных властей. Постепенное сворачивание участия осоавиахимовцев в разминировании отразило эволюцию подхода к решению этой чрезвычайно актуальной для аграрного региона проблемы в конце 1940-х — начале 1950-х гг.: повинностно-добровольческий механизм заменялся возмездным — оплатой работ, проводимых специализированными структурами. Это, среди прочего, означало уменьшение роли населения и общественных структур и усиление влияния партийно-государственной бюрократии, обладавшей несравнимо большим объёмом подконтрольных ресурсов и опытом их мобилизации.

«“Интернационал” устарел для нашего народа». Создание государственного гимна СССР (1943–1944)

Сергей Девятков, Валентин Жилиев, Владимир Невежин

«“The International” is outdated for our people».

Creation of the National anthem of the USSR (1943–1944)

Sergey Devyatov (Lomonosov Moscow State University, Russia),

Valentin Zhilyaev (Moscow, Russia),

*Vladimir Nevezhin (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23030082, EDN: EQYLPO

Государственный гимн, наряду с гербом и флагом, является официальным символом страны. Особенностью Советского государства было то, что за первую четверть века его существования друг друга сменили два гимна. В предлагаемой статье раскрываются причины подобной смены, которые имели не только внутрисполитический, но и внешнеполитический характер. История отечественных гимнов отражена преимущественно в научно-популярных и учебных изданиях¹. В постсоветский период предпринимались попытки рассмотрения вопроса о создании государственного гимна взамен «Интернационала» с привлечением не только опубликованных воспоминаний очевидцев и участников событий, но и архивных материалов². Были введены в оборот ранее не известные документы РГАСПИ и ГА РФ о работе над новым гимном СССР в 1943–1944 гг.³ В совокупности с опубликованными воспоминаниями⁴ они составили основу источниковой базы статьи.

При написании статьи мы опирались на упомянутые источники, которые дополнили неопубликованными архивными документами. В РГАСПИ наше

© 2023 г. С.В. Девятков, В.И. Жилиев, В.А. Невежин

¹ Обухов В.В. Символы новой эры (Герб, гимн и флаг СССР). М., 1983; Гнидаш В.С. Герб. Флаг. Гимн СССР. М., 1985; Хентова С.М. Мелодии великого времени: «Марсельеза», «Интернационал». М., 1986; Пчелов Е.В. Государственные символы России – герб, флаг, гимн. Учебное пособие. М., 2002; Калашников Г.В. Гимны России: Пособие для средних школ, лицеев, гимназий, училищ. М., 2005; Петров В.О. Творчество Шостаковича на фоне исторических реалий XX века. М., 2007; Хорошкевич А.Л. Герб, флаг и гимн: из истории государственных символов Руси и России. М., 2008; Глушков С.В. А.В. Александров: на пути к гимну России. Тверь, 2014; Бенеа С. Александр Александров. Ансамбль и жизнь. М., 2017; и др.

² Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 335–347; Соболева Н.А. Из истории отечественных государственных гимнов // Отечественная история. 2005. № 1. С. 13–18.

³ «Гимн большевиков перерастает у нас в государственный». Документы российских архивов об истории создания Государственного гимна СССР. 1943–1946 гг. // Электронный альманах «Россия. XX век». 2007 (URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/66230>); «Мы предчувствовали полыханье...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. М., 2015. С. 843–854.

⁴ Михалков С.В., Дмитриевский А.З. Три гимна в XX веке. Калининград, 2003; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Документы и материалы. М., 2003. С. 372–373, 378–389.

внимание привлекло дело, аннотация которого гласит: «Поправки Сталина И.В. в седьмом варианте текста гимна Советского Союза, написанного Михалковым С. и Эль-Регистаном. 23.09—4.11.1943»⁵. Как представляется, данный заголовок недостаточно полно отражает содержание дела. В нём среди прочего хранятся рукописные заметки Эль-Регистана (Г.А. Урекляна) о работе над новым гимном СССР⁶. Имеются здесь и ранее не публиковавшиеся материалы со сталинскими пометами и маргиналиями (с точной датировкой их внесения, сделанной Михалковым и Эль-Регистаном) по поэтическим текстам не только седьмого, но практически всех вариантов текста будущего гимна. В РГАСПИ также сохранились документы, содержащие сведения по истории гимна Российской империи и «Интернационала»⁷.

Разнообразная информация о ходе работы по созданию нового государственного гимна содержится в материалах, подготовленных в секретариате заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР К.Е. Ворошилова и предназначавшихся для первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова, которые сохранились в ГА РФ⁸. Некоторые из этих материалов были опубликованы⁹. В качестве источника привлечены также документы АВП РФ¹⁰, сохранившиеся в фонде секретариата наркома иностранных дел В.М. Молотова¹¹. Использовались и опубликованные эгоисточники: дневники¹², мемуары и интервью¹³, переписка¹⁴ активных участников и современников событий.

Первый официальный государственный гимн России был создан в 1833 г. Музыку к нему по заданию Николая I написал А.Ф. Львов, а В.А. Жуковский представил текст. С 1834 г. государственный гимн Российской империи стал исполняться на торжественных мероприятиях (парадах, смотрах и т.д.)¹⁵. После Октябрьской революции 1917 г. широкое распространение получил «Интернационал»¹⁶. Скорее всего, данное обстоятельство связано с личными предпочтениями В.И. Ленина¹⁷.

⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3399; *Громов Е.С.* Указ. соч. С. 469.

⁶ Эти заметки были опубликованы (с небольшими купюрами): «Гимн большевиков...». Док. № 7.

⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 217. Из этого дела опубликован лишь один документ — Записка секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова И.В. Сталину, датируемая концом мая 1943 г. («Гимн большевиков...»). Док. № 1).

⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 54, д. 17.

⁹ «Гимн большевиков...». Док. № 2—6, 8, 9.

¹⁰ В статье использованы материалы размещённого в Интернете сборника «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» (URL: agk.mid.ru).

¹¹ АВП РФ, ф. 06.

¹² *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2. 22 июня 1941—1943 год / Сост. Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский, Ю.А. Никифоров. М., 2006; *Новиков Н.В.* Дневник. 1943—1945. Фрагменты / Публ. Г. Лисицыной // *Звезда*. 2020. № 6. С. 84—135; *Eden A.* The memoirs of Antony Eden. Facing the dictators. Cambridge, 1962.

¹³ *Ражников В.Г.* Кирилл Кондрашин рассказывает о музыке и о жизни. М., 1989; *Шабалин И.Д.* Свидетель социализма: Раздумья о своей эпохе. М., 1998.

¹⁴ Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств. Апрель 1939 — январь 1948. Свод писем. М., 2007; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. I. М., 2015.

¹⁵ *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 3—9.

¹⁶ Там же. С. 186.

¹⁷ Там же. С. 11.

Автором слов «Интернационала», считавшегося международным пролетарским гимном, являлся Э. Потье¹⁸. Стихотворный вариант был издан в 1877 г., а позднее положен на музыку П. Дегейтером¹⁹. За перевод его текста с французского на русский язык взялся А.Я. Коц²⁰, выходец из Российской империи, находившийся в эмиграции во Франции. Вначале им были переведены 1-я, 2-я и 6-я строфы, написанные Э. Потье (опубликованы в Лондоне в 1902 г.). В 1931 г. Коц перевёл остальные строфы. Полный текст этого перевода был обнаружен уже в советское время, в 1937 г.²¹

Первое после взятия власти большевиками упоминание о публичном исполнении «Интернационала» связано с общим собранием гласных районных дум Москвы (27 октября (9 ноября) 1917 г.)²². На III съезде Советов ((10(23)–18(31) января 1918 г.)) пение «Интернационала» происходило при открытии и по завершении его работы²³. В дальнейшем эта традиция распространилась и на партийные съезды и конференции.

6 ноября 1918 г. в Большом театре торжественно отмечалась первая годовщина Октябрьской революции. Программа праздничного концерта включала исполнение хором и оркестром «Интернационала»²⁴. С тех пор он неизменно исполнялся в преддверии очередной Октябрьской годовщины на торжественных собраниях общественности в присутствии партийных и государственных руководителей по всей стране. В предвоенный период «Интернационал» звучал и на праздничных военных парадах, которые устраивались в Москве и в крупных городах СССР 1 мая и 7 ноября. Широкое распространение он получил благодаря разного рода съездам (в том числе партийным), исполнялся также на массовых мероприятиях: собраниях, митингах, демонстрациях²⁵. По словам Е.С. Громова, «это не было оформлено специальным декретом, а получилось как бы само собой»²⁶. В 1918 г. производился ремонт курантов на Спасской башне Московского Кремля. С тех пор вплоть до 1938 г. ровно в 12 часов куранты исполняли мелодию «Интернационала»²⁷.

После образования СССР кодификация «Интернационала» в качестве гимна не проводилась. В Конституциях 1924 и 1936 гг. приводились описания герба и флага²⁸, но о гимне не упоминалось. Следует отметить, что подобного рода феномен (существование гимна лишь *de facto*) был характерен не только для Советской страны. Например, патриотическая песня «God save the King» («Боже, храни короля») во второй половине XVIII в. стала гимном английской

¹⁸ Потье Эжен (1816–1887), французский революционер, анархист, участник Парижской коммуны 1871 г.

¹⁹ Дегейтер Пьер (1848–1932), французский рабочий (токарь по металлу) и музыкант.

²⁰ Коц Аркадий (Аарон) Яковлевич (псевдонимы – А. Данин, А. Бронин, А. Шатов; 1872–1943), поэт и переводчик, по профессии горный мастер.

²¹ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 12.

²² Известия Московского совета. 1917. № 199. 28 октября (10 ноября); РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 217, л. 7–8.

²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 217, л. 9.

²⁴ Большой театр СССР. Опера. Балет. Фотоальбом. М., 1986. С. 12.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 217, л. 10.

²⁶ Цит. по: Громов Е.С. Указ. соч. С. 338.

²⁷ Евдокимов Д.В. Кремль и Красная площадь. М., 2003. С. 81.

²⁸ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик с приложением важнейших действующих узаконений об организации и деятельности Центральных органов Союза СССР. Изд. 2, доп. М., 1925. С. 22; Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 38.

королевской семьи. Однако данное обстоятельство никогда не подтверждалось юридически ни монархами, ни парламентом. В США до начала 1930-х гг. вообще отсутствовал официальный государственный гимн, в Белом доме в качестве церемониальной мелодии исполнялась «Анакреонтская песня» конца XVIII в. Лишь 3 марта 1931 г. президент США Г. Гувер подписал билль об официальном признании национальным гимном «Star-Spangled banner» («Знамя, усыпанное звёздами») ²⁹. «Песенную» основу имели гимны и других государств: Франции («Марсельеза», с 1879 г.), Чехословакии («Kde domov můj Nad Tatrou sa blýska», «Где дом мой? Над Татрой молнии сверкают», с 1918 г.), Польши («Марш Домбровского», с 1927 г.).

В условиях активизации международных контактов Советского Союза во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. и увеличения количества стран, установивших с ним дипломатические отношения, начал складываться порядок исполнения «Интернационала» во время церемоний приёма зарубежных политических деятелей на высшем (главы иностранных государств и правительств) и высоком (министры иностранных дел) уровнях ³⁰. «Интернационал» исполнялся и во время церемоний с участием председателя ЦИК СССР М.И. Калинина, на которые приглашались представители дипломатического корпуса (торжественные заседания Моссовета накануне очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции; приёмы (банкеты) по случаю этого праздника, устраивавшиеся от его имени). Однако сотрудники НКВД СССР не имели никаких инструкций и точных предписаний относительно порядка исполнения мелодии и стихотворного текста «Интернационала». В связи с этим возникали непредвиденные советской стороной инциденты.

В феврале 1935 г. один из таких инцидентов разбирался в НКВД с приглашением поверенного в делах Польши. Представители дипломатического корпуса рассматривали «Интернационал» как «партийную песню революционных рабочих», содержащую призыв к свержению буржуазии. Поэтому, даже присутствуя на официальных мероприятиях с участием Калинина, они не считали обязанным вставать при её пении. В то же время музыкальное исполнение «Интернационала» воспринималось как гимн, и когда звучала его мелодия, представители дипломатического корпуса вставали с мест. Поскольку в Советском Союзе отсутствовал разработанный «протокольный церемониал», определявший, в каких случаях иностранные дипломаты должны были вставать при исполнении гимна страны пребывания, упреки сотрудников НКВД в их адрес, со ссылкой на необходимость придерживаться норм международной вежливости, повисали в воздухе ³¹.

Отсутствие прописанных правил исполнения «Интернационала» порой имело неожиданный резонанс. В конце марта 1935 г. в Москву с визитом прибыл лорд-хранитель печати Великобритании А. Иден, которого принимали с большими почестями ³². Культурная программа среди прочего включала по-

²⁹ «Star-Spangled Banner» is Now Official Anthem // The Washington Post. 1931. March 5. P. 3.

³⁰ Захарова О.Ю. Как в СССР принимали высоких гостей. Официальные и неофициальные встречи, переговоры, подарки, меню, развлечения, поездки по стране. Главы государств и правительств, партийные и общественные деятели, зарубежные дипломаты в гостях у Сталина, Хрущёва, Брежнева. М., 2018. С. 48–96, 112, 116, 161.

³¹ Там же. С. 168.

³² Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. Дипломатические приёмы 1939–1945 гг. М., 2020. С. 53.

сещение балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро» в Большом театре. Иден писал в мемуарах, что вместе с сопровождавшими его лицами занял место в бывшей царской ложе. После появления почётных английских гостей были исполнены «God save the King», а затем — «Интернационал». Позднее до Идена дошли сведения о том, что король Георг V, хотя и понимавший необходимость поддержания контактов с советской стороной, продолжал хранить «самые нежные воспоминания» о своём двоюродном брате Николае II. Поэтому английский монарх не одобрил факт исполнения «Интернационала» в одном ряду со «своим», королевским гимном³³. По-видимому, в СССР мало кого смущало то обстоятельство, что «Интернационал», считавшийся *de facto* гимном страны, появился за несколько десятилетий до её возникновения, был создан двумя французскими подданными (один из которых придерживался анархистских убеждений) и не имел истинно государственной, национальной основы.

После нападения Германии на СССР в 1941 г., в условиях складывания и дальнейшего развития антигитлеровской коалиции, «Интернационал» играл роль своеобразного индикатора в межсоюзнических отношениях. К этому времени в Англии установился порядок, согласно которому Британская радиовещательная корпорация (BBC) по воскресным дням, перед программой новостей, в 20:45 транслировала по радио государственные гимны союзных государств. По идее советский гимн также должен был исполняться, однако У. Черчилль, будучи убеждённым противником коммунизма, отдал распоряжение о том, чтобы «Интернационал» по английскому радио не транслировался³⁴. Советский посол в Англии И.М. Майский в личном дневнике негативно оценивал эти санкции, вызвавшие дебаты в парламенте и неоднозначное восприятие в английском обществе. По его мнению, «страх перед исполнением “Интернационала” наглядно демонстрировал внутреннюю слабость Англии»³⁵. В конечном счёте британский премьер 22 января 1942 г. снял этот запрет³⁶.

В 1941–1943 гг. в СССР с официальными визитами периодически пребывали лидеры союзных государств, главы их внешнеполитических ведомств, видные военные и политические деятели. «Интернационал» неизменно звучал (вместе с гимнами союзных стран) в качестве составной части предварительно утверждённых Молотовым торжественных протокольных церемоний встреч и проводов союзников³⁷. Между тем к 1943 г. в общественном сознании созрела идея об архаичности «Интернационала», что отразилось, в частности, в личных дневниках и воспоминаниях советских современников событий. 18 ноября 1943 г. дипломат В.Н. Новиков, узнав о работе по созданию нового гимна, записал в личном дневнике: «Вот уж подлинно — идеи носятся в воздухе, когда созреют необходимые предпосылки их осуществления». Ещё в 1942 г. Новиков намеревался подготовить записку в партийные инстанции «о необходимости создания нового гимна, более соответствующего требованиям эпохи». Он рассуждал об «устарелости „Интернационала“, который был «весь в прошлой России». По мнению дипломата, следует написать новую «песнь

³³ Eden A. Op. cit. P. 175–176.

³⁴ Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945. М., 2010. С. 277–278.

³⁵ Майский И.М. Указ. соч. С. 13.

³⁶ Hermiston R. All Behind You, Winston: Churchill's Great Coalition 1940–45. L., 2016. P. 216.

³⁷ Захарова О.Ю. Как в СССР принимали высоких гостей... С. 131, 134–135; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 211–212.

страны, победившей» в 1917 г., «в ходе Гражданской войны, в экономическом соревновании» и даже во Второй мировой войне (хотя до этого в 1942 г. было ещё довольно далеко). Свою записку он хотел приурочить к 25-й годовщине Октябрьской революции³⁸.

Другой современник событий, военный моряк, вспоминал, что в конце 1943 г. распространились разговоры, подтверждённые вскоре официальными сообщениями, «о скором появлении нового гимна». Ему на ум тогда пришла мысль о явной нецелесообразности использования пролетарского «Интернационала» в качестве гимна в условиях, когда союзниками СССР по антигитлеровской коалиции являлись «империалистические государства Англия и США, а не братья-пролетарии». Возникло и ещё одно соображение: «Интернационал» создали французы³⁹, а Франция находилась под германской оккупацией. Советский Союз выстоял в вооружённой схватке с Германией, и уже по этой причине ему был необходим новый гимн⁴⁰.

Последними по времени утверждёнными Молотовым протокольными мероприятиями, которые предусматривали исполнение «Интернационала», стали торжественные встречи: глав делегаций Великобритании и США, прибывших на Московскую конференцию (конец октября 1943 г.)⁴¹; президента Чехословакии в изгнании Э. Бенеша (декабрь 1943 г.)⁴².

Необходимость создания официально утверждённого гимна вместо явно устаревшего «Интернационала» была осознана не только советскими гражданами, но и высшим государственным руководством. Актуальность этой проблемы усиливалась в связи с тем, что всё явственнее обозначался пробел в системе дипломатического протокола, в контексте которого «пролетарский» гимн СССР выглядел вызывающе. Это стало очевидным, в первую очередь, в связи с расширением контактов с союзниками по антигитлеровской коалиции. Необходимо было ликвидировать создавшуюся лакуну в кратчайшие сроки.

В нашем распоряжении нет заслуживающих внимания данных, которые позволили бы дать однозначный ответ на вопрос: когда именно высшее партийно-государственное руководство СССР приняло решение о смене гимна. Е.С. Громов (правда, без ссылок на источники) утверждал, что уже весной 1942 г. Сталин решил оставить «Интернационал» только партийным гимном и создать новый — государственный. Подобно роспуску Коммунистического Интернационала в мае 1943 г., данное решение являлось политической акцией. Новый гимн, по мнению Громова, должен был подчеркнуть «изменившийся статус советской страны», будучи пронизанным «державным патриотизмом в его большевистской интерпретации». Историк усмотрел и другой смысл в реализации идеи его создания. Гимну предстояло стать «своего рода образцом социалистического искусства, его гражданской направленности». В данном случае эстетика сливалась с политикой и подчинялась ей⁴³.

³⁸ Новиков Н.В. Указ. соч. С. 110.

³⁹ П. Дегейтер являлся этническим фламандцем.

⁴⁰ Цит. по: Шабалин И.Д. Указ. соч. С. 133.

⁴¹ Советская дипломатия в период подготовки и проведения Московской и Тегеранской конференций 1943 г. // Великая Победа. В 15 т. Т. 13. М., 2015. Док. № 1. С. 325.

⁴² Захарова О.Ю. Как в СССР принимали высоких гостей... С. 163; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 167.

⁴³ Громов Е.С. Указ. соч. С. 338.

Аналогичное объяснение дала Н.А. Соболева. По её мнению, с началом Великой Отечественной войны в официальной идеологии прежние коммунистические и интернациональные компоненты были оттеснены на второй план национально-государственными, великодержавными. Делалось это в сугубо прагматических целях: для мобилизации всех сил на разгром врага. Подобные перемены стояли в одном ряду с усилением не только советского, но и русского патриотизма, роспуском III Интернационала и улучшением отношений сталинского руководства с Русской Православной Церковью. «Данный процесс отразился и на замене “Интернационала” новым Государственным гимном СССР», — утверждала Соболева⁴⁴.

Активная работа над гимном развернулась во второй половине 1943 г., когда Красная армия одержала решающие победы в Сталинградской и Курской битвах. Эти военные успехи были достигнуты на фоне усиления антигитлеровской коалиции, закреплёны на межсоюзнических конференциях в Москве и Тегеране. Громов утверждал, что подготовка нового гимна СССР с самого начала была возведена «на уровень первостепенного государственного дела». В доказательство он привёл следующие аргументы: учреждение специальной правительственной комиссии, выделение больших денежных средств на проведение конкурса и вознаграждение его участников, который был хотя и закрытым, но не келейным (в нём могли принимать участие как советские композиторы, так и поэты). Громов подчеркнул, что в упомянутую комиссию поступили сотни предложений, которые «тщательно рассматривались с привлечением лучших специалистов»⁴⁵.

Однако на самом деле всё обстояло не так просто и однозначно. Упомянутый конкурс на лучший вариант нового гимна продолжался более года. Как будет показано ниже, несмотря на отсутствие келейности и на «соревновательное» начало, победители конкурса по существу были заранее определены. Историк прекрасно понимал, что «в конечном счёте решал сам Сталин»⁴⁶.

Ещё в середине 1942 г. советские композиторы и поэты приступили к созданию «гимнической музыки» и поэтических текстов нового гимна. В конце мая 1943 г. Щербаков, совмещавший должности секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря МК и МГК ВКП(б), начальника Совинформбюро и Главного политического управления Красной армии, сообщал Сталину, что 19 поэтов сдали 27 вариантов текста, а 8 композиторов представили мелодии. В то же время Щербаков констатировал, что ни одно из представленных произведений не может быть рекомендовано в качестве гимна⁴⁷. По словам Соболевой, специальная государственная комиссия, созданная для создания мелодии и текста, начала свою деятельность в июне, по существу «с чистого листа»⁴⁸. В неё входили Ворошилов, Щербаков, М.Б. Храпченко (председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР), А.А. Фадеев (секретарь президиума Союза советских писателей) и Р.М. Глиэр (председатель оргкомитета Союза советских композиторов СССР). Работа велась по двум основным направлениям: отбор стихотворных текстов и поиск мелодии. Обе составляющие гимна тщательно формировались творческими комиссиями на конкурсной основе. Можно со-

⁴⁴ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 13.

⁴⁵ Громов Е.С. Указ. соч. С. 338.

⁴⁶ Там же. С. 339.

⁴⁷ «Гимн большевиков...». Док. № 1.

⁴⁸ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 14.

гласиться с утверждениями об отсутствии келейности в работе конкурсной комиссии и о фактической открытости самого конкурса⁴⁹. Об этом, в частности, свидетельствует то, что поэты и композиторы состояли в переписке с Ворошиловым и Храпченко, стремясь, очевидно, заручиться их поддержкой⁵⁰.

Конкретные задачи предстоящей работы над гимном были изложены на совещании с поэтами и композиторами, проведённом Ворошиловым и Щербаковым в Московском комитете ВКП(б) 18 июня 1943 г. «Интернационал», по их мнению, уже не соответствовал современности. Щербаков прямо заявил: «Нам надо иметь новый гимн. “Интернационал” устарел для нашего народа. Это пройденный этап. “Интернационал” пусть поёт тот, кто ещё не разрушил старый мир». В новом гимне необходимо было отразить следующие темы: победа рабочего класса в СССР и торжество власти трудящихся; братство и дружба народов Советского Союза. Ворошилов и Щербаков рекомендовали не упоминать о большевистской партии, «так как гимн является всенародным, национально-беспартийным». В то же время следовало непременно упомянуть СССР, а также Ленина и Сталина, «так как они от народа неотделимы». Ворошилов выразил уверенность в том, что «за три месяца гимн создать, безусловно, можно», но, «очевидно, будет несколько текстов». В ответ Фадеев заверил: «Мы сделаем всё, чтобы оживить работу по созданию гимна. До сих пор работа проводилась, но потом как-то остыла»⁵¹. Два товарища-фронтовика, два поэта — Г.А. Эль-Регистан и С.В. Михалков — узнав о проведённом совещании в МК ВКП(б), решили попробовать свои силы в написании текста будущего гимна СССР⁵².

17 июля в Бетховенском зале Большого театра, в присутствии Ворошилова и Щербакова, состоялось первое прослушивание проектов. Было представлено восемь вариантов в хоровом и оркестровом исполнении, написанных в 1942 г. В списке композиторов, поэтов, литературных и музыкальных специалистов, приглашённых на мероприятие в Бетховенский зал, числились 83 человека. Интересно, что фамилии Михалкова и Эль-Регистана в списке для прохода в Большой театр отсутствовали⁵³.

К этому времени в 6-м управлении НКГБ СССР (государственная охрана) была создана специальная группа; текущую работу по всем направлениям подготовки гимна планировал и организовывал полковник Л.М. Китаев⁵⁴, адъютант Ворошилова. В его обязанности, среди прочего, входила организация большой по объёму переписки руководителей комиссии с поэтами и композиторами.

Ворошилов, Щербаков, Храпченко, Фадеев и Глиэр присутствовали практически на всех прослушиваниях в Большом театре. В свободное от прослушивания и обсуждений комиссией время в Бетховенском зале проводились репетиции исполнения проектов вариантов нового гимна. В отдельные дни в театре собиралось свыше полутысячи авторов текстов и музыки, исполнителей, музы-

⁴⁹ Громов Е.С. Указ. соч. С. 338; Соболева Н.А. Указ. соч. С. 15.

⁵⁰ Деятели русской культуры и М.Б. Храпченко... С. 148–150, 620; Соболева Н.А. Указ. соч. С. 13–16.

⁵¹ «Гимн большевиков...». Док. № 3; Соболева Н.А. Указ. соч. С. 14–15.

⁵² Михалков С.В., Дмитриевский А.З. Указ. соч. С. 3–4.

⁵³ ГА РФ, ф. 17, оп. 54, д. 17, л. 7, 162.

⁵⁴ Один из публикаторов почему-то назвал Китаева денщиком Ворошилова (Сидоров Н.А. Вступительная статья // «Гимн большевиков...»). Полагаем, что это некорректно.

кальных специалистов и литературных (поэтических) рецензентов. Ко второй половине августа 50 поэтов написали 87 различных текстовых вариантов гимна.

4 и 11 августа в Бетховенском зале прошли очередные прослушивания. 11 августа были приглашены семь композиторов и шесть поэтов. Авторы музыки исполняли свои произведения на рояле. В тот же день лучшими среди представленных вариантов гимна были признаны музыка Д.Д. Шостаковича на текст Михалкова и Эль-Регистана⁵⁵. В последних числах августа оба поэта были вызваны в Кремль. Ворошилов заверил, что Сталин обратил внимание на их вариант текста нового гимна, порекомендовал ознакомиться с его замечаниями⁵⁶. На первого заместителя начальника 6-го управления НКГБ Н.С. Власика и его подчинённых была возложена задача по организации постоянной связи с Эль-Регистаном и Михалковым, обеспечению их присутствия на кремлёвских совещаниях и встречах с высшим руководством по вопросам обсуждения вариантов текста будущего гимна. 4 сентября Ворошилов и Щербаков сообщили Сталину, что в ходе нескольких бесед с Фадеевым и Храпченко им было указано на неудовлетворительную работу Союза советских писателей по созданию его нового текста⁵⁷. Неслучайно дальнейшая совместная творческая деятельность Михалкова и Эль-Регистана проходила очень напряжённо и интенсивно.

20 и 22 сентября Ворошилов принимал обоих поэтов в своём кремлёвском кабинете. Согласно его указаниям и советам, следовало написать припев, оттенить в тексте гимна социалистическую сущность Советского государства и придать предельную простоту и ясность языку текста, с тем чтобы он был доступен всем слоям населения, независимо от общественного положения и культурного уровня; слова гимна должны «иметь одновременно с простотой особую торжественность». В конечном счёте, был одобрен один из вариантов текста, с внесением ряда исправлений, предложенных Сталиным.

23 сентября 1943 г. к 18:45 Михалков и Эль-Регистан завершили написание семи (sic!) вариантов припева. В 19:10 Молотов и Ворошилов, в присутствии авторов, приступили к рассмотрению представленных текстов. Затем все варианты, а также их переделки были переданы на рассмотрение Сталина⁵⁸. 24 сентября Ворошилов направил Щербакову проект стихотворного текста гимна СССР⁵⁹.

Таким образом, Сталин, несомненно, определился с авторами текста нового гимна. Можно смело утверждать, что с этого времени варианты, представленные другими писателями и поэтами, не могли претендовать на успех. Об этом, в частности, может свидетельствовать то, что с подачи Сталина Михалков и Эль-Регистан по ходу работы неоднократно приглашались в Кремль к Ворошилову, который предоставил им возможность работать в кабинете заместителя председателя СНК СССР Р.С. Землячки. Сталин и члены Политбюро беседовали с обоими поэтами в сталинском служебном кабинете, а сам вождь неоднократно звонил Михалкову и Эль-Регистану, предлагая новые варианты отдельных куплетов и припева⁶⁰.

⁵⁵ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

⁵⁶ Михалков С.В., Дмитриевский А.З. Указ. соч. С. 7.

⁵⁷ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ГА РФ, ф. Р – 5446, оп. 54, д. 17, л. 65.

⁶⁰ «Гимн большевиков...». Док. № 7.

25 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) постановило принять вместо «Интернационала» в качестве государственного гимна СССР новый текст, в связи с чем 27 сентября Ворошилов в разговоре по телефону с Эль-Регистаном передал ему и Михалкову поздравления⁶¹. Однако стихотворный вариант гимна в течение следующих двух месяцев вновь подвергся существенной доработке. Авторы неоднократно получали предписания и устные указания от Сталина, Ворошилова и Молотова⁶².

27 октября в 2 часа ночи Сталин в телефонном разговоре с Михалковым высказал мнение, что представленный текст гимна кажется ему «куцым». Он предложил прибавить ещё один куплет с припевом, который «по духу и смыслу должен быть воинственным». В нём необходимо было сказать о Красной армии, её мощи и силе, а также «о том, что мы (СССР. — *Авт.*) били фашизм и будем его бить (“фашистские полчища” — так он выразился)». На реализацию своего предложения Сталин дал несколько дней.

Эль-Регистан вспоминал, что в тот же день они с Михалковым прибыли к Ворошилову, который должен был отправиться на очередное заседание Московской межсоюзнической конференции (она проходила с 19 по 30 октября), однако терпеливо ждал, пока поэты завершат свою работу. Закончив очередной вариант текста и припев к нему, Михалков и Эль-Регистан предварительно продекламировали написанное полковнику Китаеву: «Мы били их (фашистов. — *Авт.*), бьём их и будем их бить!». Проницательный Китаев отметил, что при пении слова сливаются и в результате выходит нецензурное выражение. Ворошилов, смеясь, сказал: «Это неплохо, если б это не был гимн»⁶³.

В 14:00 авторы представили Ворошилову новые варианты третьего куплета нового гимна. После получения конкретных указаний и рекомендаций там же, в Кремле, они продолжили работу над текстом. В 17:45 Михалков и Эль-Регистан представили семь вариантов вновь написанного куплета, которые были направлены Сталину⁶⁴. 28 октября авторов срочно вызвали к вождю. Эль-Регистан вспоминал: «За нами [был] послан автомобиль “Линкольн” (из Гаража особого назначения. — *Авт.*)... Въезжаем в Кремль. Подъезжаем к одному из подъездов. У нас не проверяют документов. Проводят прямо в приёмную Сталина»⁶⁵.

В 22:30 поэты прибыли в служебный кабинет Сталина, где присутствовали члены Политбюро, поскольку возникла очередная, срочная необходимость исправлений и добавлений в текст гимна⁶⁶. Получив указания, поэты продолжили работу в секретариате, внося дополнительные изменения в припев и запев третьего куплета текста нового гимна СССР. В 23:20⁶⁷ поэтов вторично принял Сталин. Текст был окончательно утверждён⁶⁸ и принят решением

⁶¹ Там же. Док. № 2; *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 17.

⁶² РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3399, л. 2, 3.

⁶³ *Громов Е.С.* Указ. соч. С. 342; «Гимн большевиков...». Док. № 7.

⁶⁴ «Гимн большевиков...». Док. № 7.

⁶⁵ *Михалков С.В., Дмитровский А.З.* Указ. соч. С. 11.

⁶⁶ На приёме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 423. В кабинете также присутствовали «заинтересованные лица»: Г.М. Маленков, Л.П. Берия, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.С. Щербаков.

⁶⁷ На приёме у Сталина... С. 423.

⁶⁸ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 октября 1943 г.⁶⁹ Его сразу передали ансамблю А.В. Александрова⁷⁰.

Однако и на этом работа над текстом не завершилась. 2 ноября 1943 г. в 00:35 Сталин в телефонном разговоре с Михалковым высказал пожелание иметь запасной припев к тексту гимна. В 13:00 Ворошилов принял в Кремле авторов гимна с вариантами нового припева, но все они оказались неудовлетворительными. Было предложено продолжить работу. 3 ноября в 18:00 поэтов вместе с композитором Александровым принял Ворошилов. Тогда же, в 1-м корпусе Кремля, по свидетельству Эль-Регистана, «заслушали музыку т. А.В. Александрова “Гимн партии большевиков” с новыми словами и припевом, исполненной автором на рояле». Ворошилов посоветовал композитору внести большую плавность и торжественность в припеве⁷¹. Вечером того же дня Михалков, Эль-Регистан и Александров были приглашены на дачу Ворошилова на застолье. В конце вечера Александров сел за рояль, исполнил собственную мелодию гимна. «Звучит очень неплохо», — так оценил её Эль-Регистан⁷².

4 ноября (с 21:35 до 22:00) Эль-Регистан и Михалков вновь находились в кремлёвском кабинете Сталина⁷³. Они представили очередной, близкий к окончательному, вариант гимна. На машинописном листе с переработанным текстом имеется надпись карандашом: «Текст для гимна Александрова»⁷⁴. В нём на первый план выдвигалась идея силы и незыблемости советского строя, способности СССР отстоять свою независимость в борьбе против внешнего врага. В то же время на совещании редакторов и переводчиков литературы на иностранных языках (23 декабря 1943 г.), приступая к работе над гимном, авторы текста условились учитывать и «ведущую роль русского народа». Поэтому было найдено ёмкое понятие «Великая Русь», которое фигурирует в первом куплете. «Это понятие собирательное, понятие, в котором есть и элементы сегодняшнего дня и за спиной которого стоит огромная славная история русского народа», — заключал Эль-Регистан⁷⁵.

Параллельно с работой над текстом нового гимна СССР осуществлялся выбор его музыкальной составляющей. На упомянутом выше совещании в МК ВКП(б) 18 июня 1943 г. Ворошилов и Щербаков отмечали, что все ранее представленные варианты не только слов, но и музыки гимна очень слабы. В то же время оба обратили внимание, хотя и с оговорками, на необходимость поиска иных вариантов мелодии, на «Гимн партии большевиков», написанный В.И. Лебедевым-Кумачом и А.В. Александровым в 1938 г. и одобренный Сталиным в качестве неофициального гимна ВКП(б)⁷⁶. Как представляется, данные указания по существу являлись намёком на исход конкурса. Подобно случаю с поэтическим текстом, при выборе мелодии нового гимна руководители государственной комиссии, не высказывая этого прямо, ориентировались на сталинские предпочтения.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 20.

⁷⁰ Там же, ф. 558, оп. 1, д. 3399, л. 2–3.

⁷¹ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

⁷² Там же. Док. № 7.

⁷³ На приёме у Сталина... С. 423. Присутствовали также Молотов, Ворошилов, Щербаков, Берия и Маленков.

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3399, л. 4.

⁷⁵ «Гимн большевиков...». Док. № 10.

⁷⁶ Там же. Док. № 3.

Дирижёр Большого театра К.П. Кондрашин вспоминал, что хотя и назначили в 1943 г. «всесоюзное соревнование» композиторов на написание музыки к новому гимну, было известно, что Сталин «очень любит “Гимн партии большевиков”» Александрова и считает его «удачной песней». Вопрос об авторе мелодии нового гимна оказался предreshённым, но «тем не менее все [композиторы] были обязаны» написать свои варианты⁷⁷. При разборе представленных 11 августа музыкальных и поэтических вариантов гимна члены комиссии отметили, что композиторы поставлены в неодинаковые условия: одни привели с собой в качестве исполнителей певцов, другие пели сами, а третьи, поскольку не имели голосов, исполняли лишь мелодию (при этом зачитывался текст). Приняли решение в дальнейшем организовать квартет из мужских голосов для исполнения мелодий гимна. Окончательный срок подготовки этих мелодий был перенесён на 1 октября⁷⁸.

17 августа продолжилось заслушивание вариантов гимна в авторском исполнении на рояле. Их представили 12 композиторов, допущенных для дальнейшего рассмотрения⁷⁹. Очередное прослушивание проходило 24 августа в Бетховенском зале. В этот день в программе оказалось 33 музыкальных варианта гимна. Комиссия, состоявшая из 18 человек, констатировала, что «ни один из них для гимна СССР непригоден». К этому времени было прослушано 55 вариантов музыки, написанных 40 композиторами (включая 8 вариантов, представленных в 1942 г.), а всего рассмотрено 63 проекта. Музыка сопровождалась пока не утверждённым текстом. Руководители комиссии, подытоживая проделанную работу, сообщили, что из представленных вариантов музыки наиболее приближающимся к характеру гимна признан вариант Шостаковича. Заслуживающими внимания оказались мелодии, написанные и другими композиторами, в том числе А.В. Александровым, Б.А. Александровым, Т.Н. Хренниковым, А.И. Хачатуряном⁸⁰.

4 сентября в упомянутой записке, адресованной Сталину, Ворошилов и Щербаков акцентировали внимание на том, что отсутствие одобренного и принятого текста гимна «отрицательно сказывается на творческой работе композиторов, и все они хотели бы сочинять музыку на те слова, которые получают одобрение, как слова советского гимна»⁸¹. После того, как Политбюро утвердило текст Михалкова и Эль-Регистана, это затруднение отпало само собой. В ходе дальнейших неоднократных прослушиваний было исполнено 168 музыкальных (хоровых и оркестровых) вариантов нового гимна.

На завершающем этапе конкурса Сталин непосредственно курировал работу комиссии. 26 октября в Бетховенском зале он вместе с Молотовым, Ворошиловым, Берией и Маленковым присутствовал при исполнении девяти вариантов музыки нового гимна. По окончании мероприятия Сталин отметил, что «хоровое исполнение не даёт возможности исчерпывающе оценить музыкальные особенности того или иного предлагаемого варианта». Он посчитал необходимым «прослушивать отбираемые во второй тур варианты музыки в исполнении не только хоровом, но и симфонического оркестра»⁸².

⁷⁷ Ражников В.Г. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

⁷⁹ Там же. Док. № 5.

⁸⁰ Там же. Док. № 2.

⁸¹ Там же. Док. № 6.

⁸² РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3399, л. 21 об.

Вечером 1 ноября Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков и Щербаков прослушали на главной сцене Большого театра (в хоровом и оркестровом исполнении) 15 музыкальных вариантов нового гимна СССР, которые подготовили 14 композиторов, в том числе А.В. Александров, Б.А. Александров, Д.Д. Шостакович, Ю.А. Шапорин, А.И. Хачатурян Т.Н. Хренников, С.С. Прокофьев. Однако и на этот раз ни один из представленных вариантов музыки не был признан удовлетворительным⁸³.

8 ноября комиссия во главе с Ворошиловым и Щербаковым оценила в Бетховенском зале ещё 36 мелодий⁸⁴. 16 ноября в Большом театре Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков и Щербаков присутствовали на прослушивании очередных вариантов музыки нового гимна Советского Союза. В тот вечер комиссия давала оценку мелодиям девяти композиторов, среди которых оказались сталинские лауреаты А.В. Александров («Гимн партии большевиков»), Хачатурян и Шостакович (совместное музыкальное произведение)⁸⁵, а также мало кому известный преподаватель Тбилисской консерватории И.И. Туския⁸⁶.

Накануне Ворошилов сообщил Сталину, что помимо вариантов гимна, представленных Александровым, Хачатуряном, Шостаковичем и другими советскими композиторами, «для сравнения» готовы к прослушиванию гимны иностранных государств и «бывшего царского». В прилагавшемся списке упоминались гимны союзных СССР стран (Англии, США и Франции), его противников (Германии и Италии), а также Японии. Советские проекты предлагалось исполнить отдельно симфоническим оркестром и хоровой группой Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски; иностранные были «подготовлены к исполнению симфоническим оркестром»⁸⁷. Согласно утверждению Соболевой, в тот день во время прослушивания помимо мелодий, представленных советскими композиторами, прозвучали гимны всех упомянутых выше государств⁸⁸. Следует уточнить, что 16 ноября прозвучали гимны союзных стран (Англии, США и Франции)⁸⁹, а относительно исполнения гимнов Германии, Италии и Японии достоверных сведений в нашем распоряжении нет.

В результате прослушивания 16 ноября в последний тур была допущена музыка А.В. Александрова («Гимн партии большевиков»), Шостаковича–Хачатуряна и Тускии. Троице последним было предоставлено время «для написания музыки на новый припев в соответствии с размером припева Гимна партии большевиков»⁹⁰. Как уже отмечалось, в ходе работы Александров получал от Ворошилова рекомендации по совершенствованию предложенной им мелодии гимна⁹¹. Во время прослушивания 16 ноября Сталин, вероятно, опираясь

⁸³ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 54, д. 17, л. 102.

⁸⁴ Там же, л. 69–78, 81, 102–103, 105–109, 151. К 28 октября 1943 г. новые варианты гимна были написаны 139 композиторами. К 8 ноября 78 вариантов нового гимна ещё не прослушались. К 16 ноября было прослушано 208 вариантов музыки, написанных 155 композиторами.

⁸⁵ Оно было создано по рекомендации Ворошилова. См.: *Петров В.О.* Творчество Шостаковича... С. 98.

⁸⁶ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 54, д. 17, л. 120. Всего к 1 декабря 1943 г. советскими композиторами было создано 223 музыкальных варианта нового гимна Советского Союза.

⁸⁷ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 54, д. 17, л. 120, 123–129.

⁸⁸ *Соболева Н.А.* Указ. соч. С. 19.

⁸⁹ *Михалков С.В., Дмитриевский А.* Указ. соч. С. 15; *Петров В.О.* Творчество Шостаковича... С. 98.

⁹⁰ «Гимн большевиков...» Док. № 2; *Петров В.О.* Творчество Шостаковича... С. 98.

⁹¹ «Гимн большевиков...» Док. № 2.

на мнение музыкальных консультантов, покритиковал композитора за то, что у него было «неладно с инструментацией». Александров смешался, смалодушничал и пытался оправдаться, свалив всё на своего заместителя. Тут в разговор вмешался Шостакович, который в эмоциональной форме стал стыдить Александра, который перекладывал вину за свою оплошность на другого человека, подвергая его опасности. После продолжительной паузы Сталин якобы заявил, обращаясь к Александрову: «А что, профессор, нехорошо получилось»⁹². Вслед за этим в работе государственной комиссии по подготовке нового гимна наступила временная пауза, связанная с участием советской делегации в работе Тегеранской конференции: с 22 ноября по 6 декабря Сталин, Молотов, Ворошилов и Берия находились в дороге и участвовали в мероприятиях трёхсторонней встречи союзников.

13 декабря Сталин и члены Политбюро прослушали на главной сцене Большого театра СССР доработанную (на новый припев) музыку Шостаковича–Хачатуряна, Тускии и Александрова в исполнении симфонического оркестра Большого театра под управлением дирижёра А.Ш. Мелик-Пашаева и хора ансамбля Александрова⁹³. Храпченко, поняв, что музыка А.В. Александрова может быть взята за основу, пытался возражать. Он высказал мнение, что «простому человеку петь гимн большевиков будет очень трудно». Присутствующие «неловко промолчали», после чего Сталин неожиданно вступился: «А почему трудно. Ничего трудного нет». Он сам начал напевать гимн «очень точно и выразительно»⁹⁴. В ходе этого прослушивания предпочтение было отдано мелодии Александрова. Эль-Регистан писал, имея в виду мелодию нового гимна: «Силу и мощь этого прекрасного музыкального произведения А.В. Александрова товарищ Сталин сравнил с дредноутом, рассекающим своей грудью бушующие волны безбрежного океана»⁹⁵.

14 декабря Политбюро утвердило текст Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик (авторы Михалков и Эль-Регистан) и постановило принять для него музыку «Гимна партии большевиков» композитора Александрова. Комитету по делам искусств при СНК СССР предписывалось обеспечить «издание текста и музыки государственного гимна СССР массовыми тиражами». Повсеместное исполнение государственного гимна СССР вводилось с 15 марта 1944 г.⁹⁶ 22 декабря центральные советские газеты («Правда», «Известия» и др.) опубликовали сообщение, суть которого сводилась к следующему. Ввиду того, что «Интернационал» по своему содержанию уже не отражал коренных изменений, происшедших в стране, СНК СССР «решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя»⁹⁷.

30 декабря 1943 г. в Большом театре состоялось прослушивание текста и музыки гимна в исполнении симфонического оркестра под управлением Мелик-Пашаева и Краснознамённого ансамбля А.В. Александрова. Присутствовали Сталин, Молотов, Калинин, Берия, Микоян, Маленков, Шербаков и Хрущёв. По окончании прослушивания, в 23:35 Михалков, Эль-Регистан

⁹² Ражников В. Г. Указ. соч. С. 119–120.

⁹³ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

⁹⁴ Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко... С. 86.

⁹⁵ «Гимн большевиков...». Док. № 7.

⁹⁶ Там же. Док. № 2.

⁹⁷ Правда. 1943. 31 декабря.

и Александров были приглашены в правительственную комнату, где Сталин и члены Политбюро поздравили их с принятием текста и музыки⁹⁸. По завершении приёма Эль-Регистан оставил приветственную надпись карандашом на одном из экземпляров плаката с текстом гимна Советского Союза: «Тов. Вла-сику на добрую память от авторов»⁹⁹.

В ночь на Новый 1944 г. гимн в музыкально-хоровом исполнении прозвучал по радио, а 1 января центральные советские газеты на первых страницах опубликовали его текст и ноты¹⁰⁰. 5 января вышло постановление СНК СССР «О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик». Михалков и Эль-Регистан получили денежное вознаграждение в размере 100 тыс. руб. Такую же сумму получил Александров. Вознаграждение (правда, в меньшем размере) было выплачено ряду других поэтов и композиторов, участвовавших в конкурсе¹⁰¹. Так, Шостаковичу предназначалось 32 тыс. руб., Прокофьеву — 12 тыс. руб. Поэтам В.М. Гусеву и В.И. Лебедеву-Кумачу выплатили по 20 тыс. руб., М.В. Исаковскому — 8 тыс. По 4 тыс. получил 31 поэт, в том числе Д. Бедный, О.Ф. Берггольц, К.М. Симонов, Н.С. Тихонов¹⁰². Кроме того, объявлялась благодарность 165 композиторам и 41 поэту¹⁰³.

Следует отметить, что принятие нового гимна отразилось в служебных документах НКВД. В качестве составной части протокола его исполнение было зафиксировано в программах встреч и проводов У. Черчилля (октябрь 1944 г.), Ш. де Голля (декабрь 1944 г.), Э. Бенеша (март 1945 г.), И.Б. Тито¹⁰⁴. Невскрываемый интерес к новому гимну проявил британский премьер-министр. В послании на имя Сталина от 29 декабря 1943 г. Черчилль, в частности, высказал следующее пожелание: «Если Вы пришлёте мне ноты нового советского русского гимна, я бы мог позаботиться о том, чтобы Британская радиовещательная корпорация передавала его во всех случаях, когда будут передаваться сообщения о важных русских победах». Это послание было получено в Москве 1 января 1944 г. Уже на следующий день Сталин информировал Черчилля: «Ноты нового советского гимна я Вам пришлю с ближайшей почтой»¹⁰⁵. Советское посольство передало англичанам копию нот, сделанную с текста фототелеграммы.

В беседе со Сталиным, состоявшейся 2 февраля 1944 г., английский посол в Советском Союзе А.К. Керр, в частности, отметил, что Черчилль «был очень доволен, когда получил ноты нового советского гимна». Британскому

⁹⁸ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 2. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»). М., 2019. С. 204–205.

⁹⁹ Архив ФСО России, ф. 251, оп. 1, д. 1, л. 1. Типографские экземпляры плаката «Гимн Советского Союза» имеются в ряде отечественных музеев и архивов. См., например: РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3399, л. 101ч. Но на этом экземпляре отсутствуют какие-либо надписи или пометы, кроме автографа Михалкова.

¹⁰⁰ Правда. 1944. 1 января; Известия. 1944. 1 января.

¹⁰¹ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

¹⁰² Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко... С. 149.

¹⁰³ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

¹⁰⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. ЗАВТО, п. 19, д. 244, л. 12, 14; оп. 5, п. 34, д. 405, л. 11; оп. 6, п. 55, д. 751, л. 9–10; оп. 7, п. 51, д. 831, л. 2, 5, 9; оп. 7, п. 53, д. 836, л. 7; д. 878, л. 4; Захарова О.Ю. Как в СССР принимали высоких гостей... С. 153, 163, 167–168, 175; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 179, 197.

¹⁰⁵ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина... С. 638–639.

премьеру «понравился мотив гимна», который он нашёл «живым и возвышенным». Далее Керр передал суть высказывания Черчилля, которое можно рассматривать как образец «чёрного юмора» британского премьера, организовавшего в 1941–1942 гг. в своей стране санкции против «Интернационала». Тот выразил «сожаление по поводу значительной перемены», поскольку мотив «прежнего гимна “Интернационала” был очень хорош». Британский премьер жалел об отмене последнего, потому что «его и маршала Сталина партия — консервативная партия (sic! — *Авт.*) — насвистывала этот гимн». Сталин уверил Керра, что теперь следует разучивать новый гимн, мотив которого «немного посложнее». Английский посол отметил: новый советский гимн «более соответствует духу времени и является “более земным”»¹⁰⁶. Разговор завершился лаконичным высказыванием Сталина о том, что этот гимн «ближе к делу»¹⁰⁷.

12 января 1944 г. Молотов представил Сталину проект циркулярной ноты, адресованной посольствам иностранных государств. Они извещались о том, что 20 декабря утверждён новый гимн СССР и его повсеместное исполнение вводится с 15 марта 1944 г. К документу прилагались «текст и ноты к музыке» гимна. Сталин одобрил запрос Молотова¹⁰⁸. На другой день текст и ноты были посланы в посольства и миссии членов антигитлеровской коалиции (Бельгия, Великобритания, Греция, Китай, Колумбия, Мексика, Нидерланды, Норвегия, США), а также Болгарии, Монголии, Швеции и Японии¹⁰⁹.

В 1950 г. указом Президиума Верховного совета СССР были утверждены правила исполнения нового гимна. Он получил официальное название Государственного. «Интернационал» ещё с 1944 г. именовался «Партийным гимном»¹¹⁰.

Восемь десятилетий, прошедших со времени утверждения государственного гимна СССР, позволяют детально переосмыслить события, связанные с историей его создания. Необходимость замены уже не отвечавшего национально-государственным интересам «Интернационала» возникла ещё в 1942 г. Однако своё практическое воплощение она получила в 1943 г., который явился переломным в Великой Отечественной войне. Новый гимн был проникнут идеями о славной истории государствообразующего русского народа и о том пути, который прошла советская страна после Октябрьской революции. Он символизировал усиление организационных основ и духовного потенциала СССР. В создании гимна следует отметить большую роль Сталина и Ворошилова. Высказанные многочисленные советы, внесённые конкретные правки, замечания и рекомендации существенно приблизили их к соавторству при создании текста и мелодии.

Работу по созданию нового гимна в 1943–1944 гг. можно рассматривать как осуществление важного государственного проекта, не имевшего аналогов в истории первой половины XX в. Хотя результаты конкурса на лучший текст и мелодию гимна, имевшего песенную основу, по существу, были predeterminedены, исходя из эстетических предпочтений Сталина, он проводился специально созданной правительственной комиссией во главе с Ворошиловым и Щербаковым, при участии руководителей Комитета по делам искусств

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 81.

¹⁰⁸ АВП РФ, ф. 6, оп. 6, п. 8, д. 91, л. 2.

¹⁰⁹ Там же, л. 6, 9.

¹¹⁰ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 15.

при СНК СССР, творческих союзов писателей и композиторов. В конкурсе, благодаря его открытому характеру, смогли принять участие сотни поэтов и музыкантов.

По окончании Великой Отечественной войны была проведена кодификация Государственного гимна СССР: законодательно утверждались правила его исполнения. Гимн превратился в один из наиболее узнаваемых символов советской эпохи. С ним было связано идеологическое обеспечение важных государственных мероприятий внутри страны. Гимн также являлся важным элементом репрезентации Советского Союза на международной арене.

Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965)

Алексей Попов, Никита Пивоваров, Ксения Сак

Rhythms of the past: the first anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet memory politics (1945–1965)

Alexey Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia),

*Nikita Pivovarov (Institute of World History of the Russian Academy
of Sciences; National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute), Russia),*

*Ksenia Sak (I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenov University), Russia; V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23030094, EDN: ERBAKT

«Между прошлым и будущим»: мемориальный феномен годовщин и юбилеев.

Для любого общества характерно выделение особых, памятных дат, которые формируют «сакральное время», отличное от обыденного, «профанного»¹. Календарь не только структурирует коллективную память о прошлом, но и выступает одним из катализаторов мемориальной активности². «Круглые» даты выступают своеобразными «точками сборки» прошлого, настоящего и будущего. На их смысловое наполнение большое влияние оказывают конъюнктура — текущая общественно-политическая ситуация, и ретроспективная составляющая, связанная с традициями проведения торжеств³. Например, описывая многочисленные проявления «юбилеемании» в Российской империи второй половины XIX — начала XX в., К.Н. Цимбаев видит в ней реакцию властей и определённой части общества на внешнеполитические неудачи и нарастание кризисных явлений внутри страны, направленную на сохранение стабильности политических институтов и консолидацию нации⁴.

Исходя из этого, мы намерены рассмотреть первые годовщины событий Великой Отечественной войны (в первую очередь — Дня Победы) с точки зре-

© 2023 г. А.Д. Попов, Н.Ю. Пивоваров, К.В. Сак

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>

¹ См.: Zerubavel E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life. Berkeley, 1985. P. 101–137.

² В связи с этим отдельные исследователи даже используют понятие «диктатура юбилеев» (см., например: Кузнецов А.А., Маслов А.Н. Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1425–1461).

³ Добренко Е. Красный день календаря: советский человек между временем и историей // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино: к 60-летию Ханса Гюнтера. СПб., 2002. С. 98.

⁴ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

ния политики памяти, обратив внимание на их идеологические, мобилизационные, статусные, геополитические и иные аспекты. Под понятием «политика памяти» с учётом дискуссий о его содержании и наличии близких по значению терминов («историческая политика», «режим памяти»)⁵, мы понимаем составляющую символической политики, задача которой — производство и поддержание определённых общественных представлений о прошлом для достижения устойчивости господствующего политического режима.

Характеризуя состояние историографии, в первую очередь следует указать на работы А.Е. Махнырёва, который на основе разнообразных источников подробно проанализировал процесс подготовки и проведения некоторых масштабных исторических юбилеев: 800-летия со дня основания Москвы (1947), 30- и 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции (1947, 1957), 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954), 150-летия Отечественной войны 1812 г. (1962)⁶. Однако следует обратить внимание на то, что для всех этих торжеств, за исключением двух революционных⁷, характерна значительная дистанция между самим событием и юбилейным торжеством. Это обуславливало качественные изменения коллективных представлений о событиях прошлого. «Живая» память очевидцев уступила место форме культурной памяти, опирающейся на каноничные и во многом мифологизированные тексты-сюжеты⁸.

Выбор достаточно короткого хронологического отрезка позволяет более глубоко понять механизмы формирования институциональных основ, идеологического содержания и сценарно-ритуальной составляющей празднований. 20-летие Победы в 1965 г. имело определённую преемственность по отношению к предыдущим годовщинам, но в то же время явилось качественным сдвигом в политике памяти и во многом предопределило содержание последующих «круглых дат»: 30-летия в 1975 г. и 40-летия в 1985 г.⁹

Стоит оговориться, что, хотя и в публицистических текстах, и в разговорной речи чаще использовалось название «День Победы», вплоть до конца советской эпохи 9 мая официально именовалось «Праздником Победы», а в расширенном варианте: «Праздником Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Официальной иерархии совет-

⁵ Подробнее см.: *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов. М.; СПб., 2018. С. 31–33.

⁶ *Махнырёв А.Л.* Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР: 1945–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. М.; СПб., 2017; *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб., 2019; *Махнырёв А.Л.* Куда дул ветер хрущёвской «оттепели»? Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев. М.; СПб., 2020.

⁷ О годовщинах революции 1917 г. см.: *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 15–77; *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история.* 2017. № 2. С. 92–112.

⁸ О различиях коммуникативной и культурной памяти см.: *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50–59.

⁹ Подробнее см.: *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 198–210; *Попов А.Д.* Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2018. Т. 5. № 2. С. 15–34; *Потёмкина М.Н.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в контексте праздника «День Победы» // *Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия.* XXXVII Адлерские чтения. Краснодар, 2021. С. 309–314.

ских праздников не существовало, этот день являлся одним из восьми «все-народных праздников», перечисленных в указе Президиума Верховного совета СССР «О праздничных и памятных днях» от 1 октября 1980 г.¹⁰ В своё время М. Рольф предложил классификацию советских праздников, разделив их на три категории с понижением степени значимости: 1) общегосударственные, являющиеся нерабочими днями; 2) общегосударственные, остающиеся рабочими днями; 3) профессиональные и региональные¹¹. Хотя эта классификация достаточно условна, она, как представляется, отражает динамику восприятия Дня Победы структурами власти.

Праздник Победы (9 мая): появление в календаре. 9 мая 1945 г. советские граждане узнали не только о капитуляции германских вооружённых сил, но и о том, что эта дата объявлена «Праздником Победы» с определением его как нерабочего, «красного» дня календаря¹². 10 мая появились приказ верховного главнокомандующего № 369, в котором среди прочего говорилось о проведении в этот день праздничного артиллерийского салюта¹³, а также обращение И.В. Сталина к советскому народу¹⁴. Констатировался вклад вооружённых сил и всего народа в достижение победы и ничего не говорилось о личных заслугах лидера. Однако сопутствующие тексты сразу же встроили новую веху советской истории в обновлённую версию культа личности. Победное завершение войны рассматривалось как достижение, которое стало возможным лишь под гениальным руководством «вождя народов». Яркий пример — фрагмент газетной публикации того времени: «В эти дни праздника наши думы невольно обращаются в будущее. Мы уверенно и радостно смотрим в него. Пусть ликующие наши голоса, полные благодарности и любви к великому Сталину, светлый гений которого озарял нам путь в эти годы, который спас нашу страну от разорения и гибели — подхватят наши дети и передадут нашим внукам, и будут они звенеть, как пение птиц, в те дни грядущего, когда будет праздноваться День Победы!»¹⁵.

В результате образ Сталина слился с победой, фактически вытеснив образы военачальников и героев войны. Одним из основных визуальных символов позднего сталинизма стала учреждённая 9 мая 1945 г. медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», на лицевой стороне которой помещался сталинский профиль. В номерах «Правды» за 9 мая в первые послевоенные годы на первой полосе всегда размещался портрет «вождя»¹⁶. По мнению Г.А. Бордюгова, это способствовало «консервации» официальной версии памяти о войне вплоть до 1953 г.¹⁷

Поскольку мемориальный календарь всегда содержит не одну, а несколько памятных дат, важным представляется вопрос об их соотношении. В 1945–1947 гг. к традиционным идеологическим праздникам, дававшим право на вы-

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 136, д. 772, л. 1–2.

¹¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 141–142.

¹² Указ Президиума Верховного совета СССР об объявлении 9 мая 1945 г. Праздником Победы // Правда. 1945. 9 мая.

¹³ Приказ Верховного главнокомандующего по войскам Красной армии и Военно-морскому флоту // Правда. 1945. 10 мая.

¹⁴ Обращение тов. И.В. Сталина к народу // Правда. 1945. 10 мая.

¹⁵ Ромашов Б. Голос нашей славы // Гудок. 1945. 13 мая.

¹⁶ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 35–37.

¹⁷ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа... С. 177–178.

ходной (22 января — День памяти жертв Кровавого воскресенья, 1–2 мая — Международный праздник трудящихся, 7–8 ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 5 декабря — День Сталинской Конституции СССР) добавились ещё два: 9 мая (Праздник Победы) и 3 сентября (Праздник Победы над Японией)¹⁸. Однако в декабре 1947 г. Праздник Победы вновь стал рабочим днём, а нерабочим сделали Новый год (1 января)¹⁹. Что же касается Праздника Победы над Японией, то уже в мае 1947 г. он стал рабочим днём²⁰, а затем фактически перестал отмечаться.

В историографии не раз высказывалось предположение о том, что понижением статуса 9 мая Сталин отреагировал на усиление авторитета участников войны и распространение среди них идей о необходимости либерализации советского общества. Этой же логикой исследователи обычно объясняют и некоторые другие его действия: блокирование инициативы С.А. Лозовского по созданию первых ветеранских организаций²¹, кампанию по дискредитации Г.К. Жукова и его окружения²², отмену в 1948 г. денежных выплат фронтовикам-орденоносцам²³ и др. Всё это в целом выглядит логично, но не подтверждается ссылками на конкретные источники, которые позволили бы реконструировать позицию и аргументацию советского руководства по данному вопросу²⁴.

Исключение Праздника Победы из перечня нерабочих дней действительно свидетельствовало о понижении его символического статуса на официальном уровне. Но нередко встречающееся в публицистических текстах утверждение об «отмене Дня Победы» ошибочно. К 9 мая по-прежнему ежегодно приурочивалась достаточно обширная программа мемориальных мероприятий. Как и некоторые другие праздники (23 февраля, 1 мая, 7 ноября²⁵), он имел определённую организационную и содержательную специфику в связи с тем, что сценарий предусматривал проведение артиллерийского салюта. Поэтому накануне торжества всегда утверждался и публиковался в прессе приказ министра обороны СССР, который имел типовую структуру: обращение к рядовому и командному составу вооружённых сил; краткую преамбулу с описанием внутри- и внешнеполитической значимости праздника; поздравительную часть; распоряжение о проведении салюта с указанием городов и количества залпов (обычно от 20 до 30)²⁶.

После смерти «вождя» идеологическая трактовка «авторства» Победы начала меняться. Акцент сместился на заслуги «мудрого руководства Коммунистической партии и советского правительства». Потребовалось некоторое время, чтобы найти новые формулировки, отражающие актуальный баланс полити-

¹⁸ Подробнее о формировании праздничного календаря в 1920–1930-е гг. см.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. С. 140–147.

¹⁹ В Президиуме Верховного совета СССР // Правда. 1947. 24 декабря.

²⁰ В Президиуме Верховного совета СССР // Правда. 1947. 8 мая.

²¹ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество... С. 37.

²² *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 373–374.

²³ См., например: *Житут С.* «Когда мы вернулись с войны...» // Родина. 2019. № 5. С. 32–37.

²⁴ Примечательно, что формально инициировал перевод дня из выходного в рабочий А.И. Микоян, представивший стандартный проект постановления без инициативной записки: РГАНИ, ф. 3, оп. 26, д. 61, л. 7.

²⁵ О специфике первомайских и ноябрьских торжеств см.: *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю.* Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 59–73.

²⁶ См., например: Приказ министра обороны Союза ССР // Правда. 1953. 9 мая.

ческих сил. Видимо, из-за этого накануне 9 мая 1953 г. после обсуждения в ЦК КПСС решили не публиковать уже подготовленную в гранках большую статью Жукова «Всемирно-историческая победа советского народа»²⁷. Но и в 1953, и в 1954 гг. базовый сценарий и масштаб празднования Дня Победы не претерпели значительных изменений. В центре и на местах всё так же проводились торжественные собрания, СМИ размещали тематические информационные материалы, организовывались лекции, беседы и другие культурно-просветительские, творческие, спортивные мероприятия, возлагались венки к памятникам погибшим в годы войны²⁸.

О Победе 10 лет спустя. От первой «круглой» даты окончания войны ожидали чего-то резонансного и запоминающегося. На деле же празднование в столице и регионах прошло без каких-либо заметных новаций, за исключением того, что 8 мая 1955 г. в здании Большого театра в Москве состоялось торжественное заседание представителей советских, партийных, общественных организаций, армии и флота. Несмотря на присутствие руководства страны, включая Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова и Н.С. Хрущёва, решением ЦК КПСС с основным докладом выступил главнокомандующий сухопутных войск маршал И.С. Конев. Исследователи акцентируют внимание на том, что, хотя в оформлении зала по-прежнему использовались совмещённые профили Сталина и Ленина и два упоминания о Сталине всё же присутствовали в докладе, личный вклад «вождя народов» в разгром Германии в значительной мере оказался нивелирован²⁹. Говорилось о том, что Победа достигнута благодаря совместным усилиям народа и армии, правительства и партии, причём последняя называлась «вдохновителем и организатором всех наших побед». Кроме того, данное историческое событие вписывалось в актуальные внутри- и внешнеполитические контексты. С одной стороны, докладчик подчеркнул, что «советский народ упорно трудится над выполнением величественных задач, поставленных нашей Коммунистической партией и направленных на дальнейшее укрепление могущества нашей Родины». С другой — он заявил, что «если империалистический лагерь навяжет нам войну, то советский народ и его Вооружённые силы [вновь] сумеют постоять за свободу и независимость»³⁰.

Значительная часть программы пришлось на 8 мая, поскольку это был выходной день (воскресенье). На тот момент в Москве, Ленинграде и многих других городах ещё не существовало крупных мемориалов, посвящённых Великой Отечественной войне. В этих условиях особое значение приобрели материальные «реликвии». Так, повышенным интересом пользовалась экспозиция Центрального музея Советской армии, особенно Знамя Победы³¹. Как сообщалось в прессе, тысячи трудящихся Москвы и военнослужащих посетили парк музея, где состоялись торжественный вынос Знамени Победы и встречи с Героями Советского Союза, а также прошли народные гуляния³². В Ленинграде боль-

²⁷ РГНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 53–54.

²⁸ См., например: Там же, д. 582, л. 2.

²⁹ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 179–180; *Болтунова Е.* «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 6. С. 116.

³⁰ Доклад маршала Советского Союза И.С. Конева // *Правда*. 1955. 9 мая.

³¹ Реликвии Победы // *Советская культура*. 1955. 10 мая.

³² В честь знаменательной даты // *Правда*. 1955. 9 мая.

шой наплыв посетителей наблюдался в Артиллерийском музее, где находились образцы основных типов орудий военного времени³³.

На основе анализа центральной периодики Бордюгов утверждает, что большой размах, большее количество мест проведения, более насыщенную программу мероприятий имело отмечавшееся накануне (7 мая) празднование 200-летия Московского государственного университета³⁴. В нём приняли участие делегации нескольких десятков зарубежных вузов, в том числе Болонского, Кембриджского, Колумбийского, Оксфордского, Парижского университетов³⁵. Однако можно спорить о том, стоит ли делать выводы о масштабности праздника лишь на основе газетных публикаций, в отсутствие статистических данных. Обратим также внимание на то, что юбилей МГУ отмечался только в Москве, тогда как мероприятия в связи с 10-летием Победы — во всех уголках страны. На региональном уровне наиболее массовыми они оказались в городах-героях — Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе. Например, в Севастополе прошли общегородское торжественное собрание в Доме офицеров, собрания и митинги на кораблях Черноморского флота, возложение венков и цветов к обелиску на Сапун-горе и другим военным памятникам, народные гуляния на Историческом и Приморском бульварах³⁶.

Непосредственно 9 мая (понедельник) в отдельных дневниковых записях того времени описывалось как достаточно рутинный трудовой день. Так, главный агроном одного из колхозов зафиксировал лишь информацию о вспашке полей и внесении удобрений³⁷. В то же время писатель Э.Г. Казакевич отметил значимость этой даты: «10 лет со дня победы над Германией. Это гордое чувство — быть одним пусть из миллионов победителей, участников этой самой тяжёлой и самой великой из войн»³⁸. Особую атмосферу дню придавал праздничный салют из 30 артиллерийских залпов, состоявшийся вечером в Москве, столицах союзных республик и в городах-героях³⁹.

Празднование 10-летия Победы позволило переосмыслить значимость этого события, в значительной степени избавив его общественное восприятие от влияния сталинского культа. Актуализировался вопрос об увековечении памяти погибших участников войны, тем более что мероприятия выявили недостатки в этой области. Вскоре этот вопрос стал предметом рассмотрения высшего партийно-государственного руководства СССР.

Годовщины и мемориалы: мобилизационный эффект. Увековечение памяти о погибших традиционно связано с мемориализацией мест захоронений и созданием памятников. Уже в 1942–1944 гг. архитекторы и скульпторы решали не только срочные и более прикладные задачи вроде разработки типовых проектов надгробий для многочисленных братских могил, но и приступили к созданию эскизных проектов крупных памятных сооружений в Москве, Ленинграде, Ста-

³³ Реликвии боевой славы // Известия. 1955. 8 мая.

³⁴ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа... С. 181–182.

³⁵ Крепнут международные связи советской науки // Советская культура. 1955. 10 мая.

³⁶ В городе черноморских моряков // Правда. 1955. 9 мая.

³⁷ Дневник агронома Льва Горелика. Дневниковая запись от 9 мая 1955 г. (URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B1742%5D>).

³⁸ Дневник писателя Эммануила Казакевича. Дневниковая запись от 9 мая 1955 г. (URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B149%5D>).

³⁹ Приказ министра обороны СССР № 81 от 9 мая 1955 г. // Правда. 1955. 9 мая.

линграде, Севастополе и других городах⁴⁰. 2 апреля 1944 г. группа представителей творческой интеллигенции обратилась к Сталину с инициативой создания Пантеона Славы. Судя по описанию его концепции, этот объект представлялся как грандиозный памятник-музей, посвящённый событиям Великой Отечественной войны. Завершить его создание предполагалось в «день празднования первого десятилетия победы над фашизмом», т.е. к середине 1950-х гг.

Однако на деле мемориализация посредством крупных архитектурно-скульптурных сооружений «запаздывала». В условиях острого дефицита материально-технических, финансовых и трудовых ресурсов приоритет отдавался восстановлению предприятий, транспортной инфраструктуры и разрушенных городов, строительству общественных зданий утилитарного назначения. На территории страны насчитывалось всего несколько десятков крупных мемориальных сооружений в виде традиционных обелисков и однофигурных композиций⁴¹. Как правило, они увековечивали события, связанные с конкретным воинским подразделением, и находились на местах наиболее ожесточённых боёв, часто представлявших собой господствующую высоту за пределами населённого пункта. Например, на территории Крымского полуострова силами отдельной Приморской армии в апреле–октябре 1944 г. соорудили три памятника-obeliska в память о погибших «приморцах»: на горе Митридат в Керчи, на Сапун-горе и на мысе Херсонес в Севастополе⁴².

Спустя десять лет после Победы стало очевидно, что основные работы по восстановлению народного хозяйства выполнены. Появилась возможность сконцентрировать усилия на создании крупных мемориальных объектов, синтезирующих военную и общегражданскую память о ключевых событиях войны. В июне 1955 г. Жуков, занимавший в то время должность министра обороны СССР, обратился в ЦК КПСС с инициативой о создании нескольких «значительных памятников». Он считал необходимым достойным образом увековечить память погибших и способствовать воспитанию советского народа, особенно молодёжи, на славных боевых традициях вооружённых сил. Местами сооружения таких мемориалов он называл Москву (или Подмосковьё), Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одессу⁴³.

В декабре 1956 г. в ЦК КПСС поступила совместная записка Д.Т. Шепилова, Е.А. Фурцевой, Г.К. Жукова и Л.И. Брежнева «Об увековечивании побед советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Предлагалось к маю 1960 г., т.е. к 15-летию Победы, воздвигнуть памятник Победы в Москве, а также монументы в Ленинграде, Сталинграде, Киеве⁴⁴, Севастополе и Одессе. Организация творческих конкурсов и финансирование строительства мемориала в Москве поручались общесоюзным, а для остальных городов – республиканским органам исполнительной власти⁴⁵. Однако общий проект по-

⁴⁰ Подробнее см.: *Малинина Т.Г.* Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2011. С. 226–250.

⁴¹ *Змеул С.Г.* Архитектура памятников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. архитектуры. М., 1950. Т. 2 (Приложения). Табл. 1. Дано количество отдельно стоящих крупных мемориальных сооружений без учёта памятников на братских могилах и мемориальных кладбищах.

⁴² Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3287, оп. 1, д. 30, л. 6–7, 12–13.

⁴³ РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 39, л. 114–115.

⁴⁴ Хотя этот город не упоминался Жуковым в его обращении.

⁴⁵ Записка «Об увековечивании побед советского народа и его Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Памятник Победы. История сооружения мемориального

становления ЦК по этому вопросу не состоялся, и в дальнейшем принимались отдельные решения по каждому из мемориалов.

Известно много других примеров увязки «круглых» памятных дат с созданием новых мемориальных объектов. На фоне 15-летия битвы за Москву зимой 1956–1957 гг. решили соорудить памятники и обелиски в местах наиболее ожесточённых боёв на подступах к столице — на Бородинском поле, в Дмитрове, Клину, Можайске, Солнечногорске. Но центральное место отводилось мемориалу в честь Победы советского народа непосредственно на территории Москвы⁴⁶. Его заложили в 1958 г. на Поклонной горе, однако объект, задумывавшийся как наиболее статусный, по ряду причин получилось завершить только в 1990-х гг.⁴⁷

Реализация инициатив и решений середины 1950-х гг. показала, сколь сложный и многофакторный это процесс. Крупные памятники и мемориальные комплексы почти гарантированно превращались в долгострой⁴⁸. Поэтому впоследствии стало практически нормой не планировать окончание сооружения таких объектов к конкретной годовщине, а уже на финальной стадии строительства «подгонять» открытие к мемориальной дате. Примечательно, что в инициативных записках о праздновании 20-летия освобождения Ленинграда и Белорусской ССР городские и республиканские власти среди прочего запрашивали у ЦК КПСС разрешение проводить общественный сбор средств на сооружение крупных мемориалов⁴⁹.

В 1950-х гг. также впервые стали системно обсуждать физическое состояние захоронений военного времени. Значительная часть надмогильных сооружений создавалась из «недолговечных материалов» (прежде всего фанеры и досок⁵⁰), уже спустя 5–10 лет они стали разрушаться. К началу 1951 г. на территории РСФСР на учёте находились всего 8733 братских могилы воинов Красной армии, партизан и мирных жителей, причём у 5374 (61,5%) из них надмогильные сооружения требовали замены, а 7803 (89,4%) не имели оград. При этом констатировалось, что в наиболее неудовлетворительном состоянии — братские могилы в Московской, Ленинградской, Сталинградской, Калининской, Крымской, Ростовской и Смоленской областях⁵¹, т.е. на местах наиболее интенсивных боёв.

Во многом именно процесс подготовки к памятным датам стимулировал деятельность по восстановлению и благоустройству мемориального наследия военного времени. В частности, практически во всех постановлениях ЦК КПСС о праздновании годовщин Великой Отечественной войны говорилось, что местные органы власти должны к 9 мая привести в порядок братские мо-

комплекса Победа на Поклонной горе в Москве. Сборник документов 1943–1991 гг. / Под. ред. Н.Г. Томилина. М., 2004. С. 80–81.

⁴⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 99.

⁴⁷ См.: Памятник Победы: история сооружения...

⁴⁸ Подробнее см.: *Попов А.Д.* «Мемориальный долгострой» как феномен позднесоветской действительности (на примере городов-героев Юга России) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Материалы VI всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 201–208.

⁴⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 71, 95, 99.

⁵⁰ Не случайно в стихотворении поэта-фронтовика Б.А. Слуцкого «Голос друга» (1952) говорится о «фанерных монументах», а фанера метафорично называется «мрамором лейтенантов».

⁵¹ ГА РФ, ф. А-259, оп. 6, д. 6848, л. 16–19.

гилы и организовать возложение к ним венков⁵². К середине 1960-х гг. в масштабах всей страны уже окончательно утвердилась практика шефства над ними трудовых коллективов и учебных заведений. Работы чаще всего приурочивались к общесоюзному или локальному календарю памятных дат⁵³. Фактически годовщины и юбилеи становились контрольными датами не только открытия новых, но также благоустройства уже существующих мемориальных объектов, а рост общественного внимания способствовал мобилизации материально-технических, финансовых, трудовых ресурсов.

20-летие начала войны: ситуативный интерес или смена мемориального вектора? В постановлении ЦК КПСС 23 апреля 1960 г. говорилось о необходимости «широко отметить исполняющуюся в текущем году пятнадцатую годовщину победы над гитлеровской Германией». Но нельзя сказать, что программа мероприятий в связи с этой датой чем-то существенно отличалась от 10-летия Победы или от «некруглых» годовщин 1958 или 1959 гг. (за исключением введения блока мероприятий за рубежом⁵⁴. Анализ утверждённых программ празднования годовщин Победы в 1961–1964 гг. также не выявил в них заметных новаций. Напротив, неожиданным и значимым событием первой половины 1960-х гг. стало проведение масштабных мероприятий в связи с 20-летием начала Великой Отечественной, что не было характерно ни для предшествующих, ни для последующих лет.

Принято считать, что советская политика памяти в основном концентрировалась на победно-героических, а не на трагических и травматических событиях. В частности, дата начала войны (22 июня) не входила в официальный календарь памятных дат, а связанная с ней мемориальная активность по своим масштабам всегда оставалась ограниченной. Кроме того, именно в 1950-х гг. потеряли свой статус несколько скорбных дат, игравших важную роль в предшествующие десятилетия. После 1951 г. перестал быть нерабочим День памяти жертв Кровавого воскресенья 1905 г. (22 января). В начале 1955 г. День памяти В.И. Ленина перенесли с даты его смерти (21 января) на день рождения (22 апреля), чтобы «более соответствовать всему духу ленинизма как вечно живого, жизнеутверждающего учения»⁵⁵. Резкое усиление официальной активности в преддверии 20-летия начала войны на этом фоне выглядит необычно.

По всей видимости, оно обуславливалось текущей внешнеполитической ситуацией. 19 мая 1961 г. Президиум ЦК КПСС утвердил текст постановления «О двадцатой годовщине со дня начала Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», который включал нетипично большую для такого типа документов преамбулу — семь страниц машинописного текста. В ней подробно описывались основные причины начала Второй мировой и Великой Отечественной войн, их ход и результаты. Подчёркивались роль СССР как «ведущей силы антифашистской коалиции» и значение победы как свидетельства могущества и жизнеспособности страны. Также значительное внимание уделялось деструктивной политике возглавляемых США «сил реакции и агрес-

⁵² См., например: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 67, 71, 93, 95.

⁵³ Гогунская Т.А. Роль общественных инициатив в благоустройстве памятников Великой Отечественной войны: от шефства к волонтерству // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма... С. 71–79.

⁵⁴ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 15–24.

⁵⁵ О Дне памяти В.И. Ленина. Постановление ЦК КПСС от 4 января 1955 г. // Правда. 1955. 11 января.

сии», из-за которых, «спустя почти 16 лет после окончания войны, всё ещё не подписан германский мирный договор». Далее перечислялись основные мероприятия, которые следовало провести по всей стране: собрания представителей общественности с принятием обращений к их зарубежным городам-побратимам; занятия «политинформацией» с разъяснением значения данной даты и распространение материалов о ней через периодическую печать, радио и телевидение. Кроме того, предлагалось организовать многочисленные встречи и лекции с участием ветеранов, научные конференции, публикации воспоминаний и исторических документов о Великой Отечественной (в том числе на страницах журналов «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история»). Характерно, что присутствовал и традиционный пункт о благоустройстве братских могил и возложении венков, однако в нём наряду с воинскими погребениями впервые особо упоминались и «могилы советских граждан, замученных немецко-фашистскими захватчиками»⁵⁶.

21 июня в Кремлёвском дворце съездов⁵⁷ состоялось собрание представителей общественности Москвы. Публикация его стенограммы в центральной прессе сопровождалась фотографией главного докладчика — Хрущёва в нетипичном для него медийном образе: в парадной военной форме со всеми наградами⁵⁸. Доклад фокусировал внимание на усиливавшейся конфронтации со странами Запада, рисках перехода к прямому вооружённому противостоянию, в том числе в связи с «германским вопросом»⁵⁹. Скорбный характер даты не предполагал «народных гуляний» и прочих зрелищно-развлекательных мероприятий, также не проводился салют. Однако определённое смещение акцентов от трагического к праздничному всё же допустили: вышли указы Президиума Верховного совета СССР о награждении Киева орденом Ленина и об учреждении медали «За оборону Киева», в которых столицу Украинской ССР впервые назвали «городом-героем»⁶⁰.

В предшествовавшие и последующие десятилетия специальных решений о памятных мероприятиях в связи с 22 июня не принималось, а посвящённые этой теме публикации появлялись в незначительном количестве или вообще отсутствовали. На основании этого можно сделать вывод, что мероприятия 1961 г. носили разовый характер, будучи вызваны внешнеполитической конъюнктурой.

Календарь и карта. При рассмотрении феномена годовщин и юбилеев значительный интерес представляют региональный аспект их организации и географическая локализация. Уже в дореволюционный период допускалось перенесение общегосударственного празднования из столицы на периферию

⁵⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 55–66.

⁵⁷ В первое послевоенное десятилетие традиционным местом проведения масштабных торжественных собраний всесоюзного уровня являлось здание Большой театра, затем несколько лет для этих целей использовался открытый в 1956 г. Дворец спорта Центрального стадиона им. В. И. Ленина, а с 1961 г. — Кремлёвский Дворец съездов. Это позволило увеличить максимальное количество участников с 1 800 до 6 тыс. человек. Мероприятие 21 июня 1961 г. стало одним из первых, проведённых в нём.

⁵⁸ Бессмертный подвиг советского народа // Правда. 1961. 22 июня.

⁵⁹ Внешнеполитическим фоном годовщины стали события, связанные с уничтожением самолёта U-2, пилотирувавшегося Г. Пауэрсом, несостоявшаяся встреча в Париже руководителей четырёх держав, а также неудачные переговоры Хрущёва с новым президентом США Дж. Кеннеди в Вене, приведшие к очередному Берлинскому кризису.

⁶⁰ О награждении города Киева орденом Ленина // Правда. 1961. 22 июня.

(1000-летие российской государственности в Великом Новгороде), а наиболее масштабные юбилейные мероприятия проводились во всех губернских и уездных городах страны (100-летие Отечественной войны 1812 г., 300-летие царствования Дома Романовых)⁶¹. Во всех перечисленных случаях инициативы исходили из центра. Однако и в дореволюционный, и в советский период имели место случаи, когда проекты празднования тех или иных памятных дат выдвигали региональные власти с целью усилить субъектность, повысить статус, привлечь внимание к насущным проблемам региона, в том числе в мемориальной сфере.

В ноябре 1956 г. состоялись мероприятия, связанные с 15-летием «исторической победы Советской армии над немецко-фашистскими захватчиками под Москвой», которые ограничивались территорией столицы и области. Программа празднований, рассмотренная и утверждённая Президиумом ЦК КПСС, предусматривала проведение тематических бесед, встреч и лекций для представителей различных социально-профессиональных групп и публикацию серии информационных материалов⁶². Как и в случаях подготовки к Праздникам Победы, с инициативой празднования годовщины выступило Министерство обороны СССР. Столичные власти являлись лишь исполнителями, которым поручалось проведение намеченных мероприятий. Поэтому данный сюжет следует рассматривать скорее в контексте уже описанных мемориальных инициатив Жукова.

Очевидно, что «маршал Победы» проводил линию как на поддержание личного авторитета, так и на повышение общественно-политической роли вооружённых сил. Делалось это и посредством повышения символического статуса Великой Отечественной войны в общественном сознании. Интересно, что это происходило на фоне начавшихся в 1955 г. массовых сокращений в армии и на флоте, что приводило к недовольству офицерского состава. Окружение Жукова стало своего рода центром армейской антихрущёвской оппозиции. Сам он неоднократно высказывался против негативных, по его мнению, процессов в вооружённых силах и критиковал «неправильное» освещение событий 1941–1945 гг. в литературе, научных исследованиях, творческих произведениях⁶³. Одним из последствий такой позиции стало его отстранение от руководства Министерством обороны в октябре 1957 г. Причём Хрущёв тогда публично обвинил маршала в попытке создания собственного культа героя-полководца взамен сталинского⁶⁴.

В январе 1958 г., когда в высшую партийную инстанцию СССР обратился Сталинградский обком с просьбой разрешить отметить 15-летний юбилей победы в Сталинградской битве, вопрос решили положительно. На торжественные мероприятия специальной телеграммой пригласили Хрущёва, который весь период существования Сталинградского фронта входил в его военный

⁶¹ См.: *Лиманова С.А.* Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М., 2017; *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования Дома Романовых в Российской империи) // *Диалог со временем*. Вып. 72. 2020. С. 280–291.

⁶² РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 96–101.

⁶³ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 3. М., 2019. С. 193–195.

⁶⁴ См.: Пленум ЦК КПСС – октябрь 1957 г. Стенограмма // *Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы*. М., 2001. С. 243–244.

совет⁶⁵. Имя советского лидера как одного из организаторов победы в битве постоянно упоминалось в прессе того времени⁶⁶. Явное желание в выгодном свете показать его «выдающийся вклад», одновременно с критикой Сталина, прослеживается и в некоторых мемуарах военачальников⁶⁷. Однако Хрущёв отказался от личного участия в торжествах и в качестве официального гостя ЦК направил В.И. Чуйкова⁶⁸. Ни тогда, ни впоследствии Хрущёв не предпринял ничего, что можно расценить как одобрение конструирования его личного военно-героического культа.

2 февраля в здании городского драматического театра прошло торжественное заседание в связи с 15-летием победы в Сталинградской битве. Для участия в праздничных мероприятиях пригласили делегации из других городов-героев и городов, ведущих социалистическое соревнование со Сталинградом (Ворошиловград, Минск, Саратов), а также из чешского города-побратима Остравы⁶⁹. Проводились встречи с участниками битвы, выставки, театральные постановки, кинопоказы, состоялись открытие памятника-обелиска на площади Павших борцов и торжественная закладка мемориала на Мамаевом кургане⁷⁰.

Спустя 5 лет проводились мероприятия, приуроченные уже к 20-летию «битвы на Волге» — именно такое название использовалось в официальных документах и прессе после переименования Сталинграда в Волгоград. Из-за изменения внешнеполитической обстановки данная годовщина отмечалась уже как общесоюзная. Инициатором празднования выступило Министерство обороны СССР во главе с Р.Я. Малиновским⁷¹. В постановлении ЦК КПСС по этому вопросу подчёркивалась необходимость «пропаганды источников силы и несокрушимого могущества Советского государства и его армии» и говорилось о «неизбежности поражения любых агрессоров в войне против государств мировой социалистической системы»⁷². Торжественное собрание прошло в городе-герое на Волге, возложения венков — в Калмыцкой АССР, Астраханской и Волгоградской областях. Однако остальные акции рассчитывались на общесоюзную и даже зарубежную аудиторию. Возможно, из-за этого в город приехал Хрущёв, которого избрали почётным председателем торжественного собрания в Волгограде⁷³.

Похожие тенденции наблюдались в связи с «круглыми» годовщинами Курской битвы. В августе 1958 г. курские обком и облисполком приняли совмест-

⁶⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 582, л. 4, 6, 8.

⁶⁶ См., например: *Падерин И.* Есть на Волге утёс... // Правда. 1958. 1 февраля.

⁶⁷ См., например: *Ерёменко А.И.* Сталинград: записки командующего фронтом. М., 1961. С. 468–472.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Под. ред. А.А. Фурсенко. Т. 2. М., 2006. С. 757–758, 1009–1010.

⁶⁹ РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 439, л. 121–122.

⁷⁰ В честь 15-летия Великой Победы под Сталинградом // Правда. 1958. 3 февраля; *Коновалов Ф.* В честь Великой Победы // Советская культура. 1958. 1 февраля. Подробнее о создании мемориала на Мамаевом кургане см.: *Palmer S.* How memory was made: the construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad // The Russian Review. Vol. 68. 2009. № 3. P. 373–407; *Попов А.Д.* Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28. 2023. № 1. С. 209–221.

⁷¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 16–17.

⁷² Там же, л. 9.

⁷³ *Денисов Н., Чернущенко П.* Торжества на берегах Волги // Правда. 1963. 2 февраля.

ное постановление о проведении локальных мероприятий, связанных с благоустройством братских могил и возложением к ним цветов и венков в связи с 15-летием освобождения области от немецко-фашистских захватчиков⁷⁴. 20-летие разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге отмечалось уже на более высоком уровне. Интересно, что ещё в апреле 1963 г. с предложением масштабно отметить это событие выступили идеологический отдел и отдел административных органов ЦК КПСС. И только через месяц инициативные записки по этому же вопросу прислали областные руководители Курской и Белгородской областей.

В ЦК 20-летие битвы интерпретировалось как годовщина одного из ключевых событий Великой Отечественной войны, завершившего коренной перелом в её ходе. Явно продолжалась уже наметившаяся идейно-мемориальная линия, заданная 20-летием победы на Волге. В предложениях обкомов прослеживается желание в связи с предстоящей годовщиной получить из общесоюзного бюджета необходимые средства на строительство конкретных мемориальных объектов. Кроме того, они рассчитывали повысить символический статус связанного с их регионами исторического события, синхронно выступив с инициативой учреждения памятной медали «За битву на Курской дуге»⁷⁵.

Программа запланированного на январь 1964 г. празднования 20-летия разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом формировалась ЦК с учётом инициатив Ленинградского промышленного обкома КПСС и в целом отвечала уже сложившемуся канону. Хотя и здесь допускалась определённая вариативность. В проведении артиллерийского салюта отказали — его не устраивали ранее при праздновании 20-летия битв на Волге и Курской дуге⁷⁶. В то же время впервые опубликовали в прессе текст торжественного поздравления ленинградцев в связи с годовщиной от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного совета СССР и Совета министров СССР. Впоследствии такие же поздравления получили трудящиеся Одессы, Севастополя, Белорусской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР, Украинской ССР⁷⁷. При этом сами празднования 20-летия освобождения городов и республик проводились уже по схожему ритуалу.

Памятные даты и геополитика: международные акценты военных годовщин.

После начала холодной войны и связанного с ней противостояния двух систем мемориальная сфера оказалась вовлечена в орбиту традиционной и культурной дипломатии СССР⁷⁸. Особенно это было характерно для годовщин революции. В дни официальных торжеств в Советский Союз обычно прибывали десятки иностранных делегаций, представлявших правительственные, партийные, профсоюзные организации своих стран⁷⁹. Увековечение памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн также постепенно приобрело

⁷⁴ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Кизилова Е.В. «Теперь мы в граните и бронзе...» (Из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы). Курск, 2020. С. 29.

⁷⁵ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 40–50.

⁷⁶ Там же, л. 67–72.

⁷⁷ См.: Там же, л. 74, 80, 89, 103, 122, 139, 146, 154, 169.

⁷⁸ См.: Нагорная О.С., Никонова О.Ю., Попов А.Д. Историческая память как инструмент советской культурной дипломатии // Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны, 1945–1989. М., 2018. С. 202–225; Нагорная О.С. Память о Второй мировой войне в коммуникативных пространствах социалистического лагеря // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве. СПб., 2021. С. 136–148.

⁷⁹ См.: Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти... С. 65–66.

международное значение. В январе—мае 1955 г. в столицах ряда стран Восточной и Центральной Европы прошли мероприятия, связанные с 10-летием освобождения Варшавы и Праги, а также взятия Будапешта, Вены и Берлина. Высшие партийно-государственные органы СССР акцентировали внимание на информационном сопровождении этих годовщин в советской и зарубежной прессе. В частности, ЦК КПСС по просьбе Министерства обороны СССР и его Главного политического управления дал разрешение отдельным советским генералам и офицерам поделиться воспоминаниями об этих событиях в СМИ стран народной демократии⁸⁰.

В праздновании 10-летия Победы приняли участие представители «братских народов» и «друзья» из капиталистических стран. В одном из проектов постановления ЦК говорилось о направлении официальных приветствий правительствам Албании, Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии. Такой перечень объяснялся тем, что «воинские части и партизанские отряды (этих стран. — *авт.*) сражались против гитлеровских захватчиков вместе с Вооружёнными силами СССР»⁸¹. Кроме того, Москву посетили несколько групп гостей из-за рубежа: участники движения Сопротивления и депутаты Национального собрания Франции⁸², а также американские ветераны — участники исторической встречи на Эльбе⁸³. Приёмы иностранных делегаций проходили на фоне Варшавского совещания европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе и подписания мирного договора с Австрией. 19 приглашённых бойцов французского Сопротивления получили от председателя Славянского комитета СССР А.С. Гундорова медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁸⁴.

Влияние международного фактора на празднование годовщин Победы заметно усилилось с 1960 г. К этому привели активизация противоборства с капиталистическими странами в рамках объявленного Хрущёвым курса на «культурное наступление» Советского Союза во всём мире, а также ускорение размежевания Восточной и Западной Германий. В этой связи впервые с предложениями по поводу праздничных мероприятий выступило Министерство иностранных дел СССР. Они касались не только проведения информационной кампании для зарубежной аудитории, но и возложения сотрудниками советских дипломатических миссий венков в странах Европы, «пострадавших от гитлеровской оккупации». Внешнеполитическое ведомство даже попыталось инициировать принятие обращения депутатов Верховного совета СССР к зарубежным парламентариям с призывом содействовать мирному урегулированию напряжённой ситуации вокруг Германии и Японии. Руководство ФРГ прямо обвинялось в «возрождении германского империализма», в то время как дружба и тесное сотрудничество с ГДР всячески подчёркивались, а сама она объявлялась «первым в истории миролюбивым государством немецкого народа»⁸⁵.

Цикл празднования 20-летних годовщин битв Великой Отечественной войны и освобождения городов-героев и регионов СССР также включал между-

⁸⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 581, л. 62—63.

⁸¹ Там же, л. 66.

⁸² Прибытие в Москву французской делегации // Известия. 1955. 8 мая.

⁸³ Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М., 1988. С. 88.

⁸⁴ Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955—1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3. С. 137.

⁸⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 582, л. 29.

народную повестку. Так, в связи с 20-летием битвы на Волге Хрущёв и Ма-линовский дали интервью для французского телевидения о значении этой годовщины⁸⁶. Часть информационной продукции, создававшейся в связи с годовщинами, переводилась на иностранные языки и затем распространялась через ТАСС, агентство печати «Новости», Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

20-летие Победы: синтез традиций и новаций. В трудах отечественных и зарубежных исследователей высказывается мнение, что в 1965 г. празднование Дня Победы перешло на качественно новый уровень. Его символическое значение резко повысилось⁸⁷. Чаще всего это объясняется политикой нового лидера партии Л.И. Брежнева, направленной на расширение его общественной поддержки за счёт бывших фронтовиков и усиления авторитета в армии⁸⁸. Для оценки обоснованности этих утверждений следует подробно рассмотреть процесс подготовки и проведения названных мероприятий.

Формально инициатива обновления празднования принадлежала первому секретарю ЦК компартии Украины П.Е. Шелесту. 12 января 1965 г. он передал в ЦК КПСС документ, в котором со ссылкой на многочисленные обращения трудящихся предложил вновь сделать 9 мая нерабочим днём и перенести на этот день военный парад, традиционно проводившийся 1 мая⁸⁹. К.Г. Вальтер, проанализировав переписку писателей К.М. Симонова и С.С. Смирнова с бывшими участниками войны, показала, что аналогичные предложения широко обсуждались в ветеранских кругах в 1964–1965 гг.⁹⁰

15 февраля Секретариат ЦК утвердил первый вариант проекта постановления о праздновании 20-летия Победы, содержание которого в целом соответствовало окончательной версии документа, принятой в конце марта. Главное отличие заключалось в том, что 9 мая оставили рабочим днём. Спустя три дня, уже на заседании Президиума ЦК, текст постановления рекомендовали доработать комиссии в составе М.А. Сулова, А.Н. Шелепина и Л.Ф. Ильичёва. 19 марта вопрос повторно рассматривался на заседании Президиума. Секретариат получил поручение в пятидневный срок подготовить окончательный вариант⁹¹.

Наконец, 30 марта Президиум утвердил постановление «О праздновании 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.». К нему шло приложение с перечнем мероприятий.

⁸⁶ Там же, д. 583, л. 23–32.

⁸⁷ См., например: *Болтунова Е.* «Пришла беда, откуда не ждали»... С. 124–125; *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 422–423.

⁸⁸ *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 114; *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа... С. 191; *Копосов Н.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 102–104; *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев... С. 89–91, 421–425 и др.

⁸⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 186–188. В дневниках Шелеста отсутствуют как упоминание об этой инициативе, так и сама тема празднования 20-летия Победы. Из контекста можно лишь понять, что 12–14 января 1965 г., когда документ был датирован и зарегистрирован как поступивший, он находился в Москве на заседаниях Президиума ЦК КПСС (см.: *Шелест П.Е.* Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 257–260).

⁹⁰ *Вальтер К.Г.* Конструирование памяти о Великой Отечественной войне: празднование 20-летия Победы в 1965 г. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). Рукопись. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2021. С. 20–25.

⁹¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 583, л. 177–190.

В первом же пункте объявлялось, что 9 мая теперь — нерабочий день⁹². Далее перечислялись традиционные для постановлений о годовщинах прошлых лет положения: о проведении пропагандистской и агитационно-массовой работы; организации на всей территории страны торжественных собраний, митингов, народных гуляний, лекций, бесед, встреч с ветеранами; помещении тематических материалов и воспоминаний участников войны в СМИ, подготовке музейных экспозиций, кинофильмов, филателистической продукции; проведении пресс-конференции для отечественных и иностранных журналистов, кинофестивалей, художественных выставок, «звёздной эстафеты», экспедиций и походов по местам боевой славы; «приведении в образцовый порядок» братских могил и памятников и возложении к ним венков. Как и в случае с 20-летием начала войны, особый акцент делался на научной составляющей — предлагалось провести сессии, конференции, заседания учёных советов в академических структурах, опубликовать исторические документы. В качестве новаций можно выделить пункты о приглашении на празднование в Москву Героев Советского Союза⁹³ и нескольких десятков официальных иностранных делегаций, а также проведение торжественных приёмов в посольствах СССР.

Главным идеологическим документом юбилея должны были стать «Тезисы к 20-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны». Их первоначальный вариант, подготовленный сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством П.Н. Поспелова, рассматривался на заседании Президиума ЦК 30 марта 1965 г.⁹⁴ Прозвучал ряд замечаний к их содержанию, наиболее принципиальные из которых касались оценки роли Сталина в войне и характеристики вклада в Победу союзников СССР⁹⁵. В итоге эти тезисы забраковали, вместо них появилось «Обращение к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю 20-летия Победы над фашистской Германией» с призывом к международной общественности предпринимать активные действия в защиту мира⁹⁶.

В течение апреля ЦК принимал постановления, включавшие в программу праздника новые инициативы, например, о чеканке и выпуске в обращение юбилейных монет и об учреждении памятной юбилейной медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹⁷. Особняком стояло отклонение предложения об амнистии в честь 20-летия Победы⁹⁸. Судя по сохранившимся пометам, сделанным сотрудниками общего отдела на заседании Президиума 29 апреля, члены высшего партийного органа критически отнеслись к предложениям о полном освобождении инвалидов войны, награждённых орденами и медалями за участие в боевых действиях, а также женщин — участ-

⁹² Советские граждане узнали об объявлении Праздника Победы нерабочим днём 28 апреля 1965 г., когда в «Правде» был опубликован указ Президиума Верховного совета от 26 апреля 1965 г.

⁹³ Позже появилось дополнительное постановление, согласно которому каждому из них вручался ценный подарок — золотые часы марки «Полёт» с гравировкой (РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 133–135).

⁹⁴ Там же, л. 4–54.

⁹⁵ Там же, л. 103–110.

⁹⁶ Обращение к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю 20-летия Победы над фашистской Германией // Правда. 1965. 10 мая.

⁹⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 124–125, 143–144.

⁹⁸ Там же, л. 120, 170 (предыдущая массовая амнистия состоялась в 1957 г. в честь 40-летия Октябрьской революции).

ниц войны. Возможно, число подлежавших амнистии (10–12 тыс. человек) показалось слишком большим⁹⁹.

Празднование сопровождалось массовыми награждениями. Медаль «Двадцать лет Победы» получили все служившие в Вооружённых силах СССР во время войны, а также бывшие партизаны и подпольщики¹⁰⁰ — более 16 млн человек¹⁰¹. Кроме того, накануне празднования были приняты положительные решения по многим наградным делам за военные заслуги, по каким-то причинам не утверждённым ранее. Например, в номерах «Правды» за 8 и 9 мая опубликованы указы о присуждении званий Героя Советского Союза 15 военачальникам армии и флота (в частности, С.Г. Горшкову и Ф.И. Толбухину), а также более 50 офицерам, рядовым, партизанам, подпольщикам. Орденом Ленина и другими орденами наградили различные воинские подразделения и военные учебные заведения. Кампанию завершило присвоение почётных званий: Москве — «Город-герой», Брестской крепости — «Крепость-герой», а городам из сформированного ранее круга городов-героев (Ленинград, Волгоград, Киев, Севастополь, Одесса) — орденов Ленина и/или медалей «Золотая Звезда»¹⁰².

9 мая вышел утверждённый днём ранее указ об объявлении 8 марта нерабочим днём. Чтобы логически связать это решение с 20-летней годовщиной в текст включили фразу о выдающихся заслугах советских женщин в защите Родины во время войны, их героизме и самоотверженности на фронте и в тылу¹⁰³.

Первоначально предполагалось, что на торжественном собрании в Москве с основным докладом выступит Малиновский. Однако 16 апреля вместо него докладчиком определили Брежнева¹⁰⁴. Министр обороны СССР получил возможность выступить с речью во время военного парада¹⁰⁵. На собрании, состоявшемся 8 мая в Кремлёвском Дворце съездов, в качестве почётных гостей присутствовали представители высшего государственно-партийного руководства страны, военачальники (включая Жукова), члены зарубежных делегаций. Содержание основного доклада вышло в «Правде»¹⁰⁶ и транслировалось по радио. В нём Сталин упоминался только один раз — как глава Государственного комитета обороны. Примечательно, что его фамилию встретили аплодисментами — это отметили в дневниках современники. Участвовавший в подготовке текста речи А.Е. Бовин вспоминал, что именно интерпретация роли Сталина

⁹⁹ Там же, оп. 16, д. 669, л. 92.

¹⁰⁰ Положение о юбилейной медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Правда. 1965. 8 мая.

¹⁰¹ Дёнингхаус В., Савин А.И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

¹⁰² Подробнее о юридических аспектах присвоения статуса советским городам-героям и связанных с этим коллизиях: Попов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 72–76; Красножёнова Е.Е., Михайлов А.А. Города-герои: становление почётного звания в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное двадцатилетие // Вопросы истории. 2020. № 12–1. С. 4–15; Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М., 2022. С. 19–105.

¹⁰³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в СССР Международного женского дня 8 Марта нерабочим днём» // Правда. 1965. 9 мая.

¹⁰⁴ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 9, 129.

¹⁰⁵ Там же, д. 586, л. 23–26.

¹⁰⁶ Великая Победа советского народа. Речь товарища Л.И. Брежнева // Правда. 1965. 9 мая.

в войне являлась наиболее болезненной, и подтвердил сдержанное отношение Брежнева к данной теме, далёкое от проявлений «неосталинизма»¹⁰⁷.

Осторожное отношение к фигуре Сталина характеризовало всё коллективное руководство. Показательно, что из числа членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, получивших проект доклада Брежнева, только первый секретарь ЦК компартии Грузии В.П. Мжаванадзе позволил себе выступить с критикой — именно из-за отсутствия в тексте подробной характеристики военных заслуг «вождя», попутно предложив переименовать Волгоград обратно в Сталинград¹⁰⁸.

15 апреля Президиум принял постановление о переносе военного парада на Красной площади с 1 на 9 мая¹⁰⁹. Накануне его проведения контр-адмирал запаса К.И. Деревянко обратился к высшему руководству СССР с просьбой разрешить принимать этот парад Жукову, по примеру Парада Победы 1945 г. Он утверждал, что такая кандидатура будет с удовлетворением воспринята ветеранами, всем советским народом, а также «напомнит западногерманским реваншистам то, что они стали забывать»¹¹⁰. Но идея не воплотилась, Жуков наблюдал за парадом с трибуны мавзолея как один из многочисленных почётных гостей. Во главе парадных расчётов шёл участник штурма Рейхстага Герой Советского Союза полковник К.Я. Самсонов со Знаменем Победы (ассистенты — М.А. Егоров и М.В. Кантария). В параде приняли участие около 12 тыс. военнослужащих, демонстрировались образцы военной техники, в том числе гигантские баллистические ракеты¹¹¹. Иностранные гости позже отмечали, что «впервые в жизни видели такие ракеты», и высказались за то, «чтобы никогда не настал тот день, когда нужно было бы использовать это страшное оружие»¹¹².

Сказался на юбилее и международный контекст: из-за войны во Вьетнаме в Москву не пригласили лидеров основных союзников СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании¹¹³. Однако прибыли и участвовали в мероприятиях делегации ветеранов из этих стран. Особое внимание оказалось уделено Франции, тем более что к 1965 г. Советский Союз вышел на довольно тесное политическое и экономическое сотрудничество с этой страной. Поэтому предлагалось не просто пригласить делегацию, но и наградить тамошних политических деятелей. В частности, глава МИД СССР А.А. Громыко, ссылаясь на просьбу генсека французской компартии В. Роше, посчитал нужным наградить орденом «Победа» президента Ш. де Голля — верховного главнокомандующего вооружёнными силами во время войны. До сих пор он не отмечался высокой советской наградой. Министр поручил послу во Франции «в осторожной форме прозондировать» почву и провести это предложение «через близкого к де Голлю государственного министра Жокса»¹¹⁴. Отдельно предлагалось наградить лётчиков полка «Нормандия—Неман».

¹⁰⁷ См.: Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017. С. 123–124.

¹⁰⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 585, л. 155–156.

¹⁰⁹ Там же, оп. 22, д. 213, л. 100.

¹¹⁰ Письмо К.И. Деревянко Л.И. Брежневу, А.И. Микояну и А.Н. Косыгину // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума... С. 541–544.

¹¹¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 165–166.

¹¹² ГА РФ, ф. Р-5451, оп. 52, д. 729, л. 115.

¹¹³ РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 584, л. 168.

¹¹⁴ Там же, оп. 16, д. 662, л. 145.

На параде 9 мая 1965 г. присутствовали представители политического руководства и военные делегации всех государств социалистического блока, включая Китай и Югославию, а также Алжира, Афганистана, Ганы, Гвинеи, Египта, Индонезии, Мали и Сирии¹¹⁵. Затем для почётных гостей устроили торжественный приём в Кремлёвском Дворце съездов¹¹⁶. Официальное празднование традиционно завершилось салютом. Помимо обычных мест проведения (Москва, столицы союзных республик и города-герои) 30 артиллерийских залпов произвели ещё в 20 городах¹¹⁷.

В научной литературе выдвинута гипотеза, согласно которой основной причиной использования нового формата празднования стало стремление продемонстрировать самой широкой международной аудитории мощь Советского Союза и так поддержать Вьетнам. Именно юбилей якобы стал «отправной точкой для использования памяти о войне во внешнеполитических целях»¹¹⁸. Однако, как показано выше, международный аспект сопутствовал годовщинам событий Великой Отечественной войны с середины 1950-х гг. Это объясняет и масштаб мероприятий — явно избыточных и не совсем рациональных, если бы расчёт делался только на зарубежную аудиторию.

Восприятие празднования советскими гражданами во многом формировалось под влиянием новых медийных каналов. Многомиллионная аудитория смотрела парад на Красной площади в телеверсии, и некоторые региональные газеты даже писали о том, что во время его трансляции «улицы опустели». Значительный резонанс имели и некоторые другие тематические передачи. В частности, впервые вышла в эфир впоследствии ставшая традиционной «Минута молчания», которая благодаря удачной концепции и продуманному закадровому тексту воспринималась как своего рода «светская литургия» или «советская молитва» по погибшим¹¹⁹. Судя по дневниковым записям современников, повышенным интересом пользовалась вечерняя программа «Голубой огонёк». На неё пригласили Чуйкова и других ветеранов, которые вновь открыто говорили о Сталинградской битве, а не «битве на Волге»¹²⁰.

На региональном уровне празднование также прошло со значительным размахом и подробно освещалось в СМИ. Помимо сообщений о митингах, торжественных собраниях, ритуалах у памятников, концертах и народных гуляниях, местная пресса сообщала об открытии новых монументов, музеев, мемориальных досок, а также о переименовании улиц в честь героев войны. Ряд заметок посвящался награждениям за военные заслуги и вручению ветеранам памятных подарков¹²¹. Судя по этим материалам, есть все основания полагать, что политический проект по повышению символического статуса Великой Отечественной войны встретил массовое одобрение советских граждан.

¹¹⁵ На страже Родины, на страже мира. Военный парад на Красной площади в Москве // Правда. 1965. 10 мая.

¹¹⁶ Приём в Кремлёвском Дворце Съездов // Правда. 1965. 10 мая.

¹¹⁷ Приказ министра обороны СССР // Правда. 1965. 9 мая.

¹¹⁸ Вальтер К. Г. Конструирование памяти о Великой Отечественной войне... С. 3, 56.

¹¹⁹ Локалов А. Тележурналист Ирана Казакова: мы написали первую советскую молитву // Родина. 2020. № 5. С. 88–90; Tumarkin N. The living & the dead: the rise and fall of the cult of World War II in Russia. N.Y., 1994. P. 40–43.

¹²⁰ Дневник морского офицера Ивана Селезнёва. Дневниковая запись от 11 мая 1965 г. (URL: <https://prozhito.org/note/482776>).

¹²¹ См., например: Празднует Крым // Крымская правда. 1965. 10 мая.

Подводя итоги, можно утверждать, что именно в 1945–1965 гг. сформировался базовый сценарий празднования памятных дат, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Центральное место среди них заняло не 22 июня и не 3 сентября, а именно 9 мая — Праздник Победы. Многие элементы этого сценария — торжественные собрания, информационные кампании, военный парад 1965 г., артиллерийские салюты, народные гуляния — копировали мероприятия, ежегодно проводимые 1 мая и 7 ноября. При этом в силу специфики символического содержания День Победы не вступал с ними в противоречия.

По мере отдаления от военных событий усилилась инструментальная роль годовщин, направленная на решение в первую очередь внутривнутриполитических задач. Во многом это происходило потому, что советские граждане всегда поддерживали это мемориальное направление и активно участвовали во всех связанных с ним мероприятиях. К середине 1960-х гг. память о войне окончательно вошла в число наиболее эффективных символических ресурсов советского руководства. Она работала на идеологическую консолидацию и трудовую мобилизацию. В «сетке» календаря появились новые «точки сборки»: 20-летие Победы, годовщины важнейших битв, освобождения от немецко-фашистских захватчиков, присвоения звания города-героя и т.д.

Внешнеполитическая повестка также влияла на риторику празднования. Обращение к другим странам в контексте советского миротворчества являлось неотъемлемой частью праздничного нарратива, военные годовщины использовались для продвижения позитивного имиджа Советского Союза и формирования информационных поводов за рубежом. Однако конфронтация с бывшими союзниками и противоречия внутри социалистического блока ослабляли идейно-политическое воздействие такого рода призывов.

Законодательное регулирование исполнения военных заказов на казённых горных заводах

Георгий Шумкин

Legislative regulation of the execution of military orders at state-owned mining plants

Georgiy Shumkin

(*Institute of History and Archeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg*)

DOI: 10.31857/S2949124X23030100, EDN: ERTGJW

Слабость военной промышленности России часто считается одной из важнейших причин неудач русской армии в Первой мировой войне. Исследователи объясняют её поздним вступлением империи на путь индустриального развития и зависимостью от иностранного капитала¹, ошибками стратегического планирования², усиливавшимся влиянием частных монополий³ или, наоборот, доминированием государственного сектора и теми выгодами, которые предоставлялись казённым предприятиям⁴. Но в чём заключались эти преимущества и как они менялись со временем?

Помимо подведомственных Военному министерству арсеналов, оружейных, пороховых и патронных заводов и т.д. и подчинявшихся Морскому министерству Обуховского и Ижорского заводов, адмиралтейств в Петербурге и Николаеве и т.д., имевших явный приоритет при получении оборонных заказов, заметную роль в производстве вооружения играли заводы горного ведомства. Их обязанность обеспечивать армию и флот была законодательно закреплена ещё в начале XIX в.⁵ Вместе с тем и заказывать соответствующую продукцию следовало только у них. В ходе либеральных реформ Александра II

© 2023 г. Г.Н. Шумкин

¹ *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 8–49; *Бовыкин В.И.* Из истории проникновения иностранного капитала в Россию («Пермское дело») // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. № 11. М., 1958. С. 66–73.

² *Фёдоров В.Г.* Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника 1900–1935 гг.). Ч. II. М., 1939. С. 10; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.

³ *Погребинский А.П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959. С. 80–81.

⁴ *Гиндин И.Ф.* Государственный капитализм в России домонополистического периода // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 72–95; *Гиндин И.Ф.* Антикризисное финансирование тяжёлой промышленности (конец XIX – начало XX вв.) // Исторические записки. Т. 105. М., 1980. С. 105–149; *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008; *Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х гг. М., 1990; *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.

⁵ ПСЗ-I. Т. 31. № 24688. § 233. С. 751.

статьи Горного устава и Свода военных постановлений⁶, регулировавшие эти «обязательные отношения», были заменены «Временными правилами для дачи и исполнения нарядов Военного и Морского министерств казёнными горными заводами» (далее — «Временные правила» или «Правила»)⁷, действовавшими в последней трети XIX — начале XX в. До сих пор они не привлекали к себе особого внимания. Историки о них в лучшем случае просто упоминали⁸. Между тем без специального анализа их различных редакций невозможно установить, какими именно преимуществами пользовались на рынке вооружений казённые горные заводы.

После Крымской войны морское и артиллерийское ведомства во главе с великими князьями генерал-адмиралом Константином Николаевичем и генерал-фельдцейхмейстером Михаилом Николаевичем, ссылаясь на происходившее масштабное перевооружение⁹ и неспособность горных заводов выполнять возросшие требования, всё чаще игнорировали их монополию на производство чугунных орудий, снарядов, холодного оружия, якорей, а также на поставку металла подведомственным предприятиям. За несколько лет накопилось немало взаимных претензий. Чиновников в министерствах не устраивало то, «что наряды не исполняются в точности ни относительно количества заказываемых вещей, ни относительно сроков их поставки, ни даже, в некоторых случаях, относительно качества поставленных с заводов материалов и изделий». Горные инженеры «предъявляли неудовольствия», жалуюсь, что заказчики меняли технические условия или вовсе отказывались от своих заказов уже после того, как заводы осуществили «громадные денежные затраты», приготовили «весьма обширные приспособления» и отложили выполнение других работ. По их мнению, размещение заказов за границей делалось в «ущерб отечественному горному производству», а «предпочтение» частных предприятий несло казне «расходы, трудно покрываемые, или убытки»¹⁰.

В 1867 г. при пересмотре Горного устава и обсуждении будущего государственного горнозаводского хозяйства члены Податной комиссии признали, что разрешить накопившиеся противоречия можно «лишь устранением обязательных отношений» между предприятиями и военными¹¹. Однако в армии и на флоте считали, что стальные и чугунные орудия, снаряды, холодное оружие, якоря и цепи «могут быть приготовляемы только на казённых заводах»¹².

⁶ Свод законов Российской империи. Т. VII. Устав горный. СПб., 1857. Ст. 1079–1353. С. 186–236; Свод военных постановлений. Ч. 4. Кн. 2. СПб., 1859. § 610–968. С. 162–266.

⁷ ПСЗ-П. Т. 46. Отд. 2. СПб., 1874. № 49951.

⁸ Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX века: от замысла к реализации. СПб., 2018. С. 101–102, 104, 115, 210, 215; Сергеевский И. А. На страже качества: военная приёмка Российской империи. М., 2022. С. 203–205; Шумкин Г. Н. Военное производство на Урале в конце XIX — начале XX вв. (1891 — июль 1914 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; Шумкин Г. Н. К вопросу об эффективности казённых горных заводов Урала в конце XIX — начале XX вв. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2012. С. 123–137.

⁹ Переход с гладкоствольного оружия на нарезное, с парусных деревянных кораблей на паровые с железными корпусами и т. п.

¹⁰ Журнал общего собрания Комиссии № 60, по вопросу о нарядах, делаемых казённым горным заводам военным и морским ведомствами // Труды Комиссии, высочайше учреждённой для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. II. СПб., 1867. С. 2–3.

¹¹ Журнал общего собрания Комиссии № 60... С. 28.

¹² Там же. С. 29. В 1867 г. Военное министерство надеялось, что Пермский сталепушечный завод начнёт выпускать крупнокалиберные пушки для береговой артиллерии. Построенный

В Комиссии полагали, что «самая специальность предметов военной обороны заставляет избирать для приготовления их заводы казённые», хотя иные изделия могут производиться и частными лицами; и потому бороться с ними за заказы следует «на одинаковых основаниях». При этом учитывалось и то, что цены на продукцию государственных предприятий, как правило, оказывались ниже, а её выпуск давал «средства к жизни многочисленному рабочему населению»¹³.

Пытаясь избежать конфликта интересов, представители Военного и Морского министерств предложили передать в их ведение заводы, обеспечивавшие армию и флот. По их мнению, тем самым исключалась бы ситуация, при которой качеством оружия жертвовали ради финансовых показателей и снижения себестоимости. Но против такого решения категорически возражали горные инженеры. Со своей стороны, они желали создать очередную межведомственную комиссию для разрешения споров. Однако их оппоненты смысла в ней не видели. Компромисс предложил член Артиллерийского комитета профессор Технологического института И.А. Вышнеградский (будущий министр финансов): Военному и Морскому министерствам ежегодно следовало сообщать Горному департаменту о планируемых заказах, после чего стороны обсуждали «недоразумения» и уточняли детали (цену, характеристики, количество и сроки исполнения), на этой стадии горное ведомство могло отказаться от выполнения нарядов, но если оно их принимало, то несло уже всю ответственность за результат. Специальная комиссия из Вышнеградского, чиновника Государственного контроля Е.И. Ададунова, главного начальника уральских заводов А.А. Иоссы и вице-директора Кораблестроительного департамента Морского министерства М.А. Пешурова разработала проект «Правил дачи нарядов», уточнённый затем в общем собрании Податной комиссии и направленный «на благоусмотрение» министра финансов¹⁴. Однако М.Х. Рейтерн решил придержать его до прояснения судьбы казённых горных заводов и определения перечня тех из них, которые предполагалось приватизировать¹⁵.

19 апреля 1871 г. Александр II одобрил мнение Государственного совета «О правилах о нарядах, делаемых казённым горным заводам военным и морским ведомствами», поручив министру финансов представить отредактированный вариант «Правил». Они считались «временными», поскольку должны были действовать три года, начиная «со времени составления нарядных ведомостей

в 1864—1865 гг. Пермский чугунопущечный завод приступил к изготовлению орудий для крепостей и планировал организовать производство 20-дюймовых орудий для фрегатов, хотя в серию они так и не пошли (*Широкорад А.Б.* Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 128—131). В 1867 г. Александровский завод Олонечского горного округа начал лить 15-дюймовые чугунные пушки для мониторов и башенных лодок. В 1860-х гг. горные заводы оставались основными производителями артиллерийских снарядов и, в частности, успешно освоили выпуск бронебойных снарядов из закалённого чугуна. Производство холодного оружия оставалось монополией Златоустовской оружейной фабрики, основным поставщиком якорей и цепей являлся Воткинский завод.

¹³ Журнал общего собрания Комиссии № 60... С. 30—31.

¹⁴ Там же. С. 34—85.

¹⁵ Подробнее о проектах передачи казённых горных заводов в частные руки см.: *Неклюдов Е.Г.* Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX века: от замысла к реализации. СПб., 2018. С. 161—209; *Неклюдов Е.Г.* Отчуждение казённых горных заводов и промыслов в России во второй половине XIX — начале XX в.: проекты и решения // Мир историка и пространство истории. Сборник статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 311—328; *Неклюдов Е.Г.* Приватизация казённых заводов и промыслов на Урале в контексте горной реформы 1860—1870-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14(369). С. 116—123.

на 1873 год»¹⁶ (т.е. в 1872–1874 гг.). За это время Министерству финансов предстояло подготовить «окончательные... постановления». При этом особо оговаривалось, что «в виде изъятия из означенных правил, в чрезвычайных обстоятельствах, когда быстрое приобретение предметов вооружения делается крайне настоятельным для потребностей государственной обороны», Военное и Морское министерства, по соглашению с министром финансов, «немедленно производят заказы необходимых предметов теми способами, какие ими будут признаны наиболее удобными и для казны выгодными». 1 сентября 1871 г. Александр II утвердил «Временные правила»¹⁷. Но 6 января 1875 г. ему пришлось продлить срок их действия ещё на год. А затем, «в связи с невозможностью составления в настоящее время окончательных правил» и «по случаю предположенного преобразования казённых заводов», их ежегодно продлевали вплоть до 1888 г.¹⁸

Однако пролонгация «Временных правил» вовсе не означала, что они устраивали заинтересованные стороны, скорее наоборот — им никак не удавалось достичь соглашения. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вновь показала неспособность уральских заводов быстро увеличить выпуск продукции. Тем временем в Горном департаменте, который в 1874 г. передали из финансового ведомства в Министерство государственных имуществ, после неудачной приватизации Богословского округа и Вятских заводов окрепли позиции сторонников сохранения предприятий в собственности казны и усиления их роли в военной промышленности.

В 1880 г. в «Комиссии по даче нарядов» представители военного и морского ведомств настаивали на окончательном прекращении «обязательных отношений», но в Министерстве государственных имуществ увязывали это с «коренным преобразованием казённых горных заводов» и обеспечением их заказами. Впрочем, управлявший им тогда кн. А.А. Ливен предложил, не дожидаясь «коренного преобразования», «привести в ясность» существующие отношения¹⁹, составив новые «Временные правила».

Разработкой их занялась межведомственная комиссия под председательством генерал-лейтенанта А.В. Гадолина. На её заседаниях выяснилось, что Военное и Морское министерства считали «более удобным и нередко более выгодным приобретать стальные орудия и артиллерийские снаряды... с заводов частных, расположенных ближе к центральному управлению или к местам назначения предметов вооружения», и соглашались поддерживать производство вооружения только на двух заводах: Пермскому пушечному они гарантировали минимальный ежегодный наряд (Военное министерство — на орудия общим весом в 15 тыс. пуд и на чугунные снаряды на 200 тыс. руб., а Морское — на чугунные снаряды на 140 тыс. руб.), а Златоустовскому обещали заказывать холодное оружие «по мере надобности»²⁰. Требование Горного департамента обеспечить работой все подведомственные ему заводы было отвергнуто.

¹⁶ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. № 49486.

¹⁷ Там же. Отд. 2. № 49951.

¹⁸ ПСЗ-II. Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54258, 55426; Т. 51. Отд. 2. СПб., 1878. № 56737; Т. 52. Отд. 2. СПб., 1879. № 58001; Т. 53. Отд. 2. СПб., 1880. № 59129; Т. 54. Отд. 2. СПб., 1881. № 60348; Т. 55. Отд. 1. СПб., 1884. № 61786; ПСЗ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1300; Т. 4. СПб., 1887. № 2024; Т. 5. СПб., 1887. № 2803; Т. 6. СПб., 1888. № 3485; Т. 7. СПб., 1889. № 4201; Т. 8. СПб., 1890. № 5013.

¹⁹ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 3.

²⁰ РГА ВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 29, л. 3–4.

Однако планы Комиссии подверг резкой критике государственный контролёр Д.М. Сольский, заявивший, что «осуществление сих предположений грозит казённому горному хозяйству решительным поворотом и неизбежным потрясением», а правительство, вверившее «изготовление предметов военной обороны преимущественно частным заводчикам», рискует столкнуться с «большими затруднениями» в случае «чрезвычайной надобности»²¹. Более того, опыт Обуховского завода показывал, что финансировать эти предприятия всё равно пришлось бы из бюджета империи, не только оплачивая произведённую продукцию, но и предоставляя по первому требованию льготные кредиты и авансы. Своими соображениями Сольский фактически заблокировал подготовленный под руководством Гадолина проект.

В 1885 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский направил на Урал экспедицию «для исследования хозяйства казённых горных заводов». Её участники считали, что «существование казённых заводов для производства орудий, снарядов и холодного оружия, во всяком случае, необходимо», поскольку оно ограничивало аппетиты иных подрядчиков. В случае же изменения профиля их работы понадобятся крупные бюджетные средства, население утратит «навык к работе», и если вновь придётся развернуть производство вооружения, то доля брака неизбежно окажется очень высокой²². Экспедиция рекомендовала создать постоянную комиссию, которая установила бы более чёткую специализацию заводов²³.

Несмотря на это, в военном и морском ведомствах в 1880-х гг. лишь укрепилось «убеждение, что казённые горные заводы не в состоянии удовлетворять не только экстренные, но и обыкновенные потребности» артиллерии²⁴. В 1885 г. в недоимке за горными заводами числилось 70 550 снарядов и 158 крепостных орудий²⁵. В 1886 г. Морское министерство ходатайствовало перед Государственным советом об отмене статей «Горного устава», касавшихся «заготовления предметов, необходимых морскому артиллерийскому ведомству», и разрешении руководствоваться впредь положениями «Свода морских постановлений»²⁶. Но этот шаг остался без последствий.

Своё мнение об «обязательных отношениях» высказывали и представители деловых кругов. В 1885 г. на Съезде железозаводчиков делегаты частных владельцев жаловались на растущую конкуренцию и призывали загрузить казённые заводы заказами армии и флота, прекратив закупки за рубежом²⁷. Отвечая на подобные заявления, в Военном министерстве напоминали, что, хотя ещё в 1866 г. Александр II повелел всё вооружение изготавливать в пределах России, «ввиду быстрого развития в Западной Европе... военного дела... отказаться от всякого иностранного содействия... и ожидать естественного развития нашей

²¹ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1881 г. СПб., 1882. С. 61.

²² РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 5.

²³ Отчёт Уральской экспедиции для исследования хозяйства казённых горных заводов. Ч. 3. СПб., 1888. С. 101–102.

²⁴ Пономаревский-Свидерский В.Г. Обзор деятельности казённых горных заводов в отношении нарядов сухопутной артиллерии и их роль при будущих заказах // Горный журнал. 1901. № 10. С. 74.

²⁵ Отчёт Главного артиллерийского управления за 1885 год // Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1885 г. СПб., 1887. С. 24.

²⁶ РГА ВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 29, л. 4–5.

²⁷ Труды съезда железозаводчиков, созванного при Министерстве государственных имуществ в 1885 г. Ч. I. СПб., 1886. С. 234–238.

промышленности было невозможно». Так, полевая артиллерия была перевооружена в кратчайшие сроки пушками систем 1867 и 1877 гг. исключительно благодаря содействию фирмы Круппа²⁸. К тому же на импортную продукцию бюджетных средств тратилось в пять раз меньше, чем на отечественную (в 1863–1882 гг. артиллерийское ведомство разместило за границей заказов на 12,7, а в России — на 63 млн руб.)²⁹.

Между тем в экономической политике России заметно усиливался протекционизм, и в 1884–1887 гг. существенно выросли ввозные пошлины на каменный уголь, кокс, руды, металлы и металлоизделия³⁰. В результате стоимость продукции Обуховского и других заводов столичного региона, получавших значительную долю сырья из-за границы, выросла. В этих условиях Военному и Морскому министерствам поневоле пришлось вновь обратить внимание на возможности казённых горных заводов, которые, с одной стороны, по-прежнему медленно выполняли заказы, но с другой — выпускали чугун и железо, считавшиеся, наряду со шведскими, лучшим в мире сырьём для производства вооружения.

В 1888 г. была образована межведомственная комиссия под председательством инспектора оружейных и патронных заводов Главного артиллерийского управления Военного министерства генерала В.В. фон Нотбека (бывшего начальника Императорского Тульского оружейного завода). Она признала поставки оружия из-за рубежа нежелательными и оправданными только в случае приобретения опытных образцов или вследствие «настоятельной потребности государственной обороны». В то же время её члены отметили несомненную пользу конкуренции частных и казённых предприятий «как в экономическом отношении, так и в отношении усовершенствования качества изделий и способов их заготовления». Правда, вследствие «недостатка частной инициативы» приоритет в военной промышленности предоставлялся всё же государственному сектору. Но при этом не армии следовало приспосабливаться к интересам и ресурсам заводов, а наоборот, их деятельность «должна по возможности отвечать потребностям страны»³¹. Дабы установить «постоянную связь» между ведомствами, Комиссия рекомендовала ввести в состав Артиллерийского и Морского технического комитетов представителей Горного департамента, которые знакомили бы производителей с особенностями «современных потребностей артиллерии и флота», а заказчиков — с тем, в какой мере они могли быть удовлетворены³². В Комиссии осознали косность организации казённого хозяйства. Чтобы преодолеть её, следовало изменить систему управления, расширить свободу действий горных инженеров, продумать способы их материального поощрения, а также предоставления кредитов «на развитие технической стороны деятельности заводов»³³.

²⁸ Артиллерийские системы 1867 г. и 1877 гг., отличавшиеся нарезкой ствола, были разработаны фирмой Круппа. В 1865–1877 гг. русская полевая артиллерия состояла из стальных крупновских пушек и медных орудий отечественного производства. В 1877–1879 гг. Круппу было заказано 1 600, Обуховскому заводу — 1 700 пушек (*Широкопад А.Б. Энциклопедия...* С. 161–162, 172–173).

²⁹ Архив Военно-инженерного музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — АВИМАИВБС), ф. 6, оп. 1/2, д. 84, л. 156 об., 157 об., 161.

³⁰ ПСЗ-III. Т. 4. № 2323; Т. 6. № 3600; Т. 7. № 4367, 4462, 4545.

³¹ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 6–7 об.

³² Там же, л. 7 об.—8.

³³ Там же, л. 8 об. Через несколько лет эти идеи попытался, правда, безуспешно, воплотить министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов. Подробнее см.: *Железкин В.Г.*

На основе проекта 1881 г., замечаний государственного контролёра и предложений Экспедиции 1885 г. Комиссия разработала новые «Временные правила», утверждённые 10 августа 1888 г. Александром III на пять лет³⁴. По мнению чиновников горного ведомства, новая редакция восстановила «нормальные отношения» с армией и флотом. Военную и морскую администрацию она также вполне устраивала. «С некоторыми лишь изменениями» эти «Временные правила» переутверждались в 1894, 1902 и 1907 гг.³⁵

Если проект Податной комиссии насчитывал 40 статей³⁶, то редакция 1871 г. — 35, а все последующие — 18. «Правила» 1888, 1894, 1902 и 1907 гг. имели одинаковую структуру (в редакции 1888 г. отсутствовали только три примечания, добавленные в 1894 г.). Варианты 1871 и 1888 гг. отличались гораздо сильнее: в первом разделе число параграфов увеличилось с 1 до 4; во втором — сократилось с 18 до 8; в третьем — с 9 до 2; в четвёртом — с 5 до 2; в пятом осталось 2 параграфа. Чем же различались редакции 1871, 1888, 1894, 1902 и 1907 гг.?

«Временные правила» состояли из пяти разделов: «Предметы, изготавливаемые на казённых заводах для армии и флота»; «Порядок рассмотрения и дачи нарядов»; «Порядок приёма изделий с горных заводов»; «Ассигнование сумм на приготовление предметов по нарядам и порядок расчётов по ним»; «Особые правила о приготовлении предметов нового производства». С 1888 г. они получили литерные обозначения (соответственно А, Б, В, Г и Д).

В первом разделе редакции 1871 г. отмечалось, что изготовление для Военного министерства «стальных и чугунных орудий, снарядов и холодного оружия, а для Морского министерства одних только чугунных орудий и снарядов производится преимущественно на казённых горных заводах». В примечаниях указывалось, что все остальные «разных сортов металлы и металлические изделия» могут заготавливаться и приобретаться «теми способами, какие по усмотрению министерств окажутся более удобными и для казны выгодными»; только на якоря и цепи «для морского ведомства», «впредь до разрешения вопроса о месте приготовления», распространялся тот же порядок, который устанавливался «настоящими Правилами для нарядов на орудия и снаряды»³⁷.

В последующих редакциях первый параграф повторялся с несущественными изменениями: в 1888 г. в него включили холодное оружие для флота³⁸, в 1907 г. вместо чугунных снарядов, которые заменялись в боекомплекте на стальные, упоминались уже просто «снаряды»³⁹. Вместо примечаний в раздел «А» в 1888 г. включили три параграфа. Один из них (§ 2) устанавливал минимум нарядов: для военного ведомства — в год не менее 15 тыс. пудов стальных

Казённые горные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период до-монополистического капитализма (1861–1900 гг.) // Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1989. С. 3–26; Шумкин Г.Н. Казённые горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 38–44.

³⁴ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443.

³⁵ Там же. Т. 14. СПб., 1898. № 10433; Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21333; Т. 27. СПб., 1910. № 29166.

³⁶ В первом разделе — одна с двумя примечаниями, во втором — 18, в третьем — 10, в четвёртом — 9, в пятом — 2.

³⁷ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 243–244.

³⁸ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 457.

³⁹ Там же. Т. 27. № 29166. С. 278.

орудий, чугунных снарядов «в количестве не менее как соответствующем ежегодному расходу их на практику артиллерии» и белое оружие «в количестве, обусловливаемом действительною потребностью в этих предметах», а для флота — чугунные снаряды не менее, чем на 140 тыс. руб.⁴⁰ Эти нормы были перенесены из проекта 1881 г., за исключением суммы, предусматривавшейся в нём на снаряды для армии (200 тыс. руб.), которую сочли уже недостаточной⁴¹.

В редакции 1894 г. минимум нарядов на орудия для армии (15 тыс. пудов) распространили и на снаряды⁴²; по данным Военного министерства, «практика по заказам последних лет показала, что стальные орудия в таком количестве не могут быть заказываемы артиллерийским ведомством как по неимению в них потребности, так и по финансовым соображениям»⁴³. Минимум нарядов на чугунные снаряды для флота упразднили, поскольку в боекомплекте морской артиллерии их уже начали заменять стальными. Соответственно, по новым «Правилам» они заказывались «на сумму, которая определяется ежегодно, сообразно потребности»⁴⁴.

В 1902 г. по инициативе Горного департамента из «Правил» исчезло и указание на минимальные размеры заказа орудий и снарядов для армии, как утратившее «всякое значение»⁴⁵. Отныне он определялся, «соображаясь как со средствами заводов артиллерийского ведомства, так и... с действительной производительностью и существующим оборудованием заводов как горных, так и Обуховского сталелитейного». Морское министерство с этого года должно было отдавать предпочтение государственным предприятиям лишь в том случае, «если по техническим качествам, цене и срокам изготовления снаряды казённых горных заводов имеют преимущество перед подобными изделиями других казённых и частных заводов»⁴⁶.

Отказ от гарантированного минимума был обусловлен как тем, что он изначально не давал удовлетворительной загрузки производственных мощностей, так и появлением у горных заводов более эффективных методов воздействия на заказчиков. По требованию начальника Обуховского завода А.А. Колокольцова, в «Правила» 1888 г. был включён параграф, обязывавший казённые горные заводы снабжать предприятия военного и морского ведомств чугуном «в размере, необходимом... для изготовления предметов вооружения»⁴⁷. Ижевский оружейный завод ежегодно потреблял до 30 тыс. пудов этого металла, Обуховский — 300 тыс., Ижорский — 150 тыс. Причём столичные оружейники интересовались только саткинским чугуном, считавшимся, наряду со шведским, лучшим в мире сырьём для производства стали⁴⁸. В начале 1890-х гг. Саткинский завод уже не мог обеспечить металлом всех желающих в требуемом объёме⁴⁹. Учитывая это, в 1894 г. в § 4 «Правил» внесли примечание, согласно которому военное и морское ведомство имеют право требовать чугун выплавки опре-

⁴⁰ Там же. Т. 8. № 5443. С. 457.

⁴¹ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 10 об.

⁴² ПСЗ-III. Т. 14. № 10433. С. 127.

⁴³ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 36; АВИМАИВиВС, ф. 6, оп. 1/2, д. 84, л. 239.

⁴⁴ ПСЗ-III. Т. 14. № 10433. С. 127.

⁴⁵ РГА ВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 1082, л. 1.

⁴⁶ ПСЗ-III. Т. 22. № 21333. С. 233–234.

⁴⁷ Там же. Т. 8. № 5443. С. 457.

⁴⁸ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 11 об.

⁴⁹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 24, оп. 20, д. 363, л. 171.

делённых заводов, причём это требование выполняется горным ведомством «по удовлетворении потребностей собственных заводов в этих чугунах на предметы вооружения»⁵⁰. С 1888 г. Горный департамент приобрёл «преимущественное право» получать наряды на прочие «артиллерийские предметы», а также на железо и другие металлы, «по взаимному соглашению с министерствами Военным и Морским»⁵¹.

Итак, раздел «А» редакции 1888 г. дал больше прав горным заводам. Во-первых, «преимущественное право» на изготовление орудий, боеприпасов и холодного оружия было дополнено гарантированным минимумом заказов. В 1881 г. военное и морское ведомства намеревались заменить первое вторым, но в 1888 г. минимум заказов был введён не вместо «преимущественного права», а в качестве дополнительной гарантии. Во-вторых, «преимущественное право» распространялось на прочие «артиллерийские предметы» и на металл. И, в-третьих, на горные заводы была возложена обязанность снабжать предприятия военного и морского ведомств чугуном, благодаря которой интерес стал взаимным⁵², а это оказалось лучше гарантированного минимума, вследствие чего указания на размеры нарядов из последующих редакций были исключены.

В разделе «Б» излагался «Порядок рассмотрения и дачи нарядов». Согласно «Правилам» 1871 г. до 1 февраля Военное и Морское министерства направляли в Горный департамент «ведомости орудий, снарядов и холодного оружия и других предметов, которые должны быть изготовлены в будущем году», а к 16 марта — инструкции приёмки, описания и чертежи изделий и поверочных инструментов. Тогда же они сообщали о сроках поставки и ценах конкурентов (§ 2)⁵³. То есть по «Правилам» 1871 г. заказчики должны были давать наряды «почти за два года вперёд»⁵⁴: в январе предоставлялись сведения о предстоящем наряде, в следующем январе поступали средства для выполнения работ, а в декабре наряд должен был быть выполнен. В 1888 г. срок предоставления ведомостей и всех необходимых сведений перенесли на 1 апреля (§ 5)⁵⁵.

Рассмотрение условий заказа и разъяснение «всех недоразумений», согласно «Правилам» 1871 г., происходило с 15 февраля по 15 марта, когда собиралась Комиссия для дачи нарядов, состоявшая из представителей военного, морского и горного ведомств, под председательством товарища генерал-фельдцейхмейстера «или лица, им назначенного». В неё обязательно входили начальники округов или управляющие заводов, на которых планировалось изготавливать «предметы новой конструкции». Не позже 16 марта Комиссия передавала согласованные условия в заинтересованные министерства, к 3 апреля Горный департамент сообщал заказчикам о согласии или отказе заводов «принять на себя выполнение сего наряда к назначенным срокам». Если они не могли исполнить заказ в полном объёме, то им следовало указать ту его часть, которую готовы были изготовить. Процедура «дачи нарядов» завершалась 19 апреля, когда Горному департаменту передавались в установленной форме сведения о наряде. До 19 июня заказчикам сообщалось: «а) в какие сроки, на

⁵⁰ ПСЗ-III. Т. 14. № 10433. С. 127.

⁵¹ Там же. Т. 8. № 5443. С. 457.

⁵² РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 11.

⁵³ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 244.

⁵⁴ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 11 об.

⁵⁵ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 457.

каких именно заводах и какими партиями заказанные предметы будут поступать к осмотру и испытанию и б) в какие сроки должны быть окончены осмотр и испытание представляемых партий, для того чтобы они в надлежащее время могли быть отправлены с завода и прибыть к местам своего назначения»⁵⁶.

В целом, это был сложный многоэтапный процесс, Комиссия по даче нарядов лишь рассматривала и согласовывала их условия, которые затем утверждались руководством трёх ведомств. В 1888 г. процедуру существенно упростили, предоставив Комиссии право утверждать наряд. Для этого её состав расширили, включив в него представителей Министерства финансов и Государственного контроля. Её работа начиналась теперь не позже 1 мая, что позволяло заказчикам точнее оценивать производственные возможности заводов — хозяйственный год заканчивался у них 30 апреля (в мае отправлялись речные караваны с готовой продукцией). Заседания необходимо было завершить за три недели, затем наряд считался принятым (§ 6—7)⁵⁷. При этом вызовы представителей предприятий, а также дополнительное согласование с ними деталей уже выданных заказов прекращались — в 1880-х гг. в казённые заводы провели телеграф, и с тех пор возникавшие вопросы могли решаться оперативно.

Если стороны не могли договориться, то «Правила» 1871 г. позволяли военному и морскому ведомствам заключать сделки с частными заводчиками, но им нельзя было предлагать более льготные условия, касавшиеся качества продукции, сроков поставки и цены (§ 15—16)⁵⁸. С 1888 г. разрешение разногласий между членами Комиссии «предоставлялось взаимному соглашению заинтересованных министерств» (§ 8)⁵⁹, при этом вероятность того, что достичь его не удастся, «Правила» 1888, 1894 и 1902 гг. не предусматривали. С 1907 г. рассмотрение подобных споров перешло к Совету министров (§ 8). Кроме того, «в виде изъятия» из «Правил» военный и морской министры могли «в чрезвычайных обстоятельствах, когда быстрое приобретение некоторых предметов вооружения делается крайне настоятельным для потребностей государственной обороны», оповестив министра торговли и промышленности, «немедленно производить заказы необходимых предметов теми способами, какие ими будут признаны наиболее удобными и для казны выгодными»⁶⁰.

После «дачи наряда» Военное или Морское министерства могли сделать сверхнарядный заказ. В «Правилах» 1871 г. порядок его размещения был прописан довольно противоречиво. Если возникала «совершенная и притом неотложная необходимость в новом заказе предметов», то он делался обычным порядком, т.е. выносился в следующем году на обсуждение новой Комиссии. Но это явно противоречило «совершенной и притом неотложной необходимости». Поэтому «в случае особой спешности» ведомствам разрешалось передавать свои предложения непосредственно горным начальникам, одновременно уведомив о том департамент (§ 14)⁶¹. В последующих редакциях эту двусмысленность устранили, оставив заказчикам право обращаться напрямую к заводскому начальству (§ 9)⁶². Такие обращения особенно участились на рубеже

⁵⁶ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 244—245.

⁵⁷ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 457—458.

⁵⁸ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 245.

⁵⁹ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 458.

⁶⁰ Там же. Т. 27. № 29166. С. 280.

⁶¹ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 245.

⁶² ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 458.

1890–1900-х гг., причём нередко они не обеспечивались финансовыми ресурсами и лишь частично покрывались авансами⁶³.

«Правила» 1871 г. допускали обстоятельства, при которых заказчикам требовалось внести исправления в чертежи, описания и инструкции. В этом случае их надлежало согласовать за два с половиной месяца до начала работы следующей Комиссии и передать на её утверждение. Если же на заводе выдвигали встречные условия, неприемлемые для заказчика, то министерствам предоставлялось право приобретать «предметы теми способами, которые они найдут удобными и для казны выгодными» (§ 16)⁶⁴.

«Правила» 1888 г. и более поздних редакций предусматривали и противоположную ситуацию, когда «техниками завода будут обнаружены какие-либо неточности или неясности в описаниях, чертежах, инструкциях и числовых данных, а равно если будут предложены какие-либо изменения в способах выделки изделий, ведущие к удешевлению или улучшению их». Тогда горные начальники вместе с приёмщиками могли обращаться непосредственно к заказчику, сообщая в департамент о планирующихся изменениях (§ 10)⁶⁵.

Если заводы не успевали в положенный срок выполнить заказ, то по «Правилам» 1871 г. «заказывающие министерства с одобрения министра финансов могли предоставить им отсрочку или иные льготы, а «в случае несогласия» приступали «к распоряжению об удовлетворении своих артиллерийских потребностей теми способами, какие будут ими признаны за лучшие и выгоднейшие для казны, после чего уже от горного ведомства не принимаются никакие предложения» (§ 19)⁶⁶. С 1888 г. устанавливалось, что в случае несогласия «подлежащего ведомства» на отсрочку «непоставленные в срок изделия остаются в наряде лишь по взаимному соглашению министров» (§ 11)⁶⁷. Изначально в «Правилах» не исключалось, что «вследствие изменений в системе вооружения заказанные горному ведомству предметы окажутся ненужными», такой наряд заменялся другим на ту же сумму (§ 17)⁶⁸. Но с 1888 г. об этом не упоминалось. В отдельном параграфе с 1888 г. оговаривалось, что казённым предприятиям при участии «в общей конкуренции и на торгах для поставки предметов в Военное и Морское министерства» отдаётся предпочтение, разумеется, «при равенстве цен и прочих условий» (§ 12)⁶⁹. В целом, раздел «Б» в «Правилах» 1888 г. и всех последующих редакций в большей степени отвечал интересам горных заводов.

Третий раздел («В») регламентировал приёмку продукции. Наблюдение за выполнением заказов, осмотр, поверку и испытание изделий осуществляли приёмщики, не имевшие права вмешиваться ни в какие заводские распоряжения. Согласно «Правилам» 1871 г. изготовление и точность поверочных инструментов определялись условиями наряда. В них также подробно описывался порядок действий при его выполнении в срок и в случае вынужденной задержки. О сроках осмотра и испытания изделий приёмщик договаривался с управителем завода, что закреплялось особым актом. Количество принятых

⁶³ РГИА, ф. 37, оп. 77, д. 210, л. 2; РГА ВМФ, ф. 427, оп. 2, д. 1089, л. 1.

⁶⁴ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 245.

⁶⁵ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 458.

⁶⁶ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 246.

⁶⁷ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 458.

⁶⁸ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 246.

⁶⁹ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 458.

и забракованных предметов также фиксировалось в актах (срок замены забракованных предметов годными указывался в условиях наряда). По каждому виду продукции приёмщик вёл шнуровую книгу⁷⁰. На основе этих книг управитель заполнял журнал сдачи, а приёмщик — журнал приёмки изделий. При этом журнал приёмки подписывал управитель, а журнал по сдаче — приёмщик. Если изделия поступали к приёмщику на осмотр позже назначенной даты, то их включали «в счёт невыполненной горным ведомством к сроку части наряда», после чего начинались переговоры об отсрочке (§ 20–25)⁷¹.

По «Правилам» 1871 г. «окончательный расчёт по исполнению наряда» производился после сдачи приёмщику последней партии продукции — до 31 декабря или до срока его завершения. В расчёт включались сведения как о выполненной, так и не выполненной частях. «С первую же отходящую почтою» он отправлялся «в одном экземпляре — центральному начальству приёмщика, а в другом — в Горный департамент» (§ 26–28)⁷². Таким образом, рассчитываться приходилось за весь объём наряда, что вызывало пререкания между заказчиками и исполнителями, если они не укладывались в отведённый срок. Сама процедура расчёта была «весьма сложной и во многих отношениях неудобной»⁷³. В 1888 г. её постарались упростить. Приёмщик теперь сразу выдавал заводу квитанцию на принятые изделия (это могло быть одно или несколько орудий, партия снарядов и т.п.). Если к месту назначения их доставляло горное ведомство, то туда же направлялись квитанции, в которых по прибытии груза делали отметки о доставке и пересылали в Горный департамент для расчёта с заказчиком. Если транспортировку обеспечивал заказчик, то квитанция сразу отправлялась в Петербург (§ 13–14)⁷⁴. С 1907 г. «Правила» предписывали заводам следить за «целостью изделий в период времени между приёмами артиллерийского приёмщика и лица, отправляющего изделия по назначению» (§ 14)⁷⁵. Благодаря упрощению схемы расчёта, перестали «теряться» квитанции и целые партии готовой продукции, а отчётность казённых предприятий стала в меньшей степени «казаться убыточной»⁷⁶, что явно шло им на пользу.

В четвёртом разделе («Г») регламентировался порядок финансирования работ и расчёта заказчиков с Горным департаментом. Суммы, «исчисленные на изготовление на казённых горных заводах предметов вооружения и обороны», вносились в его сметы прямым кредитом и оборотным доходом, а в сметы военного и морского ведомств — оборотным расходом (§ 29)⁷⁷. С 1871 г. на каждую партию принятой продукции Горный департамент составлял «расчёт суммы, причитающейся по сметным ценам в государственный доход», и направлял его в то министерство, которому предназначались изделия, и оно уже давало «подлежащей кассе оборотную ассигновку». Если часть наряда не поступала в срок, соответствующая доля кредита из сметы переходила в непосредственное рас-

⁷⁰ В шнуровые книги записывался ход приёмки изделий приёмной комиссией, если между её членами и администрацией завода возникали разногласия, то заносились особые мнения сторон. В Морском министерстве данная практика установилась с 1827 г., в Военном — с 1831 г. (Сергиевский И.А. На страже качества: военная приёмка Российской империи. М., 2022. С. 86, 88).

⁷¹ ПСЗ-П. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 246.

⁷² Там же. С. 246–247.

⁷³ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 13.

⁷⁴ ПСЗ-П. Т. 8. № 5443. С. 458–459.

⁷⁵ Там же. Т. 27. № 29166. С. 280.

⁷⁶ РГИА, ф. 37, оп. 71, д. 24, л. 14.

⁷⁷ ПСЗ-П. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 247.

поряжение заказчика. Если тот отменял наряд, то должен был компенсировать произведённые расходы. Если стороны не могли договориться относительно спорных условий, то средства вносились только в сметы расходов заказывавших ведомств⁷⁸. Из «Правил» 1888 г. положения, регулировавшие конфликты сторон, исключили, введя новый механизм расчёта: $\frac{2}{3}$ стоимости изделий, принятых приёмщиками, зачислялись в доход Горного департамента сразу после уведомления от завода, а оставшаяся $\frac{1}{3}$ — по прибытии квитанции⁷⁹. С 1894 г. расчёт предписывалось производить в полном объёме по получении квитанций⁸⁰. Это в большей степени соответствовало интересам производителей.

Заключительный раздел («Д») в новых редакциях не менялся. В нём отмечалось: «В случае же нужды в предметах, производство которых на казённых горных заводах ещё не установилось, Военное и Морское министерства дают горному ведомству опытные наряды, в малых размерах». Признавалось, что пока заказчики «не убедятся в совершенной годности» этих поставок, они могут приобретать необходимое, «где признают за лучшее, не стесняясь настоящими правилами»⁸¹.

Изданные в 1871 г. «Правила» создавались для минимизации «обязательных отношений» ведомств и регулирования возникавших между ними конфликтов. Причём основным способом их разрешения считалось предоставление министерствам права отказывать казённым горным заводам в нарядах, что в целом соответствовало духу политики фритредерства 1860–1870-х гг. С 1888 г. в «Правилах», напротив, ощущалось влияние протекционизма и стремление защитить интересы заводов. По сути, их участие в снабжении армии и флота металлом и предметами вооружения трансформировалось из обязанности в права и преимущества, которые весьма эффективно отстаивались с помощью административных механизмов.

Изменение «Временных правил» отразилось на динамике производства. После утверждения первой редакции «оборотные доходы» горного ведомства (т.е. поступления от выполнения нарядов министерств) стали сокращаться. Если в 1872–1876 гг. они составляли в среднем 3,6 млн руб.⁸², то в 1879–1883 гг. — 2,5 млн руб.⁸³ В конце века наблюдалась уже другая динамика: в 1891–1892 гг. на «оборотные доходы» приходилось в среднем 3,4 млн руб.⁸⁴, в 1910–1911 гг. — 10,5 млн руб.⁸⁵ Однако рост выпуска продукции не означал, что благодаря новым «Временным правилам» армия и флот попали в зависимость от горного ведомства. В правящих кругах империи не забывали о «несомненной пользе» конкуренции частной и государственной промышленности. «Временные правила» закрепили за казёнными горными заводами значительную долю россий-

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 459.

⁸⁰ Там же. Т. 14. № 10433. С. 129.

⁸¹ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49951. С. 248; ПСЗ-III. Т. 8. № 5443. С. 459; Т. 14. № 10433. С. 129; Т. 22. Отд. 1. № 21333. С. 235–236; Т. 27. № 29166. С. 281.

⁸² Скалковский К. Горнозаводская производительность России в 1876 году // Горный журнал. 1878. № 4–5. С. 119.

⁸³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1883 году / Сост. Е. Васильев. СПб., 1885. С. 93.

⁸⁴ Отчёт Горного департамента за 1891 г. СПб., 1892. С. 79–86; Отчёт Горного департамента за 1892 г. СПб., 1893. С. 112–135.

⁸⁵ Отчёт Горного департамента за 1910 г. СПб., 1912. С. 194–219; Отчёт Горного департамента за 1911 г. СПб., 1913. С. 197–224.

ского рынка вооружений: в конце XIX — начале XX в. на них приходилось около 17% всех военных заказов, в том числе около 12% — на полевые и 50% — крепостные орудия, более 40% — на снаряды, почти 100% — на холодное оружие⁸⁶. Накануне Первой мировой войны они заняли лидирующие позиции в производстве шанцевого инструмента и являлись основными поставщиками металла предприятиям Военного и Морского министерств. Однако косность их управления устранить не удалось, резервных производственных мощностей не было, хотя после поражений 1904—1905 гг. горным заводам уже рекомендовалось обзавестись двойным комплектом станков для выпуска снарядов⁸⁷. В итоге «Временные правила» 1888 г. не только создали систему «нормальных отношений» между часто конфликтовавшими ранее ведомствами, но и способствовали сохранению невысокой производительности военной промышленности России, пагубно сказавшейся в 1914—1915 гг.⁸⁸

⁸⁶ Шумкин Г.Н. Военное производство на Урале... С. 17.

⁸⁷ ГА СО, ф. 24, оп. 20, д. 1988, л. 20.

⁸⁸ Военная промышленность России в начале XX в. (1900—1917). Сборник документов / Под ред. Р.Ш. Ганелина. М., 2004. С. 692—792.

«Платонический союз»: взаимовосприятие и взаимодействие российского и французского военных флотов в конце XIX — начале XX в.

Денис Козлов

**«Platonic union»: mutual perception and interaction of the Russian
and French Navies in the late 19th — early 20th century**

Denis Kozlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030112, EDN: ERUJSP

Создание Франко-русского союза, юридически оформленного военно-политическим «соглашением Гирс—Рибо» 15(27) августа 1891 г. и секретной военной конвенцией 5(17) августа 1892 г.¹, придало контактам Санкт-Петербурга и Парижа в оборонной сфере новый импульс и новое качество. Несмотря на то что военная конвенция напрямую не касалась морских вопросов, одним из первых церемониальных, притом весьма эффектных проявлений складывающегося альянса стал обмен официальными визитами отрядов боевых кораблей. В июле 1891 г. в Кронштадт прибыла эскадра контр-адмирала А.А. Жерве — броненосцы «Маренго», «Марсо», «Руken», «Фюрье», крейсер «Сюркуф», авизо «Ланс», миноносцы № 128 и 129. Как писал журнал «Нива», этот визит стал «первым открытым заявлением взаимной дружбы между двумя великими нациями, открывающим новую эру в истории Европы»².

Через два с небольшим года — в октябре 1893 г. — российская эскадра Средиземного моря в составе эскадренного броненосца «Император Николай I», крейсеров I ранга «Память Азова», «Адмирал Нахимов» и «Рында» и мореходной канонерской лодки «Терец» под флагом контр-адмирала Ф.К. Авелана посетила Тулон, причём начальник эскадры и несколько старших офицеров побывали в Париже, где удостоились аудиенции у президента республики С. Карно, нанесли визиты председателю Совета министров и в палату депутатов, не говоря уже о встречах с высшим военным и военно-морским командованием³.

© 2023 г. Д.Ю. Козлов

¹ См. подробнее: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении / Под ред. М.П. Павловича. М., 1926. С. 63–78; *Манфред А.З.* Оформление русско-французского союза // Новая и новейшая история. 1975. № 6. С. 114–132; *Michon G.* L'alliance franco-russe 1891–1917. P., 1927. P. 1–54.

² Прибытие французской броненосной эскадры в Кронштадт / Публ. Р.В. Кондратенко // Гангут. Вып. 103. СПб., 2018. С. 89.

³ Русские и советские моряки на Средиземном море / Под общ. ред. В.Н. Алексеева. М., 1976. С. 146–147; *Сергеев В.В.* Военно-морское присутствие России в Средиземном море во второй половине XIX — начале XX вв. // Роль флота во внешней политике России в Средиземноморском регионе. История и современность: материалы региональной научно-исторической конференции 22 апреля 2009 года. Калининград, 2009. С. 34–37; *Рукавишников Е.Н.* Визит кораблей Балтийского флота в Тулон (октябрь 1893 г.) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 57–65. Л.Н. Толстой в статье «Христианство и патриотизм» (1894) привёл подробный об-

В июне 1895 г. последовала новая демонстрация «русско-французского открытого единения» (выражение газеты «Биржевые ведомости») — совместное прибытие российских и французских кораблей в Киль на торжества, посвящённые открытию канала Кайзера Вильгельма⁴.

Однако Санкт-Петербург и Париж, объединившиеся для совместной борьбы против Германии и её союзников на сухом пути, предпочли в морских, колониальных и иных вопросах оставить руки развязанными. Руководство французского флота не ставило на повестку дня вопрос о стратегическом взаимодействии с русскими на морских театрах европейской войны. Известно, что уже в 1892 г. французский морской штаб не слишком рассчитывал на помощь российских морских сил в войне с Германией как из-за многомесячного замерзания баз Балтфлота, так и из-за слабости его корабельного состава. Поэтому Париж надеялся не более чем на сковывание некоторой части кайзеровского флота на Балтике⁵.

В этой связи уместно отметить, что сами немцы в конце XIX столетия серьёзно опасались совместных действий французских и российских морских сил. Известно, что генерал Л. фон Каприви, возглавлявший имперское морское ведомство в 1883–1888 гг., отдавал себе отчёт в опасных последствиях морской блокады со стороны своих объединившихся противников⁶. Любопытно, что в 1892 г., сразу после заключения русско-французской военной конвенции, германское морское командование во главе с адмиралом бароном М. фон дер Гольцем, предвосхитив более чем на десятилетие известную «доктрину Шлиффена», планировало в случае войны с Францией и Россией осуществить первый удар по французскому Атлантическому флоту и нанести ему поражение до соединения со Средиземноморским, пусть даже «с риском опустошения Данцига русским флотом»⁸. Но шансы реализовать на практике этот замысел борьбы «на два фронта» самими немцами оценивались, по-видимому, невысоко. Как значилось в меморандуме главного морского командования статс-секретарю имперского морского ведомства адмиралу Ф. фон Хольману от 14 февраля 1895 г., перед лицом франко-российских морских сил флот кайзера представлял «в самом неблагоприятном свете»⁹.

зор прессы о пребывании российских моряков в Тулоне и Париже, которое сопровождалось массовым «беснованием» французской публики с человеческими жертвами и приобрело, по мнению Льва Николаевича, характер «психопатической эпидемии» (*Толстой Л.Н.* Статьи о патриотизме. М., 1917. С. 3–84).

⁴ Цит. по: *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 30.

⁵ Подробнее см.: Там же. С. 20–31.

⁶ *Папастратигакис Н.* Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие / Под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 114.

⁷ *Roksund A.* The Jeune École. The Strategy of the Weak. Leiden; Boston, 2007. P. 93.

⁸ *Schenk P., Niestlé A., Thomaier D.* Germany. Kaiserliche Marine // To Crown the Waves. The Great Navies of the First World War / Ed. by V.P. O'Hara, W.D. Dickson, R. Worth. Annapolis, 2013. P. 87–88. Существуют указания на то, что первый удар по французской атлантической эскадре был положен в основу оперативных планов германского флота ещё раньше — в период, когда во главе морского ведомства стоял Каприви (*Алафузов В.А.* Доктрины германского флота. М., 1956. С. 21–22).

⁹ Цит. по: *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия перед Первой мировой войной // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 29.

Однако на рубеже XIX–XX вв. германский флот, строительство которого было поставлено на долгосрочную финансовую основу «флотским законом», в 1898 г. проведённым через рейхстаг новым руководителем морского ведомства контр-адмиралом А. Тирпицем¹⁰, рос опережающими темпами. На этом фоне увлечение Николая II дальневосточными делами, которое неизбежно вело к ослаблению русских сил на Балтике, поубавило оптимизм французов в отношении России как союзника на море. Вероятно, сыграло свою роль и несколько скептическое отношение французского морского командования к качеству военного кораблестроения в России и уровню морской и тактической выучки российских коллег¹¹. А после потери большей и лучшей части Балтийского флота в войне с Японией, ставшей для России как морской державы репутационной катастрофой, о её привлекательности как союзника говорить не приходилось вовсе.

В восточном Средиземноморье франко-российское сближение сдерживали, помимо прочего, высокая вовлечённость французского капитала в турецкую экономику и, следовательно, нежелание Парижа потворствовать традиционным устремлениям России «вернуть крест на Святую Софию» и тем самым коренным образом изменить баланс сил в районе Проливов. В этом смысле, как заметил Р. Боброфф, «франко-русский союз... оказался для России даже более серьёзной препоной, чем её давний противник — Великобритания»¹².

Отношение российской флотской корпорации к французским коллегам было, как представляется, гораздо более сложным. С одной стороны, отечественные специалисты высоко ценили достижения своих союзников в развитии некоторых отраслей морского дела, например, подводного плавания. Вице-адмирал С.О. Макаров в 1897 г. справедливо отмечал, что инженер Г. Зеде, создатель опытовой субмарины «Жимнот», дал «первый толчок к осуществлению лодок современного типа»¹³. Представитель следующего поколения русской военно-морской научной школы — А.В. Шталь — писал на склоне лет, что именно французы «первыми сделали попытку создания этого нового средства борьбы на море»¹⁴. Действительно, французским кораблестроителям конца XIX столетия принадлежит приоритет во внедрении перископа и двойной системы лодочных двигателей, создании традиционной конструкции подводной лодки (прочный и лёгкий корпус, балластные и уравнивательные цистерны, носовые и кормовые горизонтальные рули). Находясь под впечатлением от успешных испытаний «Нарвала», ставшего беспрецедентным прорывом в превращении подводной лодки из экспериментального погружающегося аппарата в боевой корабль, русский военно-морской агент (атташе) во Франции лейтенант Г.А. Епанчин в июле 1903 г. предложил руководству морского ве-

¹⁰ К 1903 г. германский флот должен был насчитывать 19 эскадренных броненосцев (плюс два резервных), восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 малых крейсеров (См. подробнее: *Жерве Б.* Германия и её морская сила // *Морской сборник.* 1914. № 9. Неоф. отд. С. 146–148; *Schenk P., Niestlé A., Thomaier D.* Op. cit. P. 86).

¹¹ *Roksund A.* Op. cit. P. 93–96, 147–149.

¹² *Боброфф Р.* Пути к славе. Российская империя и Черноморские проливы в начале XX века / Пер. с англ. А. Чёрного. Бостон; СПб., 2022. С. 18–19.

¹³ *Макаров С.О.* Броненосцы или безбронные суда? // *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1942. С. 305.

¹⁴ *Шталь А.В.* Развитие методов операций подводных лодок в войну 1914–1918 гг. М., 1936. С. 8.

домства принять создателя этой лодки — инженера М. Лабёфа — на русскую службу¹⁵.

Успехи французских подводников — например, их результативные действия на больших флотских манёврах в районе Шербурга в 1902 г., которые, по выражению Лабёфа, «открыли многим глаза на применение подводных судов»¹⁶, — стали аргументом радикальных апологетов развития нового рода сил в дискуссии о путях восстановления морской мощи империи, развернувшейся в российской флотской среде после катастрофы на Дальнем Востоке¹⁷. В 1906 г. офицеры Балтийского флота, в том числе чины расположенного в Либаве Учебного отряда подводного плавания, обосновывая необходимость привлечения лодок к обороне этой базы с моря, ссылались на опыт «многочисленных манёвров французского флота в Средиземном море, где подводные лодки при примерной блокаде острова Корсики неоднократно прорывали блокаду, взрывали броненосцы и вообще доказали полную свою пригодность для подобных целей»¹⁸.

Вызывал уважение российских офицеров высокий уровень общей и профессиональной культуры французских моряков. Так, преподаватель военноморской статистики в Николаевской морской академии капитан 2-го ранга К.Ф. Кетлинский, подробно ознакомившись с флотом Третьей республики во время многомесячной заграничной командировки в 1912 г., аттестовал французских коллег как «весьма глубоко образованных людей»¹⁹.

В целом же с технической и тактической точек зрения французский флот, в отличие от британского или германского, не вызывал у русских морских офицеров особых восторгов. «Очень нарядно, но не по-военному и не по-морски», — заметил капитан 2-го ранга Н.В. Саблин, описывая свои впечатления от посещения Ревеля отрядом французских кораблей в 1908 г.²⁰ С этим мнением солидарен В.А. Белли, побывавший в Бресте корабельным гардемаринком в 1906 г.: «Французские корабли — это не германские, и Брест — это не Киль... Нельзя сказать, чтобы французские корабли были неопрятны или на них бросались в глаза признаки недостаточной дисциплинированности, но всё же они не производили того впечатления порядка и организованности, какое мы видели в Киле у немцев»²¹.

Стратегический потенциал Третьей республики как союзника на море в Петербурге ставили не слишком высоко. Вот, например, что значилось в сов-

¹⁵ М. Лабёф выразил готовность организовать строительство подводных лодок своей конструкции на российских верфях, однако поставленные им финансовые условия (около 7 млн руб. за постройку в течение 18 месяцев десяти 350-тонных лодок) были сочтены неприемлемыми (См. подробнее: *Завьялов И.В.* Российские морские агенты о подводном кораблестроении за рубежом в канун Первой мировой войны // *Гангут*. Вып. 58. СПб., 2010. С. 62–63).

¹⁶ *Лабёф М.* Настоящее и будущее подводного плавания / Пер. с франц. А.В. Колчака // *Морской сборник*. 1907. № 11. Неофиц. отд. С. 46.

¹⁷ О полемике «подводников» (С.Н. Власьев, Я.И. Подгорный, И.И. Ризнич, Е.В. Саговский и др.) и «линейщиков» — сторонников традиционного сбалансированного флота (А.Д. Бубнов, А.В. Колчак, К.В. Шевелев, В.Г. Энгельман и др.) подробнее см.: *Козлов Д.Ю.* Борьба с подводными лодками по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне 1914–1917. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 14–20.

¹⁸ [Андреев А.А., Бабицын М.А., Блюменталь В.И. и др.] Значение подводных лодок для обороны крепости «Либавы» / Публ. С.Ю. Гордеева // *Подводник России*. 2006. № 2(10). С. 144.

¹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, д. 261 (1912 г.), л. 13 об.

²⁰ *Саблин Н.В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 115.

²¹ *Белли В.А.* В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 129–130.

местном всеподданнейшем докладе генеральных штабов «Политический элемент обстановки на Черноморском театре» (декабрь 1907 г.), подготовленном Б.И. Доливо-Добровольским: «Мы видим... Францию, которая уже прошла кульминационную точку своей империалистической политики и, подобно смирившимся теперь, а некогда грозным Голландии и Испании, — склоняется к уходу с арены мировой борьбы»²².

Одну из ключевых причин упадка детища Решилль и Кольбера российские специалисты видели в уничтожении командного корпуса флота в ходе революции конца XVIII в. Причём особенно привержены этой точке зрения были офицеры-эмигранты, сами ставшие свидетелями и жертвами краха государства и флота в годину политических потрясений в России. «Франции потребовалось больше 100 лет, чтобы из поколений офицеров революционного периода создать более или менее удовлетворительный офицерский состав... Да и то столетний маразм, в котором пребывал французский флот после революции, таким тяжёлым бременем лёг на созидательную работу этого офицерского состава, что ему не удалось закончить свою тяжёлую работу до начала минувшей (Первой мировой. — Д.К.) войны», — писал контр-адмирал А.Д. Бубнов, один из интеллектуальных лидеров русского военно-морского зарубежья²³.

Фашодский кризис 1898 г., который продемонстрировал слабость французского флота, не вполне оправившегося от увлечения экстравагантными идеями «молодой школы»²⁴, заставил парижских стратегов вспомнить о русском флоте как о факторе, могущем сковать британские морские силы на Дальнем Востоке, в Индийском океане и, возможно, в Средиземном море²⁵. Однако и в этом случае до координации планов применения союзных флотов дело не дошло. В 1901—1902 гг. впервые обсуждался вопрос о заключении русско-французского морского соглашения²⁶. В это время флоты Франции и России являлись соответственно вторым и третьим в мире и могли составить действительную конкуренцию морским силам Великобритании, причём руководители английского

²² Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России (1900—1914 гг.). М., 2001. С. 149.

²³ *Бубнов А.Д.* Мысли о воссоздании Русской морской вооружённой силы // *Морской журнал*. 1928. № 12. С. 26.

²⁴ «Молодая школа» (*Jeune École*) — концепция строительства и применения военно-морских сил, лежавшая в основе развития французского флота в 1880-х гг. Предполагала «асимметричное» противодействие превосходящему британскому флоту многочисленными миноносцами, распределёнными между портами метрополии и Северной Африки в качестве «мобильной обороны», а также нарушение неприятельских коммуникаций крейсерами-рейдерами. Лидерами «молодой школы» являлись военно-морской публицист Г. Шарм (Gabriel Charmes) и адмирал Т. Об (Théophile Aube), возглавлявший в 1886—1887 гг. Морское министерство. Увлечение их концептами привело к отказу в 1882—1889 гг. от строительства линейных кораблей и появлению огромного — более 300 единиц — флота маломореходных миноносцев. Принятие в 1890 г. программы создания сбалансированного флота (в том числе 24 линкоров) знаменовало отказ от постулатов «молодой школы» как основы военно-морского строительства. Подробнее см.: *Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. 1. Развитие тактики броненосного флота от Крымской до русско-японской войны. М., 1979. С. 135—139, 273—274; *Roksund A.* Op. cit.; *Ropp T.* The Development of a Modern Navy: French Naval Policy, 1871—1904. Annapolis, 1987.

²⁵ *Roksund A.* Op. cit. P. 172.

²⁶ См. подробнее: *Гостенков П.А.* Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // *Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша».* М.; СПб., 2007. С. 172—175.

адмиралтейства и многие из влиятельных флагманов (например, вице-адмирал Дж. Фишер, возглавлявший на рубеже веков Средиземноморский флот) всерьёз рассуждали о своей неспособности воспрепятствовать захвату черноморских проливов русскими, действуя они в союзе с Францией²⁷. В России ещё несколько лет продолжали смотреть на Великобританию как на эвентуального противника²⁸, однако антибританский компонент русско-французского альянса всё более размывался по мере политического сближения Парижа и Лондона. Поэтому, как удачно заметил современный исследователь, «с точки зрения совместного военно-морского планирования и эффективного взаимопонимания союз остался совершенно платоническим»²⁹.

Идея разработки плана совместных действий российских и французских морских сил (речь шла о Дальнем Востоке) не вышла за рамки обсуждений. Тот факт, что русско-французское соглашение явно проигрывало англо-японскому договору 1902 г., определявшему более или менее конкретные параметры сотрудничества в военно-морской сфере, в том числе в мирное время³⁰, вызывал понятную озабоченность некоторых представителей российского флотского истеблишмента. Так, осенью 1902 г. будущий морской министр вице-адмирал А.А. Бирилёв сетовал: «В настоящее время мы в союзе с нею (Францией. — Д.К.), и союз этот высочайше распространён на страны Дальнего Востока, а никакого договора относительно морских сил мы с союзницей не имеем и не знаем, где, когда и чем мы можем помочь или ждать поддержки друг от друга... Наш флот... не знает, как смотреть на Францию — как на союзницу или довольствоваться только звуком этого слова»³¹.

Единственной совместной акцией российского и французского флотов, направленной на решение конкретной внешнеполитической задачи, стало посещение Персидского залива крейсерами «Аскольд» и «Фриан», состоявшееся в ноябре—декабре 1902 г. по инициативе французского внешнеполитического ведомства. Согласно инструкции Главного морского штаба командиру «Аскольда» капитану 1-го ранга Н.К. Рейценштейну, цель похода состояла в том, чтобы «появлением русского флага в этих водах показать иностранным и местным властям, что мы считаем эти воды вполне доступными плаванию всех наций в противоположность стремлениям великобританского правительства обратить Персидский залив в закрытое море, входящее в сферу его исключительных интересов»³². Однако и на сей раз каждый из кораблей союзных держав действовал самостоятельно, одну из причин чего следует, очевидно, искать в отсутствии сводов сигналов и иных документов, обеспечивающих весьма непростой про-

²⁷ См. подробнее: Папастратигакис Н. Британская стратегия: русский флот и Черноморские проливы / Пер. с англ. Н. Эльдмана // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010. С. 194—219.

²⁸ В этом смысле показательно, что одной из целей двусторонних манёвров Черноморского флота в августе 1903 г. являлась отработка действий в Проливах против английской Средиземноморской эскадры (Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война Российской империи. Сборник статей. М., 2002. С. 163).

²⁹ Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России... С. 113.

³⁰ См. подробнее: Гладких С.А. Влияние внешней политики на боевые действия русского и японского флотов в 1904—1905 годах // Гангут. Вып. 97. СПб., 2017. С. 134.

³¹ Отзывы на кораблестроительную программу 1903—1923 годов // Гангут. Вып. 119. СПб., 2020. С. 108.

³² Цит. по: Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Крейсер «Аскольд». СПб., 1993. С. 56.

цесс совместного плавания кораблей разной национальной принадлежности, не говоря уже об их боевом применении под единым командованием.

Начало новому этапу в развитии военно-морского сотрудничества Петербурга и Парижа положило создание в 1902 г. во Франции и в 1906 г. в России морских генеральных штабов (МГШ, генмор), в структуре которых функционировали подразделения, специально предназначенные для решения «международных» вопросов: во французском штабе (по положению 1909 г.) — 1-я секция, ведавшая разведкой и взаимодействием с союзниками³³, в российском — отделение иностранной статистики, которое при учреждении генмора возглавил капитан 2-го ранга Л.Б. Кербер³⁴. По уместному замечанию российского посла в Париже А.П. Извольского, именно отсутствие МГШ стало главной причиной изрядного отставания российского морского ведомства от сухопутных коллег, которые начали координировать свои военные приготовления с союзной державой ещё в 1890-х гг. Как полагал дипломат, произошло это отставание «исключительно оттого, что прежде у нас не существовало Морского генерального штаба, т.е. именно того органа, на коем лежит обязанность заранее обеспечить, на случай войны, нашим морским силам наилучшие стратегические условия»³⁵.

Специалисты МГШ принимали деятельное участие в разработке «морских» международно-договорных документов, в частности, русско-французской морской конвенции 1912 г. Более того, именно создание генмора позволило поставить эту работу на планомерную основу. В «Наказе Морскому генеральному штабу», высочайше утверждённом 5(18) июня 1906 г., прямо указывалось на «сношения с Министерством иностранных дел, с Советом государственной обороны... по политическим и военным вопросам», а также на «разработку соображений по составлению относящихся к морской войне международных деклараций» как на функции создаваемого учреждения³⁶.

Кроме того, генмор формировал задания и руководил работой военно-морских агентов, каковых к началу Первой мировой войны насчитывалось девять, наблюдение осуществлялось за флотами 17 стран³⁷. В ряде случаев агенты — и российские, и французские, — помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей (сбор сведений о флоте страны пребывания, решение финансовых и технических вопросов, связанных с заказами и закупками вооружения и военной техники и др.), брали на себя роль активных самостоятельных субъектов военно-дипломатической деятельности.

По-видимому, первым на необходимость более тесного взаимодействия союзных флотов указал французский морской атташе в Петербурге лейтенант Ю. де Беллуа де Сен-Льенар, писавший в мае 1906 г.: «Если когда-нибудь наши силы будут призваны к сотрудничеству, мы будем весьма виноваты в том,

³³ *Moulin J.* France. La Marine Nationale // To Crown the Waves... P. 56.

³⁴ Подробнее см.: *Козлов Д.Ю.* Во главе действующего флота. Система управления морскими силами России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 53–54.

³⁵ Письмо российского посла в Париже А.П. Извольского тов-щу министра иностранных дел А.А. Нератову. Париж, 5/18 июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывш. императорского российско-го министерства иностранных дел. М., 1922. С. 231.

³⁶ Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству. № 27. Август 1906 г. // Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству за 1906 год. СПб., 1907. С. 810–813.

³⁷ *Емелин А.* Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.

что не позаботились о подготовке»³⁸. Однако инициатива французского атташе поддержки не получила, как и высказанные в начале 1907 г. аналогичные предложения российского военно-морского агента во Франции, Испании и Португалии лейтенанта С.С. Погуляева. В феврале 1911 г., оставляя должность агента, Сергей Сергеевич (уже в чине капитана 2-го ранга) счёл уместным вернуться к идее «расширения союзных обязательств двух держав на действия их военно-морских сил» и, получив содействие Извольского, принял участие в зондаже этого вопроса у французского министра иностранных дел С. Пишона³⁹. Докладывая в МГШ об итогах своей агентской деятельности, Погуляев обратил внимание руководства морского ведомства на необходимость установления «непосредственной связи» между морскими генштабами союзных держав⁴⁰.

Спустя год новый военно-морской агент в Париже капитан 1-го ранга В.А. Карцов в цикле неофициальных бесед с командующим Средиземноморским флотом вице-адмиралом О. Буэ де Лапейерером⁴¹ убедился в готовности к установлению «кооперации между русскими и французскими морскими силами»⁴². Затем с одобрения морского министра адмирала И.К. Григоровича, главы внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонова и при энергичной поддержке со стороны Извольского Карцов вступил в контакт с морским министром Франции Т. Делькассе⁴³ для подготовки визита начальника МГШ вице-адмирала кн. А.А. Ливена в Париж «для совместного с французским Морским генеральным штабом обсуждения некоторых стратегических вопросов и для выяснения возможностей вступить с этим учреждением в постоянные сношения»⁴⁴.

После подписания 3(16) июля 1912 г. русско-французской морской конвенции⁴⁵ российский МГШ приступил к обмену информацией с французским морским генштабом. Результатом совещаний Ливена с его французским кол-

³⁸ Фрагмент письма Ю. де Беллуа де Сен-Льенара был воспроизведён начальником 1-й секции морского генерального штаба капитаном 1-го ранга Морнэ в «Записке об отношениях, которые будут установлены между французским и русским флотами» от 7 февраля 1912 г. ([*Mornet C.*] Note sur les relations à établir entre les marines française et russe. 7 février 1912 // Documents diplomatiques français (1871–1914). Sér. 3. Т. 1. Р., 1929. Р. 625–626). О деятельности де Беллуа см. также: *Деренковский Г.М.* Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Вып. 29. С. 82; *Емелин А.Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции накануне Первой мировой войны (личный аспект) // Источник. Историк. История. Сборник научных работ. Вып. 3. СПб., 2003. С. 50; *Montant J.-C.* Les attachés navals français au début du XXe siècle // Relations internationales. № 60. Р., 1989. Р. 429–442.

³⁹ *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 138.

⁴⁰ Показательно, что при возвращении Погуляева в Россию французские власти буквально осыпали его редкими знаками благодарности: президент К. Фальер, с которым Сергей Сергеевич неоднократно охотился в Рамбуйе, наградил агента орденом Почётного легиона, преподнёс личный презент (ансамбль северского фарфора) и направил в Петербург официальную ноту с просьбой возратить офицера в Париж после отбытия им корабельного ценза (Погуляев был назначен старшим офицером крейсера «Адмирал Макаров»). См. подробнее: *Емелин А.Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 51–53; *Я.В.* Контр-адмирал С.С. Погуляев // Морской журнал. 1938. № 125(5). С. 2–4.

⁴¹ См. подробнее: *Деренковский Г.М.* Указ. соч. С. 88–90.

⁴² Письмо российского посла в Париже... С. 230.

⁴³ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 374, л. 341–343.

⁴⁴ *Деренковский Г.М.* Указ. соч. С. 95.

⁴⁵ Русско-французская морская конвенция, 3(16) июля 1912 г. // Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 2. М., 2002. С. 28.

легий вице-адмиралом Ш. Обером стало взаимное признание необходимости заблаговременной подготовки к координации действий союзных флотов путём непосредственных сношений морских генеральных штабов, включая ежегодные встречи их начальников, систематический обмен сведениями и даже согласование оперативно-стратегических планов. Механизм этих контактов регулировался специальным соглашением.

Принципиально важно, что на первых же совещаниях было оговорено, хотя и в самых общих чертах, «распределение ролей» между союзниками. Французы не могли обещать содействия на Балтике, так как Северное море входило в зону ответственности британцев. Обер обещал оказать помощь в Средиземноморье, взяв на себя обязательство воспрепятствовать прорыву в Чёрное море австро-венгерских и итальянских морских сил, «а в случае случайного пропуска неприятельского флота через Дарданеллы [французский флот] должен устремиться за ним и прорваться туда же»⁴⁶.

В руководстве российского морского ведомства были склонны весьма оптимистично оценивать результаты обмена мнениями с французскими коллегами. Так, внимание Ливена привлекла удивительная предупредительность французов и даже их готовность взять на себя некоторые обязательства, не требуя никаких, по существу, компенсаций от русских. Отметим, что эта ситуация вызывала некоторое недоумение и у многих французских военных, политиков, а затем и исследователей. «Мы можем дать русским гораздо больше, чем получить. Следовательно, дело правительства — судить, исходя из того, что оно ожидает от союза с Россией, о целесообразности рассмотрения вопроса (о сотрудничестве с русским флотом. — Д.К.)», — констатировал в феврале 1912 г. начальник разведывательной секции морского штаба Морнэ⁴⁷. А вот что писал в 1927 г. историк Ж. Мишон: «Мы вправе задаться вопросом, что означала в 1912 г., через двадцать лет после договора о союзе, несколько односторонняя военно-морская конвенция, которая фактически обязывала Францию... предоставить свой флот в распоряжение России и которая была подписана в самый канун Балканской войны, двигатель которой, по выражению самого [Р.] Пуанкаре, запустило царское правительство сербско-болгарским соглашением, заключённым под его эгидой»⁴⁸.

Как представляется, уступчивость премьер-министра Пуанкаре и Делькассе имела политическую природу и была обусловлена стремлением Парижа всеми мерами, вплоть до некоторых авансов, укрепить военный союз с Россией, жизненно важный для Третьей республики в случае континентальной войны с Германией. Вероятно, именно поэтому в выработке проекта конвенции самое деятельное участие принял М. Палеолог, в то время занимавший пост директора политического департамента французского министерства иностранных дел⁴⁹, а впоследствии ставший послом в России и далеко не последним лицом в петроградском политическом бомонде.

Отметим, что Ливен придавал большое значение готовности французов облегчить Российскому флоту завоевание и удержание господства на Чёрном море путём давления на флоты Австро-Венгрии и Италии. Тем не менее ни

⁴⁶ Цит. по: Павлов А. Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и её союзников в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. СПб., 2008. С. 8.

⁴⁷ [Mornet C.] Op. cit. P. 626.

⁴⁸ Michon G. Op. cit. P. 182.

⁴⁹ Письмо российского посла в Париже... С. 229–231.

при подписании конвенции, ни при состоявшейся в мае 1913 г. в Петербурге встрече Ливена с новым начальником французского морского генштаба вице-адмиралом П. Ле Бри⁵⁰ никаких конкретных договоренностей о взаимодействии в районе Проливов, т.е. в вопросе, важнейшем с точки зрения русского стратегического планирования на «южном театре», оформлено не было⁵¹.

Некоторый прогресс был достигнут в июне 1914 г., при посещении Франции новым начальником МГШ вице-адмиралом А.И. Русиным⁵². Сменивший Ле Бри вице-адмирал Л.-Ж. Пивэ выразил готовность передислоцировать основные силы французского флота — *L'Armée navale* — из Тулона в Бизерту. Такое изменение конфигурации операционной зоны на четверть сокращало глубину развёртывания французской корабельной группировки к Дарданеллам, хотя и не способствовало решению главной задачи морских сил Третьей республики с началом войны — обеспечению переброски войск из Северной Африки в метрополию. Не возражали французы против базирования на Бизерте и русского соединения — бригады броненосных (по классификации 1915 г. — линейных) крейсеров Балтийского моря, призванной пресечь прорыв германской «Средиземноморской дивизии» — крейсеров «Гебен» и «Бреслау» — в Дарданеллы⁵³. Последняя инициатива, впрочем, была лишь анонсом на довольно отдалённую перспективу — четыре дредноута типа «Измаил» в это время находились на стапелях и планировались к вступлению не ранее второй половины 1916 г.⁵⁴

Не следует переоценивать практическую значимость подписания морской конвенции. Документ лишь декларировал в предельно общих формулировках готовность сторон «действовать совместно», но не конкретизировал формы и организацию этого взаимодействия. В июле 1912 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов, ознакомившись с протоколом «первого обмена стратегическими взглядами», счёл необходимым отметить, что «изложение это страдает в некоторых своих частях недостаточной определённой и может при известных условиях дать повод к различному пониманию». Премьер находил желательным, чтобы «последующий обмен мыслей имел своим предметом более точное изложение как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития»⁵⁵.

⁵⁰ С российской стороны в этих переговорах участвовали не только офицеры МГШ, но и представители штабов командующих морскими силами (флотами) (*Кедров М.А.* Моя автобиография. 1878–1933 гг. / Вступ. ст., коммент. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича; при участии Е.В. Балушкиной и Ю.Г. Орловой. М., 2020. С. 25).

⁵¹ *Емелин А.Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 56–57.

⁵² Начальника МГШ сопровождали капитан 1-го ранга В.К. Пилкин, капитаны 2-го ранга М.И. Смирнов, А.А. Нищенков, В.Е. Егорьев и лейтенант Б.П. Апрелев.

⁵³ *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении... С. 176–177; *Апрелев Б.* Линейный крейсер «Гебен» // Исторические очерки. Книга вторая. Шанхай, [1935]. С. 178; *Лукин А.П.* Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. 1. М., 1995. С. 13–14.

⁵⁴ Согласно нарядам, выданным Главным управлением кораблестроения Балтийскому и Адмиралтейскому заводам в сентябре 1912 г., и заключённым затем контрактам «Измаил» и «Наварин» должны были представляться к испытаниям к июлю, а «Кинбурн» и «Бородино» — к сентябрю 1916 г. (*Виноградов С.Е.* «Измаил» — сверхдредноут Российской империи // Морская коллекция. 2001. № 1. С. 24; *Усов В.Ю.* Линейные крейсера типа «Измаил» // Судостроение. 1986. № 7. С. 63). Темпы постройки этих кораблей начали отставать от плановых графиков ещё до начала Первой мировой войны, в строй ни один из «измаилов» не вступил.

⁵⁵ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 374, л. 356; Копия с собственноручной заметки г. председателя Совета министров, С.-Петербург, 28 июля 1912 года // Материалы по истории франко-русских отношений... С. 232.

Но и в дальнейшем прикладное «военное» значение этих контактов оставалось весьма ограниченным. Далеко не всё обстояло благополучно с обменом технической информацией. Дошло до того, что в декабре 1913 г., а затем в феврале и апреле 1914 г. российский МГШ, не удовлетворённый объёмом и качеством получаемых от французов данных, грозил приостановить выдачу сведений. Справедливости ради отмечу, что и российская сторона не всегда добросовестно выполняла свои обязательства. Так, капитан 2-го ранга В.И. Дмитриев, назначенный на должность морского агента в Париже в марте 1913 г., вынужден был констатировать, что данные о русских минных заградителях, переданные в Петербурге его французскому визави лейтенанту Ж. Галло, являлись, в сущности, отпиской: «Если таковы и остальные сведения, сообщаемые французскому морскому агенту, то, по моему скромному мнению, мы находимся в долгу у французов». Накопившиеся взаимные претензии в этом вопросе удалось в основном снять только в ходе посещения Франции группой офицеров во главе с Русиным в июне 1914 г.⁵⁶

Не всегда оперативной и достоверной оказывалась и разведывательная информация, зачастую требовавшая тщательной проверки. Так, в марте 1913 г. Карцов получил от французского морского генштаба информацию о якобы заключённом между Швецией и Германией соглашении, согласно которому «в случае войны последней с Россией Швеция обязуется ставить минные заграждения против Российских морских сил в Балтийском море»⁵⁷. Посланник в Стокгольме А.А. Савинский в пространном меморандуме Сазонову в очередной раз подтвердил свой тезис о том, «что никакого соглашения между Швецией и Германией не существует... и что единственно возможной и целесообразной международной политикой Швеции является политика нейтралитета»⁵⁸. Свою аргументацию Александр Александрович усилил мнением состоявшего при его миссии морского агента старшего лейтенанта гр. П.Ф. Келлера, который, наведя справки об обстоятельствах получения французами сведений о шведско-германском соглашении, пришёл к справедливому выводу об их недостоверности⁵⁹.

Так и не удалось претворить в жизнь перспективную идею Погуляева об обучении российских офицеров во французской Морской академии (*École Supérieure de la Marine*). Эта мера, которая, по мнению Сергея Сергеевича, позволила бы «ознакомиться в полном объёме с тактикой французского флота, взглядами и принципами французской морской школы на подготовку войны и, наконец, со сведениями, имеющимися у французов о флотах иностранных держав, особенно Германии»⁶⁰, не встретила поддержки в Морском генеральном штабе союзной державы⁶¹. Не реализовали и мысль о направлении офицеров на корабли союзных флотов. Её высказывал, в частности, капитан 1-го ранга Грассе, командир учебного корабля «Жанна д'Арк», посетившего Петербург

⁵⁶ Емелин А.Ю. Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 57–60.

⁵⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1913 г., Полит. архив, д. 136, л. 4; РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3988, л. 1.

⁵⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1913 г., Полит. архив, д. 136, л. 7–7 об.; РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3988, л. 6.

⁵⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1913 г., Полит. архив, д. 136, л. 9 об.–11, 14а–14б; РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3988, л. 2–4, 7 об.–8 об.

⁶⁰ Емелин А.Ю. Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 53.

⁶¹ [Mornet C.] Op. cit. P. 626.

весной 1913 г.: «Для успеха совместных действий двух флотов необходимо более близкое взаимное знакомство в подробностях службы, для чего... было бы весьма важно, чтобы русские офицеры прикомандировывались периодически к французским судам и обратно»⁶².

Что же касается согласования планов применения союзных флотов, то даже в ходе упомянутого выше визита во Францию делегации МГШ летом 1914 г. «вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны почти не имелось; нас взаимно интересовали главным образом тактически-организационные принципы наших флотов и их технические особенности»⁶³. Поэтому на оперативно-стратегические калькуляции российского морского ведомства контакты с союзниками существенного влияния не оказали.

Очевидно, не отразились эти контакты и на планах немцев, которые отнюдь не драматизировали факт заключения Россией и Францией морской конвенции. Во время парижских консультаций 1912 г. германский морской атташе в Петербурге фрегаттен-капитан гр. В. фон Кайзерлинг доносил в Берлин, что «сомнительное обновление русского флота, ничтожная фигура начальника Морского генерального штаба князя Ливена⁶⁴ и непоследовательность целей русского морского министерства лишают франко-русские военно-морские переговоры сколько-нибудь серьёзного значения в обозримом будущем»⁶⁵. Впрочем, в последние годы перед Первой мировой войной отношение немецкого морского командования к российским коллегам эволюционировало от пренебрежительного к внимательно-настороженному: как отмечалось в апреле 1914 г. в германском флотском офицере — журнале «Марине Рундшау», потенциал морских сил России «является фактором чрезвычайно важного военно-политического значения и требует к себе постоянного внимания»⁶⁶. Однако причины этой метаморфозы крылись скорее не в российско-французской коллаборации, а в очевидном повышении боеспособности русского флота и скорых перспективах резкого усиления его корабельного состава.

Таким образом, к началу Великой войны морские контакты с союзной Францией (как и с дружественной Великобританией) так и не вышли на уровень, позволивший им оказать сколь-нибудь существенное влияние на содержание стратегического планирования в российском морском ведомстве, не говоря уже о направленности строительства русского флота. Этого, кстати, нельзя сказать о взаимодействии в морских делах между французами и британцами. Достаточно вспомнить, что именно заключённые в 1913 г. соглашения с Францией позволили англичанам резко сократить традиционное военное присутствие в Средиземном море и сосредоточить лучшие силы своего флота

⁶² АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1913 г., Полит. архив, д. 138, л. 46.

⁶³ *Апрелев Б.* «Гебен» в войну 1914–18 г. (Воспоминания о роли германского линейного крейсера «Гебен» в минувшую войну 1914–1918 гг.) // Зарубежный морской сборник. 1930. № 9. С. 39.

⁶⁴ Светлейший князь Александр Александрович Ливен (1860–1914), будучи курляндским немцем, получившим воспитание в Германии, и выпускником королевского прусского кадетского корпуса в Лихтерфельде, пользовался особой нелюбовью германских коллег.

⁶⁵ Цит. по: *Hubatsch W.* Die russische Marine im deutschen Urteil 1890–1914 // Das deutsche Bild der russischen und sowjetischen Marine. Vorträge der V. Historisch-Taktischen Tagung der Flotte, 6–7. Dezember 1961. Marine-Rundschau, Zeitschrift für Seewesen, Beiheft 7/8. Frankfurt a/M, 1962. S. 31.

⁶⁶ Цит. по: *Шолов С.П.* Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004. С. 308.

в водах метрополии перед лицом германского Флота открытого моря⁶⁷. В весьма доверительном письме министру иностранных дел от 2(15) февраля 1913 г. Извольский справедливо отмечал, что сношения Парижа и Лондона «затрагивают мельчайшие подробности англо-французской военно-морской кооперации», и признавал, что «соглашение между Францией и Англией в техническом отношении ещё более разработано (согласно с географическими условиями), нежели такое же соглашение между Францией и Россией»⁶⁸.

Если британцы благодаря морским конвенциям с Францией смогли реализовать принципиально новую идеологию дислокации и применения своих военно-морских сил⁶⁹, то Россия от контактов с Парижем подобных дивидендов не получила. Несмотря на регулярные сношения МГШ с французским морским штабом, в проекте «Плана операций Черноморского флота на 1914 год», разработанном штабом командующего морскими силами Чёрного моря адмирала А.А. Эбергарда в декабре 1913 г., параметры взаимодействия с союзниками ограничивались кратким замечанием о том, что угроза со стороны англо-французского флота не позволит Австро-Венгрии направить свои морские силы в Чёрное море⁷⁰. Гипотетическое давление французских морских сил на турок со стороны Средиземного моря как фактор обстановки на Черноморском театре не просчитывалась российским командованием даже теоретически.

Причины затягивания с подписанием морской конвенции и недостаточной эффективности российско-французских контактов после её заключения в 1912 г. многообразны. Помимо названных выше, отметим также отсутствие непосредственного географического соприкосновения операционных зон российского и французского флотов, затруднявшее выработку и апробацию конкретных форм и способов взаимодействия на стратегическом и тем более оперативном уровнях. Свою роль сыграла и незначительность временного промежутка между заключением морской конвенции и началом Первой мировой

⁶⁷ Англо-французские консультации о координации планов войны на море, начавшиеся в 1911 г., завершились подписанием в январе–феврале 1913 г. трёх конвенций. Этими документами Северное море объявлялось операционной зоной английского флота. Ответственность за район Дуврского пролива (Па-де-Кале) возлагалась на британцев, поддерживаемых лёгкими силами французов — соединениями эсминцев и подводных лодок, которые базировались на Дюнкерк, Кале и Булонь. Западную часть Ла-Манша предполагалось контролировать силами опиравшейся на Брест французской 2-й лёгкой эскадры (две дивизии броненосных крейсеров, соединения эсминцев и подводных лодок), усиленной четырьмя британскими крейсерами. Западная часть Средиземного моря являлась зоной ответственности главных сил французского флота, восточная — англичан. 27 января 1913 г. державы заключили дополнительное соглашение о взаимодействии на Дальнем Востоке (*Moulin J.* Op. cit. P. 54, 57–58; Об англо-французских военно-морских соглашениях см. также: *Томаси А.* Морская война на Адриатическом море / Пер. с франц. В.Я. Новицкого. М.; Л., 1940. С. 7–12; *Policy and Operations in the Mediterranean* / Ed. by E.W.R. Lumby. L., 1970. P. 1–131; *Williamson S.R.* The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge, 1969. P. 318–327).

⁶⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1913 г., Полит. архив, д. 23, л. 3.

⁶⁹ О морской политике Великобритании перед Первой мировой войной см. подробнее: *Лухарев Д.В.* Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993; *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008; *Grimes Sh. T.* Strategy and War Planning in the British Navy, 1887–1918. Woodbridge, 2012; *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy 1870–1945. L., 1984; *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904–1919. 5 vols. L., 1961–1970; *Massie R.* Dreadnought: Britain, Germany and the Coming of the Great War. N.Y., 1991; *Shifflett Ch. R.* The Royal Navy and the Question of Imperial Defense East of Suez, 1902–1914 // *Warship International*. 1995. № 4. P. 353–366; etc.

⁷⁰ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 2, д. 267, л. 2.

войны — около двух лет. Для сравнения: «сухопутные» коллеги моряков вышли на более или менее определённую координацию стратегических планов примерно к 1910 г., т.е. спустя почти два десятилетия после заключения военной конвенции⁷¹. Наконец, назовём ещё одно обстоятельство — «министерскую чехарду» (пользуясь позднейшим эвфемизмом В.М. Пуришкевича) во французском морском ведомстве. С 1871 г. по август 1914 г. сменились 44 морских министра⁷², что, разумеется, не способствовало последовательности и преемственности государственной морской политики вообще и созданию прочного политического каркаса военно-морского взаимодействия с российским союзником в частности.

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. была заложена определённая организационная основа межсоюзнического взаимодействия, сыгравшая положительную роль в координации усилий стран Антанты в военно-морской сфере в годы Первой мировой войны.

⁷¹ Подробнее см.: Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917) / Под общ. ред. В.В. Герасимова. Т. 1. М., 2014. С. 321–352.

⁷² *Moulin J.* Op. cit. P. 53.

«Дело пахнет керосином».
Дунайское пароходство и русская политика на Балканах
в конце XIX — начале XX в.

Ярослав Вишняков

«It smells of kerosene».
Danube shipping company and Russian policy in the Balkans
at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries

Yaroslav Vishnyakov
(MGIMO University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23030124, EDN: ERVEWW

Окончательно обретя независимость после Берлинского конгресса 1878 г., Сербия сразу же стала ареной соперничества великих держав, в том числе и России, за политическое влияние на Балканах. В 1902 г., обосновывая приобретение казной Общества Черноморско-Дунайского пароходства, в Министерстве финансов констатировали: «Дунай является удобным путём для проявления политических влияний. Такая роль этой международной реки осознаётся правительствами всех прилегающих к ней стран. Особенно важна она для России, при участии которой создались на Балканском полуострове целые государства и доныне поддерживается их политическое существование»¹. Российская политика в регионе в связи с международной проблемой черноморских проливов и превращением Балкан в «пороховой погреб Европы» давно и серьёзно изучается как российскими, так и зарубежными исследователями². Однако немалую роль при решении политических и стратегических задач играл и экономический фактор. Характерно, что в апреле 1881 г., во время «нового курса» князя Милана Обреновича, направленного на политический и экономический союз с Двуетидной монархией³, между Веной и Белградом был заключён договор, который облегчал ввоз австрийских промышленных товаров, что обеспечивало их преобладание на сербском рынке, Австрия же, в свою очередь, ввела льготный таможенный тариф на ввоз из соседнего княжества сельскохозяйственной продукции, прежде

© 2023 г. Я. В. Вишняков

¹ АВПРИ, ф. 146, оп. 495, д. 8395, л. 94.

² См., в частности: *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. М., 1964; *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990; *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996; *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003; *Вишняков Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2016; *Jelavich B.* A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia, 1964; *Jelavich B.* The Habsburgs empire in European affairs, 1814–1918. Chicago, 1969; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988; *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 2004.

³ Об этом см.: *Галкина Ю. М.* Русское Дунайское пароходство как инструмент внешней политики Российской империи в 1903–1913 гг. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Сер. 9. Балканика. Вып. 3. Екатеринбург, 2016. С. 84–93.

всего свиней, крупного рогатого скота, кожи, чернослива⁴. В июне этого же года Милан заключил с Францем-Иосифом политическое соглашение, отказавшись от притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция, а 22 февраля 1882 г. Милан провозгласил себя королём. При этом объём торговли между Россией и Сербией в 1880–1890 гг. оставался невелик. Так, импорт в Сербию из России составлял около 2% от его общего количества, тогда как из Австро-Венгрии — до 70%. В 1884 г. экспорт товаров из Сербии в Россию отсутствовал, а в 1891 г. его стоимость составляла всего 1627 динар⁵. Естественно, проникновение России на рынки Сербии и других балканских стран было невозможно без развития российского судоходства по Дунаю. После войны с Турцией 1877–1878 гг. Россия вернула потерянные в 1856 г. порты в его устье — Рени и Измаил. А существенный рост добычи нефти в бакинском нефтяном районе и развитие её переработки привели в конце XIX в. к значительному увеличению экспорта нефтепродуктов (особенно керосина) через Батум. В 1897 г. началось сооружение керосинопровода Баку–Батум, окончательно завершённое в 1907 г. Таким образом, перспективы русского дунайского судоходства оказались тесно увязаны с грузовым сообщением на Чёрном море и возможностью закрепиться на нефтяных рынках не только балканских стран, но и Австро-Венгрии и Германии.

Ещё в ноябре 1881 г. российский предприниматель, сербофил А.И. Мураревич убеждал Московский биржевой комитет в том, что «открытие пароходных рейсов по Дунаю будет служить не только для торговых сношений с Россией». По его словам, «появление русского флага на Дунае было бы историческим событием для балканских народов, тем более важное ещё и потому, что это есть вековое их общее желание, этого требуют и интересы всей России, которая может смело надеяться, что пролитая ею кровь за славян Балканского полуострова была орошающею влагою не только для внутренних, но и для их внешних экономических и преимущественно торговых сношений»⁶.

В 1881 г. вступило в силу и «Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени», а кн. Ю.Е. Гагарин-Стурдза принял на себя обязательство совершать эти рейсы на одном, принадлежавшем ему пароходе «Ольга». В 1883 г. возник торговый дом «Князь Юрий Гагарин и К^о», который наладил плавание по Дунаю до Систова. Российское правительство, придавая этому делу государственное значение, выделяло пароходству ежегодную субсидию в 58270 руб. Однако для того, чтобы поддерживать регулярные перевозки на должном уровне как этих денег, так и личных средств князя оказалось недостаточно. В 1886 г. данное предприятие было преобразовано в Акционерное общество Черноморско-Дунайского пароходства, просуществовавшее до 1 сентября 1903 г. Уставной капитал его составлял 655 тыс. руб. (2620 именных акций по 250 руб.). Согласно уставу, Обществу следовало обеспечить сообщение между Одессой и Измаилом и между Одессой и Систово, получая за это 58270 руб.

⁴ Пархоменко Д.В. Австро-сербский торговый договор 1881 г.: рабство или модернизация? // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. Актуальные проблемы истории и археологии. Самара, 2007. С. 128–132.

⁵ Поповић Н. Трговина између Србије и Русије (19 век) // Руски добовольци у Србији. Тематски зборник радова. Београд, 2022. С. 131–167.

⁶ Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. М.; Белград, 2012. С. 130.

помильной платы. С 1888 г., когда ежегодная помильная плата увеличилась до 121 350 руб. 60 коп., помимо этого открылись рейсы Систово–Кладово, связавшие российские и сербские порты с конечным пунктом австрийских железных дорог у Орсовы, русский керосин поступал в придунайские страны по буксирному маршруту Рени–Систово, а Прутская линия (Немцен–Рени) использовалась для вывоза зерна из Бессарабии⁷. Однако дело не заладилось. Общество имело восемь пароходов и 11 барж (из них четыре – наливные), но терпело значительные убытки и, будучи формально частным, фактически содержалось государством, получив из казны с 1887 по 1902 г. без малого 5 млн руб.

Причины плачевного финансового состояния пароходства были многообразны и в какой-то мере отражали системные противоречия в экономике империи конца XIX – начала XX в. К началу XX в. общий уровень развития её коммерческого флота оставался довольно низким: ощущался недостаток свободных средств, которые могли бы вкладываться в судоходство. Не помогло и предпринятое в 1881 г. ради поощрения отечественного судостроения повышение пошлин на ввозимые из-за границы суда. Сравнительно узкий рынок ограничивал спрос на российские пароходы, что увеличивало их стоимость⁸.

Между тем при реорганизации Общества в 1886 г. его капитал уменьшился почти наполовину – на 286 тыс. из 655 тыс. руб., поскольку правление приобрело у кн. Гагарина, который остался его председателем, старый инвентарь за непомерно высокую цену (115 тыс. руб.) и выдало ему «учредительское вознаграждение» в 171 тыс. руб., из которых 20 тыс. не проходили по бухгалтерским книгам. Чтобы скрыть такую щедрость от правительства и акционеров, правление, состоявшее практически целиком из приятелей князя, пользуясь дружескими отношениями с членами ревизионной комиссии, распорядилось разложить выданную сумму как на старые, так и на вновь купленные пароходы, увеличив их цену более чем на 30%⁹.

Баржи и суда Общества находились в плачевном состоянии, квалифицированного персонала не хватало. Неудивительно, что оно не могло выдержать конкуренцию с более мощными австрийскими, венгерскими и румынскими компаниями¹⁰. Получив незначительную прибыль в 1886–1887 гг., в 1888–1890 гг. пароходство, несмотря на увеличение помильной платы до 121 351 руб., несло убытки, составившие соответственно 33 636, 33 017 и 15 740 руб. В результате в 1891 г. пришлось полностью закрыть убыточную прутскую линию, а маршруты Рени–Систово и Систово–Кладово объединить. На ремонт ветхих пароходов в конце XIX в. было потрачено более 170 тыс. руб.: в 1897 г. – 39 741 руб., 1898 г. – 50 662, 1899 г. – 49 556, в 1900 г. – 32 851 руб.¹¹

⁷ АВПРИ, ф. 146, д. 9031, л. 5.

⁸ Подробнее см.: Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. Для исправления такой ситуации в 1897 г. стараниями С.Ю. Витте при Министерстве финансов был учреждён Совет по делам торговли и мореплавания, а в Департаменте торговли и мануфактур создан отдел для заведования «текущими делами о торговом мореходстве» (ему же поручалось «исполнение всех подготовительных работ для занятий Совета» (АВПРИ, ф. 146, д. 9031, л. 21)).

⁹ АВПРИ, ф. 146, оп. 495, д. 9031, л. 101, 163.

¹⁰ Там же, л. 55. К 1902 г. австрийское пароходное общество имело около 800 барж при 156 пароходах, венгерское пароходство – 246 барж при 43 пароходах. В составе румынского казённого пароходства, открытого в 1898 г., насчитывалось 65 барж и 25 пароходов. Основанное в 1891 г. сербское пароходное общество к началу 1902 г. имело 42 баржи и 8 пароходов, лучший из которых носил имя Николая II.

¹¹ Там же, л. 107.

В 1888 г. Общество Черноморско-Дунайского пароходства увеличило свой основной капитал с 655 тыс. до 1,2 млн руб., а в 1891 г. выпустило акций на 1 млн 40 тыс. руб. Все они были приобретены правительством, после чего в состав правления для надзора включили представителя Министерства финансов. Однако расходы только росли, и в 1891–1892 гг. дефицит достиг уже 98 320 и 152 149 руб.¹² Произведённая в 1892 г. правительственная ревизия выявила уменьшение основного капитала на 80 тыс. руб., вызвавшее девальвацию акций с 250 до 150 руб. и выпуск новых акций на 342 тыс. руб., полностью выкупленных казной. Ею же были приобретены акции на 100 050 руб., выпущенные в 1894 г. Благодаря правительственным мерам и увеличению поимильной платы до 225 820 руб. в год, в 1893 г. Общество показало прибыль в 82 587 руб., однако уже в 1894 г., несмотря на третье пособие, она сократилась до 24 997 руб., а 1895 г. и вовсе завершился с убытком в 35 566 руб. Стоимость акции упала до 42 руб.¹³

Видя, что дела Общества идут всё хуже, в Министерстве финансов пытались предотвратить его банкротство. Проведённая в 1895–1896 гг. ревизия обнаружила беспорядок в финансовой отчётности и привела к обновлению состава правления и увольнению директора-распорядителя А.Д. Колокольцова и кн. Гагарина¹⁴. Новым представителем правительства С.Ю. Витте назначил Е.Л. Кочетова, которому удалось в 1896 г. сократить убытки с ожидавшихся 183 тыс. до 8 500 руб. В то же время Одесско-Измайльскую линию довели до Вилково, а Одесско-Систовскую — до Корабии и Кладово. Таким образом, в 1896–1898 гг. Общество держало четыре линии (Одесско-Измайльскую, Одесско-Корабийскую, Корабийско-Кладовскую и Рени-Кладовскую) с поимильной платой 225 820 руб. 35 коп. в год.

В 1898 г., по истечении обязательных отношений к правительству, деятельность Общества Черноморско-Дунайского пароходства предполагалось окончательно прекратить, передав содержание срочных сообщений по Дунаю какому-либо другому предприятию. Однако затем в МИД и Министерстве финансов признали, что искать желающих братья за дело, направленное «к поддержанию и развитию нашего единения с придунайскими странами и ограждению их от поступательного движения других держав»¹⁵, сложнее, чем

¹² Там же, д. 8395, л. 2–2 об.

¹³ Там же, л. 2.

¹⁴ Их обвинили в злоупотреблениях при подписании керосиновых контрактов с правительственной дирекцией сербских монополий, выявив «грубые ошибки, просмотренные составителем контрактов г-ном Колокольцовым и делающие их положительно невыполнимыми для Общества». Ввиду «абсолютной бездеятельности и даже прямого преступного попустительства» тогда же был уволен агент Общества в Белграде — драгоман русского посольства М.В. Юркевич (Там же, д. 8963, л. 1–1 об.). Примером такой небрежности может служить составление и перевод текста контракта на поставку керосина, являвшегося дополнением к торговому соглашению 1893 г. и заключавшегося на двух языках. В русском его варианте говорилось, что в случае повышения стоимости керосина пароходство обязано уведомить об этом Дирекцию сербских монополий не позже января, поскольку в договоре с фирмой братьев Нобель «имелось обязательство назначать Обществу цену на керосин ежегодно, в январе». Соответствующее уведомление поступило в конце января 1896 г. Однако в сербском варианте контракта, подготовленном сотрудником одной из правительственных газет, было сказано, что уведомлять об изменении цены следует до января. На основании этого разночтения Дирекция отказалась платить по новым расценкам, и Черноморско-Дунайскому пароходству пришлось поставить в 1896 г. около 200 тыс. пудов керосина на прежних условиях, потеряв на этом более 30 тыс. руб. (Там же, л. 3–4).

¹⁵ Там же, д. 9031, л. 10.

возобновить ещё на четыре года «самостоятельное существование Общества на старых основаниях, с выдачей ему как поимовой платы, так и единовременного пособия на ремонт разрушающихся и приобретение новых судов»¹⁶. До 1901 г. правление получало долгосрочные ссуды на 100 тыс. руб., поимовая плата устанавливалась в 3,46 коп. «за каждую пройденную по кратчайшему пути милю, а всего в год не свыше 313 180 руб.»¹⁷. Кроме того, на ремонтные работы и покупку парохода для линии Батум—Галац выделялось ещё 340 тыс. руб. Причём обратные рейсы могли перевозить австрийский и румынский лес, использовавшийся для изготовления керосиновых ящиков.

Наблюдая за политическими кризисами, сотрясавшими Сербию в 1880—1890-х гг., в Петербурге искали способы восстановить своё влияние в Белграде. В марте 1893 г. вице-директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Тимирязев писал своему непосредственному начальнику В.И. Ковалевскому: «Сербские министры, как прежние радикальные, так и нынешние либеральные, весьма проникнуты мыслью, что кроме Солуни, подвоз к которому затрудняется высоким тарифом железной дороги, находящейся в австрийских руках, необходимо для освобождения страны от экономического гнёта соседней державы, открыть другой, независимый выход к морю, что может быть достигнуто путём тесной связи сербского на Дунае судоходного предприятия с русским»¹⁸. Вскоре МИД предписал посланнику А.И. Персиани войти в переговоры с сербским правительством об установлении сообщения по Дунаю, «не придавая этому делу какое-либо политическое значение, оставляя за ним исключительно коммерческий характер»¹⁹. В июле 1893 г. был составлен соответствующий протокол, который рассматривался как неотъемлемая часть готовившегося договора о торговле и судоходстве, разрешавший свободный ввоз чая из России в обмен на обязательство Петербурга не вводить таможенную пошлину на сухую сливу. При этом Персиани отмечал: «До настоящего времени мы не являемся вовсе ввозителями в Сербию хлебного спирта, который привозится исключительно из Австрии... на будущее время мы заручились обещаниями сербского правительства, в случае введения государственной монопольной продажи, приобретать преимущественно в России не только петроль, но и хлебный спирт, соль и зажигательные спички»²⁰. В октябре 1893 г. при посредничестве Тимирязева специально командированного для этого в Белград, и министра торговли Р. Милошевича (выпускника Харьковского технологического института) соглашение о торговле и судоходстве было подписано. В марте 1894 г. в Одессе кн. Гагарин (владевший акциями сербского пароходства на 2 тыс. руб.) от имени Черноморско-Дунайского пароходства и В. Марович, представлявший правление Пароходного общества Сербии, договорились об установлении прямого сообщения через Кладово.

Однако политическая нестабильность препятствовала экономическому сотрудничеству. Так, российское правительство не решилось выкупить акции Королевского сербского общества судоходства. В 1891 г. оно попыталось разместить в России 3 тыс. акций, но подписка на них успеха не имела. Тогда в начале 1893 г., как писал Витте товарищу министра иностранных дел Н.П. Шишки-

¹⁶ Там же, д. 8395, л. 3.

¹⁷ Там же, л. 2 об.

¹⁸ Там же, д. 9029, л. 16.

¹⁹ Там же, л. 42.

²⁰ Там же, л. 46.

ну, «правление общества обратилось в Министерство финансов с прошением, в коем, объясняя, что треть общего числа выпускаемых для осуществления предприятия акций остаётся непомянутою, ходатайствовало об оказании со стороны нашего правительства содействия предприятию, приобретением этих акций на сумму одного милл[иона] франков. Командированный в Белград для переговоров о торговом соглашении с Сербией член совета министра тайный советник Тимирязев по поводу сего прошения объяснил согласно с мнением посланника нашего, тайного советника Персиани, что ходатайство сербского общества заслуживало бы внимания, так как, в случае отказа в просимом содействии, оно могло бы предложить с успехом свои акции, гарантированные правительством, на австрийских рынках, что для нас едва ли было желательным»²¹.

Но в Петербурге хотели получить определённые гарантии, а именно, чтобы «три четверти всех акций этого общества, за исключением тех, которые будут приобретены в России, были бы именными, а не на предъявителя, и с правом перевода исключительно сербским подданным». Кроме того, Витте настаивал на включении в состав правления «акционеров-иностранцев, владеющих акциями на сумму свыше одного миллиона франков, т.е. русских акционеров»²². Это могло бы сделать Российскую империю мажоритарным акционером сербского пароходства, что сулило не только коммерческие, но и политические выгоды.

В декабре 1893 г. возглавлявший правительство генерал С. Груич дал согласие на эти требования и обещал, что пароходное общество «не далее, как через один месяц внесёт изменённый в их смысле устав на утверждение общего собрания акционеров, причём окончательная санкция со стороны сего последнего не подлежит сомнению». Уведомляя об этом, Персиани добавлял: «Сербское правительство обращается при этом с настоятельною просьбою к императорскому правительству, чтобы обещанный миллион франков, представляющий стоимость приобретаемых нами 500-франковых акций, был в возможно скорейшем времени отчислен на означенный предмет, таким образом, чтобы деньги эти могли быть переведены на имя сербского общества судоходства взамен акций немедленно по утверждении общим собранием акционеров нового устава. Действительно, помянутый миллион франков необходим для оплаты, до открытия навигации 1894 года, заказанных обществом за границей пароходов и барж. В случае запоздания этих денег общество не будет в состоянии открыть правильные рейсы, а таким образом потерпят ущерб и интересы нашего Черноморско-Дунайского пароходного общества, вошедшего в соглашение с сербским по передаче грузов»²³.

Впрочем, в январе 1894 г. Витте рассуждал уже по-другому. «Ныне, однако, — говорилось в его записке главе МИД Н.К. Гирсу, — политическое положение в королевстве совершенно изменилось, и призванное к власти министерство никакого ручательства в том, что вновь возникающее сербское пароходное предприятие не войдёт предпочтительно в сделку с венгерским пароходством на Дунае, в ущерб преследуемым нами целям. Посему, опасаясь, чтобы поддержка нами помянутого предприятия не оказалась для наших интересов бесполезною, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах было бы, быть может, наиболее благоразумным воздержаться вовсе от приобретения акций помяну-

²¹ Там же, л. 2—5 об.

²² Там же, л. 59—60 об.

²³ Там же, л. 66—67.

того сербского общества». Тем не менее Витте полагал «ввиду изъявленного ранее согласия неудобным отказаться ныне от обещанного денежного участия в сербском пароходном предприятии». Поэтому он выдвигал новое требование, настаивая на одобрении уставных изменений не только собранием акционеров, но и скупщиной, «так как нельзя довольствоваться в сем отношении обещанием, изъявленным правлением общества. Притом, согласно условиям, изложенным в ходатайстве самого общества, уплате подлежит лишь половинная стоимость акций, и следовательно, нам предстояло бы ныне отпустить Обществу не миллион, а всего 500 000 франков, остальная же оплата акций должна производиться дополнительными взносами, наравне и единовременно с прочими акционерами предприятия»²⁴. Затруднение вызвало и «введение в состав правления сербского пароходного общества представителя русских акционеров», нуждавшееся в утверждении скупщиной. В сербском пароходстве были готовы «выбрать в члены правления представителем русских акционеров того из сербских подданных, на кого укажет императорское правительство». Персиани рекомендовал на этот пост Милошевича. Но Витте решительно выступил против подобного варианта. Несмотря на возражения и ходатайства Персиани²⁵, сделка не состоялась.

Осторожность Витте была далеко не беспочвенной. Во всяком случае, в 1890-х гг. между Черноморско-Дунайским пароходством и Дирекцией сербских монополий не раз возникали существенные разногласия. Так, в 1896 г. Дирекция не только задержала на два с половиной месяца арендную плату за наливную станцию, но и отказалась платить неустойку (10 тыс. руб.) за несвоевременную выгрузку русских барж, прибывших в Белград осенью 1895 г. и вынужденных там зимовать²⁶. Строительство в 1896 г. собственного керосинового резервуара, соединённого трубопроводом с наливной станцией русского пароходства, позволило Дирекции осуществлять перекачку керосина по своему усмотрению, а Черноморско-Дунайское пароходство, лишившееся дохода от штрафов за задержку барж, называло это самовольным распоряжением чужим имуществом. Русская миссия в Белграде даже направила в сербский МИД соответствующую ноту, призывая «удовлетворить справедливые требования нашего пароходства», поскольку «в противном случае может окончательно поколебаться в наших высших сферах доверие всякого рода к деловым договорам и сношениям с Сербией». Подобные конфликты грозили расторжением керосинового контракта и передачей его поставок управлению венгерских правительственных железных дорог («Ungarische statsbahnen»). «Мы этого допустить не можем, — писал первый секретарь миссии в Белграде А.В. Неклюдов, — материальными жертвами русской казны создано и пересоздано предприятие русского пароходства на Дунае, которое помогает сербам бороться с монополией австрийско-венгерских обществ, которое сбивает в пользу Сербии цену фрахтов на сербский вывоз и ввоз и которое сулит Сербии ещё более существенных выгод с проведением Нишско-Радудевацкой (или Кладовской) железнодорожной линии. Следовательно, мы имеем право требовать от сербов известных жертв для подтверждения деятельности этого общества, тем более что жертвы эти, в конце концов, лишь кажущиеся; в самом деле, стоит только разрушиться

²⁴ Там же, л. 73–74.

²⁵ Там же, л. 83–86 об.

²⁶ Там же, д. 8963, л. 2–3.

русскому предприятию перевозки керосина по Дунаю в Сербию, и венгерская “Statsbahnen”, обеспечив собою монополию от этой перевозки, не замедлит увеличивать постоянно цену поставки, вознаграждая себя с лихвой за сделанные в начале уступки и сбавки»²⁷.

Так или иначе, на рубеже XIX–XX вв. Черноморско-Дунайское пароходство оставалось убыточным. Его и без того плачевное положение ещё более осложнилось после того, как в 1900 г. товарищество Нобеля повысило отпускную цену керосина с 35–40 до 55 коп. за пуд, что не только сделало его перевозку убыточной, но и грозило расторжением монопольного контракта с Белградом и вытеснением России с сербского керосинового рынка. Лишь благодаря личному вмешательству товарища министра финансов Ковалевского отпускную цену удалось снизить. В своём докладе 11 апреля 1902 г. правление пароходства, оправдывая убытки, заявляло, что считало торговлю керосином, который «при своих высоких качествах, с успехом может вытеснить с германских рынков всякий другой», «делом государственной важности, открывающим к тому же широкие горизонты и патриотической, и коммерческой деятельности общества, для коей оно обладает вполне оборудованным составом наливных станций и керосино-перевозочных средств». При этом «стремления правления парализовались, однако, как инертностью русских керосинозаводчиков, так и последовавшим затем непомерным повышением цен на русский керосин, что и даёт ныне возможность не только американскому керосину владеть рынками Германии, но и румынскому и галицийскому керосинам, самым худшим из керосинов по качеству, прочно утвердиться на румынских и австро-венгерских рынках и даже вторгаться в сферы распространения американского и русского керосинов, в Германию, Болгарию и Сербию, для каковой цели образовавшаяся в Румынии керосиновая компания “Stella Romana” устроила в Регенсбурге и Журжеве специальные склады и резервуары, откуда и заливает Баварию и Болгарию собственным продуктом»²⁸. Ситуация усугублялась ростом цен на каменный уголь, вследствие чего Общество переплатило за навигацию 28 тыс. руб.

Как отмечалось в докладе правления, повышение отпускной цены на керосин «возымело фактически пагубное для интересов его вывоза действие, так как сербы, для коих перевозка керосина в ящиках по контракту не обязательна и составляет дополнительную статью, но которым, в течение трёх предшествовавших лет новое правление успевало сбывать ежегодно по 30 000 ящиков, выручая при этом до 60 коп. прибыли за ящик, теперь совершенно отказались от покупки чрезмерно вздорожавшего ящичного керосина в России, а керосиноочистительный завод венгерских правительственных железных дорог в Базиаше, выписывавший в прежние годы от 100 до 200 тысяч пудов дистиллята, ныне также прекратил сношение с Обществом и довольствуется для своего производства галицийской нефтью, как несравненно более дешёвой; такая же участь постигла и дело поставки Обществом дистиллята в Орсову для нужд местных керосиноочистительных компаний, получавших в прошлые годы от 200 до 400 тысяч пудов в год». В итоге «вздорожание цены русского керосина за последние годы отразилось общим уменьшением годовых доходов Общества от керосиновых операций в сумме до 45 тыс. руб. по совершенно независимым от

²⁷ Там же, л. 19.

²⁸ Там же, д. 9031, л. 105.

правления причинам». В 1900 г. поступления от них сократились до 47786 руб. 56 коп.²⁹

В этой ситуации конкурировать с австрийскими и венгерскими пароходными компаниями, с их удобными и быстроходными пароходами, приспособленными прежде всего для перевозки пассажиров, и множеством буксиров и барж, было крайне сложно. В то же время молодое румынское пароходство, находившееся на балансе правительства и пользовавшееся его поддержкой, всячески навязывало свои услуги как местным, так и иностранным торговцам. Лоббируя интересы собственной компании, власти прибегали к административным и карантинным мерам, налагали штрафы, увеличивали таможенные и прочие сборы, тогда как «лицам, отправлявшим свои грузы на румынских судах, наоборот, не только предоставлялись всевозможные льготы, но и при переотправке товаров по железным дорогам внутрь страны делалась скидка в 50%»³⁰. Весной 1899 г. правительство Г.Г. Кантакузино запретительными мерами существенно ограничило ввоз рыбы из Каспия, что нанесло удар «не только Обществу, лишив его части вывозимых из Одессы в румынские порты грузов солёной волжской рыбы, но и русскому экспорту, так как астраханские рыбопромышленники теперь вынуждены прекратить заготовление для Румынии рыбы весеннего улова (как известно, потребляемые румынами сорта рыбы, так называемой молдавки, низшего качества, не имеют никакого спроса не только в России, но и где-либо, кроме Румынии)»³¹. Болгарские и сербские власти также ущемляли интересы русского пароходства, «лишали его удобных береговых мест для причала в Видине, Сомовите и Радиевце»³², обложили отданное Обществу в безвозмездное пользование здание агентства в Рушуке ежегодной наёмной платой в размере 1200 фр[анков], требуя таковую же и за прошедшее время, в виду чего данное требование сделалось предметом судебного разбирательства, взыскивают подоходный налог не только со всех служащих Общества в болгарских портах, но и с самих агентств, вывесок и т.п.»³³. В апреле 1900 г. Кочетов писал вице-директору Первого (бывшего Азиатского) департамента МИД Н.Г. Гартвику: «Сербское правительство забывает, что пароходы наши имеют высокую честь носить на своих мачтах флаг Российской империи, а потому, исполняя строго сербские законы, не могут подвергаться сербской каре вдобавок за то, что сербская же администрация ничего не предпринимает для

²⁹ Там же, л. 106 об.

³⁰ Там же, л. 103.

³¹ Там же, л. 103 об.

³² В Радиевце власти отвели русскому пароходству вместо удобной пристани удалённый от таможи причал, что вызвало протест миссии в Белграде. Оправдывая это решение, Министерство финансов Сербии пояснило, что при распределении особой комиссией основным критерием «служило более или менее частое посещение означенного города пароходами отдельных обществ», и поскольку «чаще всего его посещают и более всего отвозят пассажиров и товаров пароходы австрийского общества», то и «ближайшее место к таможе отведено было австрийскому обществу», хотя «с согласия этого общества доступ к пристани его был вместе с тем объявлен свободным для пароходов других обществ». При этом особо указывалось на то, что число рейсов русского пароходства «является наименьшим и количество привозимых и отвозимых товаров наименее значительным», и «тогда как у других обществ имеются устроенные пристани», оно «поставило лишь один причал», а само место заросло ивняком. Тем не менее, благодаря усилиям Кочетова, Общество вернуло себе в Радиевце прежнее место (Там же, д. 8963, л. 31–38).

³³ Там же, д. 9031, л. 104 об.

расширения экономических сношений между Россией и Сербией в ущерб своему же государству»³⁴.

И всё же благодаря стараниям посланника Н.В. Чарыкова сотрудничество удалось возобновить, наладив прямое сообщение между Сербией и Россией «при посредстве Общества и Сербского пароходства»³⁵. В июне 1901 г. при участии Чарыкова и посредничестве Кочетова в Белграде состоялось подписание прелиминарного соглашения о сотрудничестве двух пароходств, в апреле 1902 г. одобренного правительствами обеих стран. Товарооборот между Россией и Сербией существенно вырос³⁶. В апреле 1902 г. Чарыков сообщал, что валовый доход Сербского пароходства за 1901 г. составил 1031786 франков, и «благодаря покупке ещё одного пассажирского парохода, Общество получило возможность производить с начала нынешней навигации рейсы до Радуевца по два раза в неделю, соответственно таковые же нашего общества». Пароходы «Св. Сергей» и «Александр I» продолжали поставлять русский наливной керосин, хотя в ящиках его уже не ввозили³⁷.

Тем временем в феврале 1902 г. венское правительство заключило с австрийским пароходным обществом соглашение на 25 лет, предоставив ему субсидию в 1,2 млн крон (около 500 тыс. руб.) и льготные тарифы³⁸. В том же году истёк срок австро-сербского торгового договора 1892 г. Чарыкову казалось, что это «принуждает сербов искать других рынков, помимо Австро-Венгрии», и Сербия «намерена для сего широко пользоваться Дунаем, по которому ей обеспечен свободный дешёвый доступ к морским гаваням Галаца и Браила, благодаря соглашению с местным русским пароходством»³⁹.

10 января 1902 г. Комиссия «по вопросу об условиях дальнейшего после 1902 года содержания срочных сообщений между Одессой и дунайскими портами», заседавшая под председательством вел. кн. Александра Михайловича, констатировала, что «предприятия различных государств работают на Дунае в несомненный убыток и не могли бы оправдать никаких коммерческих расчётов. Крупные затраты четырёх придунайских правительств по поддержанию этих пароходств с особенной яркостью свидетельствуют о том, что правительства эти руководствуются в своих действиях не торговыми, а политическими

³⁴ Там же, д. 8963, л. 36.

³⁵ Там же, д. 9031, л. 104 об.

³⁶ По мнению Ю.М. Галкиной, «аграрная Сербия не нуждалась в аграрных товарах России, которая толком ничего больше не могла предложить» (*Галкина Ю.М. Русское Дунайское пароходство... С. 94*). Однако, как указывал Чарыков, к окончанию навигации 1901 г. русские и сербские пароходы перевезли 122 809 кг рыбы, 42 684 кг минерального масла, 560 кг чая, 407 кг мануфактурных товаров, 6 321 кг смазочных масел для ружей, 228 кг книг, «и сверх того, последним экстренным рейсом — два вагона минерального масла и 14 ящиков чая». Тогда же «вниз по Дунаю, в Россию было отправлено 2 800 кг сливы». Весной 1902 г. по Дунаю предполагалось перевезти 50 т сахарной патоки и «крупные партии мясных консервов» (АВПРИ, ф. 146, оп. 495, д. 9029, л. 140).

³⁷ АВПРИ, ф. 146, оп. 495, д. 9029, л. 145.

³⁸ Там же, д. 8963, л. 1–1 об.

³⁹ Там же, ф. Политархив, д. 498, л. 73–74. В 1904 г. Сербия ввела новый таможенный тариф, а в 1905 г. заключила невыгодный для Австро-Венгрии торговый договор с Болгарией и Черногорией. В ответ Двудеиная монархия запретила ввоз на свою территорию продукции животноводства, составлявшей главную статью сербского экспорта, после чего Белград закрыл границу для австрийских промышленных товаров. Франция и Россия оказали ему экономическую поддержку. Таможенная («свиная») война 1906–1911 гг. закончилась фактическим поражением Австро-Венгрии, не сумевшей навязать свою волю соседнему государству.

соображениями»⁴⁰. При этом сам великий князь на том же заседании утверждал, что «в интересах русского правительства выступать теперь на Балканском полуострове явно, с активными задачами, не опасаясь последствий такого образа действий»⁴¹. А в составленной 15 марта 1902 г. справке Министерства финансов указывалось: «Необходимо, чтобы русское пароходство на Дунае было обставлено надлежащим образом, чтобы оно во всех отношениях могло производить впечатление достойное русского имени и принадлежащего ему в придунайских странах значения, и чтобы, в частности, качеством пароходов, числом рейсов, срочностью, удобством и комфортом сообщений как с Россией, так и между дунайскими портами, не только не уступало бы пароходствам других стран, но и превосходило бы их»⁴².

29 мая 1903 г. в Белграде произошёл кровавый военный переворот, отстранивший от власти династию Обреновичей. Вступивший на престол Пётр Карагеоргиевич сделал ставку на укрепление связей с Петербургом⁴³. Белград не скрывал заинтересованности в военных поставках из Российской империи, и в Сербию стал проникать крупный русский капитал. В этих условиях стратегическая роль русского судоходства по Дунаю существенно возросла. 10 июня 1903 г. Николай II повелел выкупить Общество Черноморско-Дунайского пароходства в казну.

Вновь учреждённое Русское Дунайское пароходство оказалось в ведении Главного управления торгового мореплавания и портов, которым с ноября 1902 г. руководил вел. кн. Александр Михайлович, а с осени 1905 г. отошло к Министерству торговли и промышленности. Действовавшее в Петербурге правление под председательством адмирала А.П. Кашеринина состояло из двух членов и представителя Государственного контроля, не имевшего решающего голоса. В Одессе находился управляющий пароходством генерал-майор Н.В. Черкасов, которому подчинялись главная контора и все агентства. С 1 сентября 1903 г. открылись линии Одесса—Измаил, Одесса—Вилково, Одесса—Карабия, Карабия—Кладово, Рени—Кладово, Батум—Галац, с заходом в Ризе и Трапезунд. По контракту, заключённому с сербской правительственной монополией, из Батума ежегодно доставлялись 300 тыс. пудов керосина, для чего были приобретены 12 наливных барж общей вместимостью около 200 тыс. пудов и построены три наливные станции — в Рени, Систове и Кладове. Новому предприятию досталось всё имущество прежнего Общества, включая 12 пароходов («Князь Гагарин», «Болгария», «Русь», «Святой Сергий», «Король Александр», «Бессарабец», «Граф Игнатъев», «Румыния», «Сербия», «Патриот», «Черногория», «Измаил»), 35 барж разного тоннажа, значительный запас разных материалов и инвентаря, а также 28 более или менее оборудо-

⁴⁰ Там же, ф. 146, оп. 495, д. 9031, л. 49. Характерно, что при учреждении нового казённого Русско-Дунайского пароходства, правительство преследовало исключительно политические цели. «Для достижения желаемых результатов, — говорилось в подготовленной по этому поводу записке, — правительству необходимо приносить значительные материальные жертвы, так как, по свидетельству компетентных ведомств и агентов Министерства иностранных дел за границей, прибылей от операций русского пароходства на Дунае ожидать нельзя» (Там же, д. 8395, л. 361).

⁴¹ Там же, д. 9031, л. 50.

⁴² Там же, л. 10—10 об.

⁴³ Подробнее см.: *Шемякин А.Л.* Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997. С. 156–157.

ванных агентств в русских, сербских, болгарских и румынских портах⁴⁴. На покупку и ремонт пароходов и барж и улучшение работы на линиях из казны единовременно было отпущено 966 тыс. руб. (с условием, чтобы новые суда приобретались в России). Ежегодное пособие, выделенное на 15 лет (с 1903 по 1917 г.), составило 416 тыс. руб., не считая сохранённой на 10 лет субсидии (313 180 руб. в год), которой ранее пользовалось акционерное общество⁴⁵.

Вскоре проданные изношенные суда «Русь», «Черногория», «Измаил», «Князь Гагарин» заменили пять товаро-пассажирских пароходов, среди которых выделялся «Моряк», вместимостью 1,5 тыс. т, ходивший из Батума в Галац. На линии Одесса—Рени появились две, а на прутской — десять новых барж. Это способствовало организации перевозки зерна, для которой на Прут спустили 30 мелкосидящих барж, буксир «Прут» и небольшой пароход «Патриот». Помимо этого, для транспортировки хлеба из Одессы пароходство приобрело четыре морские баржи и буксир «Вилково». Открылись агентства, пакгаузы и зернохранилища в Кагуле, Лео́ве и Фальчи. По линии Рени—Галац—Искача—Тульча—Измаил ежедневно начал курсировать удобный и современный пароход «Бессарабец».

Тем не менее в начале 1912 г. в правящих кругах империи размышляли о реорганизации данного предприятия «в связи с современными политическими и торгово-экономическими задачами России на Дунае»⁴⁶. Проведённая ревизия выявила у него те же проблемы, с которыми тщетно боролись его предшественники. Посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг сетовал на неприспособленность «Русского Дунайского пароходства для целей международной торговли». Во всяком случае, у дипломата не вызвала сомнений «полная невозможность, при существующей его организации, конкурировать с иностранными пароходными обществами, в руках коих сосредоточены все торговые операции по перевозке грузов по Дунаю»⁴⁷. В российском консульстве в Рушукe признавали, что при «настоящем положении нашего экспорта в Болгарию, который составляет не более 4—5% всего ввоза в эту страну, не может быть и речи ни о политическом, ни о экономическом каком-либо влиянии Русского Дунайского пароходства». В дипломатической переписке отмечалось, что пароходство «берёт несообразно высокие фрахты с русских товаров, идущих в Болгарию, чем, естественно, сильно тормозит развитие нашего вывоза». Могло даже показаться, что «Русское Дунайское пароходство является не проводником русского экспорта, а помощником развития немецкой торговли в Болгарии»⁴⁸.

Первая мировая война изменила все прежние планы. Но именно в 1914—1915 гг. убыточное Дунайское пароходство смогло поддержать престиж русского флага. Его судами и баржами доставлялись грузы в воюющую Сербию, а представительство в Одессе осуществляло доставку и оплату сербских военных заказов. Они прибывали по железной дороге в русский порт Рени в нижнем течении Дуная, откуда баржами доставлялись в сербский город Прахово, где перегружались в поезда, разъезжавшие по всему королевству. Обеспечивала

⁴⁴ Акционерам выплатили за него 1 031 899 руб. 55 коп.

⁴⁵ АВПРИ, ф. 146, оп. 495, д. 9032.

⁴⁶ Там же, л. 25 об.

⁴⁷ Там же, л. 41.

⁴⁸ Там же, л. 30—31.

эти операции Экспедиция особого назначения во главе с М.М. Весёлкиным⁴⁹. Агенты пароходства оказали ему существенную помощь. В середине октября 1914 г. Весёлкин писал в донесении: «Так как из всех людей, виденных мною в Одессе, самым осведомлённым о всём происходящем на Дунае и в придунайских государствах, оказался управляющий Русским Дунайским пароходством к[орпуса] и[нженеров-]м[ехаников флота] отставной полковник [М.П.] Ермаков, то я счёл необходимым пригласить его в состав Экспедиции для решения всех вопросов, связанных с плаванием по Дунаю, на месте и телеграфировал в Главный морской штаб о зачислении его на действительную службу с чином капитана 1-го ранга и оставлением на занимаемой должности»⁵⁰.

Два первых конвоя Экспедиции прибыли в Сербию 21 октября и 24 ноября 1914 г., доставив 32814 винтовочных боекомплектов и большое количество боеприпасов для артиллерии (24 тыс. снарядов калибра 75 мм, 4 тыс. — 80 мм, 6 тыс. — 120 мм, тысяча — 152 мм) и т.д.⁵¹ Поставки продолжались до осени 1915 г., когда под ударами австрийских и германских войск сербы потерпели военное поражение. После окончания Первой мировой войны оккупация Румынией Бессарабии на долгие годы положила конец российскому судоходству на Дунае.

⁴⁹ О деятельности Экспедиции особого назначения подробнее см.: *Тюриков С.В.* Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в 1914–1915 гг. СПб., 2015; *Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг.* / Сост. А.Ю. Тимофеев, Д. Кремиш. М., 2014; *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны 1914–1917. М., 2018; *Вишняков Я.В.* Дунайский гамбит. Русско-сербское военно-экономическое сотрудничество накануне и в годы Первой мировой войны // *Славянский альманах*. 2018. № 3–4. С. 103–126; *Вишняков Я.* На таласима Дунава: руско-српска војноекономска сарадња пре и у току првог светског рата // *Војно-историјски гласник*. 2019. № 2. С. 70–96; *Вишняков Я.В.* Дунайский транзит в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2020. № 3. С. 70–79.

⁵⁰ Донесение начальника Экспедиции особого назначения капитана 1-го ранга флигель-адъютанта Весёлкина о походе в Сербию, сентябрь–октябрь 1914 г. // *Россия на Сербском фронте Первой мировой войны...* С. 131.

⁵¹ Краткий обзор деятельности Экспедиции особого назначения, начиная с первого похода 1 октября 1914 года по 20 апреля 1915 года // *Россия на Сербском фронте Первой мировой войны...* С. 48.

Российский экспорт хлопчатобумажной ткани в Персию в XIX — начале XX в.

Гадила Корноухова

Russian export of cotton fabric to Persia in the 19th — early 20th century

Gadilya Kornoukhova
(*RUDN University, Moscow*)

DOI: 10.31857/S2949124X23030136, EDN: ERXIPC

В советской историографии было распространено стереотипное представление о пассивности российских предпринимателей конца XIX — начала XX в., занимавшихся экспортом в азиатские страны¹. В частности, В.Я. Лавёрычев утверждал, что их интерес к поставкам текстильной продукции «в значительной степени являлся результатом “подталкивания” со стороны царского правительства, стремившегося закрепить завоёвываемые политические позиции в странах Среднего и Ближнего Востока определёнными мерами экономического характера»². Активное проникновение в Персию российского государственного капитала было основательно изучено Б.В. Ананьичем³. Между тем в современной историографии появилось немало работ, в которых рассматривалась энергичная и инициативная деятельность купечества на внутреннем рынке⁴. Но характер их участия в международной торговле, в том числе с южными соседями, ещё нуждается в изучении.

Российские хлопчатобумажные ткани появились на персидском рынке после подписания Гюлистанского мирного договора в 1813 г. при благоприятных условиях: резкое ухудшение отношений Персии с Великобританией в 1819–1823 гг. привело к сокращению импорта британских товаров и позволило России

© 2023 г. Г.Г. Корноухова

¹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949; Семенов Г.Ф. Борьба московской «текстильной» буржуазии за рынки сбыта и экономическая политика царизма в конце XIX в. // Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX–XX вв. М., 1964 (Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Учёные записки. № 200). С. 95–144.

² Лавёрычев В.Я. К вопросу об особенностях экспорта тканей из России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1965. № 6. С. 60.

³ Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895–1914 гг. (по материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л., 1975.

⁴ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX века — 1914 год. М., 1992; Ульянова Г.Н. Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы // Экономическая история. Ежегодник. 2020 год. М., 2021. С. 170–203; Ульянова Г.Н. Преимущество как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX — начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115; Керов В.В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. Изд. 2. М., 2016; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; Петров Ю.А. Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. М., 2011; Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX — начало XX века): промышленная история России. Казань, 2015; Салихов Р.Р. Повседневная жизнь татарского промышленника первой половины XIX века (на примере Мукмина Хозясеитова) // Историческая этнология. Т. 1. 2016. № 2. С. 313–327; и др.

занять освободившуюся нишу. После этого среднегодовой русско-персидский торговый оборот в два с лишним раза превзошёл показатели 1814–1818 гг. В частности, экспорт хлопчатобумажных тканей к концу 1820-х гг. оценивался приблизительно в 3 млн руб.⁵ По свидетельству И.Ф. Бларамберга, до начала 1830-х гг. «Россия имела почти монополию на продажу ситцев в Персии»⁶. Однако в дальнейшем Британия восстановила свои позиции, что привело к постепенному вытеснению российских производителей: если в 1835–1837 гг. их товары ещё находили стабильный сбыт, то с 1840-х гг. в документах всё реже встречаются упоминания о ситце, нанке и т.п. В 1851–1853 гг. вывоз хлопчатобумажных тканей составил лишь десятую часть экспорта 1824–1826 гг.⁷

Торгово-экономическая экспансия Великобритании воспринималась в Петербурге с большой тревогой. Российские дипломаты искали способы изменить создавшееся положение⁸. В частности, консул в Астрабаде Ф.А. Бакулин обратил внимание на то, что почти вся российская торговля на севере Персии на рубеже 1860–1870-х гг. находилась в руках армянских коммерсантов, слабо обеспеченных финансовыми ресурсами. Это, по его мнению, не позволяло им закупать дорогостоящие товары в Центральной России и заставляло довольствоваться исключительно мелочной торговлей. Персидские же торговцы, имевшие в своём распоряжении значительные капиталы, предпочитали ввозить более дешёвый европейский текстиль. Для этого они учредили «до пяти контор», имевших непосредственные связи с Великобританией, Францией, Австрией и Турцией. Увеличение сбыта российских тканей дипломат считал возможным лишь в том случае, если торговля перейдёт в руки «людей со средствами» и «сведущих в коммерческом деле». Кроме того, важно было добиться соответствия экспортируемой продукции вкусам потребителей «не на основании каких-либо отвлечённых сведений о стране и её потребностях, но на основании образчиков и рисунков, высылаемых с местных рынков». Поэтому Бакулин настоятельно рекомендовал осуществлять поставки через собственных агентов, способных своевременно доставлять все необходимые сведения о текущей конъюнктуре — спросе, ценах и т.д. Следовало также учесть опыт британских торговых домов: почти каждый из них нанимал местного живописца, который ежедневно, занимаясь в конторе, за 9–15 руб. в месяц делал рисунки, посылавшиеся затем в Манчестер, где их отпечатывали или изменяли, соединяя несколько узоров в один. Имелись у англичан и специальные книги для наклейки образцов, где над каждым рисунком ставился номер, соответствовавший такому же на фабриках в Манчестере. Тем самым значительно облегчался способ идентификации ситцев, запрашивавшихся для отправки в Персию⁹. Все эти рекомендации, конечно, могли пригодиться купцам, желавшим улучшить ход своего дела, опираясь на собственные силы. Однако расширение российского экспорта сталкивалось в Персии с более серьёзными препятствиями, преодолеть которые можно было только при содействии со стороны правительства.

⁵ Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993. С. 119.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века (По материалам русских архивов). Саранск, 1977. С. 210–211.

⁸ Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения... С. 135.

⁹ Бакулин Ф.А. Очерк внешней торговли Азербайджана за 1870–1871 гг. // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. С. 208, 210, 212, 243.

Так, в консульских донесениях отмечалось, что главное преимущество британских тканей заключалось в их чрезвычайной дешевизне¹⁰. Добиться в этом отношении паритета подданным императора мешала, помимо прочего, политика, направленная на поощрение хлопкового производства в Средней Азии. С 1878 г. взимался дополнительный налог в 40 коп. с пуда на импортируемый хлопок-сырец, что способствовало удорожанию тканей в России¹¹. Указы 1846 и 1864 гг. для оживления торговли на Южном Кавказе разрешили беспошлинный транзит европейских грузов в Персию через Закавказье¹². Он существенно снижал конкурентоспособность отечественных товаров и фактически лишал смысла их вывоз в соседнее государство.

Впрочем, при сохранении ёмкости внутреннего рынка не только в первой половине XIX в., но и в 1860–1870-х гг., русское купечество не ощущало особой заинтересованности во внешних потребителях¹³. Лишь немногие фирмы направляли свою продукцию за рубеж. Так, в Тавризе продавался ситец Александровской фабрики Барановых из Владимирской губ. Он представлял собой красную ткань с белыми цветами, известную местным покупателям как «чити гулимашалла»¹⁴. В Астрабаде и в Хорасане к началу 1870-х гг. встречались ситцы фабрик И.П. Медведева, Т.С. Морозова и А.И. Антонова¹⁵. Но в целом, несмотря на отдельные успехи, экспорт российского текстиля в Персию оставался небольшим. Значительная часть того же тика, привезённая в Тавриз с Нижегородской ярмарки, годами лежала нераспроданной¹⁶.

К началу 1880-х гг. производительность хлопчатобумажной промышленности в России заметно возросла, о чём свидетельствовало увеличение объёмов потребления хлопка — с 3,5 млн пудов в 1870 г. до 6,1 млн пудов в 1880 г.¹⁷ Внутренний рынок быстро заполнялся отечественной продукцией. Характерно, что доля импорта в общем объёме всех находившихся в продаже хлопчатобумажных тканей сокращалась с 4% в 1870–1874 гг. до 2% в 1875–1879 гг.¹⁸ Неудивительно, что предприниматели стали задумываться о поставках за границу, которым по-прежнему препятствовал беспошлинный закавказский транзит европейских товаров в Персию, отменённый лишь в 1883 г.¹⁹

Собственную фабрику в Тегеране первым осмелился устроить Н.Н. Коншин. В 1884 г. он открыл там свой склад и приступил к завозу хлопчатобумажных тканей, которые продавались по образцам или наличным товаром. Однако торговля не приносила прибыли, и в 1890 г. её пришлось свернуть. Несмотря на это, отечественные предприниматели высоко оценили усилия Коншина,

¹⁰ АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 387, л. 310 об.—311.

¹¹ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 59.

¹² Подробнее см.: Морозова Т.Л. К истории отмены закавказского транзита // История СССР. 1977. № 3. С. 128–140.

¹³ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 59.

¹⁴ Бакулин Ф.А. Указ. соч. С. 241–242.

¹⁵ АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 387, л. 306 об.

¹⁶ Бакулин Ф.А. Указ. соч. С. 242.

¹⁷ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 543, л. 27 об.

¹⁸ Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1895. С. 5.

¹⁹ В апреле 1883 г. посланник в Персии А.А. Мельников перед отъездом в Тегеран неоднократно встречался с Т.С. Морозовым, убеждая его в необходимости расширения экспорта текстильных изделий. 21 апреля дипломат присутствовал на совещании в доме Морозова, где собрались крупные московские фабриканты (А.Д. Носов, А.Н. Морозов, А.И. Каретников и др.), проявившие интерес к развитию торговли с Персией (Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 60).

а Общество для содействия русской промышленности и торговле наградило его за деятельность в Персии медалью²⁰. Её результаты нашли отражение в «Краткой записке», знакомившей купцов с особенностями коммерции и спецификой потребительских вкусов на новом рынке²¹. Так, тюркскому населению Азербайджана импонировали несколько иные цвета и рисунки, нежели жителям юга. В целом же в Персии отдавали предпочтение цветочным рисункам, тогда как геометрические фигуры (шашки, многоугольники, полосы и т.д.) не пользовались популярностью. Белые полосы допускались лишь при окраске траурных тканей, но и те лучше раскупались с цветочным орнаментом (белым, зелёным, коричневым, синим и лиловым на чёрном фоне). При этом следовало избегать красного и розового цвета. Авторы записки особо указывали на то, что большинство английских ситцев не отличалось богатством красок: наличие двух–трёх цветов, по-видимому, вполне удовлетворяло покупателей. В России же при их окрашивании использовалась более разнообразная палитра, что повышало себестоимость²². Купцам рекомендовалось завозить бязь и миткаль, употреблявшиеся для белья и ручной набивки, а также специально изготовленные куски ситца с цельным узором и каймой вокруг (их брали для украшения зимних стёганных одеял, а также для скатертей и занавесок). В то же время льняное полотно, носовые платки, скатерти и салфетки приобретались лишь наиболее обеспеченной (и весьма немногочисленной) частью населения. Неходовыми также считались обивочные ткани, поскольку в Персии обычно сидели на полу — на соломенных матах, коврах и низких подушках (тахтах) и лишь немногие, подражая европейцам, приобретали мебель, обивка которой обеспечивалась британскими производителями (сильнее всего европейское влияние ощущалось в приграничных провинциях и в Тегеране)²³.

Интерес к опыту товарищества Коншина во многом объяснялся тем, что ещё в 1889 г. совет московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле констатировал начало перепроизводства хлопчатобумажных тканей, при котором «избыток товаров гнетёт наши рынки, выдвигая на очередь вопрос о расширении сбыта наших изделий в интересах развития национальных производств». Лучшим средством «устранения аномальных явлений», по мнению предпринимателей, являлось увеличение экспорта. Персия считалась для этого наиболее близкой и удобной страной²⁴. И если в 1883 г. вывоз туда российских хлопчатобумажных тканей едва достигал 5 200 пудов, то в 1887 г. он составлял уже 18 934 пудов, 1888 г. — 24 867, 1889 г. — 26 306, 1890 г. — 31 241 пуд. Таким образом, к концу десятилетия он вырос в шесть раз²⁵.

Но одновременно продолжалось и повышение пошлин на импортный хлопок: во второй половине 1880-х гг. они увеличились с 40 коп. до 1 руб. 15 коп. с пуда²⁶, а за 30 лет (1878–1908) — в 10 раз. О последствиях этого в газете «Утро

²⁰ Подробнее см.: Корноухова Г.Г. Торговая деятельность Н.Н. Коншина в Персии во второй половине 1880-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 791–802.

²¹ Краткая записка о результатах Русской промышленной выставки, открытой в 1890 году при тегеранской фактории Н.Н. Коншина, и о мерах, необходимых для развития наших торговых сношений с Персией. М., 1890.

²² Там же. С. 10–11.

²³ Там же. С. 8, 10–15.

²⁴ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 20.

²⁵ Фабрично-заводская промышленности и торговля России... С. 9.

²⁶ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 61.

России» писали: «Например, хлопок у нас обложен 4 руб. с пуда; допуская, что во всех остальных отношениях стоимость изготовления ткани у нас та же самая, что у наших конкурентов, мы всё же должны продавать пуд наших тканей на 4 руб. дороже, чем германские и английские мануфактуристы, получающие хлопок беспошлинно. А между тем при вывозе изделий последние не должны быть дороже иностранных»²⁷. Впрочем, ещё в 1892 г., после неоднократных обращений предпринимателей, правительство согласилось возвращать пошлины экспортёрам хлопчатобумажной ткани²⁸.

15 декабря 1893 г. на совещании в здании Московской биржи консул в Астрабаде Л.С. Кохановский призвал купцов активнее торговать с Персией. В 1884 г. на Нижегородской ярмарке аналогичное его обращение не нашло отклика, но теперь участники встречи демонстрировали заинтересованность. В частности, И.К. Поляков заявил, что если бы кто-то открыл склад в одном из крупных городов на севере Персии, то многие, включая и его самого, охотно давали бы свои товары на комиссию. Эту идею поддержали и другие представители текстильных компаний²⁹.

Так или иначе, в последнее десятилетие XIX в. экспорт отечественных хлопчатобумажных тканей заметно вырос. Если в 1870 г. их вывезли в Персию на 224 тыс. руб., а в 1880 г. — на 1 млн 158 тыс. руб.³⁰, то в 1891 г. — уже на 6,5, 1892 г. — на 8,5, 1893 г. — на 9,2 млн руб. Схожие показатели сохранялись и в 1895–1896 гг., а в 1897–1898 гг. стоимость экспорта достигла 11,9 млн руб. Опустившись в 1899 г. до 10,3 млн руб., в 1900 г. она вновь поднялась до 11,7 млн руб.³¹

Российские консулы на рубеже XIX–XX вв. не без удовольствия отмечали популярность российских тканей в Персии, но по-прежнему констатировали их недостаточную конкурентоспособность и напоминали о необходимости внимательнее знакомиться с местным ассортиментом, заботясь о «приспособлении» продукции к потребностям и вкусам покупателей (в том числе рекомендовалось увеличить ширину ситцев по примеру английских до 17¾ вершка)³².

Для изучения рынка правление товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве совместно с другими фирмами (В.Е. и А. Ясунинских, Барановых, В.Е. Морозова с сыновьями, Новой костромской льняной мануфактуры, Шерстяных изделий Торнтон и Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова) снарядило две экспедиции: осенью 1900 г. — в северные провинции, прилегающие к Каспийскому морю, а весной 1901 г. — в южные, на побережье Персидского залива³³.

Между тем 7 июня 1904 г., уступая промышленникам, правительство значительно повысило установленную в 1892 г. сумму возврата пошлин при вывозе отечественных тканей на внешний рынок. Для «суровых и белёных тканей» — с 1,3 до 5,45 руб., для окрашенных в «адрианопольский красный

²⁷ Торговые интересы в Персии (окончание) // Утро России. 1910. 23 ноября. № 307. С. 7.

²⁸ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 61–62.

²⁹ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 98, л. 71.

³⁰ Фёдоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903. С. 216.

³¹ Лавёрычев В.Я. Указ. соч. С. 62.

³² Фёдоров М.П. Указ. соч. С. 216.

³³ Экспорт ситца. Справочный материал. Товарищество мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1903. С. 45.

цвет» — с 1,85 до 6,25 руб., для прочих, включая набивные, — с 1,5 до 5,75 руб.³⁴ В августе 1904 г. «Торгово-промышленная газета» с энтузиазмом поддержала это решение, а в газете «Каспий» даже утверждалось, что «теперь господство на персидском рынке дешёвых русских мануфактурных товаров следует считать обеспеченным, так как наиболее опасный конкурент — английский мануфактурист — не может конкурировать с русским ни в отношении быстроты доставки, ни в отношении дешевизны наиболее ходких в Персии товаров»³⁵.

Однако эти ожидания не оправдались: в следующие пять лет объёмы поставок хлопчатобумажных тканей из России несколько снизились, а Великобритания в 1905–1909 гг. продолжала наращивать экспорт (см. табл. 1).

Таблица 1

Стоимость ввоза текстильных товаров в Персию (руб.)

	Россия	Великобритания
1905/1906 г.	8 389 012	12 579 199
1906/1907 г.	10 188 814	13 999 079
1907/1908 г.	8 769 833	16 565 367
1908/1909 г.	6 720 754	15 432 163

Составлено по: АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 1876, л. 577.

В условиях Первой русской революции и экономической депрессии производственные показатели хлопчатобумажной промышленности немного просели, но быстро восстановились и даже возросли. Так, если в 1890 г. на одного жителя приходилось 2,32 фунта вырабатывавшегося текстильными фабриками товара, то в 1895 г. — 2,86, 1900 г. — 3,5, 1901 г. — 3,6, 1904 г. — 3,8, 1905 г. — 3,4, 1906 г. — 3,7, 1907 г. — 3,8, 1908 г. — 3,9, а в 1909 г. — 4 фунта³⁶.

Вместе с тем, как сообщал консул в Бушире, беспорядки в России привели к тому, что текстиль подорожал, и этим пользовались конкуренты³⁷. Кроме того, в самой Персии в 1905–1911 гг. развернулись революционные волнения, охватившие прежде всего северные провинции страны, тогда как центральные и южные районы пострадали значительно меньше.

В мае 1910 г. предприниматели, создавшие в 1909 г. Русское экспортное товарищество, заявили о готовности «сдать экзамен на зрелость», «испытать свои силы и подготовку для состязания на международном рынке». По их словам, ими были «откинута личные эгоистические интересы», и теперь к своему делу они «подходили с точки зрения общегосударственной пользы». Ведь «если верно, что для достижения цели вообще нужно бороться, то в отношении экспорта это верно сто раз. Не следует забывать, что мы являемся на международном

³⁴ Баранов А.А. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России, в связи с таможенными тарифами. М., 1913. С. 113–114.

³⁵ Торговля с Персией // Каспий. 1904. 19 августа. № 188. С. 4.

³⁶ Баранов А.А. Указ. соч. С. 117–118.

³⁷ Л-н. Торговля России в Персидском заливе 1903–1913 гг. // Торговля СССР с Востоком. 1928. № 7–8. С. 27.

рынке с большим опозданием, и нужно много трудиться и бороться, чтобы занять подобающее место среди более старых конкурентов»³⁸.

Добиваясь повышения продаж, промышленники стали предоставлять скидку со стоимости товара на 25% и рассрочку его оплаты на шесть месяцев под 8% годовых³⁹. Однако они не жертвовали качеством продукции ради снижения её себестоимости, чем смогли обеспечить себе существенное преимущество. Рассуждая об этом, консул в Реште 11 августа 1910 г. сообщал: «Английский ситец хотя и превосходит русский красотой рисунка, но значительно уступает ему в добротности и выделке. В дюйме русского ситца 16 ниток, тогда как в английском 15 и меньше. Причём нитка русского ситца лучше по качеству и толще английских. Ввиду сего нет оснований предполагать, что наш ситец не может более конкурировать с английским. За последнее время в таких больших городах, как Тегеран, Решт, Тавриз, Мешед, появились продавцы и покупатели, не довольствующиеся всяким товаром ради одной его дешевизны, и уже замечается стремление к приобретению лучших сортов товаров, хотя бы и дорогих. Отсюда вполне естественно заключить, что усиленный спрос на русский ситец, как наилучший в Персии, несомненно, возникнет в недалёком будущем, и наш товар займёт своё место на рынках Персии»⁴⁰.

При этом, не довольствуясь освоением рынков на севере Персии, в Петербурге инициировали транспортировку товаров в южные провинции страны. 3 февраля 1901 г. Российское общество пароходства и торговли при содействии Министерства финансов отправило пароход «Корнилов» в первый рейс из Одессы в порты Персидского залива. На его борту находились товары Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и Прохоровской Трёхгорной мануфактуры⁴¹. В 1903 г. через Персидский залив завезли 22,4 т хлопчатобумажной ткани, 1904 г. — 93 т, 1905 г. — 159 т, но в 1906 г. — всего лишь 41,1 т⁴².

В том же 1906 г. Н.И. Прохоров передал в Московский биржевой комитет записку, в которой изложил собственный опыт торговли в Ширазе и Исфагане текстильным товаром, доставленным через южные порты. Фабрикант выделил на открытие там складских помещений «очень крупную сумму» и отнёсся «к делу распространения русской мануфактуры в Персии с особым вниманием». Благодаря высокому качеству и подходящей расцветке первые партии ткани разошлись быстро. Однако прибыли от их продажи фирма не получила, даже несмотря на то, что государство компенсировало пошлины: сказывались «громадные» расходы на содержание отделений и провоз груза от Москвы до пункта назначения (и в особенности от Бушира до Шираза и Исфагана через малодоступные склоны гор). Когда же в 1905—1906 гг. себестоимость продукции в России значительно повысилась из-за сокращения рабочего времени, увеличения заработной платы и подорожания топлива, Товариществу пришлось продавать свои изделия по «несомненно убыточным ценам», всеми силами стараясь избежать ликвидации предприятия. Правительство, несмотря

³⁸ Доклады совета Русского экспортного товарищества // Всероссийский съезд представителей русской торговли и промышленности по вопросу о развитии торговых сношений с Ближним Востоком. М., 1910. С. 318.

³⁹ АВПРИ, ф. 144, оп. 490, д. 19д, л. 204—204 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сенченко И.П. Российская империя, Аравия и Персидский залив. Коллекция историй. СПб., 2018. С. 77.

⁴² Л-н. Указ. соч. С. 27.

на крупные денежные затраты, по свидетельству Прохорова, не оказывало существенного влияния на положение дел. К тому же консулы зачастую бездействовали, и предпринимателям неоднократно приходилось жаловаться на них в Министерство торговли и промышленности⁴³.

Со своей стороны, британские коммерсанты, выдавливая конкурентов с рынков Южной Персии, начали подделывать российские образцы ситцев, намеренно ухудшая их качество. Всё это препятствовало росту поставок. Если в 1907 г. ввоз через порты Персидского залива несколько усилился и достиг 97,7 т, то в дальнейшем он резко сократился и составил в 1908 г. — 13 т, 1909 г. — 13,4, 1910 г. — 2,6, 1911 г. — 3, 1912 г. — 16,8, в 1913 г. — 0,8 т. По количеству завезённой на юг Персии хлопчатобумажной ткани в 1912–1913 гг. Россия сильно отставала не только от Великобритании, но и других стран. Стоимость её товара ограничивалась скромной суммой в 1200 фунтов стерлингов, тогда как британского достигала 469715, индийского — 88105, германского — 8822, турецкого — 1241 фунт стерлингов⁴⁴.

Российские предприниматели, познакомившись с особенностями рынков Центральной и Южной Персии, предлагали правительству закрепить свои позиции на севере страны и привести там в порядок транспортную инфраструктуру (порты в Энзели и Пир-Базаре, шоссейную дорогу до Тегерана и т.д.). Затем уже следовало двигаться в восточном и южном направлениях, постепенно проникая в торговые центры других регионов. «В силу географического положения, — писал Прохоров, — северная граница Персии представляет все преимущества для правильного развития прочных торговых сношений России с Персией, и все заботы правительства должны бы быть обращены на использование именно этого преимущественного положения... Такой план нам кажется тем более целесообразным, что именно север Персии представляет самый интересный в смысле покупательной способности рынок, несравненно более богатый, чем центральный район, не говоря уже о городах Южной Персии и в особенности портах Персидского залива. В поступательном движении с севера на юг нам не пришлось бы постоянно сталкиваться с параллельно двигающимся конкурентом, имеющим возможность вытеснить нас в любой момент, благодаря более удобному для него морскому сообщению»⁴⁵.

Но в целом, в деловых кругах рассчитывали на дальнейшее освоение персидского рынка. С 1909/1910 г. российский экспорт тканей неуклонно усиливался и в 1912/1913 г. даже превысил британский (см. табл. 2).

Это объяснялось ускоренными темпами роста промышленного производства. Если в общемировой индустрии в 1890–1912 гг. число прядильных веретён увеличилось только на 105%, а потребление хлопка на 114%, то в России соответственно — на 167 и 180%⁴⁶.

Большим подспорьем являлась и практика возврата пошлин на хлопок при вывозе тканей за границу. Газета «Утро России» писала в 1910 г., что от промышленников зависит техническое усовершенствование производства, ведущее к удешевлению товаров, но отнюдь не стоимость сырья, использованного для изготовления изделий. Она во многом определяется таможенным обложением, и освободить «от этих излишних привесков» способно только государство.

⁴³ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 192 об.—193.

⁴⁴ Л-н. Указ. соч. С. 27, 29.

⁴⁵ ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 193 об.

⁴⁶ Там же, д. 543, л. 26.

Когда же они устраняются, то отечественная продукция успешно выходит на внешние рынки, «как это и доказывается примером торговли России с Персией». Как признавались в газете, «благоприятным положением дел русская промышленность обязана тому, что при вывозе хлопчатобумажных тканей за-считывается пошлина, уплоченная фабрикантами за хлопок, употреблённый на изготовление этих тканей... Поэтому наши миткали оказываются в состоянии конкурировать с английскими»⁴⁷.

Таблица 2

Стоимость ввоза текстильных товаров в Иран (руб.)

	Россия	Великобритания
1908/1909 г.	6720754	15432163
1909/1910 г.	8523739	нет данных
1910/1911 г.	9481626	13860117
1911/1912 г.	11090569	14714310
1912/1913 г.	16179915	14238458

Составлено по: АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 1876, л. 577.

Положительную роль сыграло также Англо-русское соглашение 1907 г., после которого британцам пришлось отказаться от масштабного торгового присутствия на севере Персии и освободить местный рынок для беспрепятственного ввоза российских тканей. «Следует ли нам, русским, радоваться заключению англо-русского соглашения? — рассуждали в газете “Голос Москвы”. — Без сомнения, да»⁴⁸. По мнению редакции, интересы российской промышленности при этом не пострадали, поскольку для её экспансии на юге Персии «были сделаны только единичные попытки»⁴⁹, тогда как англичанам теперь «придётся оперировать только на определённой территории», конкурируя друг с другом или с немцами⁵⁰.

Таким образом, российские предприниматели долго не проявляли особого интереса к персидскому рынку, но после того как отечественная хлопчатобумажная промышленность достигла размеров, требовавших внешнего сбыта, купцы и правительство совместными усилиями смогли быстро закрепиться в северных провинциях Персии, превзойдя Великобританию по объёму ввозимой хлопчатобумажной продукции и приступив к экономическому освоению южных районов страны.

⁴⁷ Торговые интересы в Персии (окончание) // Утро России. 1910. 23 ноября. № 307. С. 7.

⁴⁸ Англо-русское соглашение // Голос Москвы. 1907. 22 августа. № 194. С. 2.

⁴⁹ Россия и Персия // Голос Москвы. 1907. 24 августа. № 196. С. 3.

⁵⁰ Англия и русско-английская конвенция // Голос Москвы. 1907. 26 августа. № 198. С. 3.

Лига наций на пути к войне: позиция СССР

Ирина Хормач

The League of Nations on the road to War: the position of the USSR

Irina Khormach

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030148, EDN: ESFNXP

Деятельность глобальных международных организаций имеет большое значение в современном мире, где возросла интеграция и взаимозависимость государств. Лига наций — предшественница ООН — также существенно влияла на жизнь большинства стран, характер их политических, экономических и других отношений. Она взяла под свой контроль значительную часть деятельности всего мирового сообщества — от сохранения Версальской системы международных отношений, решения конфликтов глобального и локального уровня, ограничения вооружений до оптимизации международной связи, транспорта, изучения вопросов здравоохранения, образования, спорта, интеллектуального сотрудничества и др. Но прежде всего Лига наций, согласно её Уставу, должна была заниматься вопросами обеспечения международной безопасности и урегулированием межгосударственных конфликтов. Эти проблемы и сегодня не потеряли своей актуальности.

Лиге наций уделялось большое внимание в исторической литературе. В трудах западных историков и политиков анализировались этапы развития Лиги, правовые основания её деятельности, рассматривались меры, предпринимавшиеся организацией по решению международных конфликтов и многие другие проблемы¹. В отечественной исторической науке также уделено серьёзное внимание вопросам, связанным с деятельностью Лиги наций и участием СССР в её работе². Однако многое не сказано о влиянии общей международной обстановки, политики отдельных стран, различных групп государств, социальных течений на деятельность Лиги наций. Между тем важно осознание причин перехода созданной для предотвращения передела мира и новых войн Лиги сна-

© 2023 г. И.А. Хормач

¹ См.: *Walters F.P.* A History of the League of Nations. Oxford, 1952; *Armstrong D.* The Rise of International Organization: A Short History. L., 1982; *Gill G.* The League of Nations: From 1929 to 1946. N.Y., 1996; *Thorne C.G.* The Limits of Foreign Policy: The West, The League and the Far Eastern Crisis of 1931–1933. N.Y., 1973; *Baer G.M.* The Test Case. Italy, Ethiopia and the League of Nations. Stanford, 1976; *Birn D.S.* The League of Nations Union. 1918–1945. Oxford, 1981; *Nirhedge F.S.* The League of Nations. Its Life and Times. 1920–1941. N.Y., 1986; *Grigorescu A.* Mapping the United Nations. League of Nations Analogs: Are there still Lessons to be Learned from the League // *Global Governance*. Vol. II. 2005. № 1. P. 25–42; *Eden A.* The Memoirs of Anthony Eden. Trilogy. Facing the Dictators. Boston, 1962; *The Reckoning*. L., 1965; *Full Circle*. Boston, 1966; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.

² См.: *Хайцман В.М.* СССР и проблема разоружения. М., 1959; *История дипломатии*. В 5 т. Изд. 2. Т. 3. М., 1965; Т. 4. М., 1975; *Илюхина Р.М.* Лига наций 1919–1934 гг. М., 1982; *Кораблёва Л.Ю.* Лига наций и урегулирование Чакского конфликта. 1928–1938 гг. М., 1986; *Ходнев А.С.* Международная организация в ожидании приговора? Лига наций в мировой политике. 1919–1946. Очерки истории. Ярославль, 1995; *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М., 2011; *Хормач И.А.* СССР в Лиге наций 1934–1939 гг. М., 2017; и др.

чала к политике уступок отдельным агрессорам, затем к признанию захватов фашистскими государствами независимых стран и, наконец, к прекращению противодействия мировой реакции из-за неспособности её членов в сложный момент пойти на компромисс в ряде вопросов и объединиться против агрессии. В этой связи необходимо не только обозначить позицию Советского Союза, но и раскрыть факторы, определявшие не всегда однозначные решения Москвы.

Позиция Кремля, трансформация политики Лиги наций, воздействие на её решения различных факторов отражены в материалах организации, документах, хранящихся в Архиве внешней политики РФ (фонды Лиги наций, народных комиссаров по иностранным делам и их заместителей, Договорно-правового отдела, Комиссии Литвинова и др.), РГАСПИ (фонд Политбюро ЦК ВКП(б)); публикациях внешнеполитических документов СССР и других стран.

Лига наций была первой глобальной международной организацией, созданной для сохранения мира. Она продолжила начинания Венского конгресса 1814–1815 г., на котором великие державы сделали определённые шаги по разработке системы коллективной безопасности, основанной на балансе сил, подготовили базис «европейского концерта», который просуществовал до 1914 г. После Первой мировой войны возникла необходимость в универсальном механизме, способствующем стабилизации международных отношений на основе договоров, заключённых на Парижской мирной конференции. В апреле 1919 г. был принят Устав Лиги наций как составная часть документов, оформлявших Версальскую систему. В нём декларировалась цель организации — развитие международного сотрудничества и достижение мира и безопасности, установление открытых, справедливых взаимоотношений между нациями. Для сохранения мира главной была задача ограничения вооружений до минимума, «совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств»³.

Не менее важной была задача противодействия нарушителям мира (ст. 10). В случае угрозы агрессии или её опасности Совет Лиги, состоявший из четырёх главных союзных и присоединившихся держав (Великобритания, Франция, Италия, Япония) и четырёх временных членов, должен был определить способы и пути восстановления порядка. В случае нарушения Устава или развязывания войны могла вступить в силу ст. 16, предусматривавшая коллективные экономические и финансовые санкции против агрессора. Лига наций не имела международных вооружённых сил, но при необходимости могла призвать государства оказать на нарушителя мира вооружённое воздействие, определённое Советом Лиги. Для решения международных споров и предотвращения возникновения войны по экономическим, финансовым и политическим причинам была создана система международных органов.

Разумеется, не всё удалось предусмотреть: отсутствие определения агрессора и агрессии затрудняло применение соответствующих статей, государства — виновники глобального конфликта ограничивались в правах и т.д. Лига наций, которую создали державы-победительницы, стремилась к сохранению статус-кво поделённого мира и не предусматривала решения проблем, нейтрализующих стремления побеждённых государств к реваншу. Тем не менее она должна была стать координационным центром и разрабатывать тактические средства мирного урегулирования международных конфликтов. Такая система

³ Версальский мирный договор. М., 1925. С. 9–10.

оказалась не в состоянии обеспечить устойчивое равновесие, но могла содействовать сотрудничеству многих стран и поддерживать мир. Объединив под своей эгидой большинство уже существовавших международных организаций и создав новые, она следила за равновесием и какое-то время удерживала побеждённые и обиженные государства от реализации ревизионистских планов. Лига проводила массу конференций, совещаний, региональных встреч и консультаций, чтобы решать политические, экономические и другие проблемы, стоявшие перед сообществом.

Советское руководство, ставившее во главу угла своей внешней политики сохранение мира, изначально выступало противником Лиги, которая, на его взгляд, представляла серьёзную опасность для государства с иным социальным строем. Но к целому ряду её мероприятий СССР относился позитивно и принимал в них активное участие задолго до вступления в организацию. В Москве приветствовались технические и финансово-экономические форумы разного уровня и направленности. Примером могут служить экономические конференции в Генуе и Гааге (1922), Женеве (1927) и Лондоне (1933), где при активном участии советских представителей обсуждались пути преодоления последствий войны и экономического кризиса, решались проблемы долгов, восстановления единого финансово-экономического организма на Европейском континенте. Они содействовали развитию интеграционных процессов, регулировали правовую базу для развития международной торговли, что было важно для укрепления мирового сообщества и расширения экономических связей. Это оздоравливало политический климат континента. Главную же роль в предотвращении нового передела мира нации придавали разоружению, что интересовало советское руководство в первую очередь, хотя оно многократно заявляло о неспособности Лиги наций справиться даже с незначительными проблемами политического характера. В первые годы существования организации такие утверждения были справедливы. Но постепенно организация крепла, в ней шла перегруппировка сил, позволившая Советскому Союзу расширить сотрудничество с её органами.

Условия сокращения вооружений следовало разработать Совету Лиги. В мае 1920 г. была создана Постоянная консультативная комиссия экспертов по вопросам военных, морских и воздушных вооружений для подготовки критериев разоружения⁴. В декабре того же года I Ассамблея Лиги наций образовала Временную смешанную комиссию для организации контроля над частным производством, торговлей оружием и разоружением. Одновременно при Генеральном секретариате Лиги начал функционировать Отдел разоружения. Эти органы держали под контролем вопросы производства оружия, состава полицейских и военных сил и расходов на них. В феврале 1922 г. по заданию II Ассамблеи Лиги наций представитель Великобритании лорд Р.Б. Эшер представил план пропорционального сокращения сухопутных и воздушных сил государств-участников в мирное время⁵. Таким образом, было положено начало планирования проведения разоружения.

Реальным шагом в прекращении гонки вооружений стали решения Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, рассмотрению тихоокеанских и дальневосточных вопросов (1921–1922). США, Англия, Япония, Франция и Италия подписали соответствующий Договор, которым

⁴ См. подробнее: *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество... С. 147–149.

⁵ *Международная жизнь.* 1925. № 1. С. 88–92.

устанавливалось соотношение размеров линейного флота. Противоречия между державами не устранялись, и по существу решался вопрос о перераспределении морских сил, однако договор несколько сдерживал гонку вооружений. Большим событием стала состоявшаяся в 1932–1934 гг. Международная конференция по разоружению. Предварительная работа велась около четырёх лет, а в 1925 г. начала работать Подготовительная комиссия конференции, которая в течение пяти лет занималась рассмотрением многочисленных предложений и программ, чтобы создать платформу для обеспечения мира и безопасности и найти компромиссный вариант Конвенции об ограничении вооружений.

Это был трудоёмкий процесс из-за противоречий в целях самих членов Лиги, а также приглашённых государств, в том числе СССР. Так, Англия стремилась добиться сокращения сухопутных вооружений Франции и поощряла возрождение Германии в качестве её противовеса. Франция боролась за военную гегемонию в Европе и сокращение морских вооружений Англии. На лидирующее положение претендовали также США, Италия, Япония, Германия. Причём Вашингтон хотел ограничить роль Лиги наций в Европе, ослабить морские силы Англии и Японии и сухопутную армию Франции, а Германия требовала восстановления равенства в вооружениях. СССР, со своей стороны, предлагал немедленно обсудить вопрос о всеобщем, полном разоружении или параллельном, пропорциональном сокращении вооружений всех стран, выдвигал конкретные инициативы⁶.

Эти разновекторные цели определяли позиции участников во время дискуссий. Никто не собирался разоружаться до тех пор, пока не почувствует себя в безопасности, но для каждой страны требовались особые гарантии от разных рисков. Учесть многочисленные и часто противоречившие друг другу требования было нереально, и вопрос о разоружении стоял только гипотетически. Именно поэтому предложение СССР решить его немедленно и кардинально поставило всех в замешательство. Представители многих стран с трибуны высоко оценивали представленную советской делегацией стройную программу всеобщего и полного разоружения, но всерьёз её не воспринимали. Делегаты подчёркивали, что Москва упрощает саму проблему разоружения и не понимает её сложности и многоплановости⁷. В процессе дискуссии решили, что речь может идти только о запрете на наиболее агрессивные виды оружия и о создании системы безопасности. Таким образом, сколько-нибудь значимых шагов по подготовке проекта действенной Конвенции сделано не было: предложение об одновременном разоружении отклонили, об одностороннем сокращении вооружений никто, естественно, не заговаривал, давать определение понятиям «агрессор» и «агрессия» не решились, чтобы самим не оказаться под ударом в случае недостаточно чёткой формулировки этих терминов.

Результатом работы Подготовительной комиссии стал проект Конвенции о разоружении и сокращении вооружений, в котором перечислялись рода войск и виды вооружений, подлежащие сокращению, но не было цифр и численных коэффициентов. Их следовало определить самим заинтересованным странам. Оговаривались военные расходы договаривающихся государств, но также неопределённо. Устанавливался порядок обмена военной информации

⁶ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. В 3 ч. Ч. 3. Вып. 1. М., 1928. С. 301–303.

⁷ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество... С. 310–313.

ей. Рассматривался вопрос о создании постоянной комиссии по разоружению. Советские делегаты отмечали, что западные страны лишили проект, и так не содержащий цифр, всякого значения, прикрывая им сохранение и увеличение существующих вооружений⁸. Руководство НКВД с ними соглашалось, подчёркивая, что проект не устанавливал, будут ли вооружения уменьшены, сохранены или увеличены⁹.

На конференции предполагалось доработать конвенцию, сделав её приемлемой для большинства государств, а также эффективной и реальной в применении. Но события развивались по другому сценарию. С 1932 г. по 1934 г. Конференция по разоружению при активном участии советской делегации дорабатывала проект и изучала новые предложения, чтобы на их основе заключить Конвенцию о сокращении вооружений. Однако это стало практически нереальным в связи с ухудшением международной ситуации — Япония, Германия и Италия пренебрегли обязательствами, закреплёнными в Уставе, и начали готовить радикальный передел мира, вступив в конфликт с международным сообществом.

В сентябре 1931 г. войска Японии вторглись в Северо-Восточный Китай. Лига наций, имея определённые возможности для пресечения агрессии, не воспользовалась ими — сказалось влияние ведущих держав, не заинтересованных в ухудшении отношений с Токио. Советское правительство, понимая трагизм ситуации и не являясь даже членом Лиги, не могло создать им противовес. Получив просьбу главы правительства Китая принять меры против агрессора, организация призвала обе стороны не допустить расширения конфликта. Затем под давлением Японии Совет Лиги наций попытался убедить китайское руководство эвакуировать войска с собственной территории. В ответ 16 ноября 1931 г. Чан Кайши потребовал применить к Японии санкции, но его не поддержали. Совет ограничился созданием «Комитета пяти» (Комиссия Литтона) для расследования инцидента и принял ряд резолюций, осуждавших действия Токио. По существу, эти решения Лиги стали первыми актами умиротворения агрессора, и последствия не заставили себя ждать. К концу 1931 г. японские войска захватили Северо-Восточный Китай, 18 февраля 1932 г. Токио провозгласил независимость Маньчжурии, а 1 марта объявил о создании независимого государства Маньчжоу-Го.

В марте 1932 г. специальная сессия Ассамблеи приняла две резолюции: 4 марта — с призывом к переговорам для урегулирования конфликта, и 11 марта — напоминавшую об обязанности членов Лиги действовать в рамках Устава¹⁰. Через полгода Комиссия Литтона, отметив факт нарушения Японией Устава Лиги наций, признала наличие её особых интересов в Маньчжурии. Только 24 февраля 1933 г. Ассамблея провозгласила незаконным захват Японией Маньчжурии, подтвердила суверенитет Китая над Северо-Восточными провинциями и обязала членов Лиги не признавать новое государство, но никаких мер против агрессора не приняла. В ответ правительство Японии заявило о выходе из организации и продолжило захват китайских территорий. Таким образом, первый серьёзный конфликт, нанесший удар по Версальско-Вашингтонской

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 13. М., 1967. С. 713.

⁹ АВП РФ, ф. 54, оп. 11, д. 12, л. 1–2.

¹⁰ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 6. М., 1932. С. 198–200.

системе, не получил разрешения в Лиге наций, хотя имелись определённые возможности для оказания отпора агрессору.

В этой ситуации поиски Конференцией по разоружению формулы, которая могла бы объединить страны и создать реальные гарантии безопасности, стали практически безнадежны. Ещё до её открытия ряд правительств уведомили Совет Лиги, что имеющиеся национальные вооружённые силы недостаточны для обеспечения независимости государств и не подлежат сокращению, а некоторые настаивали на их увеличении в связи с угрозой нападения со стороны соседей. Остальные члены Лиги, пока обсуждался вопрос о сокращении вооружений, по возможности занимались перевооружением своих армий. Одна за другой делегации передвигали центр тяжести работ конференции с сокращения вооружений на обеспечение безопасности. Франция 5 февраля 1932 г. выдвинула «план Тардье», предусматривавший участие всех стран в санкциях и создание армии Лиги из средств нападения её членов (бомбардировщиков, дальноточной артиллерии, линейных судов и больших подводных лодок) и международных полицейских сил. Эти меры, а также арбитраж и принятие формулы определения агрессора ставились условием определённого ограничения вооружений¹¹. Его поддерживали некоторые участники конференции. Но советские дипломаты считали, что «план Тардье» не предоставляет достаточной гарантии защиты слабых государств и жертв агрессии и не соответствует интересам СССР. Ещё меньше Москву привлекали планы Германии и её сателлитов, требовавших равенства в правах на вооружение. Не устраивало её и предложение Великобритании принять за основу проект Подготовительной комиссии, так как он не предусматривал разоружения в рамках, обеспечивающих одинаковую безопасность всех государств. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов предложил взять за основу советский проект конвенции о полном и всеобщем разоружении, выдвинутый делегацией ещё в 1928 г. Но его не поддерживали, как и многие позитивные инициативы других стран, поскольку готовился компромиссный вариант проекта, учитывавший даже требования Германии и других разоружённых по мирным договорам стран предоставить равноправие в вооружениях в рамках системы безопасности.

Приход к власти в Германии нацистов 30 января 1933 г., требования Берлина ликвидировать Версальский договор и восстановить границы страны 1914 г., её заявления об уходе с Конференции по разоружению (14 октября), о выходе из Лиги наций (19 октября), а затем и начало ремилитаризации страны в корне изменили международную ситуацию. Вопрос о сокращении вооружений стал неактуальным, а реальное разоружение — невозможным.

В обстановке дальнейшего обострения ситуации на Дальнем Востоке и нарастания угрозы войны в центре Европы Конференция по разоружению превращалась «в место империалистического торга за военные преимущества и борьбы за расстановку сил накануне Второй мировой войны»¹². В результате её отложили до лучших времён, не приняв конвенции, так как ни один из участников форума в тот тревожный период не был заинтересован в разоружении.

Таким образом, разоружение и сокращение вооружений было снято с повестки дня. Результаты многолетней работы по стабилизации обстановки и поиску компромиссов в связи с изменившейся ситуацией оказались невоз-

¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 406.

¹² Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения. М., 1959. С. 364–365.

требуемыми. Но оставалась вторая составляющая сохранения мира — коллективная борьба с агрессией или её угрозой, зафиксированная в статьях 10, 15 и 16 Устава. Именно на неё обратило внимание советское правительство в период начавшейся перегруппировки сил в Европе и сплочения реваншистски настроенных государств. Изменив своё отношение к международной организации и воспринимая теперь её как реальное орудие борьбы с агрессией и арену для объединения миролюбивых сил, СССР решил вступить в Лигу в целях использования её возможностей для создания системы безопасности и пресечения попыток передела мира.

До этого времени советское руководство оценивало её миротворческую деятельность, согласно формулировке Г.В. Чичерина, следующим образом: «Лига — это организованное бессилие»¹³. Более того, Москва считала Лигу злонамеренной организацией, стремящейся использовать свою власть для посягательств на права и независимость других народов. Но постепенно, с изменением международной обстановки и ростом мощи и влияния СССР, появилось понимание, каким образом можно использовать её возможности. Разумеется, Лига проводила свою политику с позиции сильнейших государств и их союзников, учитывалась и возможность опасных последствий беззаконности. Но были и успехи. В 1920-х гг. Лиге удалось более или менее удачно урегулировать целый ряд конфликтов: спор Швеции и Финляндии относительно принадлежности Аландских островов; польско-литовский и балканские конфликты; спор между Боливией и Перу и др. Несомненно, советское руководство имело основания критиковать способы решения Лигой конфликтов, но, утратив эту арену, средние, малые, зависимые и прочие не обладавшие существенным международным авторитетом государства лишились бы в целом неплохо отлаженного механизма для рассмотрения международных споров. Осознание особенностей деятельности Лиги позволило правительству СССР в начале 1930-х гг. согласиться с необходимостью сотрудничества с ней, как с целью воздействия на решения организации для укрепления положения страны, так и для влияния на общую ситуацию в мире. Правительство сочло, что после выхода из Лиги наций Японии и Германии СССР мог бы играть в ней одну из руководящих ролей и использовать её в интересах своей безопасности.

Советский Союз вступил в Лигу наций в сентябре 1934 г. и сразу включился в её работу по обеспечению мира, привнося массу предложений (часто с пропагандистской политической подоплёкой). Далеко не все инициативы Москвы воспринимались положительно, но, несомненно, Советское государство стало одним из самых авторитетных и влиятельных членов организации в чрезвычайно сложной международной обстановке второй половины 1930-х гг.

Вскоре для советского руководства появилась реальная возможность проявить себя в борьбе с агрессией: на путь вооружённого передела мира вступила фашистская Италия. В течение 1934 г. она неоднократно провоцировала вооружённые столкновения на границах своих колоний с Эфиопией. В декабре Аддис-Абеба направила Генеральному секретарю Лиги жалобу на Италию и предложила создать комиссию для разрешения конфликта, но не получила поддержки. Рим активизировал подготовку к войне, одновременно поддерживая действия Германии, направленные на пересмотр Версальской системы. В результате А. Гитлер заявил о незаинтересованности Берлина в Эфиопии

¹³ Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 97.

и отказался участвовать в возможных акциях против Италии. Франция, со своей стороны, согласилась предоставить Б. Муссолини свободу действий в обмен на поддержку её политики в Восточной Европе. Великобритания выразила готовность удовлетворить колониальные притязания Италии за счёт Эфиопии, надеясь договориться с Римом о присоединении к своим владениям северо-западной её части¹⁴.

Жалоба Аддис-Абебы обсуждалась на сессии Совета Лиги 19 января 1935 г., и сторонам предложили договориться об арбитраже или прийти к компромиссному соглашению. Но двусторонние переговоры не увенчались успехом, и Эфиопия вновь обратилась в международную организацию с просьбой рассмотреть создавшуюся ситуацию. Однако правительство Муссолини сумело избежать вмешательства Лиги, а Англия и Франция решили устраниваться — для них участие Италии в создании фронта, направленного против эвентуальной агрессии Германии, оказалось важнее. Советское руководство это понимало и восприняло решения Лондона и Парижа без возражений.

11 мая император Эфиопии Хайле Селассие I сам обратился в Лигу, настаивая на проведении коллективных санкций в отношении Италии в соответствии со ст. 16 Устава. Но пока война не затронула интересы держав, они помогать не спешили. Муссолини успешно провёл мобилизацию сил для войны в Восточной Африке и получил всё необходимое для её быстрого и победоносного завершения, причём значительную часть стратегических материалов и оружия Италии поставили Англия, Франция, США и Германия. Эфиопия же была лишена возможности закупать оружие — те же державы ей отказали, а СССР не имел с ней даже дипломатических отношений¹⁵.

Многочисленные обращения эфиопского правительства к Лиге с жалобами на Италию не принесли результатов, и 3 сентября третейский суд принял решение, что ни Италия, ни Эфиопия не ответственны за инцидент. На следующий день советский представитель призвал Совет использовать все средства, чтобы избежать вооружённого конфликта между двумя членами организации¹⁶. XVI Ассамблея Лиги наций (сентябрь 1935 г.) занялась этим вопросом, но всё ограничилось только призывами сохранять мир и соблюдать Устав. 3 октября итальянские войска вторглись в Эфиопию. Италия была признана агрессором, в отношении которого Совет рекомендовал применить экономические санкции в соответствии со ст. 16 Устава. Был образован Комитет координации для согласования мер по применению санкций, который принял постановления об эмбарго на вывоз и транзит оружия, отправляемого в Италию, снятии эмбарго на вывоз и транзит оружия в Эфиопию. Договорились о финансовом бойкоте Италии, запрете на импорт из неё любых товаров, эмбарго на вычужных животных и на некоторое сырьё, а также о взаимопомощи государств, участвующих в санкциях.

Полное проведение санкций членами Лиги и присоединившимися государствами могло вынудить Муссолини прекратить войну, так как Италия почти не имела своего сырья и импортировала 98% потребляемого ею угля и нефтепродуктов. Однако под давлением стран, не заинтересованных в ухудшении отношений с Римом, координационный комитет существенно ограничил объ-

¹⁴ Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 2. Vol. 14. P. VII, 90–92.

¹⁵ Корсун Н. Г. Итало-абиссинская война 1935–1936 гг. М., 1939. С. 18–20.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 494–496.

ём мероприятий, которые следовало применить к агрессору, — постановил не вводить военных санкций, а экономические и финансовые проводить постепенно, сократил список сырьевых товаров, рекомендуемых к эмбарго на вывоз в Италию. Нефтяные санкции вообще не были введены.

Решения Лиги осложнили положение Италии, но их оказалось недостаточно, чтобы принудить её прекратить войну. Тем не менее советское правительство отмечало, что сам факт введения санкций имел большое политическое значение и рассматривало их как урок более опасному потенциальному нарушителю порядка — Германии. Берлин, убедившись в относительной безнаказанности итальянской агрессии, 7 марта 1936 г., ввёл войска в Рейнскую область. При этом западные державы даже не заявили протеста. 20 марта Совет Лиги принял резолюцию, которая ограничилась признанием факта нарушения Германией послевоенных договорённостей, а 21 марта Гитлер провозгласил, что «дух Версальского договора уничтожен»¹⁷.

Действия Германии переключили внимание большинства государств с Эфиопии на Рейн и повысили в глазах Англии, Франции и СССР значение Италии как союзника в борьбе с немецкой агрессией. Это сказалось на экономических санкциях: эмбарго на поставки Италии оружия игнорировали семь стран, финансовые меры — восемь, отказались от экспорта в Италию запрещённых товаров десять, от импорта — тринадцать, или четверть всех членов Лиги. На протяжении войны Италия продолжала получать импорт через третьи страны, а итальянские товары поступали на многие рынки, в том числе английский и французский. Но Лондон и Париж сквозь пальцы смотрели на эти нарушения, не желая разрывать отношения с потенциальным союзником, пусть даже агрессором. Более того, британское правительство отклонило предложение морской блокады Италии и не закрыло Суэцкий канал для перевозки итальянских войск.

В то время как Италия сближалась с Германией на основе общности интересов в борьбе за передел мира, Лондон, Париж и их союзники продолжали надеяться, что Рим «насытится» захватом Эфиопии и вернётся к роли «хорошего европейца»¹⁸. Англия, Франция, а также Советский Союз заняли выжидательную позицию, и уже в мае итальянская армия одержала победу, прибегнув к использованию отравляющих газов и бомбардировке мирных поселений. 9 мая Муссолини объявил о победе и решении Большого фашистского совета считать Италию империей¹⁹.

1 июля на чрезвычайной сессии Лиги наций Литвинов констатировал, что «Лига не смогла обеспечить одному из своих сочленов в соответствии со статьёй 10 Устава его территориальную неприкосновенность и политическую независимость»²⁰. 4 июля Ассамблея постановила отказаться от дальнейшего применения санкций. Итог итало-эфиопской войны повлиял на ситуацию во всём мире. Безнаказанность агрессора привела к активизации экспансионистской политики Германии и Японии, дала толчок к подготовке нового

¹⁷ История дипломатии. Т. 3. М., 1945. С. 627.

¹⁸ Савинов А.В. Англо-итальянские отношения в период средиземноморского кризиса 1935—1936 гг. // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983. С. 119; Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. С. 219.

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 259.

²⁰ Там же. С. 329—335.

международного конфликта. Слабела вера во всеобщую систему коллективной безопасности.

Следующим потрясшим Европу событием 1936 г. стало вмешательство Германии и Италии в гражданскую войну в Испании на стороне франкистов. В феврале 1936 г. на выборах в парламент победил Народный фронт, было создано республиканское правительство во главе с М. Асаньи. Его реформы и возможность распространения коммунистических идей вызвали недовольство Италии и Германии, которые оказали помощь правым во главе с генералами Х. Санхурхо, Ф. Франко и М. Годедом, поднявшими мятеж 18 июля 1936 г. Борьба между республиканскими силами и мятежниками началась как гражданская война, но после вмешательства Германии, Португалии и Италии превратилась в войну международного значения.

Под предлогом защиты своих граждан гитлеровская Германия направила в Испанию две эскадры, а в испанское Марокко — 20 самолетов в помощь мятежникам марокканских частей. Осенью был переброшен добровольческий легион «Кондор» из 100 боевых самолётов и 4500 человек личного состава²¹. Италия также оказала поддержку мятежникам, надеясь на создание из трёх государств в центре, на юге и западе Европы ядра фашистского блока²².

Лондон и Париж не противодействовали и не протестовали против акций Италии и Германии, так как опасались влияния реформ нового испанского правительства на внутреннюю обстановку в своих странах, как и ряд других европейских правительств. Кроме того, большинство европейских политиков считали, что вмешательство других государств в гражданскую войну могло привести к расширению конфликта до масштабов европейской войны. Поэтому 2 августа Франция предложила Англии, Германии, Италии, Польше, СССР и другим странам обсудить декларацию о невмешательстве в дела Испании. В течение трёх недель её подписали все европейские государства. Для наблюдения за выполнением соглашения в Лондоне был создан постоянный комитет из представителей 27 европейских стран — его участников.

Выполняя свои международные обязательства, советское правительство с 28 августа запретило экспорт, реэкспорт и импорт в Испанию и её владения оружия, амунции, военных материалов, кораблей и самолётов. Кроме того, чтобы противодействовать международным акциям, способным ухудшить положение Испанской республики, и выступать против фашизма, даже когда «невмешательство» во внутренние дела Испании обернулось фарсом, СССР продолжал участвовать в работе комитета. Принцип единогласия давал возможность советской делегации «пресекать своим вето многие махинации Италии и Германии»²³, но основные надежды возлагались всё же на Лигу наций.

На сентябрьской (1936) Ассамблее Лиги республиканское правительство потребовало обсудить нарушение её Устава в связи с военным вмешательством Германии, Италии и Португалии в дела Испании, однако вопрос был передан в комитет. 28 сентября Литвинов на пленарном заседании Ассамблеи призвал коллег форсировать применение принципов Устава, теперь уже в связи с начавшимся насильственным переделом мира. Он призвал укрепить Лигу,

²¹ История дипломатии. Т. 3. С. 634.

²² *Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международной обстановки в канун Второй мировой войны // *Европа между миром и войной, 1918–1939.* М., 1992. С. 158; *Гарсия Х.* Испания Народного фронта. М., 1957. С. 40.

²³ *Майский И.М.* Испанские тетради. М., 1962. С. 24–26.

создав систему региональных и двусторонних пактов о взаимной помощи. Инициативы советского представителя вызвали интерес. Англия порекомендовала державам, подписавшим Локарнские договоры, расширить европейское соглашение, а Ассамблея создала «Комитет 28-ми» для изучения поступавших предложений²⁴.

Однако этих действий оказалось недостаточно, Германия и Италия игнорировали соглашение о невмешательстве. За три месяца они отправили в Испанию свыше 24 тыс. солдат-марокканцев, 400 т военных материалов, 462 раза бомбили испанские города, обеспечив военное превосходство мятежников²⁵. Когда стало известно, что Рим и Берлин не прекратили поддерживать Франко, советское руководство решило дать положительный ответ на запрос главы республиканского правительства относительно закупки оружия и отправки в Испанию советских военных советников²⁶. 23 октября 1936 г. И.М. Майский передал председателю комитета по невмешательству заявление, в котором предлагалось восстановить право испанского народа на приобретение вооружения, а участникам соглашения — предоставить решать вопрос о помощи самостоятельно²⁷. Стоило Москве проявить твёрдость, против неё ополчились великие державы, делавшие ставку на победу Франко. Вместо конкретных действий по прекращению конфликта, грозившего вылиться в локальную, а затем и мировую войну, они «продолжали изучать» положение в Испании. Между тем обстановка усугублялась — шло сплочение фашистского блока.

25 октября в Берлине было заключено германо-итальянское военнополитическое соглашение — «ось Берлин—Рим». Стороны согласовали разграничение сфер влияния в Европе, установили общую линию поведения в комитете по невмешательству, договорились расширить военную интервенцию в Испании, признать правительство Франко. Спустя месяц Германия и Япония подписали Антикоминтерновский пакт, согласно которому обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести борьбу против него и приглашали третьи государства принять меры в духе этого соглашения или присоединиться к пакту. 18 ноября Муссолини и Гитлер официально признали Франко главой правительства Испании и усилили ему помощь.

После бомбардировки немцами Герники и других испанских городов 29 мая 1937 г. Совет Лиги предложил срочно отозвать неиспанских комбатантов, но в тот же день Германия и Италия заявили о выходе из комитета по невмешательству, а германский флот обстрелял г. Альмерия. Лига признала, что Лондонский комитет ничего не смог сделать для обеспечения вывода «волонтёров» и констатировала присутствие на испанской территории «иностранных военных корпусов», не указывая при этом на Италию и Германию.

Потакание агрессорам вело к расширению войны, хотя в этот период сопротивление было ещё возможно. Когда в 1937 г. пиратские действия германского, итальянского и франкистского флотов серьёзно затронули интересы большинства стран Европы, осуществив более сотни нападений на их торговые суда в Средиземном море, Международной конференции в г. Ньоне (10–14 сентября 1937 г.) удалось решить проблему до конца года с помощью

²⁴ АВП РФ, ф. 415, оп. 10, д. 11, л. 2.

²⁵ Хормач И.А. СССР — Италия. Дипломатические и экономические отношения. 1924–1939 гг. М., 1995. С. 215; Пожарская С.П. Гражданская война в Испании... С. 158.

²⁶ Война и революция в Испании. 1936–1939. М., 1968. С. 422, 426.

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 513–514.

разработки эффективной системы патрулирования военных кораблей²⁸. К сожалению, других таких успешных актов против нарушителей мирового порядка не предпринималось.

16 сентября 1937 г. Англия и Франция без предупреждения сняли свои военные суда с патрульной службы вдоль испанского берега. Невмешательство потерпело крах. 4 ноября комитет принял резолюцию, признававшую за армией Франко права воюющей стороны, а 11 декабря Италия заявила о выходе из Лиги наций и увеличила военные поставки мятежникам. В 1938 г. при содействии Италии и Германии войска Франко оттесняли республиканцев. 26 января 1939 г. пала Барселона, 5 февраля — Херона. 27 февраля 1939 г. Англия и Франция порвали дипломатические отношения с республиканским правительством и признали Франко. На следующий день его войска заняли Мадрид²⁹.

Совершенно безнаказанно разворачивалась и агрессия Японии в Китае. На следующий день после подписания Антикоминтерновского пакта, 26 ноября 1936 г. границу СССР в районе озера Ханко перешёл японский отряд, но его оттеснили советские войска. В 1937 г. приграничные провокации Японии против СССР участились. 7 июля 1938 г. японцы начали захватническую войну в Китае. В урегулировании этой ситуации большую роль могла сыграть Лига наций, но Лондон был готов признать господствующее положение Японии в Маньчжурии и Северном Китае, чтобы сохранить свои позиции в Центральном и Южном Китае. Японским планам благоприятствовала и американская политика нейтралитета³⁰.

Лига в ответ на обращения Китая с просьбой рассмотреть вопрос о применении к Японии ст. 17 Устава 6 октября 1937 г. приняла резолюцию, признавшую наличие агрессии со стороны Японии, но всего лишь рекомендовала своим членам воздерживаться от действий, способных ослабить сопротивление Китая, и обдумать, как они могут индивидуально оказать ему помощь³¹. Коллективной поддержки Китай не получил. На Брюссельской конференции, созванной «для изучения положения на Дальнем Востоке и разработки мирных способов ускорения окончания конфликта» (3–24 ноября 1937 г.), применение санкций против Японии не ставилось на обсуждение. Конференция ограничилась принятием декларации, предлагавшей Китаю и Японии прекратить враждебные действия и прибегнуть к мирным методам решения спора. Летом—осенью 1938 г. продолжилось наступление японских войск, и отсутствие помощи мирового сообщества обрекло Китай на поражение.

Таким образом, генеральная линия Лиги наций постепенно сдвигалась от слабого сопротивления агрессору к отступлению под его натиском. 3 ноября 1938 г. японское правительство опубликовало декларацию об установлении в Восточной Азии «нового порядка», требовало отказа национального правительства Китая от «прежних» принципов в политике, обновления его состава, провозглашался курс на установление монопольного господства Японии в Китае³².

²⁸ См.: Хормач И.А. Советский Союз на Нионской конференции по борьбе с пиратством (10–14 сентября 1937 г.) // Российская история. 2015. № 2. С. 118–132.

²⁹ Документы внешней политики. 1939 год. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 388.

³⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 655–656, 660–661.

³¹ League of Nations. Journal official. Special Supplement. 1937. № 169. P. 148–149.

³² История войны на Тихом океане. Т. II. М., 1957. С. 362–364.

В Европе ситуация также накалялась. 13 марта 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии, не вызвав противодействия Лиги. 29–30 сентября состоялся «Мюнхенский сговор» — правительства Англии, Франции и Италии согласились на расчленение Чехословакии и передачу Германии Судетской области. Это соглашение стало кульминационной точкой «политики умиротворения». Дальнейшие шаги Германии уже не обсуждались³³.

После Мюнхена многие страны, прежде всего СССР, изменили своё отношение к Лиге наций. Коллективное обсуждение сложных международных проблем уже не предпринималось из-за огромного разброса мнений. Стремительное изменение обстановки требовало незамедлительной реакции, а громоздкая Лига с её сложной и длительной процедурой обсуждения и вынесения решений на это не была способна. Совет Лиги, состоящий из великих держав, пренебрегал мнением других государств и часто не мог выработать единой позиции перед лицом создания военных коалиций.

15 марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство и присоединила к себе Чехию и Моравию в качестве протектората. В Словакии было создано марионеточное правительство. 22 марта Германия принудила Литву подписать договор о передаче ей Мемельской области с портом Мемель (Клайпеда) на Балтийском море. Одновременно Берлин предъявил ультиматум Румынии, требуя подчинения её экономики своим промышленным нуждам. 3 апреля Гитлер утвердил план «Вайс», предусматривавший нападение на Польшу. 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию. Наконец, 28 апреля Берлин заявил о расторжении англо-германского морского соглашения 1935 г. и об аннулировании германо-польского пакта о ненападении 1934 г. 22 мая был подписан итало-германский политический и военный союз — «Стальной пакт». Опасность общеевропейской войны резко возросла, но из-за сопротивления ведущих держав Лига наций этими проблемами не занималась. В 1939 г. произошёл окончательный разрыв сложных и многосторонних связей её государств-членов. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война.

Созданная для поддержания статус-кво, сложившегося после Первой мировой войны, и улучшения международных отношений, Лига наций стала неэффективной, не претерпев никаких изменений в ходе трансформации обстановки в мире, потеряла силу, власть и даже облик организации, объединённой общей целью. Налицо было столкновение геополитических и экономических интересов значительного числа её членов, сводившее на нет основные направления деятельности международного сообщества. Вместо того чтобы немедленно обсудить возможные коллективные действия, Лига отложила очередную XX Ассамблею, хотя в сентябре 1939 г. в секретариат обратилось правительство Румынии в связи с началом войны против Польши. Не созывались заседания комитетов и комиссий, не принимались решения. После поражения Франции в 1940 г. некоторые органы Лиги наций перебрались в США, где готовили прогнозы экономического положения в послевоенном мире. Фактически как организация Лига перестала существовать, хотя официально была распущена только в 1946 г.

³³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 27–28; Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 535; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. М., 1981. С. 230–237.

Таким образом, достигнув определённого успеха в смягчении и даже ликвидации некоторых международных конфликтов, показав себя вполне успешной в борьбе с международным пиратством и подготовке ряда правовых актов, по сей день регулирующих некоторые важные аспекты межгосударственных отношений, Лига наций допустила разрастание локальных конфликтов в мировую войну. Организация не выдержала ударов, вызванных ревизионистскими тенденциями, возрождение которых было заложено в её Уставе, не учла коренных изменений в международной обстановке. Действия СССР, направленные на стабилизацию международной ситуации, не могли противостоять общей тенденции отказа от коллективных действий во имя мира.

Роль разведки в создании первых образцов советского ядерного оружия

Чжан Гуансян

The role of intelligence in the creation of the first samples of Soviet nuclear weapons

Zhang Guangxiang

(Northeast Asia Research Center of Jilin University, Changchun, People's Republic of China)

DOI: 10.31857/S2949124X2303015X, EDN: ESFXAD

Успешное завершение советского атомного проекта стало результатом сочетания внутренних и внешних факторов. Безусловно, важную роль играли привилегии и гарантии, предоставленные правительством для проведения научных исследований и производства ядерного оружия, а также кропотливые усилия учёных по преодолению всевозможных трудностей. Но столь же существенным являлось использование зарубежного опыта, становившегося известным прежде всего из донесений разведки. Российские исследователи в целом высоко оценивают её вклад в решение ключевых научных проблем, хотя в некоторых работах прослеживается тенденция к преуменьшению значимости агентурных сведений. Учёные США и Китая также обращались к этой теме¹. Однако пока она не получила систематического освещения. Между тем на рубеже XX–XXI вв. опубликованы сотни архивных документов, связанных с деятельностью советской разведки и позволяющих лучше понять степень её участия в реализации атомного проекта².

Разведка и начало работы над атомным проектом в СССР. В 1938 г. Академия наук СССР приняла постановление о развитии исследований в области

© 2023 г. Чжан Гуансян

¹ Барковский В.Б. Участие научно-технической разведки в создании отечественного атомного оружия // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Т. 1. М., 1997. С. 49–61; Горобец Б.С., Квасникова Е.В. Атомный проект и советская разведка (1942–1945 годы) // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 218–227; Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта // Экономическая история: Ежегодник. 2014/2015 гг. М., 2016. С. 465–491; Артёмов Е.Т. Органы госбезопасности в советском атомном проекте: функции и вклад в реализацию // Уральский исторический вестник. 2019. № 1(620). С. 129–136; Holloway D. Stalin and the Bomb: the Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven, 1994. См. также работы на китайском языке: Лю Юйбао, Чжан Гуансян. Иностранная ядерная разведка и разработка советской атомной бомбы – исследование на основе рассекреченных российских архивных документов // Исторические исследования. 2015. № 1. С. 138–151; Лю Юйбао. Ранние исследования советского атомного проекта. Докторская диссертация Цилинского университета, 2009; Цзинь Дан. Исследование о Курчатове и советском атомном проекте. Докторская диссертация Цилинского университета, 2022; Чжан Гуансян, Цзинь Дань. Отец советской атомной бомбы – Курчатов и советский атомный проект // Журнал общественных наук Цилинского университета. 2021. № 4. С. 186–203.

² Атомный проект СССР: Документы и материалы / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М., 1998; Ч. 2. М., 2002; Т. 2. Кн. 1. М.; Саров, 1999; Кн. 2. М.; Саров, 2000; Кн. 3. М.; Саров, 2002; Кн. 4. М.; Саров, 2003; Кн. 5. М., Саров, 2005; Кн. 6. М.; Саров, 2006; Кн. 7. М.; Саров, 2007; Т. 3. Кн. 1. М.; Саров, 2008; Кн. 2. М.; Саров, 2009; Справочный том. М.; Саров, 2010.

ядерной физики. Осенью 1940 г. перед советскими разведчиками была поставлена задача собрать информацию о разработке ядерного оружия в Великобритании и США, обладающих наибольшим потенциалом для проведения таких исследований. Поначалу роль разведанных была довольно ограниченной, поскольку физика ядерного деления возникла недавно и результаты британских и американских исследований были ещё открыты для публикации и не сильно отличались от весьма продуктивных советских изысканий в этой области. Так, в донесении агента «Виктора» в начале 1941 г. упоминалось об открытии урана-235 в США и констатировалось, что «эта проблема реальна»³. В этом же направлении велись работы и в СССР, и до 1941 г. успели провести важные теоретические исследования по цепным реакциям на уране и применению тепловых нейтронов для разделения урана в условиях острой нехватки ядерных материалов.

С началом Великой Отечественной войны основное направление исследований советских учёных сместилось в военную область, а разработки в области ядерной теории полностью прекратились. Между тем в Великобритании и США приступили к реализации собственных атомных проектов, о чём свидетельствуют несколько отчётов, отправленных с июля по начало октября 1941 г. Главным разведывательным управлением Генерального штаба Вооружённых сил СССР (ГРУ) и Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). ГРУ выявило, что Великобритания создала специальную группу для изучения теории и практики урановых бомб и что Канада планирует их последующее промышленное производство, а Германия также начала исследования по вопросу урановых бомб. По линии НКВД стало известно содержание заседаний Британского уранового комитета и основные моменты его докладов, включая оценки мощности урановой бомбы и критической массы урана, а также последние научные разработки (изготовление 3 кг гексафторурана, производство урана-235 методом диффузии), а также решение «немедленно приступить к созданию британского уранового завода по производству бомб»⁴.

Однако первоначально этой информации не придавалось достаточного внимания. Узнав о решении Великобритании начать атомный проект, В.А. Кравченко в докладе Л.П. Берии описал ситуацию и попросил распорядиться насчёт сбора и проверки материалов о производстве урановых бомб, для чего следовало создать при Государственном Комитете обороны (ГКО) специальную комиссию из числа крупных учёных, работающих в области расщепления атомного ядра, которой необходимо было представить соображения о возможности использования атомной энергии в военных целях. Но Берия опасался, что это может привести к раздорам между Великобританией и Советским Союзом, и не дал хода этому делу⁵. Отсутствие информации от ГРУ и НКВД не позволяло советскому руководству принимать соответствующие меры по началу атомного проекта.

В конце 1941 г. К. Фукс предупредил СССР о том, что США запустили атомный проект, и такая возможность есть даже у Германии. Именно тогда Берия понял, что информацию о ядерном оружии стоит воспринимать всерьёз. В марте 1942 г. он подготовил доклад И.В. Сталину о ходе атомных исследова-

³ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 223.

⁴ Там же. С. 239–242; Ч. 2. С. 434–435; Т. 2. Кн. 6. С. 706–726.

⁵ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 242–243; Кузнецова Р.В. И не было большого долга: академик И.В. Курчатов — научный руководитель советского атомного проекта (1942–1960). М., 2009. С. 17.

ний за рубежом и предложил создать научно-совещательный орган при ГКО, однако этот доклад был отправлен Сталину только 6 октября 1942 г. Одновременно НКВД выпускало инструкции резидентам в Лондоне и Нью-Йорке с указанием принять все меры для сбора научно-технической информации, в частности, по использованию урана в военных целях⁶.

В 1942 г. ГРУ также стало придавать большое значение достижениям в области ядерных исследований за рубежом. Офицерам ГРУ ставилась задача собирать информацию о текущем состоянии за рубежом исследований таких вопросов, как цепная реакция урана, разделение изотопов, а также составить список учреждений и учёных в Германии, занимающихся этими исследованиями⁷. Агент Л. Сандор прислал несколько документов, подтверждающих ряд опасений ГРУ: цепная реакция урана очень мощная и имеет огромное военное значение; в Германии в засекреченных лабораториях стремятся использовать искусственный радиоактивный материал для получения энергии⁸. В то же время с мая разведуправление направляло в Академию наук письма с просьбой подтвердить подлинность зарубежных исследований в области военного применения ядерной энергии и выяснить, могут ли они стать реальной основой для использования внутренней энергии цепной реакции урана. Академия наук ответила, что не обладает данными о состоянии ядерной физики за рубежом и на данном этапе не считает военное использование ядерной энергии в военное время вероятным. К началу работы советского атомного проекта Великобритании, США и Германия уже засекретили подобные исследования и перестали публиковать их результаты, что поставило СССР в крайне сложное положение. В результате разведка осталась единственным источником информации на ранних стадиях советского атомного проекта, которая обогатила и дополнила теоретические изыскания, а также продвинула вперёд их практическую реализацию.

Недостатком деятельности ГРУ и НКВД явилось то, что почти все разведданные распространялись только внутри спецслужб. Сталин также не знал подробностей, и ядерщики могли полагаться лишь на ограниченную информацию. Это мешало Сталину принимать окончательные решения, а ядерщики остерегались начинать атомный проект. Закрытость информации существенно замедлила процесс принятия решений. В этой ситуации ключевую роль сыграли научно-технический представитель ГКО С.В. Кафтанов и заместитель председателя ГКО В.М. Молотов. Весной 1942 г. Кафтанов связался с ГРУ и получил блокнот пленного немецкого генерала, в котором содержались подробные сведения о расчётах, касающихся атомной бомбы. Понимая, что Германия начала атомный проект, он передал эту информацию Сталину. Осенью того же года Кафтанов получил ещё одно письмо от Г.Н. Крылова с предположением, что Запад начал разработку атомной бомбы, и отнёсся к этому вопросу более серьёзно. К этому времени Молотов был также заместителем председателя Совета обороны и имел некоторые сведения относительно атомных проектов, осу-

⁶ Рябев Л.Д., Кудинова Л.И., Работнов Н.С. К истории советского атомного проекта (1938–1945) // Наука и общество: история советского атомного проекта... Т. 1. С. 27; Атомный проект... Т. 1. Ч. 1. С. 244–245, 259–260, 267–268.

⁷ Атомный проект... Т. 1. Ч. 1. С. 262–263; Ч. 2. С. 442–443.

⁸ Там же. Ч. 1. С. 265–266; Ч. 2. С. 443–447.

шествовавших за рубежом⁹. При поддержке Молотова ГКО собрал в Москве учёных, которые поддерживали возобновление атомного проекта, и 27 сентября 1942 г. Сталину был представлен проект приказа «Об организации работ по урану», подготовленный Кафтановым и А.Ф. Иоффе, который был утверждён на следующий день (знаменитое распоряжение ГКО № 2352сс, официально начавшее советский атомный проект)¹⁰.

В начале октября 1942 г. Берия представил подготовленный им доклад, утверждённый затем Сталиным и Молотовым, в котором снималось ограничение на распространение ядерной информации только в рамках спецслужб и создавались предпосылки для её анализа и использования. 27 ноября того же года И.В. Курчатов был вызван в Москву и получил от Молотова задание ознакомиться и проанализировать данные разведки. В тот же день он представил свой первый анализ, в котором систематически изложил основные положения добытых разведкой сведений и сделал вывод о том, что СССР отстал от Англии и Америки во всех аспектах исследования урана и что поэтому необходимо широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к её решению наиболее квалифицированные научно-технические силы Советского союза¹¹. Это первый случай, когда информация, ранее собранная НКВД и ГРУ, была проверена на уровне специалистов-ядерщиков. Содержание доклада стало основой для дальнейшей работы над атомным проектом, а Курчатову поручили ответственное задание — стать его научным руководителем. С тех пор сформировалась модель сбора данных службами разведки и их анализа Курчатовым.

С началом атомного проекта определение возможности создания урановой бомбы или уранового топлива стало приоритетом в соответствии с распоряжением ГКО № 2352, и разведка стала мощной поддержкой в решении этого вопроса. В конце 1942 — первой половине 1943 г. многочисленные разведданные вновь предоставили СССР значительное количество важнейшей информации о свойствах урана и плутония и о возможных вариантах атомных реакторов, которые были технически осуществимы и нуждались в глубоком изучении¹². В сентябре 1943 г. в СССР был прислан немецкий физический журнал «*Physikalische Zeitschrift*», изданный в 1942 г., с целым рядом статей, посвящённых нейтронным исследованиям¹³. Эти данные показали, что немецкие наработки в области ядерной теории заслуживают внимания и что в Германии имеется резерв отличных учёных; в дальнейшем СССР использовал немецких экспертов.

Несомненно, советская группа ядерщиков также провела значительную работу по продвижению атомного проекта с нуля до запуска. Однако без усилий Кафтanova и Молотова, которые были в курсе иностранных событий через раз-

⁹ Начальник научно-технической разведки НКВД Л.Р. Квасников вспоминал, что осенью 1942 г. Молотов встречался с П.Л. Капицей и А.Ф. Иоффе и показал им набросок доклада, который предполагалось передать правительству Великобритании. Подробнее см.: *Артёмов Е.Т., Волошин Н.П.* Роль зарубежного опыта... С. 470. Можно предположить, что НКВД снабжал Молотова определённым количеством разведданных, и таким образом он был осведомлён о ситуации за рубежом.

¹⁰ *Кузнецова Р.В.* И не было большего долга... С. 19; *Рябев Л.Д., Кудинова Л.И., Работнов Н.С.* К истории советского атомного проекта... С. 28; *Артёмов Е.Т., Волошин Н.П.* Роль зарубежного опыта... С. 468–470.

¹¹ Атомный проект... Т. 1. Ч. 1. С. 279.

¹² Там же. С. 368–373.

¹³ Там же. С. 395.

ведку, начало проекта было бы гораздо более поздним и трудным. Реальность зарубежных разработок стимулировала и подталкивала СССР к началу собственного атомного проекта, а анализ и использование данных разведки позволили советским учёным определить направления и быстро завершить первоначальные теоретические исследования, в короткие сроки создать необходимую исследовательскую базу, пропустив значительный объём экспериментальных работ, требовавших огромных ресурсов и времени.

Выявление данных о свойствах ядерных зарядов. В первом донесении разведки по ядерной тематике в 1941 г. в центре внимания были достижения Великобритании в области исследований по урану-235. В докладе, подготовленном на основе агентурной информации из Лондона, говорилось, что для дальнейшего расчёта критической массы и оптимальной эффективности взрыва следует определить размер сечения деления урана-235 и плотность нейтронов. Год спустя сообщалось, что в Англии получили данные о делении изотопа урана-235 быстрыми нейтронами, а также было подтверждено спонтанное деление ядра урана¹⁴. В январе 1943 г. разведка доносила, что Великобритания и США изучают возможность использования цепных реакций на быстрых нейтронах в военных целях, поскольку тяжёлая вода и графит могут замедлить цепную реакцию урана. Разведке стало известно и о том, что, согласно британским исследованиям, гексафторуран разрушает смазочные вещества и подвергается разложению в присутствии водяных паров. Однако из-за секретности доступ к этой информации советское научное сообщество получило далеко не сразу¹⁵.

Тем не менее результаты зарубежных исследований, предшествовавших началу ядерной программы, позволили дополнить теоретические исследования, проведённые в Советском Союзе. Анализируя донесения разведки, Курчатов отметил, что Великобритания определила возможность использования урана-235 в атомной бомбе, оценила массу бомбы и начала производство урана-235. СССР также воспользовался этой информацией, и в начале 1943 г. Специальная лаборатория атомного ядра, начала работы по «физике процесса деления урана». Её задачами являлось доказательство невозможности ядерного взрыва на неразделённом уране и ядерного «горения» в смеси «неразделённый уран — вода», определение сечения деления урана-235 нейтронами при заданных условиях, а также создание циклотронной установки¹⁶. Эти задачи впоследствии были унаследованы Лабораторией № 2.

В конце 1942 г. из разведдонесений стало известно о появлении плутония-239 (поначалу его также называли «элемент № 94» или «эка-осмий-239»), что открыло новые возможности для создания атомной бомбы. В первой половине 1943 г., как доносила разведка, американские исследования подтвердили, что новый материал плутоний-239, который образовался после нейтронной бомбардировки урана-238, прежде считавшегося советскими ядерщиками бесполезным, обладает свойствами, аналогичными свойствам урана-235. Он обеспечил возможность получения достаточного количества ядерного заряда и создания атомной бомбы без разделения изотопов, поскольку его можно было расщепить низкоэнергетической нейтронной бомбардировкой.

¹⁴ Там же. С. 277–278.

¹⁵ Там же. С. 239–241.

¹⁶ Там же. С. 276–279, 299.

В марте 1943 г. Курчатов проанализировал полученную информацию и отправил М.Г. Первухину доклад, в котором подробно описал принципы образования плутония-239¹⁷, а затем изложил проблему замедления цепной реакции урана. В апреле того же года НКВД по просьбе Курчатова собрал более подробную информацию о новом веществе, а Курчатов провёл расчёты для подтверждения точности полученных от разведки данных¹⁸. В июле на основе сведений из Англии и США подтвердилось, что плутоний-239 может быть использован в качестве ядерного заряда, вследствие чего Курчатов включил урановые и плутониевые заряды в проект приоритетных исследований. Теперь советским учёным предстояло определить, какой из этих вариантов лучше подходит для создания атомной бомбы¹⁹. В дальнейшем проведённые расчёты Лабораторией № 2, и новые данные разведки вызвали «фундаментальные изменения» в советском взгляде на проблему атомной бомбы и теоретически подтвердили осуществимость бомбы с плутониевым зарядом²⁰.

До начала 1944 г. советские учёные, проведя масштабные расчёты, определили, что быстрые нейтроны с высокой вероятностью будут работать на уране-235, следовательно вес ядерной взрывчатки, вероятно, составит всего несколько килограммов. Этот результат совпадал с данными разведки: 19 мая того же года Курчатов официально заявил, что «метод изготовления атомных бомб и атомных реакторов с использованием внутренней энергии атома теперь чётко установлен». Это ознаменовало завершение выполнения распоряжения ГКО № 2352сс и решение самых принципиальных проблем атомного проекта. Курчатов также заметил, что «изучение секретных материалов работ иностранных учёных, теоретические расчёты и опыты, проведённые в Лаборатории № 2 Академии наук СССР, показали, что распространённое у нас мнение о невозможности технического решения проблемы урана является неверным»²¹.

Агентурные данные свидетельствовали о прогрессе США в области деления урана-235 нейтронами и о предпринимавшихся там попытках выделить плутоний-239 из природных урановых руд. Курчатов конкретизировал, по каким вопросам разведке желательно добыть более подробные сведения. В частности, большой интерес вызывал прогресс, достигнутый в США в изучении оксидов урана, методов производства и свойств гексафторида урана, а также его органо-металлических и летучих соединений, что имело большое значение для развития химии урана в СССР²².

Лаборатория № 2, научный центр атомного проекта, в своей программе на 1944 г. чётко выделила в качестве основной области исследований получение и исследование свойств нептуния и плутония, изучение процессов деления урана-235 и урана-238, а также определение поглощения медленных нейтронов тяжёлым водородом²³. Принципы и методы использования урана-235 и плу-

¹⁷ Хотя в архивах атомного проекта этот отчёт отмечен 22 марта 1943 г., он является более поздним, чем следующий за ним аналитический отчёт ядерной разведки от 7 марта. Однако из ссылок на первое в последнем можно сделать вывод, что доклад Первухину был завершён ранее 7 марта.

¹⁸ Атомный проект... Т. 1. Ч. 1. С. 287–293, 330, 316–319, 338–340.

¹⁹ Там же. С. 371–372.

²⁰ Там же. С. 326–328, 338–340, 352–354.

²¹ Там же. Ч. 2. С. 37–38, 75.

²² Там же. Ч. 1. С. 356–359.

²³ Там же. Ч. 2. С. 60.

тония-239 стали ясны в СССР в первой половине 1944 г., однако Первухин и Курчатов по-прежнему настаивали на продолжении исследований по теоретическим вопросам ядерной физики, и сбор соответствующей развединформации продолжался²⁴.

В декабре 1944 г. разведке удалось добыть подробное описание различных физических свойств урана-235 и плутония-239, изучавшихся в Лос-Аламосской лаборатории, и сведения о применении метода фотографических пластин с толстым эмульсионным слоем для изучения спектров нейтронов, метода модулированного пучка частиц в циклотроне, об исследовании процессов, происходящих под действием быстрых нейтронов в массе металлического урана и т.д., а также ряд данных, касающихся сечений взаимодействия нейтронов с различными типами частиц, и характеристику гексафторида урана. В первой половине 1945 г. вновь появилось описание применения уран-гидрида-235 вместо урана-235 для создания атомной бомбы. Очередная сводка подтверждала, что вероятность спонтанного деления урана-235 меньше, чем урана-238, приводя «значения числа вторичных нейтронов на одно деление» и «значения сечений деления урана-235 и плутония-239 быстрыми нейтронами разных энергий» в таблицах. В ней также рассматривались зарубежные методы исследования физики ядерного деления²⁵.

Уран-233 — это изотоп урана со свойствами, аналогичными свойствам урана-235 и плутония-239, и может использоваться в качестве ядерного заряда и ядерного топлива. В СССР узнали об уране-233 из донесений американских агентов в июле 1943 г., но на тот момент ещё не получили никакой информации о характеристиках этого вещества или способах его производства²⁶.

В сентябре 1945 г. Технический комитет Специальной комиссии объявил изучение соединений, физических и ядерных свойств урана-235, урана-233, плутония и тория главнейшими научными задачами ближайшего будущего и принял решение о проведении широкомасштабных работ по производству урана-233 в надежде использовать его в качестве ядерного заряда. В дальнейшем Ленинградский физико-технический институт, Радиевый институт им. В.Г. Хлопина, Лаборатория № 2 и другие учреждения атомного проекта проводили масштабные экспериментальные работы в области атомной и молекулярной физики. В ходе исследований советские учёные обнаружили, что уран-233 является материалом индуцированного деления, который может применяться для производства электроэнергии и строительства ториевых реакторов, и предполагалось создание ториевого реактора для производства урана-233 в качестве альтернативного варианта ядерного топлива²⁷. В августе того же года офицер разведки Алек передал 162 микрограмма урана-233 советской разведке в Канаде, а через два месяца в разведсводке сообщалось о начале строительства за рубежом предприятий по производству этого изотопа с указанием способа производства и оценкой, что наиболее производительной будет система, сочетающая его с торием.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Там же. С. 195, 245, 262, 270–271.

²⁶ Там же. Ч. 1. С. 358.

²⁷ Киселёв Г.В., Конев В.Н. История реализации ториевого режима в Советском Атомном проекте // Научные исследования и разработки НИЦ «Курчатовский институт»–ИТЭФ. Сборник статей. М., 2019. С. 32, 45–46.

В 1948 г. появилась интересовавшая СССР информация о бомбе из урана-233. Предполагалось, что критическая масса урана-233 в ней находится между критической массой урана-235 и плутония. Исследования показали, что бомба из урана-233 по мощности и критической массе лежит между урановой и плутониевой бомбами, но при этом может быть взорвана методом имплозии (внутреннего взрыва)²⁸.

В начале 1945 г., по мере того как разработка американской атомной бомбы достигла критической стадии, оттуда стало доходить больше важной информации о ядерных зарядах и методах детонации, что оказало значительное влияние на отечественные разработки. Согласно данным, собранным по линии НКГБ, энергия атомной бомбы общим весом около 3 т будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2 тыс. до 10 тыс. т. Несмотря на то что мощность атомной бомбы освещалась в донесениях разведки ещё в 1942 г., вплоть до испытания и практического применения её в США все сведения были основаны лишь на расчётах.

Агенты разведки смогли предоставить крайне важную информацию: «Малыш» (урановая бомба) и «Троица» (плутониевая бомба) имели одинаковый вес, но последняя была намного мощнее и эффективнее первой. Это напрямую способствовало тому, что в СССР отдали предпочтение плутониевым зарядам; преимущества пушечной схемы, а также описание её конструкции; наружный вид атомной бомбы, структура, ключевые данные для её разработки, такие как период полураспада урана-235, плутония-239 и плутония-240, количество вторичных нейтронов при разделении урана-235 и плутония-239 и инструкция по производству атомных бомб путём обогащения плутониевого топлива стали основными данными для советских учёных²⁹.

Поиск решения проблемы разделения изотопов. Разделение изотопов урана для обогащения урана-235, необходимого при строительстве реакторов и разработке атомных бомб, до запуска атомного проекта в Советском Союзе исследовалось недостаточно. Как отмечал Я.И. Френкель в 1940 г., с вопросом разделения изотопов дело обстоит неблагоприятно, необходимы дополнительные ресурсы и кадры³⁰. Стимулом для возобновления исследований в этой области послужили разведанные. В 1942 г. агент Сандор сообщил, что в немецких исследованиях для разделения изотопов используется термодиффузия и циклотрон в Париже, чтобы получить энергию из искусственного радиоактивного материала³¹. В январе 1943 г. материалы разведки показали, что Англия и Америка пробовали различные методы разделения изотопов и обнаружили, что наиболее существенным оказался диффузионный метод. США построили диффузионную установку с суточной производительностью 1 кг урана-235³². Эта информация получила высокую оценку Курчатова. Единственным рациональным путём он считал разделение изотопов при помощи диффузии через мембрану с мелкими отверстиями.

В 1943 г. в своём первом анализе предоставленных разведкой сведений Курчатов уделил особое внимание тому, что Великобритания производит уран-235 методами изотопного разделения, такими как термодиффузия, центрифугиро-

²⁸ Атомный проект ... Т. 1. Ч. 2. С. 348; Т. 2. Кн. 6. С. 794, 845.

²⁹ Там же. Т. 2. Кн. 6. С. 763–791, 791–839, 843–845.

³⁰ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 103.

³¹ Там же. С. 265–266; Ч. 2. С. 443–447.

³² Там же. Ч. 1. С. 287–293.

вание и диффузия. В дальнейшем Радиевый институт им. В.Г. Хлопина провёл подготовительную работу по исследованию термодиффузии. Кроме того, специальная лаборатория по атомным ядрам поставила в качестве задач на 1943 г. производство для физических исследований достаточного количества урана центрифугальным методом и методом термодиффузии, а также изучение выделения урана-235 методом диффузии и фракционированной перегонки³³. Детали исследований диффузии, содержащиеся в разведсводке, позволили советским учёным пропустить ранние экспериментальные стадии и перейти к дальнейшим исследованиям. Ценность представляли также сведения о применении методов термодиффузии, центрифугирования, масс-спектрометрии и испарения³⁴. Курчатов в кратчайшие сроки разработал проект исследования диффузионного метода, исследованиями по диффузионному разделению изотопов в Лаборатории № 2 руководил И.К. Кикоин, были организованы и работы по проверке прочих методов разделения изотопов урана³⁵. В июле того же года стало известно, что в Америке самым результативным оказалось рассмотрение центробежных методов, что подтвердило правильность направления советских исследований³⁶.

На основании информации, предоставленной разведкой, и масштабной экспериментальной проверки, которую провели в Советском Союзе, диффузионный метод стал приоритетным способом разделения изотопов. В докладах 30 июля и 18 августа 1943 г. о работе Лаборатории № 2 Курчатов заявил, что, как и английские и американские ядерщики, находит его наиболее перспективным с технико-экономической точки зрения и наиболее подходящим для получения больших объемов урана-235³⁷. Летом 1944 г. в СССР завершилась теоретическая работа по диффузионному методу и началась подготовка испытательного оборудования. 15 мая 1945 г. Курчатов определил проектирование завода по изготовлению урана-235 этим способом в качестве первоочередной задачи, дабы осуществить постепенный переход к промышленному производству³⁸.

Электромагнитное разделение изотопов также стало предметом советских исследований благодаря разведке. В январе 1944 г. в письме Первухину из НКГБ впервые упоминалось, что «учёный Лоуренс произвёл несколько граммов урана-235 электромагнитными методами»³⁹. Исследование этого метода было поручено Иоффе и Л.А. Арцимовичу (в дальнейшем — руководителю второго отдела Лаборатории № 2, занимающегося электромагнитными явлениями). В июле того же года Курчатов, получив более полное представление об электромагнитном методе, обнаружил, что он имеет ряд преимуществ перед диффузионным, и был поставлен на первое место в списке теоретических проблем ядерной физики, требующих глубокого изучения⁴⁰. При этом, чтобы облегчить эти исследования, перед научно-технической разведкой встала задача сбора информации о нём (в частности, о содержании, чертежах и фотографиях

³³ Там же. С. 278, 280, 302.

³⁴ Там же. С. 315–316.

³⁵ Там же. Ч. 2. С. 537.

³⁶ Там же. Ч. 1. С. 355.

³⁷ Там же. С. 370, 386.

³⁸ Там же. Ч. 2. С. 93, 290.

³⁹ Там же. С. 26.

⁴⁰ Там же. С. 93–95, 99.

оборудования или лабораторных технических отчётах, относящихся к соответствующим изысканиям в лаборатории Лоуренса)⁴¹.

В апреле 1945 г. в материалах разведки вновь появилась ценная информация по методам электромагнитного разделения. Подробно описывались принцип и процесс использования тетраоксида урана для создания неоднородных магнитных полей, а также газовая проблема электромагнетизма. Эти сведения немедленно прошли испытания из-за схожести программы исследований в Лаборатории № 2, а также навели на мысль об усовершенствовании оборудования для электромагнитного разделения⁴². Агенты научно-технической разведки пытались собрать как можно больше информации о ходе электромагнитных исследований, используя, в частности, результаты допроса немецких специалистов⁴³.

К августу 1945 г. диффузионный и электромагнитный методы стали основными для разделения изотопов в СССР. В области диффузии Лаборатория № 2 располагала достаточными данными для проектирования и изготовления оборудования, завершила проект разделительной установки и экспериментального компрессора для неё, разработала метод промышленного производства гексафторида урана. В области электромагнитных методов, однако, из-за позднейшего старта и малой доступности разведанных успех был достигнут годом позже⁴⁴.

В 1946 г. в Лаборатории № 2 произошло первое успешное разделение 15 мкг образца урана-235, обогащённого не менее чем на 80%. Научно-технический комитет пришёл к выводу, что «результаты вышеуказанной работы в области электромагнитного разделения урана дают достаточную основу для проектирования и подготовки завода по производству урана-235 методом электромагнитного разделения»⁴⁵. В 1947 г. СССР получил первую партию оружейного урана, обогащённого до более чем 90% электромагнитным методом. С вводом в эксплуатацию комбинатов № 813 (диффузионный завод) и № 814 (электромагнитный завод) постепенно была создана система промышленного производства по разделению изотопов: комбинат № 814 произвёл 94% оружейного урана в первый месяц работы в декабре 1950 г., а комбинат № 813 произвёл 600 кг урана-235 в 1951 г. Продукция из урана-235 применялась в комбинированной атомной бомбе РДС-3 из плутония и урана, испытанной 18 октября 1951 г.⁴⁶ Впоследствии комбинат № 814 был перепрофилирован на другие задачи, поскольку электромагнитный способ оказался довольно дорогостоящим.

С 1945 г. данные о разделении изотопов стали реже появляться в разведсводках, поскольку СССР переключился на приоритет программы по созданию плутониевых зарядов.

Донесения о типах реакторов. Реактор — это устройство, которое позволяет цепной реакции осуществляться контролируемым и непрерывным образом. В советском атомном проекте это были в основном уран-графитовые и уран-тяжеловодные реакторы для производства ядерного заряда плутония-239. До

⁴¹ Там же. С. 98, 195.

⁴² Там же. С. 26–27, 263.

⁴³ Там же. С. 285; Т. 2. Кн. 2. С. 323.

⁴⁴ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 307–308.

⁴⁵ Там же. Кн. 1. С. 133–134.

⁴⁶ Там же. Кн. 2. С. 390–391, 430; Кн. 3. С. 490–491, 776; Кн. 7. С. 347–348; Чжан Вэньхуа. Исследование ядерных секретных городов в советском ядерном проекте (1945–1953). Докторская диссертация Цзилиньского университета, 2019. С. 25–27, 53–55.

начала Великой Отечественной войны советские ядерщики предложили множество идей реакторов, однако в итоге приняли вариант на обогащённом уране (с помощью лёгких изотопов) и водной смеси⁴⁷.

Великобритания, обладающая почти всеми мировыми запасами тяжёлой воды, первой обнаружила, что смесь урана (не отделённого от урана-235) и тяжёлой воды может быть использована в качестве источника энергии, и советская разведка также знала об этом на раннем этапе, но далеко не сразу раскрыла эти данные учёным. В первой половине 1943 г. информация, связанная с реакторами, часто появлялась в донесениях: Англия и США инвестировали огромные ресурсы в исследования уран-графитовых и уран-тяжеловодных реакторов. В Британии выяснили, что тяжеловодные реакторы эффективнее, чем легководные. США подтвердили, что дисперсионная цепная реакция может происходить между очень чистым графитом и очищенным металлическим ураном или диоксидом урана. Здесь завершилось строительство и был запущен первый уран-графитовый реактор («Чикагская поленница-1»). Об этих исследованиях по линии НКГБ стало известно в Советском Союзе⁴⁸.

30 июля 1943 г. в докладе о работе Лаборатории № 2 Курчатов заявил, что разведанные о результатах зарубежных исследований позволили совершить революцию в советском атомном проекте и составить шесть вариантов («стандартный урановый реактор», «стандартный уран-графитовый реактор», «урановый реактор с тяжёлой водой», «легководный реактор на уране-235», «атомные бомбы с эка-осмиевыми зарядами, сформированными в реакторе» и «атомная бомба из урана-235»), которые были технически осуществимы и нуждались в глубоком изучении. В результате, благодаря разведке в СССР, менее чем через год после начала атомной программы скорректировали направление развития реакторов, вернувшись к уран-графитовым и уран-тяжеловодным реакторам в качестве приоритетных⁴⁹.

В начале 1944 г. сведения разведки о производстве тяжёлой воды методом электролиза помогли Чирчикскому электрохимическому комплексу усовершенствовать технологию и разработать «проект производства тяжёлой воды методом электролиза горения»⁵⁰. В июне и июле того же года ГРУ прислало два важных документа. Первый содержал теоретические расчёты, программы и записи испытаний, точные чертежи оборудования, подробные данные по контрольно-измерительным приборам и производственные инструкции компаний, работающих на «Чикагской поленнице-1», и включал «секретный справочник», в котором была обобщена обширная работа по определению ключевых физических констант уран-графитового реактора, что представляло особую ценность. Кроме того, в нём имелась информация о производстве искусственных графитовых электродов и металлического урана, которые существенно превосходили советские. Во втором документе отражалось текущее состояние исследований атомных проектов Германии и США. В частности, говорилось, что, возможно, в Германии началось строительство реакторов, а в США заработал новый реактор («Клинтон», запущенный 4 ноября 1943 г.), способный производить 1 мг плутония в день⁵¹. В конце 1944 – первой половине 1945 г.

⁴⁷ Атомный проект... Т. 1. Ч. 1. С. 349.

⁴⁸ Там же. С. 276–277, 287–293, 316, 335, 347–348, 351–352, 356–357, 363–364, 371–372.

⁴⁹ Там же. С. 368–373.

⁵⁰ Там же. Ч. 2. С. 36, 38.

⁵¹ Там же. С. 97–101.

разведка сообщала о двух типах реакторов — с водяным и гелиевым охлаждением. Интерес представляли физические данные и новые конструктивные решения, сведения о количестве тяжёлой и простой воды, необходимой для уран-тяжеловодных реакторов⁵².

В 1945 — начале 1946 г. руководители советского атомного проекта всё больше склонялись к тому, чтобы отдать приоритет строительству уран-графитовых реакторов. Курчатов настаивал на активизации усилий по добыванию сведений о строительстве таких реакторов в США⁵³. С тех пор и до создания промышленных реакторов разведка предоставляла ключевую информацию о теоретических разработках фундаментальных физических констант при производстве плутония, о важнейших технических характеристиках различных реакторов и о их фактической эффективности. Теоретические и технические сведения проверялись в советских лабораториях и исследовательских институтах, данные о реально работающих реакторах позволяли скорректировать ожидания и оптимизировать проекты⁵⁴. Благодаря разведке сроки строительства советских реакторов были значительно сокращены. 1 января 1946 г. разработка советского уран-графитового реактора подошла к завершению. Пуск испытательного реактора «Ф-1» состоялся в декабре того же года. Монтаж первого советского промышленного реактора «А» завершился всего за шесть месяцев и 19 июня 1948 г. он начал работу. Запуск промышленного реактора стал гарантией того, что Советский Союз сможет быстро завершить разработку и испытание атомной бомбы.

В сводках упоминалось о подтверждении в Великобритании возможности изготовления реакторов на смеси обычной воды и металлического урана. В апреле 1948 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что США проводят усиленную работу по созданию «бридера», который, в отличие от обычных реакторов, будет одновременно с выработкой большого количества энергии создавать больше нового ядерного «горючего», чем в нём сжигается. Это привлекло внимание Академии наук СССР, которая сочла такой реактор «привлекательным и перспективным» и достойным изучения⁵⁵.

Данные разведки, касающиеся урана-233, повлияли на начало советских экспериментов с ним. В сентябре 1951 г. был построен первый советский промышленный уран-тяжеловодный реактор ОК-180. В начале эксплуатации только незначительная часть технологического трубопровода была заполнена ториевыми блоками для производства небольшого количества урана-233, так как реактор всё ещё ориентировался на производство плутония. В 1952 г. Первое главное управление при Совете министров предложило переоборудовать ОК-180 в ториевый реактор для производства урана-233, и Совет министров СССР принял соответствующее постановление. В 1954 г. в СССР начали производить уран-233, который поставлялся из ОК-180 для испытаний советской водородной бомбы в 1955 г. Его производство там не прекращалось до начала 1957 г., когда выяснилось, что оно не имеет существенных преимуществ перед производством оружейного плутония⁵⁶.

⁵² Там же. С. 244–245, 269–270.

⁵³ Там же. Т. 2. Кн. 4. С. 418–419.

⁵⁴ Там же. Кн. 6. С. 330–331, 794–798.

⁵⁵ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 195; Т. 2, Кн. 4. С. 442–444.

⁵⁶ *Иоффе Б.Л., Шведов О.В.* Тяжеловодные реакторы и ядерные установки в СССР и России: прошлое, настоящее и будущее // *Атомная энергия*. Т. 86. Вып. 4. 1999. № 4. С. 313; *Киселёв Г.В., Конев В.Н.* История реализации ториевого режима... С. 49.

Как видно из отчёта о работе Лаборатории № 2, поскольку прогресс реакторных исследований был тесно связан с ядерным сырьём, тема его производства доминировала в советских реакторных исследованиях в течение значительного периода времени, а теория, проектирование и строительство реакторов были ограничены отсутствием сырья для самостоятельного развития. В это время разведка позволила использовать отработанную американскую реакторную технологию в качестве образца и стала ключом к способности СССР сбалансировать производство ядерных материалов с проектированием реакторов.

Установление способов детонации. О методе «внутреннего взрыва» (имплозии) атомной бомбы также впервые стало известно из донесений разведки. Теоретически он превосходил метод выстрела, который изучался в СССР, поскольку позволял использовать огромное давление и скорость, создаваемые взрывом. Результаты советских исследований также подтвердили его преимущество. Поэтому имплозии уделялось особое внимание, и именно её использовали при конструировании советской атомной бомбы⁵⁷.

16 июля 1945 г. США произвели первый испытательный взрыв, а 6 и 9 августа сбросили на Японию две атомных бомбы. Узнав об этом, в СССР 20 августа создали особую комиссию, координировавшую работу над атомным проектом, научные работы во всех направлениях ускорились. При этом разведанные об американских достижениях становились ещё более ценными, поскольку получили практическое подтверждение.

Как и ожидалось, плутониевый заряд, который использовался при испытательном взрыве в США, весил около 3 т и должен был иметь мощность, эквивалентную 5 тыс. т тротила. Через три месяца после его проведения удалось установить, что в бомбе действительно использовался плутониевый заряд и имплозивный метод с мощностью, эквивалентной 10 тыс. т тротила. Это совпадало с расчётами, проведёнными раньше. В дальнейшем Берия издал распоряжение об использовании контрольных радиостанций для круглосуточного наблюдения за возможными радиологическими последствиями ядерных испытаний США, а Н.Н. Семёнов, И.В. Курчатов и А.И. Алиханов предложили использовать это для определения эффективности атомной бомбы и её ядерных зарядов⁵⁸.

В 1947 г. в СССР были завершены предварительные испытания и началась работа над конструкцией атомной бомбы. В начале 1948 г. наметился значительный прогресс в разработке чертежей плутониевого и уранового зарядов для неё. В 1948 г. поступило донесение разведки с описанием размеров, параметров и конструктивных данных для нескольких стандартных типов американских атомных бомб (сплошная плутониевая, сплошная урановая, облегчённая плутониевая, сплошная составная плутониево-урановая, облегчённая составная плутониево-урановая), результатов расчётов эффективности и вероятности преждевременного взрыва, а также важнейших физических характеристик сжимаемости составного материала бомбы. По мнению НКВД, эта информация могла значительно сократить время проектирования атомного оружия и процесс предварительных имитационных испытаний. Курчатов также дал ей высокую оценку и признал необходимость изучения этих вариантов, хотя и полагал,

⁵⁷ Атомный проект... Т. 1. Ч. 2. С. 235, 246, 262.

⁵⁸ Там же. Т. 2. Кн. 6. С. 124–125, 151, 155–156, 160–161.

что предлагаемая им конструкция бомбы более эффективна⁵⁹. 29 августа 1949 г. была успешно испытана первая советская атомная бомба с использованием плутония-239 и имплозивной схемы, известных благодаря разведке.

На рубеже 1940–1950-х гг. США проводили испытания ядерного оружия достаточно часто, разрабатывали и испытывали всё более широкий набор различных бомб. Так, в 1948 г. Соединённые Штаты испытали более мощную бомбу «337» и разработали лёгкую бомбу (весом около 113 кг) «Малыш». В начале 1950-х гг. появились лёгкие бомбы, которые могли перевозить истребители корабельного базирования, «тактические» бомбы с ядерными зарядами от 100 до 350 г, а также бомбы, которые могли запускаться из артиллерийских орудий⁶⁰. США сыграли первопроходческую роль в разработке идей атомного оружия, а СССР учился на их опыте и совершенствовал собственные исследования, переходя от имитации к инновациям.

Донесения агентов побудили Советский Союз начать работы по созданию водородной бомбы. Ещё в 1932 г. в СССР предположили, что термоядерные реакции могут высвободить большое количество энергии, но исследования не начались из-за ограниченных технических возможностей. Лишь в 1945 г. разведка обнаружила, что в американской Лос-Аламосской лаборатории ведётся разработка водородной бомбы. Так, стало известно об идее использования для создания бомбы водородного синтеза; о записках Э. Ферми с математическим доказательством осуществимости реакции синтеза дейтерия; о схеме термоядерной реакции; о размерах водородной бомбы, эффективности дейтериевой бомбы, принципе радиационной имплозии и т.д.⁶¹ Именно это послужило непосредственным толчком к изысканиям советских учёных в этом направлении. В апреле 1949 г. Курчатов подготовил доклад, в котором выделил «супербомбу», уточнив, что водород (как тяжёлый, так и сверхтяжёлый изотопы) может быть использован в качестве атомной взрывчатки, наряду с плутонием и ураном. Разведанные наряду с собственными исследованиями повлияли на отказ от «трубчатой» структуры водородной бомбы в пользу структуры «слойка», предложенной А.Д. Сахаровым⁶². В 1953 г. была испытана первая советская водородная бомба.

* * *

Деятельность разведки способствовала освоению и использованию Советским Союзом иностранного опыта. Она подтолкнула к началу разработки атомного проекта на решающем этапе Великой Отечественной войны и оказалась полезной в решении нескольких принципиальных проблем в ходе его реализации. В результате, в первой советской атомной бомбе отказались от заряда из урана-235 и пушечной схемы, заменив их плутонием-239 и взрывом методом имплозии, известными по агентурным донесениям. Работы над водородной бомбой начались после получения сведений о соответствующих разработках в США. Использование уран-графитовых и уран-тяжеловодных реакторов, диффузионного и электромагнитного методов разделения изотопов также стали известны от агентов разведки.

⁵⁹ Там же. С. 428–429, 434–437.

⁶⁰ Там же. Т. 2. Кн. 7. С. 38, 408–409.

⁶¹ Кузнецова Р.В. И не было большого долга... С. 92–96.

⁶² Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Роль зарубежного опыта... С. 485; Атомный проект... Т. 2. Кн. 4. С. 633; Барковский В.Б. Участие научно-технической разведки... С. 57.

Взаимодействие разведслужб и учёных играло особую роль в атомном проекте. Прямые консультации между начальником исследовательского направления и службой разведки обеспечивали понимание разведчиками приоритетных научных потребностей и позволяли избежать бесполезной траты времени и сил; собранные агентами данные часто освещали достижения зарубежных исследований сразу в нескольких областях, облегчая работу советских учёных.

В заключение следует отметить, что разведка действительно представляла собой «заслугу» советского атомного проекта. Однако сбор, анализ и применение добытой информации — это всегда единое целое. Именно совокупность содержания полученных сведений и неустанных усилий сотрудников разведки и учёных позволила успешно реализовать советский атомный проект. Ни акцент на решающей роли разведки, ни отрицание её значения не способствуют систематическому и научному пониманию её цели и роли. СССР имел возможность полностью самостоятельно завершить все ядерные исследования, однако для этого потребовалось бы значительно больше ресурсов и времени.

Александр Ищенко

Рец. на: В.М. Рычка. Війна пам'ятей. Змагання за спадщину Київської Русі. Київ: Парлам. вид-во, 2021. 418 с.

Alexander Ishchenko

*(Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute,
Don State Agrarian University, Russia)*

Rec. ad op.: V.M. Rychka. Viina pam'iatei. Zmahannia za spadshchynu Kyivskoi Rusi. Kyiv, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23030161, EDN: ESINGV

Книга подводит своеобразный итог многолетнему изучению автором истории Киевской Руси и её «следа в истории» — исторической памяти об этом феномене в российской и украинской общественно-исторической мысли. Внимание при этом, как отмечается в аннотации, фокусируется на «долговременных и ожесточённых соревнованиях украинской и российской интеллектуальных элит за наследие Киевской Руси». Название книги, тем самым, не случайно и отражает её содержание довольно точно. Нельзя не заметить и того, что в свете развернувшейся на постсоветском пространстве «войны памяти», данная проблематика достаточно востребована и перспективна¹. В теоретическом плане В.М. Рычка опирается на ставшие уже классическими для изучения истории памяти труды французского историка П. Нора, ссылаясь, в частности, на сборник статей по основным проблемам «Les Lieux de memoire», вышедший в украинском переводе².

Хотя непосредственное начало спору о том, частью чьей исторической традиции (российской или украинской) является история Киевской Руси, было положено только в середине XIX в.³, нижняя хронологическая граница работы относится

к значительно более раннему времени — эпохе существования того самого восточнославянского государственного объединения с центром в Киеве, которое в историографии принято называть Древней или Киевской Русью. Её истории и «коммуникативной» памяти, т.е. памяти, охватывающей воспоминания, связанные с недавним прошлым⁴, посвящён первый из пяти разделов книги. Ведя речь о «феномене Руси», Рычка обратился к первым упоминаниям народа *русь* в источниках, его походам на Константинополь, христианизации страны при Владимире и Ярославе, деятельности Ярославичей и Владимира Мономаха, связям Руси со странами Латинского Запада и кочевыми народами Северного Причерноморья (с. 13–57). Очертив таким образом контуры Руси, автор перешёл к рассмотрению памяти о ней — «припоминаниям» в древнерусской литературе князей Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Даниила Галицкого и некоторых ставших знаковыми событий — убийству Святополком Окаянным Бориса и Глеба, разделу в 1026 г. между Мстиславом и Ярославом Руси по Днепру, «завещанию» Ярослава Мудрого и др. Из исторических фигур, согласно пред-

ставленным в книге наблюдениям, чаще всего на Руси вспоминали княгиню Ольгу и князей Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Ольга почиталась в качестве «матери князей русьских», её внук — «стал отцом Руси», а Владимир Мономах — олицетворением образа идеального князя (с. 69, 85–86). Из событий наибольшую значимость автор придаёт разделу Руси 1026 г. по Днепру, который, в отличие от не имевшего, по его мнению, «особого резонанса» «завещания» Ярослава Мудрого, «сохранился не только в родовой памяти княжеских кланов», но и «был детонатором нестабильности, провоцировавшим разнотемп региональных ритмов исторической жизни страны» (с. 84). Наблюдение, безусловно, интересное, но недостаточно аргументированное.

Во втором разделе работы, озаглавленном «Кризис Руси», автор рассказывает о постепенном угасании Киевской Руси, причины которого заключались, по его мнению, не столько в монгольском нашествии, сколько в «политическом партикуляризме княжеских кланов» (с. 94), прежде всего владимири-суздальских Мономашичей. Особенно в этом направлении им выделяются деяния Андрея Боголюбского и Александра Невского. Первый из них стремился, как пишет Рычка, «не только превратить владимири-суздальщину в зеркальное отражение Киева, но и показать приоритет Владимира, возвысить его над древней столицей» (с. 105). В годы же княжения второго «линия разлома между киевским Югом и владимири-суздальским Севером существенно углубилась» (с. 115). Александр, как полагает вслед за Дж. Феннеллом и И.Н. Данилевским автор, стал «коллаборантом Орды» (с. 118). «Князьями-коллаборантами» Рычка признаёт и московских князей — потомков Александра Невского. Они,

как пишет украинский историк, «умели прельститься к ханам, притвориться их верными слугами и так искусно вели дела, что ханы им поверили, предоставили старейшинство над всеми другими и сделали их главными сборщиками податей» (с. 125). Ордынское владычество, разумеется, не прошло бесследно: «Московская правящая элита унаследовала практический опыт и нормы политической культуры Золотой Орды» (с. 125). Родившаяся в эпоху правления Ивана III самодержавная Россия была поэтому не столько наследницей Киевской Руси, сколько, как явно преувеличивая степень монгольского влияния на Московскую Русь⁵ пишет автор, «прививкой на монгольском корне» (с. 116). Подлинный же наследник киевских традиций — «Королевство Волыни-Галичины». Ведя речь о нём, Рычка вынужден признать, что «идея преемственности Юго-Западной Русью традиций первого Киевского государства в старорусской письменности не была высказана эксплицитно, а лишь подспудно прокламировалась через серию идеологических новаций, призванных возвысить статус Галицко-Волынского княжества в политической структуре конгломерата русьских земель» (с. 136–137). Имеется ввиду, в частности, титулование местными летописцами князя Романа Мстиславича «самодержцем всея Руси» и «цесарем в Роуской земли» (с. 137), что, конечно же, уступает той идеологической программе перемещения центра власти из Киева во Владимир, которая была развёрнута Андреем Боголюбским и рассмотрена автором выше. Тем не менее в представлении украинского историка, находящегося, очевидно, под влиянием «рациональной схемы» истории восточного славянства, созданной М.С. Грушевским⁶, Галич или Владимир Волынский имеют больше прав называться «Вторым

Киевом», чем Владимир Залесский или Москва.

В третьем разделе книги, носящем название «Припоминания киево-русского прошлого в раннемодерной книжной традиции», повествуется уже о самой «войне памяти», т.е. претензиях российской и украинской интеллектуальных элит на историческое наследие Киевской Руси. Начало этой войны усматривается во временах монголо-татарского владычества в Восточной Европе, когда, начиная с Ивана Калиты, Москва — некогда «далёкая окраина Киевского государства» (с. 6) — вступила в борьбу за «собрание русских земель», борьбу, которая «была не в последнюю очередь и идеологической борьбой, полем битвы за собрание и присвоение истории этих земель» (с. 162). Московские книжники, замечает Рычка, «первыми задекларировали единоличное право на киево-русское наследие». Ими была создана «довольно стройная схема происхождения и исторического развития Московии», одной из главнейших идей которой стало «обоснование непрерывной церковно-религиозной преемственности между Киевом и Москвой» (с. 161–162). Эта идея преемственности религиозных столиц, а также «непосредственного и непрерывного династического единства» между ними просматривается историком в Московском летописном своде конца XV в., «Задонщине», «Сказании о князьях владимирских», Никоновской летописи, Степенной книге, Казанской истории, хронографу и дипломатической переписке.

Отмечается повышенный интерес в памятниках московской книжности к образам княгини Ольги и князей Владимира Святого и Владимира Мономаха. Последние, согласно наблюдениям украинского историка, «стали базовыми персонажами политико-идеологической системы организации

и самоидентификации Московского монархического царства, послужили легитимации представлений тамошней элиты об унаследовании/присвоении наследия Киевской Руси и увенчанных “греческой славой” её князей» (с. 192). В самом деле, почитание Владимира Святого и Владимира Мономаха в Московской Руси в XV–XVI вв. усилилось⁷. Но о каком «присвоении» может идти речь, если московские князья являлись их прямыми потомками и в этом плане, по понятиям того времени, имели больше прав на наследие Киевской Руси чем, скажем, литовские Гедиминовичи или польские Пясты? Корректнее, вероятно, вести речь не о «присвоении» этого наследия «Московским монархическим царством», а о его инструментализации, востребованности образов прославленных киевских князей в качестве инструментов исторической легитимации власти московских правителей. О притязаниях на киевское наследие как таковое речь вовсе не шла.

На землях будущей Украины, где политическая жизнь после их вхождения в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского переориентировалась на иные, порождённые за пределами Киевской Руси, культурные паттерны, подобного рода надобности, естественно, не возникало. Память о «славном киевском прошлом» поэтому оказалась здесь в значительной степени утрачена⁸. Рычка, впрочем, настаивает на том, что «киевские традиции» никогда не обрывались на украинских землях. Память о Киевской Руси сохранялась в первую очередь в кругах православного духовенства. Особенно же она актуализировалась в конце XVI в., что, по словам учёного, «было обусловлено, прежде всего, интеллектуальными вызовами (Берестейской. — А.И.) унии, пробудившей интерес просвещённых

слоёв украинства к поискам старокиевских корней культуры и православной веры» (с. 206). Неслучайно одним из центральных вопросов в украинской церковной публицистике в то время стала история крещения Киевской Руси. Автором показано, что она получила развитие как в произведениях католических и униатских полемистов (П. Скарги, Л. Кревзы и др.), так и в трудах их православных визави, в частности З. Копистенского, Л. Зизания, А. Кальнофойского. В то же время носителями памяти о временах Киевской Руси оставались, как подмечает Рычка, украинские княжеские роды. Они не только вели свою историю с тех времён, но и «претендовали на близкое или дальнее родство с династией князей киевского дома» (с. 209). Достаточно подробно в этой связи речь в книге идёт о возводивших свою родословную к Владимиру Святому и галицко-волынским Мономахам князьях Острожских.

С восстановлением на украинских землях в 1620-х гг. православной иерархии память о Киевской Руси получила новый импульс: в среде православной интеллигенции, как пишет Рычка, стало распространяться представление о том, что «современный ей Киев был продолжением Киева Владимира» (с. 215), т.е. проводилась идея о Владимире Святом как основателе киевской церковной традиции. Значительные усилия к «возобновлению» памяти о Киевской Руси приложил, как показано далее в работе, православный киевский митрополит Пётр (Могила), с подачи которого было, в частности, осуществлено восстановление древних киевских храмов и обретение мощей князя Владимира (с. 218–228). «Киево-руський ренессанс» подлился, однако, недолго. «Проводники украинской казачьей державы поверхностно унаследовали веру в харизму потомков киевской ди-

настии князей-воинов, в силу чего новая элита не могла представлять своё господство как прямое наследственное продолжение властвования киевских князей» (с. 234). В итоге с вхождением Левобережной Украины в состав России практике установления непосредственных связей между Киевом князя Владимира и Киевом Могилянской академии пришёл конец. «С той поры украинское духовенство весь арсенал своей учёности направляет на прославление новых властителей Владимирового Киева» (с. 244). Иначе говоря, «московские правители провозглашаются истинными правителями Киева и настоящими наследниками его княжеского прошлого» (с. 7). Показательным в этом отношении Рычка считает созданный в Киеве в начале 1670-х гг. и имевший большую популярность Синописис (с. 245).

Четвёртый раздел книги посвящён памяти о Киевской Руси, которую можно назвать «имперской». Её особенность в том, что концепция династически-религиозной преемственности России с Киевской Русью превращается в этнонациональную. Обращаясь к историческим трудам А.-Л. Шлёцера, Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, Н.Г. Устрялова, М.П. Погодина, С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, Рычка демонстрирует, как протекал процесс включения «киево-руського прошлого в большие нарративные проекты истории Российского государства», как указанные историки «россиезировали» Киевскую Русь, внося свой посильный вклад в формирование новой модели «всероссийской национальной идентичности, в которую были включены и украинцы» (с. 251–274). Монополизацией Киевской Руси «имперская» Россия при этом не ограничилась. Достаточно подробно в книге анализируются развернувшиеся после присоединения Крыма Екатериной II мероприятия по «присвоению

наследия раннего киевского христианства и греко-византийских традиций Киевской Руси» (с. 274). Речь идёт, прежде всего, о таком способе мемориализации памяти крещения князя Владимира как церковное строительство (с. 287–291). «С точки зрения Петербурга, тут — в Херсонесе, городе князей российских, Россия, — поясняет Рычка, — будто снова находит свою веру и свою историю» (с. 275). Но «крымский Херсонес был для России вратами не только к киевскому наследию святого Владимира, но и византийскому наследству, славе Царьграда» (с. 292). Иллюстрируя эту мысль, автор обращается к возникавшим в России в XVIII — начале XX в. мнимым и реальным политическим замыслам по завоеванию Константинополя и легитимировавшим их литературным и историческим трудам. В качестве одного из наиболее популярных в литературе и искусстве в этом контексте событий рассматривается победоносный поход на Византию князя Олега с акцентом на вывешивание им на вратах Царьграда своего щита (с. 294–304). Завершают раздел авторские рассуждения об идее богоизбранности России, нашедшей воплощение в популяризированном в XIX в. концепте «Святой Руси». Возникновение данного концепта связывается Рычкой с украинской книжностью XVI–XVII вв., а применение в отношении России признаётся «химерой» (с. 309, 318).

В заключительном, пятом разделе в центре внимания оказывается «конкуренция памяти» учёных и писателей XVIII — начала XX в. относительно прав россиян и украинцев на историческое наследие Киевской Руси. Речь в основном идёт о попытках «обжалования» украинцами «единоличного права» россиян на это наследие, которые впервые становятся заметны под влиянием движения романтизма,

когда происходит «пробуждение интереса к поискам истоков самобытных народных традиций, языка, фольклора, изучение и популяризация украинской истории» (с. 321). Рычка воссоздаёт широкую панораму исторических взглядов украинских мыслителей того времени. Начало «размежевания» российской и украинской историографий связывается им с известной полемикой 1856–1857 гг. между М.П. Погодиным и М.А. Максимовичем об этнической принадлежности древнего Киева и «Южной Руси» (малороссийской или великорусской). При этом справедливо подмечено, что именно Максимович «защищал идею общих истоков истории двух народов — русского и украинского и равенство их прав на киево-русьское наследие». Но вместе с тем он, как пишет автор, «положил начало полезному для науки разграничению двух историографических традиций» (с. 339). В отличие от отлучавшей украинцев от киевского наследия «теории» Погодина, которая сколько-нибудь широкого распространения в российской историографии не получила⁹, позиция Максимовича нашла поддержку и развитие в трудах ряда украинских историков. Так, Рычка показал, что «преемственность форм, основных течений и направлений, которые связывали жизнь украинского общества XVI–XVII вв. с Киевской Русью», обосновывали в своих трудах П.А. Кулиш, М.П. Драгоманов, Н.И. Костомаров и В.Б. Антонович. Последний, в частности, «развивал теорию о наследственности древнерусской дружины и казачества, доказывая непрерывность и преемственность украинской истории. Именно он ввёл в историографический оборот термин “Русь-Украина”» (с. 376). Заслуга Антоновича и его учеников заключается, по оценке Рычки, в том, что они заложили «научные основы... обжалования монополии чужаков на киево-русьское

наследие» (с. 380–381). Создать полноценную и завершённую модель-схему национальной украинской истории представители «киевской исторической школы», однако, не смогли. Бесспорный приоритет в деле «оспаривания монополии чужаков на наследие Киевской Руси» и «деконструкции российской имперской парадигмы» Рычка отдаёт М.С. Грушевскому. На анализе его известных текстов, благодаря которым «история Украины была прочно опёрта на Киевскую Русь и Галицко-Волынскую державу как её продолжение», книга заканчивается. О последующих «войнах памяти» речь в ней не идёт. В заключении («Вместо эпилога») внимание обращается лишь на установление в современных Российской Федерации и республике Украина памятников историческим фигурам Киевской Руси.

Таким образом, книга В.М. Рычки — не исчерпывающий, но достаточно основательный труд, представляющий собой заметный вклад в изучение истории памяти Киевской Руси. Исследуя «долговременные и ожесточённые соревнования украинской и российской интеллектуальных элит за наследие Киевской Руси», автор, однако, сам оказался вовлечён в это соревнование. Книга написана им в патриотическом дискурсе, для которого история не столько поле исследования, сколько поле битвы за справедливость. В данном случае — за возвращение украинцам «присвоенного» россиянами «киево-руського наследия». Именно в этом заключается главный недостаток рассмотренной книги.

Примечания

¹ Токарева Е.А. Современные войны памяти, или Подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образова-

нии // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Ч. 2. С. 288–300.

² Нора П. Теперішнє, нація, пам'ять / Пер. з франц. А. Репа. Київ, 2014.

³ Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 207–235.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 52.

⁵ Более взвешенные оценки влияния монгольского завоевания на Московскую Русь см.: Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12. С. 68–71; Селезнёв Ю.В. Русь — Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // Родина. 2012. № 9. С. 124–126; Филлюшкин А.И. «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли»: повлияла ли Орда на политическую культуру средневековой Руси // Stratum plus. 2016. № 5. С. 41–48.

⁶ Грушевський М.С. Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства // Статті по слов'янознавству. Вип. I. СПб., 1904. С. 299.

⁷ Ср.: Butler F. Enlightener of Rus': The Image of Vladimir Sviatoslavich Across the Centuries. Bloomington, 2002. P. 92–100; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Князь Владимир Великий как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вип. 65. С. 152; Сиренов А.В. Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти» // «Места памяти» Руси конца XV — середины XVIII в. / Отв. ред. А.В. Дорошин. М., 2019. С. 30–35; Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д, 2014. С. 95–118.

⁸ Толочко О. «Русь» очима «України»: в пошуках самоідентифікації та континуїтету // Сучасність. 1994. № 1. С. 111–117; Затилюк Я.В. Минуле Русі у київських творах XVII століття: тексти, автори, читачі. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2013; Затилюк Я.В. От безымянных руин к православному Сиону: «места памяти» Руси-Украины XVII–XVIII вв. // «Места памяти»... С. 352–355; Синкевич Н.А. «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной Киевской митрополии XVII в. // Нарративы Руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 261–262.

⁹ Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия... С. 209.

Vadim Mukhanov

(Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Moscow, Russia)

Military Caucasian studies in persons

DOI: 10.31857/S2949124X23030173, EDN: ESNYEZ

История Кавказа первой половины XIX в. неразрывно связана с расширением границ и влияния Российской империи в регионе. Писавшие об этом исследователи освещали преимущественно военно-политические сюжеты — присоединение земель, походы и экспедиции, дипломатические шаги, столкновения с Турцией и Персией, перипетии длительной и нелинейной Кавказской войны, биографии крупных полководцев и администраторов — А.П. Ермолова, князей М.С. Воронцова и А.И. Барятинского и т.д. Однако в последнее время историки всё чаще констатируют, что войска успешно продвигались там, где шли рука об руку с учёными и медиками, а научное изучение края приобрело систематический вид благодаря участию офицерского корпуса и генералитета.

Как справедливо отмечают Т.А. Колосовская и Д.С. Ткаченко, «обращение к феномену военного кавказоведения показывает, что тема “русская армия на Кавказе” не сводится к военно-конфронтационной составляющей, а включает вопросы взаимодействия и взаимопонимания людей разных культур» (с. 7). Составленный ими биобиблиографический словарь, безусловно, «позволяет персонализировать феномен военного кавказоведения, показать сложный процесс познания Кавказа в Россий-

ской империи сквозь призму судеб его участников в мундирах» (с. 11). В нём обобщён богатый фактический материал, извлечённый из обширной литературы и многочисленных документов, как опубликованных, так и хранящихся в центральных и региональных архивах России. В большинстве статей имеются ссылки на послужные списки, обнаруженные в фондах РГВИА.

В справочнике представлены «разноплановые личности различного масштаба» — от малоизвестных офицеров до высокопоставленных сановников (таких, как, например, кабинет-министр А.П. Волюнский) и командующих Отдельным Кавказским корпусом. Но все они являлись авторами исследовательских трудов по истории, этнографии, демографии или географии Кавказа либо организаторами или непосредственными участниками разведывательных и научных экспедиций. Неудивительно, что «большую часть персоналий составили офицеры русского Генерального штаба и военные топографы... Именно они и стали стержнем отечественного военного кавказоведения» (с. 9).

При этом составители выделяют несколько групп, отличавшихся спецификой своей служебной или научной деятельности: участники разведывательных экспеди-

* Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи. Биобиблиографический справочник. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 334 с.

ций в горы конца 1820-х — 1830-х гг. (Г.В. Новицкий, кн. И.В. Шаховской, Ф.Ф. фон Торнау, Г.С. Гордеев и др.); исполнители таких масштабных проектов, инициированных местной администрацией, как сбор адатов и т.п. (В.И. Голенищев-Кутузов, Т.А. Норденстренг, кн. М.Б. Лобанов-Ростовский, М.Я. Ольшевский и др.); авторы военно-статистических описаний, создававшихся по заданию командования корпуса (И.Г. Гербер, А.М. Буцковский, Н.И. Карлгоф, Н.Н. Забуцкий и др.); географы (И.И. Ходзько, И.И. Стебницкий); гидрографы и картографы (Ф.И. Соймонов, Е.П. Манганари, А.Е. Колодкин и др.); военные историки (Д.А. Милютин, Д.Х. Бушен, Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, С.С. Эсадзе и др.).

В отдельную категорию включены высшие должностные лица края, активно влиявшие на интенсивность его глубокой разведки и ход топографических работ, — П.С. Потёмкин, Н.Ф. Ртищев, А.П. Ермолов, барон Г.В. Розен, Е.А. Головин, барон А.И. Нейдгардт, Н.Н. Муравьёв (Карский). Так, при Розене заметно выросло количество рапортов и обозрений, особые задания получил целый ряд разведчиков, в том числе Ф.А. Гене, подготовивший в начале 1830-х гг. описание Нагорного Дагестана. Сменивший барона Головин «продолжил организацию изучения региона, начатую его предшественниками» (с. 79). Кроме того, ему принадлежит очерк «Положение военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года», в котором генерал подвёл итоги своей деятельности на посту командующего корпусом. Наконец, несколько особняком стояли так называемые военные пенсионеры, которые «исследовали регион на досуге, по собственному желанию» (И.Т. Радоницкий, Я.И. Костенецкий, К.А. Самойлов и др.).

Очевидным достоинством издания является то, что в нём не только устанавливаются важные вехи жизненного пути и службы кавказоведов, формируются их целостные биографии, сопровождаемые перечнем основных трудов и списком посвящённой им литературы, но и детально анализируется оставленное ими наследие, включая исследовательские приёмы, взгляды, оценки и практические рекомендации, нашедшие отражение в опубликованных сочинениях и служебных записках. Наиболее подробно рассмотрены крупные произведения И.Ф. Бларамберга, С.М. Броневского, П.Г. Буткова, Н.Ф. Дубровина, А.Л. Гизетти, Д.А. Милютина, М.Я. Ольшевского, Н.Н. Раевского, В.А. Потто, Л.М. Серебрякова, Е.Д. Фелицына, братьев Б.С. и С.С. Эсадзе. В сборнике прослеживаются существовавшие в местной офицерской среде служебные и творческие связи, что позволяет лучше понять, как именно проводились совместные изыскания, требовавшие слаженной работы больших коллективов (тот же сбор адатов, описания народов и местностей и т.п.).

Составители словаря тщательно выявляли произведения кавказоведов, отложившиеся в разных архивохранилищах. В частности, записки, справки и мнения полковника (а позднее — генерал-лейтенанта) А.И. Менде с подробной характеристикой кавказских народов и политики российских властей в конце 1830-х — первой половине 1840-х гг. были извлечены из фондов РГВИА, РГА ВМФ и Научного архива Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (с. 165–166). Внимательно учтены в справочнике и новейшие публикации. Так, в нём указаны сравнительно недавние издания записок В.Е. Галямина¹,

Д.В. Пассека², кн. М.Б. Лобанова-Ростовского³, Ф.Я. Лисовского⁴.

Среди 119 генералов и офицеров, представленных в книге, выделяются яркие фигуры генерал-майора И.П. Дельпоццо, командовавшего в 1814–1818 гг. войсками Кавказской линии и выступавшего за мирное присоединение Северного Кавказа к империи; подполковника В.И. Мочульского, обследовавшего в 1837 г. Лезгинскую кордонную линию; генерала И.Р. Анрепа, оставившего неопубликованный отчёт о переговорах с горцами в 1840 г.; прославленного победами над турками и персами генерала кн. В.О. Бебутова, изложившего «Краткие сведения о нынешнем народонаселении и естественных способах Армянской области, с объяснением образа жизни обитающих в оной племён, характера и прочее»; генерал-лейтенанта Н.П. Колюбакина (по прозвищу «немирный»), прошедшего путь от поручика, разжалованного «за дерзость против полкового командира» и отправленного на Кавказ, до управляющего Мингрелией и Кутаисского генерал-губернатора (ему принадлежит несколько очерков о черкесах, Абхазии, Джаро-Белоканском округе, Элисуйском приставстве); генерала А.В. Комарова — начальника военнопольного управления при наместнике на Кавказе, около 30 лет прослужившего в крае и много сделавшего для его изучения. Разумеется, на страницах справочника нашлось место таким знаменитым «кавказцам», как генералы Г.И. Филиппсон и кн. А.М. Дондуков-Корсаков, генерал-лейтенанты Р.К. Фрейтаг и Д.И. Романовский, генерал-майоры барон К.Ф. Сталь, П.К. Услар и Р.А. Фадеев, пристав имаму Шамилю полковник А.И. Руновский. Но наряду с ними говорится о редко привлекающих к себе внимание фигурах — исследователе природных богатств Юга России

и Кавказа Ф.К. фон Биберштейне (печатавшем свои произведения на рубеже XVIII–XIX вв. на французском и немецком языках), разведчике и топографе конца XVIII в. генерал-майоре С.Д. Бурнашеве, описавшем земли горских народов, Картли, Кахетии, Имеретии и мусульманских ханств Закавказья. Не забыт также создатель и редактор первых 19 томов «Кавказского сборника» генерал-лейтенант И.С. Чернявский, в 1888–1896 гг. курировавший «архивные изыскания» в крае и опубликовавший немало ценных источников.

И всё же справочник охватывает далеко не всех, кого по праву можно признать военными кавказоведами Российской империи. Так, в нём почему-то не оказалось наместников князей М.С. Воронцова и А.И. Барятинского, генералов П.С. Котляревского и гр. Н.И. Евдокимова, генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, генерал-майоров И.П. Лазарева и М.Ф. Кудашева, полковника С. Хан-Гирея, Ш. Ногмова и др. Досадные пропуски есть и в оглавлении книги, где по недосмотру не указаны статьи о И.П. Дельпоццо (с. 87–89), И.И. Норденстаме (с. 186–188), М.А. Селезнёве (с. 249–251), В.Е. Шостаке (с. 313–315) и Л.Л. Штедере (с. 315–317).

Тем не менее выпущенный профессорами Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко биобиблиографический словарь до сих пор не имел аналогов и производит внушительное впечатление. Он будет не только полезен, но даже незаменим и для профессиональных, и для начинающих историков-кавказоведов. Конечно, справочник нуждается в расширении, дополнении, детализации сведений. Но для этой работы создан прочный фундамент, а образцом для её продолжения и развития могут служить издания Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина⁵.

Примечания

¹ Проект программы описания горских народов полковника В.Е. Галямина / Публ. Т.А. Колосовской // Кавказский сборник. Т. 9(41). М., 2015. С. 172–179. О нём см. также: Муханов В.М. Проект Покровского о покорении Кавказа как характерный документ российской военно-политической мысли начала 1830-х гг. // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 132–144. Характерно, что через несколько лет по этой программе написал свой обстоятельный труд И.Ф. Бларамберг (Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Публ. И.М. Назаровой. М., 2005).

² «Шамиль в настоящее время неограниченный властелин и деспот покорных ему пле-

мён» (Записки Д.В. Пассека об имамате Шамиля, 1843) / Публ. С.Б. Манышева // Кавказский сборник. Т. 9(41). М., 2015. С. 194–206.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Записки о Кавказе 1840–1850 гг. / Публ. С.Е. Павловой. М., 2010.

⁴ Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М., 2019.

⁵ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2002; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007.

Юлия Казанцева, Евгений Крестьянников

Железные дороги Российской империи как место работы женщин*

Iuliia Kazantseva (European University at Saint Petersburg, Russia),
Evgenii Krestiannikov (Tyumen State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)

Railways of the Russian Empire as a place of work for women

DOI: 10.31857/S2949124X23030185, EDN: ESQNY Y

В декабре 1908 г. А.А. Глинская на Первом Всероссийском женском съезде в начале своего доклада о занятости женщин на железных дорогах заявила, что игнорировать данную проблему в рамках форума «было бы непостижимым пробелом», ведь на тот момент речь велась уже о трёх десятках тысяч железнодорожниц, и некоторые из них трудились в отрасли более 40 лет¹. Автор рассматриваемой монографии В.А. Сердюк, вооружившись ещё одной мыслью названной докладчицы о том, что железнодорожные структуры в России «первыми пошли навстречу женскому труду» (с. 6), определил, пожалуй, беспроигрышную

тему с точки зрения исследовательского потенциала: продолжительное обеспечение многотысячной армией женщин функционирования железнодорожного транспорта оставило заметный след в позднеимперской жизни и богатый пласт исторических источников, а обращение к вопросам феминизации профессий, по-прежнему не избитым, позволяет апробировать актуальные и оригинальные теории.

Выигрышная со многих точек зрения проблематика интересна тем, что начало мужскому и женскому труду на российских железных дорогах было положено почти одновременно. Уже в 1840-х гг. женщины числились

* Сердюк В.А. «Забытый персонал»: женский труд на железных дорогах Российской империи. М.; СПб.: Нестор-история, 2020. 264 с.

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

в штате железнодорожных тружеников, работая поломойками (с. 46). Новая отрасль, мало связанная с патриархальной системой ушедшей эпохи и ставшая ровесницей вхождения человечества в индустриальную эру, предоставляла намного больше возможностей для женской занятости, нежели те сферы, где мужчины господствовали традиционно.

В конце царского периода считавшиеся когда-то мужскими профессиями существенно феминизировались. Первая отечественная адвокатесса Е.А. Флейшиц характеризовала ситуацию таким образом: «Мы знаем не только женщин-учительниц, воспитательниц и артисток, но и женщин-врачей, дантистов и фармацевтов, женщин-инженеров, архитекторов, чертёжников, женщин, несущих в равных с мужчиной условиях тяжёлый фабричный труд, женщин-извозчиков и даже шофёров автомобилей»².

Устойчивым вектором развития женской занятости на железных дорогах являлось освоение представительницами «слабого» пола новых специальностей и допуск на должности, для которых требовалась более высокая квалификация. Если в 1870-х гг. они трудились сторожами, кассирами, счетоводами, канцеляристами, прислугой, контролёрами, телеграфистками, сиделками при лазаретах (с. 94), то начало XX в. ознаменовалось расширением возможностей их трудоустройства помощниками начальников станций, дежурными по станции, техниками, инженерами (с. 133–135, 145, 151, 193). В 1916 г. женщины уже вплотную подступились к железнодорожной элите: начали управлять локомотивами в качестве помощниц машинистов (с. 196–197).

Такого рода изменения и распределение ролей сами подсказывают подходы к изучению. Сердюк задумал свою работу как «гендерное ис-

следование конкретно-исторического плана» (с. 16). Замысел реализуется в более или менее обстоятельном исследовании гендерной структуры занятости³, и местами показано половое разделение труда по простейшей формуле: «Работник, поступающий на работу в фирму, получает работу X, если он женщина, и работу Y, если он мужчина»⁴.

Книга даёт понять, что уделом лиц женского пола на железной дороге в основном являлась служба на второстепенных и вспомогательных рабочих местах, а на руководящих и наиболее ответственных постах их почти не замечалось. При этом мужское превосходство вряд ли диктовалось физиологическими половыми различиями. По крайней мере в годы Первой мировой войны женщины допускались на работу укладчицами и засыпщицами шпал и рельсов, истопниками вагонов, кочегарами, багажными грузчиками (с. 189, 191, 193, 196), т.е. занимались весьма тяжёлым физическим трудом и в этом отношении мало отставали от мужчин.

Насколько недостаток подготовки и умственные способности препятствовали женщинам занимать руководящие должности, а может это было следствием доминирования одного пола над другим в социуме вообще или в железнодорожной отрасли, монография ответа не даёт. Не разворачивая картину подобной сегрегации, она и читателю не предоставляет шанса самому прийти к каким-то заключениям. Скажем, специально не рассматриваются вопросы уровня образования железнодорожниц. Между тем достаточно открыть путеводитель по высшему женскому образованию в Российской империи, где есть немало сведений о заведениях для обучения женщин железнодорожному делу⁵.

Вероятно, лица женского пола приблизились по подготовленности

к мужчинам, чтобы подниматься по служебной лестнице. Сердюк упоминает Р. Конецкую, которая после окончания политехнического института во Франции трудилась инженером путей сообщения в Крыму (с. 145). Если физиология и квалификация позволяли женщинам карьерный рост на железных дорогах, но его не наблюдалось, остаётся перенести на ситуацию мнение А.Н. Шабановой, которая относительно запрета дамам работать адвокатами указывала на дискриминацию по половому признаку: «Потому, что женщина — не мужчина»⁶.

Правда, речь идёт о высококвалифицированных кадрах, но на железной дороге требовались и работники без всякой подготовки. Соответственно, была велика разница между ними в оплате труда и конкуренции за рабочее место. Очевидно, что включение лиц женского пола в категорию первых — один вызов мужской исключительности, в категорию вторых — совершенно иной, и оптика гендерного исследования требует внимательно отнестись к такой стратификации. Для достижения исследовательских задач Сердюк этого не делает, а по поводу взгляда современников, что женщины на подсобных должностях не являлись «полноценными» железнодорожниками, лишь во второй части книги приводит не подкреплённое аргументами пояснение: «Отдавая дань уважения данной позиции, в нашей работе мы причисляем к железнодорожницам всех женщин, трудившихся в железнодорожных учреждениях, вне зависимости от рода их деятельности» (с. 149).

Однако, к примеру, в профессиональном горизонте сиделки пристанционных лазаретов безусловно ближе к сиделкам земских больниц, чем к телеграфисткам или сторожам, а основания их включения в число работников медицины убедительнее

отнесения к разряду железнодорожников. Стоит ли женщину, работающую канцеляристом или счетоводом на железной дороге, называть железнодорожницей? Можно провести аналогии с судебными органами. Закон 9 мая 1900 г. допускал лиц женского пола к исполнению обязанностей «по письменной и счётной частям в центральном управлении Министерства юстиции и в местных учреждениях ведомства названного министерства»⁷. Женщины стали трудиться в суде и прокуратуре, но никому в голову не приходило ассоциировать их с судебской или прокурорской профессиями.

Автор обрабатывает много статистики и определяет численность женского персонала среди железнодорожных служащих: в 1897 г. они составляли 7,1% всех занятых в этой сфере, в 1905 г. — 8,8%, 1913 г. — 8,7%. Эти цифры приводятся без необходимых пояснений (с. 64, 136, 147), но в принципе показывают почти отсутствие роста и говорят о железнодорожной отрасли как «мужской». Последнее обстоятельство объясняет оплату женского труда на одинаковых с мужчинами должностях в два и более раза ниже (с. 95). Собственно, дешевизна этого труда по сравнению с мужским была преимуществом женщин, и лишь в некоторых специальностях он предпочитался из-за лучшей приспособленности лиц женского пола. В монографии рассказывается об опыте финских девушек 1860-х гг. Обнаружилось, что им отлично подходила работа телеграфистками, поскольку, будучи прежде гувернантками, они являлись воспитанными и владели несколькими языками (с. 71–75).

Относительно желания женщин освоить мужские профессии приводится следующее объяснение: «В условиях стремительно развивающегося рынка свободной рабочей силы и конкуренции жалования мужчин стало не

хватать для содержания семьи» (с. 35). Историк по большому счёту игнорирует другие мотивации и цели, не рассматривая женский труд как самостоятельный и полезный не только для семьи, но и для самих женщин. Автор отмечает, что их пути из семьи в профессию бывали разными, порой — болезненными и небыстрыми (с. 78), но конкретные ситуации опускаются, что не позволяет понять, зачем женщины шли трудиться именно на железную дорогу.

Использованные Сердюком сведения о доле железнодорожниц в конце XIX — начале XX в. приобретают важность, если сравнить их с показателями женского труда в других областях. Численность женщин, работавших на железных дорогах, не росла, тогда как, например, по данным Б. Пиетров-Эннкер, если в сельских школах Европейской России в 1897 г. из всех педагогов женщины составляли 20%, то к 1911 г. их доля увеличилась до 62%⁸. Может быть, женщины уже заполнили те ниши, которые в силу каких-то физических или интеллектуальных способностей были им доступны в железнодорожной отрасли, а остальные позиции оказались для них непокорными вершинами? Может, труд железнодорожниц оказался сложнее работы учительниц? Может, обучая детей, женщины больше реализовывали традиционную гендерную модель с присущими ей семейными и материнскими ценностями и свойствами, а работа на железной дороге оставалась «естественной» для применения «мужских» качеств?

В работе мало ставятся подобные вопросы и ответы на них не даются. Разного рода недосказанности сигнализируют, что заявить о гендерной исследовательской программе проще, чем следовать ей. Сам автор в начале книги, вразрез с дальнейшими объяснениями своего подхода, оценива-

ет собственный исследовательский фокус несколько адекватнее: «Монография способствует углублению существующей системы знаний о функционировании железнодорожного транспорта России в дореволюционный период, а также расширяет сведения о гендерной истории России, включающей в себя историю женщин, историю полов и их взаимоотношений, демонстрирует взаимосвязь и влияние данных процессов на общую картину исторического развития железнодорожной отрасли» (с. 7).

Действительно, монография скорее посвящена истории железных дорог, чем железнодорожным работникам. Завершающие сочинение слова недвусмысленно говорят о подчинённой роли женщин. Согласно выводу Сердюка, они «могут быть полезны на железнодорожном поприще, успешно исполняя свой служебный долг» (с. 209). В крупных многостраничных сюжетах о лицах женского пола вообще не вспоминается или упоминается мимоходом (с. 36–43, 61–64, 68–70, 106–110, 128–130, 159–162). Символично, что в этой богато иллюстрированной вроде бы о женщинах книге доля их изображений едва достигает трети.

Авторский взор в ряде случаев заметно зависим от содержания обнаруженных источников, и ещё поэтому игнорирует женскую активность. Инициативность через исторические документы проще приметить за мужчинами-бюрократами, и исключительно они, будучи железнодорожными начальниками или членами комиссий, занимавшихся развитием железных дорог, решали, как им поступать с женщинами. Последние лишь эпизодически выходят на первый план, да и то не слишком уверенно. Например, в конце 1880-х гг. А.Л. Биеронская и Е.В. Нагаева пробовали оспорить законность своего увольнения, отправив соответ-

ствующие письма в МПС, но всё равно лишились работы (с. 99–100).

Долго считавшейся первой железнодорожницей О.С. Кнушевицкой, в 1863 г. устроившейся билетным кассиром на станции Вязниковская Московско-Нижегородской железной дороги, почти целиком посвящён параграф. Казалось бы, здесь самое место показать по-настоящему «женскую историю», однако мы видим заурядное жизнеописание человека, подневольного обстоятельствам. Занимался трудоустройством девушки её отец (с. 117), с чего началась рутинная и сложная служба без карьерного продвижения. Постоянные ночные дежурства на станции уже в молодом возрасте отозвались мигренью и стенокардией. Женщина никогда не была замужем и не имела детей, проживала в служебной квартире, её оклад годами не возрастал, но средний материальный уровень существования поддерживать удавалось (с. 125–126). Ещё печальнее биография становится после того, как выясняется, что Кнушевицкая — вовсе не первая в отрасли. Архивные материалы позволили историку назвать таковой переездную сторожиху с 1862 г. И.А. Харламову (поломойки 1840-х гг. преданы забвению). Будто в оправдание внушительного текста о только что лишённой пальмы первенства главной героине в заключении параграфа пришлось подыскивать другие заслуги: «О.С. Кнушевицкая являла собой пример женщины, преданной железнодорожной службе. Видимо, её можно считать единственной железнодорожницей в дореволюционной России, трудившейся на одной дороге и в одной и той же должности на протяжении пятидесяти лет» (с. 120–121, 128).

Выводы, в качестве основных, о верности и пользе лиц женского пола выпячивают свойственное монографии игнорирование субъектности

женщин. Они постоянно показываются объектом, притом таким, в котором мало угадываются специфика и отдельность. В том числе поэтому мало используется понятийный аппарат, свойственный женским и гендерным исследованиям. В книге практически не фигурируют понятия «эмансипация», «дискриминация», «сегрегация», «сексизм». Всего в монографии три главы, вторая названа «Женский труд в контексте железнодорожной политики», а третья — «Кадровая политика железных дорог в условиях Первой мировой войны». Действительно же направленное на изучение «женского» исследование наверняка повернулось бы так, чтобы рассматривать гендерную политику⁹, оставив вспомогательной «железнодорожную».

Вместе с тем нельзя вообразить метод гендерной истории без представлений полов друг о друге и без их отношений¹⁰, но Сердюк этими проблемами не сильно озадачивается. Обходя при описании женского труда на железной дороге энергичность женщин, историк оставляет без всякого внимания феминистский взгляд на вопрос, а о взаимодействии полов в сфере занятости рассказывает попутно, словно стесняясь. Не будет рисков предположить, что проявлений сексизма в железнодорожной профессии всегда хватало, и, скажем, популярный в начале XX столетия журнал «Новь» освещал историю О.Г. Высоцкой, которой домогался управляющий железной дорогой¹¹. Монография касается похожих случаев и недружелюбных выходов сослуживцев-мужчин, но только как препятствий, преодолеваемых, которые «повседневным трудом железнодорожницы доказали свою полезность» (с. 147–149).

«Женская история — вовсе не простое дело», — предупреждает Л. Абрамс. Под характеристику этого учёного вполне подходят представленная мо-

нография и её автор: «Большинство так называемых негендерных (неориентированных на различия в положении полов) историков, пытающихся включить в свои широкомасштабные исследования женскую тему, рассматривают женщин как предмет подчинения, пассивный объект заранее определённого исторического ландшафта»¹².

Примечания

¹ Глинская А.А. Служба женщин на железных дорогах // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 400.

² Флейшиц Е.А. О женской адвокатуре // Право. 1910. 10 января.

³ Подразумевается распределение мужчин и женщин по отраслям, профессиям, позициям, оплате труда, режимам работы, условиям профессиональной мобильности. См.: Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб., 2015. С. 468.

⁴ Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, власть и гендерная политика. М., 2015. С. 137–138.

⁵ См., например: Вадемекум по высшему женскому образованию. Киев, 1915. С. 167–174, 189–192, 200–203, 212–216.

⁶ Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 14.

⁷ ПСЗ-III. Т. 20. СПб., 1902. № 18562.

⁸ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 227.

⁹ О.А. Хасбулатова обуславливает гендерную политику господствующим в обществе и политической элите пониманием сущности женского вопроса, идеологией по отношению к женщине, типом экономических отношений и степенью социально-экономического развития государства, характером политического режима, уровнем демократии, а также позицией и инициативностью субъектов государственной политики: властных структур, политических партий, общественных движений, населения (Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново, 2005. С. 7).

¹⁰ Само понятие «гендер» представляется системой межличностных отношений, являющихся основой общественной стратификации по признаку пола (Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 168).

¹¹ См.: Пономарёва В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX в. М., 2019. С. 194.

¹² Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 17–19.

Олег Айрапетов

Рец. на: Ю.А. Бахурин. Фронт и тыл Великой войны. М.: Пятый Рим, 2019. 1133 с.

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Yu.A. Bakhurin. Front i tyl Velikoy voyny. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23030197, EDN: ESRWCI

В отличие от многих работ, в которых плач о «неизвестной» или «забытой» войне густо перемешивается с хорошо известными фактами, книга Ю.А. Бахурина заслуживает того, чтобы её внимательно прочли. Достаточно отметить, что список используемых в ней источников и исследований занял почти 100 страниц. Автор изучил

материалы 80 фондов, хранящихся в 24 центральных, областных и республиканских архивах России, Белоруссии и США (с. 1031–1129). Текст построен по тематическому принципу, причём каждая из его 17 глав состоит из нескольких разделов (всего их 62) и завершается объёмным документальным приложением. Хронологически

одна из глав может заканчиваться Брестским миром или событиями начального периода Великой Отечественной войны, а следующая — освещать историю Новогеоргиевской крепости со времён Наполеона I до 1915 г. Всё вместе это напоминает скорее серию очерков, нежели единую монографию. Всё же русский «фронт и тыл» Первой мировой войны — две практически безграничные темы, и обращение к ним требует уточнения исследовательской задачи. Но в книге оно отсутствует. Автор попытался включить в неё самые разные сюжеты от производства сапог и боевых отравляющих веществ до использования на войне домашних животных и анализа биографий некоторых лиц. Однако при этом он прошёл мимо проблемы снабжения фронта артиллерией, ручным стрелковым оружием и боеприпасами.

Основную часть работы открывает детальный обзор легенд о столкновении между генералами А.В. Самсоновым и П.К. Ренненкампом на вокзале в Мукдене (с. 21–35). Бахурин основательно потрудился и убедительно показал, что «мифическая ссора генералов» (с. 32), которые то и дело лупят друг друга перчатками, кулаками и нагайками на страницах современных газет, журналов, художественных произведений и даже иных научных трудов, не имеет никакого отношения к действительности. Всё это верно, но как связан этот рассказ с остальными разделами, непонятно. Автор упоминает об этом эпизоде лишь в начале эмоциональной главы о Феврале 1917 г. (с. 777). То же самое можно сказать и про обросшее слухами и сказками «мясоедовское дело» и описание обстоятельств самоубийства начальника жандармского отделения в Вержболово полковника А.Д. Веденяпина (с. 35–42).

Затем внимание автора сосредотачивается на обеспечении армии

в походе питанием и, в частности, горячей пищей. Военно-полевые кухни, пекарни и т.п., конечно, имели чрезвычайно важное значение для поддержания боеспособности солдат, однако данный аспект истории, как правило, обходят стороной. Бахурин удачно закрывает эту лакуну, и выясняется, что наладить правильное, т.е. бесперебойное снабжение войск продовольствием в 1914–1916 гг. так и не смогли, за исключением самого начала войны, которое везде было сытым и радостным даже для солдат (с. 51–58). При этом особо указывается на противоречия между заказами Военного министерства и Министерства земледелия (с. 61–63). Однако привлечение официальных отчётов центральных органов власти, безусловно, позволило бы существенно расширить исторический контекст и сделать картину более полной.

В среднем в пятилетие перед войной из России ежегодно вывозилось по 725 млн пудов хлеба, 4 млн пудов масла, 11 млн пудов сахара и 3300 млн яиц¹. В 1914 г. страна оказалась фактически в блокаде, внешняя торговля велась только через Архангельский и Владивостокский порты, на которые в 1913 г. приходилось лишь 3% грузооборота империи². Торговые связи с Германией оказались разорваны, а с Англией — крайне затруднены. Между тем на эти государства в 1913 г. приходилось 60% товарооборота России³. Правительство действовало на хлебном рынке неумело и приступило к централизованным закупкам только через несколько месяцев после мобилизации⁴.

В результате в феврале 1915 г. в МВД уже составляли список городов, где наблюдались проблемы со снабжением⁵. Поползли слухи о том, что русский хлеб окольными путями поставляется в Германию. 14(27) февраля главному начальнику Петроград-

ского военного округа даже пришлось отдать приказ, запрещавший газетам публиковать такого рода новости без доказательств⁶. С 3(16) февраля 1915 г. заседало совещание уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлебов. Его участники сразу же признали желательность реквизиций и установления твёрдых цен для пресечения спекуляции продовольствием⁷. 17 февраля (2 марта) 1915 г. главные начальники военных округов получили право устанавливать предельные цены на продовольствие и фураж, а в случае отказа от добровольных сделок — назначать реквизиции по особо установленным ценам. В результате к середине лета 1915 г. было реквизировано 225 тыс. пудов, тогда как добровольные закупки составили 141 820 тыс. пудов зерна. Это естественно отразилось на настроениях крестьян, которые, по выражению автора, «стали зажимать зерно» (с. 61–62). В городах участились перебои с хлебом⁸. Пытаясь хоть как-то восполнить нехватку рабочих рук в деревне, правительство разрешило отпускать военнопленных на сельскохозяйственные работы⁹.

В 1915 г., несмотря на то, что урожаи 1914–1915 гг. выдались не хуже предшествующих лет, а экспорт продовольствия значительно сократился, ожидаемого снижения цен не последовало. Наоборот, в первом полугодии 1915 г. пшеница подорожала на 15–30%, рожь — на 10–60%, а во втором полугодии — на 25–60% и 20–90% соответственно. Стоимость овса в связи с массовыми закупками на нужды армии выросла к началу 1915 г. вдвое. Министр земледелия гр. А.А. Бобринский ввёл фиксированные цены на основные предметы продовольствия. Если же владельцы отказывались продавать свой товар за эти деньги, представители правительства могли реквизировать продукты, уплачивая за них

ещё на 15% меньше, чем изначально предполагалось¹⁰.

Особое внимание при закупках хлеба уделялось Петрограду и промышленным центрам. Организацией их снабжения занимались органы самоуправления. 149 городов, 9 губернских и 27 уездных земств получили ссуды на 18,3 млн руб. и правительственные гарантии на 9,2 млн руб.¹¹ Однако к началу 1916 г. ситуация только ухудшилась, закупить удалось всего 176 387 тыс. пудов продовольствия и зерновых. Наряд по муке и мучным продуктам был выполнен на 58%, по фуражу — на 47%, по крупам — на 84%¹².

Урожай 1916 г. по всей Европе оказался скудным. Впрочем, по данным Статистического комитета МВД, рост запасов товарного хлеба с 1(14) июля по 1(14) сентября 1916 г. составил 15 589 704 пуда, а их общее количество по всей империи достигло 168 523 992 пуда (120 538 712 пудов — в Европейской России, 18 594 038 — на Кавказе, 29 391 242 — в Сибири и Средней Азии)¹³. К 1(14) октября запасы торгового хлеба, не считая уже закупленного для армии, увеличились на 8 661 581 пуд — до 174 185 573 пудов (142 616 127 пудов — в Европейской России, 12 895 596 — на Кавказе, 18 675 850 — в Сибири и Средней Азии)¹⁴. Между тем в армии и городах хлеба оставалось всё меньше (с. 71, 74). В августе–ноябре 1916 г. закупки зерна нового урожая составили лишь 102 млн пудов. Кроме того, имелись 85 млн пудов резерва Министерства земледелия¹⁵.

Исправлять ситуацию пришлось А.А. Риттиху¹⁶, возглавившему по рекомендации председателя Совета министров А.Ф. Трепова Министерство земледелия. К моменту его назначения количество хлеба в войсках исчислялось нормами, рассчитанными на несколько дней. Новый министр, заслу-

женно пользовавшийся репутацией энергичного человека и настоящего знатока своего дела¹⁷, прибег к экстраординарным мерам: «Все хлебные грузы, находившиеся в это время в вагонах, были экстренными маршрутными поездами отправлены на фронт. Для удовлетворения неотложных потребностей фронта были почти полностью использованы и те 85 миллионов пудов зерна, которые во время осенней навигации были вывезены на верховья и среднее течение Волги. Принятыми мерами удалось за две недели довести запасы фронтов до менее угрожающего состояния»¹⁸. Выход из кризиса Риттих видел в развёрстке 772,1 млн пудов хлеба по основным губерниям. При этом одну часть урожая полагалось сдавать по фиксированным ценам, а другая подлежала свободной продаже. Осуществление этих планов успешно анализируется автором на материале нескольких уездов Тамбовской, Вятской и Воронежской губерний (с. 76–78), хотя едва ли приведённых им примеров достаточно для вывода об успехе или неудаче политики Риттиха. Официальные данные свидетельствовали о том, что изменение норм оплаты немедленно дало результат — в декабре 1916 г. поставки составили 49 млн, в январе 1917 г. — 65 млн пудов. Прежде всего в это время выполнялись продовольственные наряды фронтов, что позволило к февралю 1917 г. создать там запасы на 18–30 дней. Однако наряды Москвы и Петрограда выполнялись на 10% и менее¹⁹. Так же, если не хуже, снабжались губернские центры (с. 79–80).

Состояние железных дорог лишь усугубляло трудности (с. 80–82). Значение транспорта для военной экономики России следовало бы, конечно, охарактеризовать, ссылаясь не на «историка П.В. Мультатули» (с. 80), а на документы государственных учреждений и должностных лиц, например,

на справку начальника военных сообщений в штабе верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта С.А. Ронжина²⁰ или воспоминания его преемника генерал-лейтенанта М.Н. Тихменёва²¹. Не стоило игнорировать и специальные исследования²².

Источники официального происхождения, к сожалению, полностью отсутствуют и в главе, посвящённой реализации «сухого» закона, введённого после винных погромов во время проведения мобилизации. Между тем систематическое использование всеподданнейших отчётов министров внутренних дел и губернаторов дало бы автору немало полезной информации, которая могла бы существенно дополнить приведённые в книге свидетельства о том, что данная мера способствовала росту недовольства в России и сопровождалась множеством злоупотреблений (с. 130–134). Характерно, кстати, что как в великокняжеской, так и в царской Ставке водка, вино и коньяк подавались без ограничений (с. 112)²³. Пригодились бы ведомственные циркуляры и в разделе о проведении военно-конской повинности и мобилизации (с. 653–676)²⁴.

Оперируя, по его выражению, «скудной статистикой», Бахурин делает ценные наблюдения об обеспечении войск сапогами. На фронте они имелись примерно у 65% солдат, и часть резервов уже в 1915 г. приходилось снабжать лаптями (с. 153). Объяснялось же это не малочисленностью людей, занятых в скорняжном деле или в обувном производстве (с. 149), а дефицитом кож и дубильных веществ для их обработки. В мирное время они в большом количестве импортировались из Германии (с. 154–155), а в годы войны ввоз нескольких миллионов сапог и ботинок заметно обременял финансы, морской транспорт, скромные разгрузочные средства портов и железные дороги

(с. 161). В СССР, как отмечает автор, эту проблему удалось устранить благодаря налаженному производству кирзы (с. 175–176). Однако её изобрели в России ещё в 1903 г., а использовать для голенищ смогли только с 1939–1940 гг., когда овладели технологией изготовления искусственного каучука, что позволило резко увеличить выпуск прорезиненной ткани и собственно резиновой обуви. В 1913 г. в России произвели 40 млн пар резиновой обуви из импортного каучука, а в 1932 г. — 65 млн, в 1937 г. — 100 млн пар, причём три четверти потребностей в каучуке удовлетворялись синтетическим, и четверть — натуральным продуктом²⁵.

В отдельной главе рассмотрены «Суеверия, слухи и пропаганда» военных лет (с. 179–232). Традиционное сознание чутко реагировало на приметы и «знамения» (такие, как солнечное затмение), рассказы о чудесах неизменно производили сильное впечатление на слушателей, особенно в условиях неудач, нередких в 1914–1916 гг. На этом фоне раскручивалась «распутинская история», представленная в книге как череда скандалов, как правило, связанных с сомнительным моральным обликом близкого к царю «старца», которому приписывали политическое влияние и предрасположенность к сепаратному миру с Германией (с. 207–210). Кем и как формировался этот образ, необходимо ещё изучать, не забывая о том, какую роль в этом с 1912 г. играла пресса октябристов и кадетов.

Глава о русской авиации «Двуглавый орёл встаёт на крыло» (с. 235–278) весьма информативна, но в ней почему-то вовсе не говорится о становлении отечественного самолётостроения, начинавшегося с лицензионного производства двигателя, приобретённого перед войной у французской фирмы «Gnome de Rhone», который значительно уступал

по мощности тому, чем в 1914–1916 гг. располагали противники и союзники России. В главе «Химия и смерть» (с. 281–330) раскрывается важная роль Химического комитета Главного артиллерийского управления, но, как ни странно, при этом не используется специальный очерк и воспоминания руководившего им генерал-майора В.Н. Ипатьева (с. 287)²⁶.

Бахурин выявляет немало проблем, которые ещё только предстоит изучить будущим поколениям историков. Среди них и точное определение размера потерь русской армии, масштабов членовредительства и дезертирства, времени возникновения братаний на фронте, значения крепостей и т.д. При этом, утверждая, будто Новогеоргиевск являлся «сильнейшей крепостью Старого света» (с. 651), автор, уделивший ей десятки страниц (с. 607–652), лишь один раз упомянул о количестве и качестве её фортификационных сооружений, не проанализировав ни их состояние, ни возможности находившейся на верках артиллерии, о которой можно судить лишь по перечислению трофеев, захваченных немцами. В целом, это всё же была уже устаревшая крепость с совершенно неподготовленным к обороне гарнизоном. В 1915 г. при отступлении из Царства Польского М.В. Алексеев констатировал: «Остался один Новогеоргиевск, лежащий от всего в стороне и ничего не прикрывающий и не останавливающий на себе внимание немцев: он ничему не грозит и их не беспокоит, а составляет в своём настоящем положении предмет моего беспокойства»²⁷.

Весьма обстоятельная глава «Великий исход» (с. 679–774), опирающаяся на солидный круг источников и литературы, раскрывает положение депортированных лиц и этнических групп, а также беженцев 1914–1915 гг. Правда, и тут использование данных

официальной статистики сделало бы картину более полной и позволило бы, к примеру, внести необходимые уточнения в рассказ о «массовых депортациях» еврейского населения (с. 691). При оценке масштабов их выселения (с. 696–697) не следует забывать, что число депортированных с той или иной территории не могло заметно превышать её довоенное иудейское население. Из Курляндской губ. нельзя было выслать 300 тыс. евреев (с. 699), поскольку там их проживало всего 57200. Депортации по приказу вел. кн. Николая Николаевича имели место, однако они не только не напоминали библейский Исход (с. 692), но и почти не изменили этнический состав местных жителей. Вполне убедительно выглядят приведённые в книге данные М.А. Михалёва и С.А. Пьянкова: общее число вынужденных переселенцев — 3 млн 113 тыс. человек, из них 1 млн 693 тыс. русских, 483 тыс. поляков, 277 тыс. латышей, 190 тыс. евреев, 133 тыс. немцев и т.д. (с. 704). Как всегда, больше всего страдали самые многочисленные категории беженцев и особенно те, кто не мог опереться на поддержку хорошо организованных национальных и религиозных общин в крупных городах.

Завершающая книгу глава «Несколько загадок заката Великой войны» (с. 777–876) посвящена событиям Февральской революции 1917 г. Бахурин отталкивается от «тайны святого переворота» (с. 777), пишет об Алексееве как о «конфликтном администраторе» (с. 782–783), но несколько упрощённо излагает мотивы его поведения и контакты с лидерами либералов и представителями генералитета. При детальном анализе событий в Петрограде не упомянута единственная специальная работа о гарнизоне столицы²⁸. Для лучшего их понимания следовало бы обратить внимание на требования военного законодатель-

ства, определявшего правовое положение нижних чинов императорской армии²⁹. Во всяком случае, это было бы содержательнее обсуждения версии, согласно которой император не отрекся от престола вовсе или отрекся незаконно, поскольку революция не предусматривалась Сводом законов (с. 806–820). А вот заговор генералов, все упоминания о котором автор книги неизменно берёт в кавычки, как раз стоило бы оценивать на основе действовавших тогда в Российской империи юридических норм.

Так или иначе, в феврале 1917 г. всё с самого начала пошло не так именно потому, что задуманный государственный переворот провалился и перешёл в революцию, что, кстати, не сразу заметили заговорщики — А.И. Гучков, П.Н. Милюков и др., являвшиеся влиятельными политиками только при наличии полиции, которую они разогнали, и Думы, забытой ими, несмотря на недавние призывы создать ответственное перед ней правительство, на следующий же день после свержения императора.

Странное впечатление производит раздел о пресловутом германском участии в захвате власти большевиками в октябре 1917 г. (с. 829–876). В нём разобраны популярные публикации некоторых современных скандалистов, вспоминать о которых в научном труде вообще излишне.

Впрочем, всё это не умаляет значения проделанной Ю.А. Бахуриным работы. Нельзя не отметить, что в своей книге он весьма удачно сравнивает положение дел в России и у её союзников и противников. Но его труд заметно бы выиграл, если бы вместо критики публикаций явно ненаучного характера автор несколько расширил бы источниковую базу, придал больше цельности собранным воедино очеркам и подвёл итоги своего исследования в заключении.

Примечания

¹ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. Пг., 1916. С. 102.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 107.

³ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1914 год. Пг., 1915. С. 73–74.

⁴ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 8.

⁵ Административные известия. К борьбе с дороговизной предметов первой необходимости // Правительственный вестник. 1915. 6(19) февраля. № 29. С. 2.

⁶ Административные известия. Совещание по закупке хлеба для армии // Правительственный вестник. 1915. 14(28) февраля. № 37. С. 2.

⁷ Административные известия. Совещание по закупке хлеба для армии. // Правительственный вестник. 1915. 6(19) февраля. № 29. С. 2.

⁸ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 8–9.

⁹ Административные известия. Отпуск военнопленных на сельскохозяйственные работы // Правительственный вестник. 1915. 8(21) февраля. № 31. С. 3.

¹⁰ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 103–104.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Торговые запасы хлеба в Империи // Правительственный вестник. 1917. 3(16) января. № 2. С. 3.

¹⁴ Торговые запасы хлеба // Правительственный вестник. 1917. 1(14) февраля. № 26. С. 2.

¹⁵ Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. Ч. 2. М., 1978. С. 219, 223.

¹⁶ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 4. Л., 1925. С. 77.

¹⁷ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1967. № 181. С. 80.

¹⁸ Журналы Особого совещания... Ч. 2. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ Ронжин С.А. Военные сообщения и управление ими. Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [Вашингтон], 1925.

²¹ Тихменёв Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.

²² Хейвуд Э. Инженер революционной России. Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952) и железные дороги. М., 2013.

²³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 12; Knox A. With the Russian army 1914–1917. Vol. 1. L., 1921. P. 45.

²⁴ Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской, военноконской и военно-повозочной повинности. СПб., 1913.

²⁵ Ведомственные стандарты на обувь армейскую, флотскую и для начсостава. М.; Л., 1940. С. 9–11; Общая химическая технология. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 362–363; Глезер Г.М. Кирза // Химия и жизнь. 2013. № 2. С. 10–11.

²⁶ Ипатьев В.[Н.] Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945.

²⁷ ОР РГБ, ф. 855, к. 2, д. 8, л. 7.

²⁸ Асташов А.Б. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 1. При этом Бахурин учёл в книге 15 других статей и монографию Асташова.

²⁹ См., в частности: Устав о воинской повинности, дополненный позднейшими изменениями по 1 сентября 1912 г. (кодифицированное издание), с разъяснениями, извлечёнными из решений Правительствующего Сената, приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба и Министерства внутренних дел. СПб., 1913; Александрович Д.А. Устав внутренней службы рядового, казака, канонира. Сборник избранных сведений из Устава внутренней службы, знание которых обязательно для каждого нижнего чина согласно высочайше утверждённого перечня. Киев, 1911; Общие сведения из уставов: внутренней службы и дисциплинарного. Пг., 1916.

Evgeniy Guryev

(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia),

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

New publications on the history of the Second Defense of Sevastopol

DOI: 10.31857/S2949124X23030203, EDN: ETTZPI

Второй обороне Севастополя 1941–1942 гг. не повезло в историографии. Нельзя сказать, что о ней не писали. Посвящённые ей работы советских историков до сих пор не утратили своего значения. Среди них выделяется коллективный труд, созданный самими защитниками города, включая одного из их руководителей — А.Ф. Хренова¹. Не менее значимы монография видного участника тех событий П.А. Моргунова² и книга капитана I ранга А.В. Басова³.

Однако всё ещё нет фундаментальной обобщающей истории битвы, в которой были бы раскрыты не только собственно боевые действия, но и такие аспекты, как специфика принятия управленческих решений в условиях осады, повседневная жизнь и способы выживания горожан и т.п. Впрочем, она, безусловно, появится, судя по неослабевающему интересу к теме, то и дело выходящим серьёзным исследованиям⁴ и активной публикации документов⁵. Важным шагом на этом пути представляется издание в 2021–2022 гг. двух ценных сборников, подготовленных к печати В.В. Лебединским, А.В. Ефимовым и А.А. Коханом. Работавшие над этими томами московские историки — родом из Крыма и известны глубоким

знанием прошлого Севастополя, в котором начинали свою профессиональную деятельность.

В 2021 г. благодаря усилиям Лебединского, Ефимова и Кохана вышли в свет оперативные сводки, составлявшиеся, как правило, дважды в день офицерами-операторами Черноморского флота исключительно для служебного пользования — их сразу же направляли в штаб флота на Кавказ, а оттуда — в Ставку, наркому ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову. Ранее они были засекречены и доступны лишь сотрудникам исторического отдела Главного штаба ВМФ. В частности, они использовались при работе над «Хроникой Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»⁶, также имевшей гриф «секретно» (важную роль в её написании сыграл капитан административной службы В.М. Ковальчук, в конце 1930-х гг. окончивший исторический факультет Ленинградского государственного университета и ставший впоследствии одним из крупнейших исследователей блокады, заметно повлиявшим на формирование традиций петербургской научной школы).

Всего в книгу включено 625 документов, которые прежде не публиковались. Они содержат детальную ин-

* Оперативные сводки Штаба Черноморского флота, 1941–1942 гг. Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент., указатели А.В. Ефимова, А.А. Кохана, В.В. Лебединского. М.: Книгиздат, 2021. 528 с.; Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 — июль 1942 г.). В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент., указатели А.В. Ефимова, А.А. Кохана, В.В. Лебединского. Т. 1. 222 с.; Т. 2. 274 с. М.: Институт востоковедения РАН, 2022.

формацию о характере и специфике боевых действий флота и войск Красной армии в ходе обороны Крыма с осени 1941 г. по 30 июня 1942 г., т.е. практически до последнего дня защиты Севастополя. В частности, в них отражены укрепление оборонительных линий на керченском и севастопольском направлениях, проведение Керченско-Феодосийской десантной операции 25–31 декабря 1941 г., противодействие июньскому наступлению немцев в 1942 г., меры по снабжению осаждённого города и усилению обороны Кавказского побережья. Наиболее подробно в сводках показана охрана водного района главной военно-морской базы: борьба с минами, работа ВВС, аварии и гибель самолётов, выход и прибытие кораблей, конвои и переходы, потери судов (с указанием приблизительных координат, что облегчает задачу поисковиков и идентификацию обнаруженных объектов), боевая жизнь Севастополя, Керчи и Азовской военной флотилии. Командованию сообщалось, например, о количестве листовок и газет «Красный Крым», сбрасывавшихся на удерживаемые ещё позиции, о качестве радиосвязи, загруженности госпиталей и числе скончавшихся за истекший промежуток времени бойцов. Особую ценность сводкам придаёт то, что в них фиксировались представления о *текущих событиях* и меняющейся обстановке хорошо информированных военных профессионалов высокого класса. Вместе с тем сборник, безусловно, характеризует стойкость и мужество героев Севастополя.

Не менее интересен и выпущенный Лебединским, Ефимовым и Коханом в 2022 г. двухтомный «Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 — июль 1942 гг.)». Его подготовила вскоре после оставления города Комиссия по составлению краткого отчёта о Севастопольской обороне 1941–1942 гг.,

сформированная из высокопоставленных офицеров штабов Черноморского флота и Приморской армии, опиравшихся на имевшиеся в их распоряжении материалы частей и соединений. Представленный ими текст 12 октября 1942 г. одобрили командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и член его Военного совета дивизионный комиссар вице-адмирал Н.М. Кулаков. Это, безусловно, памятник эпохи, в котором изложена и аргументирована позиция лиц, отвечавших за защиту города и вынужденных после его оставления объяснять свои решения и анализировать допущенные ошибки.

Впоследствии, несмотря на закрытый характер документа, им неоднократно пользовались специалисты. А тот же Октябрьский в 1961 г. даже вносил в него чернильные и карандашные поправки (о чём комиссия под председательством вице-адмирала И.Д. Елисеева составила особый акт) (Т. 1, с. 7–8). Широкий круг читателей получил возможность ознакомиться с «Отчётом» только сейчас.

В данном источнике системно показано функционирование Севастопольского оборонительного района (также находившегося под командованием Октябрьского) в дни осады: приведены сведения о численности и боевом управлении его защитников, характеризуется соотношение сил сторон, говорится об инженерных сооружениях, противотанковых заграждениях, противодесантных мероприятиях, о ходе сражений и отражении первого и второго штурмов Севастополя, о координации и результатах действий флота, ВВС, артиллерии, ПВО, об обеспечении снабжения, коммуникаций и связи, о состоянии тыла, эвакуации раненых и гражданского населения и т.д. Вместе с тем в самом «Отчёте» отмечалось: «Огромный материал, имеемый по Севасто-

польской эпопее 1941–1942 гг., ждёт своих исследователей и писателей. Данный материал представляется в сыром виде, наспех составленный, и не может считаться полноценным, он даёт лишь общее представление, и то неполное, о знаменательной оброне» (Т. 1, с. 189).

К сожалению, в историографии Великой Отечественной войны до сих пор остаётся немало нераскрытых и, по сути, табуированных сюжетов. К их числу относятся и обстоятельства падения Севастополя летом 1942 г.

Незадолго до этого, когда положение стало почти безнадёжным, Ставка формально одобрила предложение Октябрьского об эвакуации из города *ответственных работников*. В итоге, по словам историка-краеведа И.С. Манюшина, «командование Черноморского флота бежало из города на самолёте, а для эвакуации командования сухопутных войск, партийных и советских руководителей предоставило две подводные лодки». При этом «оставленные на произвол судьбы защитники Севастополя сражались до последнего патрона»⁷. Неудивительно, что те немногие из десятков тысяч солдат, матросов и офицеров, кому удалось выжить, до самой смерти буквально ненавидели и проклинали командовавшего ими адмирала, видя в нём своего «злого гения». Как признавался в мемуарах бывший первый секретарь горкома партии и председатель комитета обороны Севастополя Б.А. Борисов, «мучила горечь, обида, *неловкость* (выделено нами. — Е.Г., А.П.) от того, что мы уходим, а в городе остаются ещё тысячи севастопольцев. Но иного выхода не было... Эвакуироваться на Большую землю всё равно удалось бы немногим»⁸.

Уверенность Октябрьского в предрешённости оставления крепости удивляла командиров. Начальник штаба Приморской армии (впослед-

ствии маршал Советского Союза) Н.И. Крылов свидетельствовал, что «само слово “эвакуация” прозвучало достаточно неожиданно». «Не знаю, — отмечал он, — был ли в моей службе другой приказ, которому я подчинился с таким тяжёлым чувством. Не понимал, почему должен уйти в числе первых. Мысль, что это, может быть, избавит меня от гибели, как-то не приносила облегчения. Да и, честно говоря, очень не хотелось лезть в подводную лодку. Не было никакой уверенности, что она дойдёт. А если погибать, так лучше уж на суше, на родной земле»⁹.

Покинувший город на транспортном самолёте вместе с Октябрьским Кулаков также утверждал, что «об эвакуации в Севастополе не только не говорили, но и не думали о ней, её не планировали, считали невозможной. И потому, когда я где-то в двадцатых числах июня стал понимать, что нам, севастопольцам, очевидно, не устоять, это сознавалось и как конец собственной жизни»¹⁰. По-видимому, и Октябрьский, и Кулаков воспринимали решение об отъезде из *всё ещё удерживаемого* города как необходимость, продиктованную условиями обстановки. «Тяжело было уходить, но другого выхода не оставалось», — писал Кулаков в первой версии своих мемуаров¹¹. «Когда в тот день, ещё не на заседании Военного совета, а наедине со мною, — рассказывал вице-адмирал позднее, — командующий заговорил о возможной эвакуации и, в частности, о том, что надо постараться сохранить *нужные армии и флоту кадры* (выделено нами. — Е.Г., А.П.), меня охватило — поскольку это касалось и меня — двойственное чувство. Конечно, война продолжалась, и войны, особенно командные кадры, прошедшие через огонь Одессы и пекло Севастополя, ещё какгодились бы на других участках фронта. Но приме-

нить эти доводы к самому себе оказывалось непросто. Потом убедился: так воспринимали это и другие — сама мысль о том, что *ты можешь или даже должен* (выделено нами. — Е.Г., А.П.) эвакуироваться из Севастополя, укладывалась в наших головах не сразу»¹².

Мемуарист оставил яркое описание бегства: «Переполненный “Дуглас” (Ли-2) — последний транспортный самолёт, взлетевший с Херсонесского аэродрома (нетранспортные, боевые улетели ещё раньше), — вёл старший лейтенант М.С. Скрыльников. Машина, стоявшая до вылета в капони́ре, прокатилась по земле среди разрывов снарядов и мин, в воздухе круто отвернула от возникшего впереди сплетения огненных трасс и нырнула в протянувшуюся над берегом полосу облаков. За нами не гнались, не преследовали нас вражеские истребители. Может быть, потому, что самолёт улетел со значительным интервалом после остальных. Мы с Ф.С. Октябрьским сидели на откидной скамье в хвосте машины. Рядом — член Военного совета Приморской армии М.Г. Кузнецов, начальник тыла армии А.П. Ермилов. За весь полёт никто не проронил ни слова. Сели на небольшом аэродроме вблизи Краснодара. Когда были выключены моторы, ошеломила царившая здесь тишина. Ни выстрелов, ни разрывов... Оглушённые этой непривычной тишиной, опьянённые свежестью раннего летнего утра, мы в первые минуты едва воспринимали то, что говорили встретивших нас товарищи»¹³.

В дальнейшем Кулаков снискал печальную славу «обвинителя» на позорном процессе по «адмиральскому делу» 1948 г., на котором судили Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, Г.А. Степанова и Н.Г. Кузнецова. «Весь ход “дела” показывал, — вспоминал Николай Герасимович, — что не было сколько-нибудь серьёзных

правонарушений со стороны всех “обвиняемых”... До сих пор звучит в ушах голос обвинителя Н.М. Кулакова, который, уже называя нас всякими непристойными словами, требовал как можно более строго нас наказать»¹⁴.

Командующий Приморской армией генерал И.Е. Петров покидал войска в подавленном состоянии. Впечатления очевидца выразительно передал начальник оперативного отдела штаба армии генерал-майор А.И. Ковтун-Станкевич: «Звук боя всё ближе и ближе. Солдаты молча наступали перед Петровым. Петров шёл ровно, по-военному, но лицо было убитое, голова тряслась. Мы спустились к берегу. Здесь была давка. У причала была моторная шхуна, пробиралась к ней с трудом... Шхуна отвалила и пошла к подводной лодке»¹⁵.

Щекотливость ситуации сознавал и Кузнецов, явно искавший приемлемые формулировки для объяснения случившегося: «30 июня Ставка приняла решение оставить город. В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск... Были ли приняты все меры для эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, главнокомандованием Северо-Кавказского направления, которому Черноморский флот был оперативно подчинён, и Наркоматом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка. Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя ещё ждёт объективного, исторического анализа; сделать подробный анализ в рамках воспоминаний трудно»¹⁶.

Николай Герасимович полагал, что «об эвакуации войск, конечно, следовало подумать нам, в Наркомате ВМФ, подумать, не ожидая телеграммы из Севастополя. Никакая другая инстанция не должна была заботиться о защитниках Севастополя так, как Главный морской штаб под руководством наркома. Ни оперативное подчинение флота Северо-Кавказскому направлению, ни руководство Севастопольским оборонительным районом (через главкома направления или непосредственно со стороны Ставки) — ничто не освобождало от ответственности нас, флотских руководителей в Москве. И меньше всего следует упрекать в непредусмотрительности местное командование, которому была дана директива драться до последней возможности. Военные советы Черноморского флота и Приморской армии со своими штабами в обстановке напряжённых боёв не могли заранее заниматься разработкой плана эвакуации. Всё их внимание было сосредоточено на отражении атак врага. Больше внимания назревавшей эвакуации из Севастополя мог уделить и штаб главнокомандования направления, находившийся в Краснодаре. Когда 30 июня Ф.С. Октябрьский доложил о необходимости оставить Севастополь, нам в Москве представлялось, что борьба может продлиться ещё неделю—две. Но этот расчёт был неверен, мы переоценили силы и возможности обороняющихся. Прорыв противника с Северной стороны на Корабельную оказался для нас неожиданным. Както, уже позже, я разговаривал об этом с адмиралом И.С. Исаковым, который был в те дни заместителем главкома и членом Военного совета направления. Он откровенно сказал, что “если бы эвакуация была до деталей продумана и проведена раньше, возможно, удалось бы вывезти больше

людей”. Но это только предположение. Если бы мы, скажем, в середине июня 1942 года поставили перед Ставкой вопрос об эвакуации Севастополя и получили разрешение, что маловероятно, то в этом случае было бы вывезено больше людей и даже кое-какая техника. Но в таком грандиозном сражении, какое происходило за Севастополь, никто не мог предусмотреть, когда возникнет критическое положение. Приказ Ставки, весь ход войны, обстановка тех дней на фронтах требовали драться в Севастополе до последней возможности, а не думать об эвакуации. Иначе Севастополь не сыграл бы своей большой роли в борьбе за Кавказ и косвенно за Сталинград, армия Манштейна не понесла бы таких потерь и была бы переброшена раньше на новое важное направление»¹⁷.

В историографии данный эпизод оказался «приглажен». Заместитель Октябрьского по береговой обороне флота генерал П.А. Моргунов уверял, что «командование фронта, флота и Приморской армии принимали все меры, чтобы вывезти как можно больше защитников Севастополя, особенно раненых»¹⁸. А современные учёные ограничились констатацией того, что «эвакуация командования произвела тяжёлое впечатление на оставшихся защитников Севастополя»¹⁹. Между тем она породила хаос в управлении, ускорив падение города.

Очевидно, для всестороннего осмысления всех обстоятельств второй осады Севастополя потребуется ещё не одна публикация документов, не говоря уже о монографиях и статьях. Однако труд, проделанный В.В. Лебединским, А.В. Ефимовым и А.А. Коханом, существенно расширяет возможности исследователей и станет надёжной опорой для тех, кто погружается в изучение трагических событий 1941—1942 гг.

Примечания

¹ Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д., Сахно С.Т., Хренов А.Ф. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942. М., 1969. См. также: Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Киев, 1995.

² Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979.

³ Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987.

⁴ Нуждин О.И., Рузаев С.В. Битва за Севастополь. Последний штурм. М., 2015; Нуждин О.И., Рузаев С.В. Севастополь осенью 1941 года: хроника осаждённого города. Екатеринбург, 2017; Лубянов А.Н. Севастополь. Вторая оборона. Севастополь, 2019; Исаев А.В., Глухарёв Н.Н., Романько О.В., Хазанов Д.Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. Изд. 2. М., 2021; Рузаев С.В. Деятельность органов власти города Севастополя в 1941–1942 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. См. также: Рудник С.Н. «Мы свой воинский долг выполнили до конца, пусть знают об этом люди!»: героическая трагедия обороны Севастополя в июне–июле 1942 года // Великая Отечественная война и проблемы советского общества, образования и науки. Материалы международной научной конференции 24 июня 2015 года. СПб., 2015. С. 37–47.

⁵ См., в частности: Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост. А.В. Исаев, Н.Н. Глухарёв, Д.Б. Хазанов. М., 2017; «Здесь

кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг. Сборник документов / Сост. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, Ж.Я. Рахаев, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2020.

⁶ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1–6. М.; Л., 1945–1951.

⁷ Манюшин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. М., 2009. С. 282.

⁸ Борисов Б.А. Школа жизни. М., 1971. С. 208.

⁹ Крылов Н.И. Огненный бастион. М., 1973. С. 413.

¹⁰ Кулаков Н.М. Доверено флоту. М., 1985. С. 315.

¹¹ Кулаков Н.М. 250 дней в огне. М., 1965. С. 119.

¹² Там же. С. 315.

¹³ Там же. С. 316–317.

¹⁴ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 25.

¹⁵ Ковтун-Станкевич А.И. Севастопольские дневники // Новый мир. 1963. № 8. С. 154.

¹⁶ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1975. С. 207–208.

¹⁷ Там же. С. 208–209.

¹⁸ Моргунов П.А. Героический Севастополь. С. 452.

¹⁹ Исаев А.В., Глухарёв Н.Н., Романько О.В., Хазанов Д.Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. М., 2016. С. 467.

Ирина Хрулёва

К 130-летию «великого труженика войны» А.В. Хрулёва*

Irina Khruleva

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

To the 130th anniversary of the «great worker of war» A.V. Khrulev

DOI: 10.31857/S2949124X23030215, EDN: EUEQTD

Юбилейные даты всегда становятся поводом для выхода в свет публикаций, посвящённых знаковым событиям и известным персоналиям. Рецензируемое издание, на первый взгляд, подчинено именно этой логике: в сентябре 2022 г. отмечалось 130-летие со дня рождения генерала

армии Андрея Васильевича Хрулёва — начальника тыла Красной армии в период Великой Отечественной войны. Книга издана Военной академией материально-технического обеспечения, автором вступительного слова и главным редактором выступил Герой России, генерал армии Д.В. Бул-

* Поправко Е.А. Неизвестный Хрулёв. СПб.: Р-Копи, 2022. 314 с.

гаков, рецензентами стали известные историки, специализирующиеся на проблемах истории войн и силовых структур государства.

Однако в отличие от традиционных «юбилейных» изданий, рецензируемая монография является результатом пятилетней кропотливой работы её автора Е.А. Поправко во многих федеральных, региональных и ведомственных архивах. Также автором были получены электронные копии материалов Великомихайловского музея им. Первой Конной армии (с. Великомихайловка, Белгородская обл.). Некоторыми материалами семейного архива поделились представители семьи Хрулёва. Отдельные аспекты избранной темы стали предметом публикаций Поправко¹.

Исследование начинается с анализа предшествующей историографии. Автор отмечает, что, как минимум, три раза персоналия Хрулёва становилась предметом большого исследования². Существенное влияние на историографию оказала первая книга-биография, написанная И.С. Шияном. Она сформировала определённый «канон», которому доверяли, следовали и из которого заимствовали последующие биографы. Поправко анализирует ещё четыре группы исследований, в которых «можно найти монографии или отдельные статьи, где есть упоминания об А.В. Хрулёве, приводятся оценки его деятельности современниками» (с. 8). Отмечается и противоречивость оценок, и заимствование одних и тех же шаблонных образов, и определённая «обезличенность» истории тыла, мифологизация и откровенные подлоги (яркий пример — версия о причастности Хрулёва к делу маршала А.И. Егорова, см. с. 14–15). По мнению автора, всё это мешает объективному и целостному восприятию личности Андрея Васильевича. Цель своего исследования

Поправко формулирует так: «Исследовать те этапы биографии А.В. Хрулёва, которые до сих пор не попадали в поле зрения историографии, показать процесс личностного развития советского руководителя и военачальника с момента рождения и до завершения карьеры» (с. 15).

Значительное внимание автора монографии к Петербургскому—Петроградскому этапу жизни Хрулёва объясняется тем, что период детства и юности будущего военачальника освещался в предшествующей историографии поверхностно и фрагментарно. Поправко показывает, что его семья имела крепкое середняцкое хозяйство (в деревне Большая Александровка Редькинской волости Ямбургского уезда Петербургской губ.), многие её представители обладали лидерскими качествами. Не только Андрей, но и его братья — Михаил и Павел, а также сестра Евдокия занимали должности разного уровня в системе партийно-государственного аппарата в 1920–1930-х гг. (с. 25). Это вызывало зависть и конфликты с соседями, но поддержка в этих же конфликтах других соседей говорила о наличии авторитета. Забегая хронологически вперёд, автор рассматривает и те события, которые могли в условиях партийных чисток 1920-х гг. «стать основанием для увольнения из РККА, а в дальнейшем — и поводом для репрессий» (с. 30). В 1930 г. члены семьи обвинялись в том, что они — «кулаки» и используют положение родственников — братьев Андрея и Михаила (с. 27–31). Сложный сюжет «семейной истории» — арест и осуждение старшего брата М.В. Хрулёва в 1938 г. Автор отмечает, что и в этом случае органы НКВД собирали сведения о родственниках подследственного, причём особо интересовал их «брат Андрей». В допросах Михаила материалы об А.В. Хрулёве занимают

значительно больший объём, чем вопросы об остальных членах семьи. Эту версию (об особом интересе именно к Андрею Васильевичу) автор подтверждает и анализом других документов, в том числе докладов руководителей НКВД И.В. Сталину (с. 33–34) о «контрреволюционной» деятельности А.В. Хрулёва.

На основе документов, отложившихся в архивах Санкт-Петербурга, Поправко повествует об имущественном положении семьи Хрулёвых, ученичестве Андрея Хрулёва в ювелирной мастерской, работе «счетоводом»/«конторщиком» на Охтенском заводе пороховых веществ. Автор делает интересные выводы о том, «откуда взялись навыки будущего начальника тыла Красной армии: в первооснове они были сформированы на заводе, находившемся в ведении Главного артиллерийского управления и отличавшемся строгостью и жёсткостью правил ведения хозяйственной деятельности и соответствующей документации» (с. 40). По воспоминаниям академика П.Л. Капицы и его супруги А.А. Капицы, которых связывали с Хрулёвым отношения искренней дружбы и взаимного уважения, именно его работа в ювелирной мастерской стала отправной точкой для формирования таких черт характера, как кристальная честность и порядочность (с. 37).

В центре внимания в начальных главах монографии — процесс формирования личности Хрулёва. Как справедливо отмечает автор, что сложившиеся в либеральной историографии 1990-х гг. утрированные представления о том, что советские управленцы — сплошь непрофессионалы, не объясняют ни очевидной социальной поддержки советской власти, ни её устойчивости в условиях серьёзных испытаний первой половины XX в. В монографии исследуются и слож-

ные взаимоотношения органов власти между собой, и трудности создания принципиально новой системы управления, в том числе силовых структур в РСФСР. Эти вопросы исследуются через призму деятельности Хрулёва. Поправко отмечает, что в период пребывания в должности коменданта Революционной охраны (после преобразования — Рабоче-Крестьянской милиции) и через год после отправки Хрулёва в РККА местные партийные органы стремились вернуть его в Петроград, подчёркивая его качества организатора и руководителя, незаменимость в работе. Эта оценка коррелируется и с мнением населения, которое обращалось к коменданту даже в тех случаях, когда это не было связано с его должностными обязанностями. Большое внимание уделяется раскрытию характеристик руководящего стиля молодого управленца, его умению сочетать партийно-идеологическое с прагматическим и практическим: «Уже в первой руководящей должности проявились и умение формировать оптимальную организационно-функциональную структуру при минимальных затратах, и забота об экономии государственных средств. Также в это время проявляются те черты, которые впоследствии станут составляющими индивидуального руководящего стиля А.В. Хрулёва и будут характеризовать его навыки по формированию своей команды и чувство ответственности за этих людей» (с. 56).

Документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ф. Р-73) содержат просьбы коменданта Революционной охраны Пороховых (район Петрограда, где располагался Охтенский завод пороховых веществ) Хрулёва в различные инстанции, касающиеся решения проблем сотрудников охраны: о выделении продуктов питания для дежурных,

предоставлении квартир и комнат гвардейцам, выделении дров служащим комендатуры и т.д. Единственным ходатайством, в которое комендант включил себя (не считая списков на получение оружия), стал «Список должностных лиц Комендатуры Пороховского района Революционной охраны города Петрограда, нуждающихся в приобретении ордеров на получение сапог», составленный в январе 1919 г. (с. 59–60). Рассмотрев ряд проблем (порой весьма курьёзных), с которыми приходилось сталкиваться Хрулёву, Поправко делает вывод о таких качествах молодого руководителя, как «сознательность и строгость, сочувствие к чужой проблеме и милосердие к страждущим, справедливость и рациональность» (с. 89).

Пятая глава «От Южного фронта до Московского военного округа» объединена периодом нахождения Хрулёва на военно-политических должностях в РККА (1919–1930 гг.). Этот этап жизни исследуется на фоне Гражданской войны и военного коммунизма, нэпа и начала Большого скачка. Поправко отмечает, что не служивший ранее в армии человек, не имевший подготовки кавалериста, оказался не только в состоянии «вписаться в коллектив» легендарной Первой Конной армии, но и стать одним из её героев, авторитетных командиров. Описание подвига Хрулёва в феврале 1920 г. при проведении Тихорецкой операции Южного фронта, за который он получил первый в жизни боевой орден — Красного Знамени — попало в мемуары С.М. Будённого: «Рассказ о награждении за боевой подвиг, например, нательным бельём теперь вызывает у читателя улыбку, а тогда это было в порядке вещей. Помню, под Царицыном проявившие в бою мужество и отвагу чаще всего награждались комплектом обмундирования, кожаной тужуркой. Особенно завидовали

тем, кто получил в награду оружие. А что касается ордена Красного Знамени, то к нему представлялись лишь герои из героев» (с. 123). Поправко помогает читателю понять значимость этого события, поясняя особенности наградной системы РСФСР периода Гражданской войны: медалей не существовало (до 1938 г. — первой стала «XX лет РККА»), до 16 сентября 1918 г. не было и орденов. Первый советский орден долго оставался единственным. Второй по времени введения орден (после Красного Знамени) — Трудового Красного Знамени появился уже в СССР в 1928 г.

Шестая, седьмая и восьмая главы «Военный финансист», «В военном строительстве» и «Репрессии: жертвы и палачи» раскрывают возможные причины перемещения Хрулёва с военно-политических на военно-хозяйственные должности, а также показывают новации, предложенные им в этот период. Показана его деятельность в непростой социальной и политической обстановке 1930-х гг. Автор, опираясь на материалы Центрального архива ФСБ России (доступ к которым получила с доверенностью от дочери Хрулёва), полностью опровергла один из мифов о его причастности к делу маршала Советского Союза А.И. Егорова: «В материалах хранящегося в ЦА ФСБ России архивного следственного дела в отношении Егорова А.И. каких-либо упоминаний о Хрулёве А.В. не имеется» (с. 202–206).

Вместе с тем, пишет Поправко, «если репрессии командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии давно уже стали привычным предметом исследования и имеют богатую историографию, то противоположный же процесс — реабилитация — гораздо реже привлекал внимание исследователей, и в основном только в контексте информации о прекращении

уголовных дел или отмене состоявшихся ранее приговоров» (с. 219). Автор сочла необходимым дополнить характеристику личности Хрулёва, показав его как одного из инициаторов и активных участников реабилитации военных руководителей, репрессированных в годы Большого террора. Показаны особенности этой работы, раскрывающие важные черты личности военного руководителя. В основе этой части исследования — материалы, отложившиеся в личном архиве Хрулёва (переписка о реабилитации военных кадров, ставших жертвами массовых репрессий в СССР второй половины 1930-х гг.; запросы, справки, характеристики на репрессированных и членов их семей).

Деятельность Хрулёва по реабилитации жертв репрессий поражает своим масштабом, комплексностью подхода, живым участием и состраданием. До этого в опубликованных исследованиях упоминалось только о его роли в реабилитации В.К. Блюхера, что не позволяло оценить ни масштабы деятельности, ни степень вовлечённости в неё. Важно отметить, что Хрулёв оказывал помощь репрессированным и их семьям ещё до XX съезда КПСС. Самые ранние документы, свидетельствующие о его участии в реабилитации военных кадров и отложившиеся в семейном архиве, датированы 1948 г. Насколько для подобного рода инициатив требовалась смелость и после 1953 г., свидетельствует переписка о реабилитации дивизионного комиссара Г.Е. Письманника. В письмах от 16 января 1956 г. в финансовое управление и финансовый отдел Московского военного округа Хрулёв упоминает, что оказался «единственным человеком, который решился на реабилитацию Письманника», тогда как его сестра и мать не только не захотели подать документы на реабилитацию, но и отказались пустить вдову

пожить у себя в квартире на время рассмотрения дела о реабилитации.

Сотням незаконно осуждённых, отправленных в лагеря и расстрелянных людей было возвращено доброе имя благодаря ходатайству Хрулёва. Среди них начальник Автобронетанкового управления РККА комдив Г.Г. Бокис, создатель и руководитель советской военной разведки; армейский комиссар 2-го ранга Я.К. Берзин, героически погибший в 1941 г., но долго считавшийся предателем; командующий армией, генерал-лейтенант В.Я. Качалов, начальник Военно-хозяйственного управления РККА, член военного совета при наркомате обороны СССР; коринтендант П.М. Ошлей, начальник Управления высших военно-учебных заведений РККА; генерал-лейтенант А.И. Тодорский и многие другие. Важно было добиться назначения пенсий их вдовам (как, например, вдове расстрелянного начальника Военно-медицинской академии комкора В.А. Кангелари), хлопотать о предоставлении квартир (в частности, вдове расстрелянного командующего ВВС РККА Я.И. Алксниса). Хрулёв ходатайствовал также за многих людей, которых знал лично: известного фотохудожника Г.М. Вайля, инженера Г.В. Лаврентьева, крестьянина А.И. Иванова.

Девятая глава «Надёжный тыл» посвящена наиболее исследованному периоду биографии — после 1939 г., когда Хрулёв возглавил Главное интендантское управление, а потом стал начальником тыла Красной армии — заместителем наркома обороны СССР. Не повторяя своих предшественников, автор задаётся вопросом, насколько состояние тыла РККА в межвоенный период соответствовало задачам подготовки к будущей войне. На основании документов военных советов при наркомате обороны демонстрируется фактическая нерешённость проблем тылового обеспечения. К.Е. Вороши-

лов 14 декабря 1935 г. констатировал: «Подготовка всех наших многообразных тылов на военное время у нас отстала от общего развития техники, вооружения и организации армии. Воевать без хорошо налаженного военного хозяйства, прекрасно работающего хозяйственного аппарата, совершенно невозможно. Хороший, крепкий тыл — залог успехов и побед. А у нас немало людей, которые, увлекаясь подготовкой боевой части своих соединений, забывают об этой аксиоме, забывают, что без надёжного тыла самые лучшие войска ничего сделать не смогут» (с. 228—229).

В своих мемуарах Хрулёв так описал состояние тылового обеспечения: «Поход советских войск для освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии обнаружил очень много недостатков в подготовке Советской армии к войне. Армия была очень плохо обеспечена оружием, техникой, снаряжением и даже обмундированием. Эти недостатки особенно остро обнаружились во время финской кампании, начавшейся во время самых сильных морозов, которых не помнили люди на своём роду в течение 50 лет. В армии не было достаточного количества походных кухонь и походных хлебопекарен. В первые же месяцы войны обнаружились большие недостатки в валенках и полушубках. Продовольствие не было пригодно для питания в такие сильные морозы. Хлеб промерзал и становился несъедобным. Производство сухарей не было организовано. Никаких транспортабельных высокопитательных и устойчивых от порчи продуктов питания не было или было очень мало. Финская война раскрыла по-настоящему нам глаза на то, что армия к длительной войне не приспособлена и походными полевыми средствами обеспечена крайне недостаточно, а кроме того, загромождена

очень сложными средствами обслуживания техники и питания бойцов»³.

Именно деятельность Хрулёва создаёт для РККА надёжный тыл — и в структурно-организационном, и в ресурсном, и в кадровом отношении. По справедливому замечанию Поправко, «исходящие из войск документы, цитирующие директивы и шифрограммы начальника тыла РККА, говорят об умении держать под контролем малейшие вопросы обеспечения войск, находить выходы из сложных ситуаций, достигать минимальными средствами максимального эффекта» (с. 256). Однако традиция скромного «обезличивания» деятельности тыловых структур, сложившаяся в советское время, зачастую скрывает автора, инициатора, непосредственного руководителя многих ключевых решений, принятых в годы Великой Отечественной войны. К счастью, в последнее время появляются исследования, анализирующие масштаб деятельности Хрулёва, например — по обеспечению функционирования «Дороги жизни» в блокадный Ленинград; по приёму, хранению и транспортировке грузов, получаемых Советским Союзом по ленд-лизу; по разработке орденов, погон и новой формы; по преодолению транспортного коллапса, сложившегося на железных дорогах в начале 1942 г.; по переброске войск — один масштаб переброски войск на Дальний Восток в 1945 г. поражает воображение, не говоря уже о скорости и координации действий всех служб тыла Красной армии. Залогом успеха зачастую было, по мнению Поправко, «прекрасное знание местных экономических условий (трудовых ресурсов, запасов материальных средств, технологической базы и т.д.), умение держать в голове значительные объёмы информации и использовать её для обеспечения Вооружённых сил» (с. 251). Так, например, Хрулёв на-

много лучше знал хозяйственные возможности города своей юности, чем А.А. Жданов, первый секретарь обкома ВКП(б), возглавлявший партийную организацию Ленинграда с декабря 1934 г. (с. 252–253).

Конечно, проекты такого масштаба невозможно было осуществить без одобрения верховного главкомандующего. Несмотря на наличие у Хрулёва непримиримых оппонентов (прежде всего Л.З. Мехлиса и Н.А. Булганина), готовых в любой момент воспользоваться малейшей возможностью для его дискредитации, в вопросах тылового обеспечения Сталин неизменно прислушивался к мнению Хрулёва. Опираясь на мемуары военачальника и характеризуя отношение Сталина к работе тыловиков, Поправко приводит воспоминания Хрулёва о награждении его орденом Суворова I-й степени в 1943 г. Сталин «не рассматривал дело обеспечения армии как какую-то снабженческую функцию, а расценивал это как оперативную военную деятельность... В 1943 году Сталин позвонил мне и сообщил, что Государственный комитет обороны решил наградить Вас орденом Суворова I-й степени, но [В.М.] Молотов к награждению этим орденом дал неправильную репликацию, которая, по его заявлению, состояла в том, что я награждаюсь орденом Суворова за хорошее снабжение армии. Он тут же заявил, что нет, это неправильно, Вы не снабженец, а Вы — военный работник, который своей деятельностью способствует успехам нашей армии, и тут же предложил мне связаться с Молотовым и дать другую, более подходящую репликацию для оценки моей деятельности» (с. 262).

Заключение к монографии начинается с парадоксального заявления, что критикуемые автором за мифологизацию предшественники правы были в главном — в общей оценке личности

Андрея Васильевича Хрулёва как выдающегося управленца и военачальника. Но автор раскрывает этот парадокс, отмечая, что те оценки, которые ранее являлись частью идеологического мифа, теперь получают реальную опору в документах эпохи, подкрепляются реальными фактами и примерами.

Тем не менее при анализе деятельности Хрулёва пока лишь фрагментарно затронуты материалы Российского государственного архива экономики и Российского государственного архива социально-политической истории. Целый ряд направлений его деятельности только предстоит исследовать, например — роль в восстановлении разрушенной инфраструктуры освобождённых городов как нашей страны, так и европейских государств или уровень влияния и степень вовлечённости Хрулёва в работу высших органов управления периода Великой Отечественной войны. Однако нужно признать, что автор в целом справилась с задачей создать первую научную биографию Хрулёва, раскрыв уникальные черты этого человека и военачальника.

Примечания

¹ Поправко Е.А. Ранний этап биографии А.В. Хрулёва по материалам ЦГА СПб и ЦГИА СПб // Выдающийся организатор материально-технического (тылового) обеспечения (к 125-летию со дня рождения генерала армии А.В. Хрулёва). Материалы межведомственной научно-практической конференции, 22 сентября 2017 года, Санкт-Петербург. СПб., 2017. С. 190–195; Поправко Е.А. Деятельность А.В. Хрулёва по реабилитации военных руководителей, репрессированных в период «Большого террора» // Клио. 2018. № 1(133). С. 150–154; Поправко Е.А. Революционная охрана Петрограда как орган советской власти в 1917–1919 гг. (по материалам биографии А.В. Хрулёва) // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1(47). С. 97–102; Поправко Е.А. Взаимоотношения органов советской власти Петрограда в период её становления. По архивным документам и материалам биографии А.В. Хрулёва // Вестник архивиста.

2019. № 4. С. 1161–1172; Герои материально-технического обеспечения: история и география подвига: историко-географический справочник / Сост. Е.А. Поправко, В.Я. Серб, Е.Р. Дубровин, И.Р. Дубровин, А.П. Спирин. СПб., 2021. С. 406–413.

² *Шиян И.С.* Генерал армии Хрулёв. М., 1980; *Карпов В.В.* Генерал армии Хрулёв. Всё для Победы. Великий интендант. М., 2004; *Марченко А.Д.* Наркомпуть Хрулёв. М., 2007.

³ *Хрулёв А.В.* Записки интенданта. Неопубликованная рукопись. М., 2017. С. 101.

Алексей Попов

Рец. на: О. Санчес-Сибони. Красная глобализация.

Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущёва.

СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 407 с.

Aleksei Popov

(HSE University, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: O. Sanchez-Sibony. Krasnaya globalizatsia.

Politicheskaya economiia kholodnoy voyny ot Stalina do Khrustcheva.

Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23030227, EDN: EUFQDD

Путь этого яркого исследования советской внешнеэкономической политики к российскому массовому читателю занял долгие восемь лет. Оригинальная версия работы вышла в 2014 г. и наделала много шума в среде западных советологов и исследователей холодной войны. Дело в том, что автор не просто представил оригинальную точку зрения. Он смог задеть самый нерв оказавшихся в тот момент в кризисе исследований межгосударственных связей СССР.

Отдавая безусловный приоритет политике, историки старшего поколения долгое время не уделяли должного внимания глобальным экономическим процессам и месту в них Советского Союза. Даже через четверть века после распада СССР рассматривались главным образом его отношения с США и западноевропейскими странами, которые описывались в терминах «политического диктата», «неэффективности», «провала» и т.п. Разумеется, набирала популярность «новая история холодной войны»,

приверженцы которой рассматривали культурное, социальное и экономическое развитие Европы и мира в широком контексте и на примере конкретных институтов, технологий или научно-технических и торгово-экономических связей¹. Однако такого рода исследования фокусировались на периферийных сюжетах. О. Санчес-Сибони же подверг ревизии сами основы устоявшегося описания характера и мотивов советской внешней политики 1930–1960-х гг.

Прежде всего автор предложил взглянуть на экономику СССР не как на проект, обречённый на провал, но как на динамичную часть глобализирующегося мира, активно включённую в важнейшие процессы мировой хозяйственной системы и трансформирующуюся вместе с ней. Основная его идея состоит в том, что Советский Союз не стремился к автаркии, напротив, большую часть своей истории он оставался встроенным в глобальные структуры (с. 18–19). Это проявлялось в зависимости от конъюнктуры, участии в фи-

нансовом и экономическом управлении, а также включённости в торговлю, хотя часто и «вне рамок свободного рынка», в условиях внешних ограничений (санкции США, списки Координационного комитета по экспортному контролю и др.) и внутренних противоречий плановой экономики.

Структура книги работает на доказательство этой идеи. Она состоит из трёх частей («Изоляция», «Целеполагание» и «Интеграция»), охватывающих конкретные периоды истории советской внешнеэкономической политики. Каждая часть включает в себя по две главы под не менее звучными и не более информативными названиями (читателю, вероятно, будет сложно догадаться, какое содержание скрывается за заголовком «Водоворот: вихрь деколонизации»).

Первая часть посвящена периоду сталинизма. Акцентируя внимание на попытках советского руководства нарастить экспорт зерновых и импорт оборудования, Санчес-Сибони сделал вывод, что на фоне Великой депрессии изоляция СССР явилась не результатом политической воли его руководства, а составляющей общемирового процесса «экономической дезинтеграции» (с. 85). Затем, говоря о послевоенном времени, автор привёл новые аргументы против версии об автаркии, показав, что советская власть даже в условиях нарастающих санкций и политических ограничений активно обсуждала с западными контрагентами возможности кредитования и бартерной торговли. Повествование довольно смело доведено до середины 1950-х гг., обновление внешнеэкономической стратегии связано не столько со смертью И.В. Сталина и последующей сменой курса власти, сколько с постепенным изменением глобального экономического контекста (с. 129).

Вторая часть, посвящённая периоду с середины 1950-х до середины

1960-х гг., продемонстрировала сильные стороны исследования: хорошее знание автором российской историографии, погружённость в разнообразные процессы тех лет, понимание механизмов функционирования советской бюрократии. Эта и третья части книги написаны на основе широкой базы архивных документов², некоторые из них впервые введены в научный оборот.

«Целеполагание» рассказывает о попытках политического руководства и внешнеторговых учреждений СССР выстроить отношения со странами «глобального Запада» (на примере Западной Германии и Японии) и «глобального Юга»³ (с Индией, Индонезией, Египтом и Афганистаном). Утверждая, что Советский Союз «был выгодоприобретателем стабильной и открытой мировой экономики, созданной американским гегемоном» (с. 180), автор на конкретных примерах показал, как всё более прагматичными становились стратегии его связей с некоммунистическими странами. Любопытно утверждение, что процесс деколонизации открыл для СССР широкие возможности и позволил занять нишу посредника между странами Юга и Запада. Впрочем, за эту роль приходилось платить программами кредитования и целевой помощи (с. 243).

В третьей части («Интеграция») внимание сфокусировано на 1960-х гг. Поставив под сомнение наличие противостояния «двух миров» в сфере экономики, Санчес-Сибони указал на принципиальную несовместимость США как гегемона и демиурга либеральной системы и СССР, ограниченного в возможностях и пытавшегося встроиться в сложную схему «экономических и технологических реалий» (с. 252), контролируемую «*Rex Americana*». Именно в таком ключе трактуется расширение связей с западноевропейскими странами (Италией, Францией

и Западной Германией) и Японией. Советская экспансия на западные рынки явилась результатом, с одной стороны, искусного использования накопленного опыта, с другой — согласия «капиталистических стран» платить (как финансово, так и политически) за советские ресурсы и продавать собственные технологии на потенциально ёмкий внутренний рынок СССР.

В то же время на примере отношений с Кубой, Египтом, Ганой, и, в меньшей степени, некоторыми странами Азии, показано, что советская сторона не смогла предложить бывшим колониям полноценной альтернативной модели. Она оставалась в рамках «либеральной мировой экономики», при которой «западные компании использовали в своих интересах финансируемые СССР проекты» (с. 345). Проблема заключалась ещё и в том, что советские попытки оказания помощи и инвестирования часто носили спонтанный и политически мотивированный характер, а экономические риски их реализации просчитывались далеко не всегда. В результате отношения с новыми независимыми государствами постепенно становились всё более прагматичными, приближаясь к своему неожиданно открывшемуся «естественному пределу».

«Красная глобализация», таким образом, рассматривает внешнеэкономические усилия СССР как попытку создать альтернативу американской модели глобализации на основе Бреттон-Вудской финансовой системы. Они имели успех благодаря не столько стараниям советских управленцев, сколько изменившимся условиям, когда в результате деколонизации на мировом рынке появились новые игроки, заинтересованные в альтернативных поставщиках и покупателях. Такая трансформация позволила Советскому Союзу не только занять новые позиции в системе международного распределе-

ния труда и выйти на новые рынки, но и предложить собственные варианты организации международной торговли с минимальным привлечением конвертируемых валют и финансовых институтов западных стран. Санчес-Сибони одним из первых показал, что в основе как минимум некоторых внешнеполитических решений советского руководства находились сильные экономические мотивы. Наиболее ярко это видно на примере развития в 1950-х гг. советско-египетских отношений, когда оказалось, что СССР, открытый для бартерных сделок, был готов обеспечить Египет зерном в обмен на хлопки, в исключительных случаях, фунты, остро необходимые для импорта британских товаров (с. 114).

Следует подчеркнуть, что книга богата оригинальными идеями. Те, что прошли проверку временем, отразили глубокое понимание автором межгосударственных финансовых механизмов периода холодной войны. Впервые со времён расцвета в начале 1980-х гг. экономической советологии проведён столь детальный анализ внешнеторговой политики СССР. Изучены товарная статистика, финансовые потоки, наличие золотовалютных резервов и транспортной инфраструктуры, политические и технологические условия реализации проектов — всё то, что долгое время заслоняли политические исследования. Такой подход позволил рассмотреть советскую внешнюю торговлю не столько как следствие решений, принятых исходя из политико-идеологических соображений и полностью подчинённых воле партийного руководства, сколько как сложный процесс поиска взаимовыгодных решений в жёстко заданных рамках.

Работа и по форме, и по содержанию бросила вызов историографическому консенсусу. Автор в своё время был аспирантом Ш. Фитцпатрик, так

что это не должно удивлять. Наоборот, оказалось, что традиция ревизионистского пересмотра процессов холодной войны жива и до сих пор может давать плоды. Более того, выбранный Санчесом-Сибони стиль бескомпромиссных утверждений и довольно резкой критики традиционных подходов привлёк внимание профессионального сообщества. Чего стоят одни только едкие комментарии в адрес коллег по цеху (например, о «печально известной революционно-имперской парадигме Зубока» (с. 120).

Как следствие, «Красная глобализация» стала одной из самых обсуждаемых книг 2010-х гг. Западные историки предъявляли к ней прежде всего концептуальные претензии. Автора упрекали в недостаточном внимании к политическим процессам, в целом справедливо полагали, что оснований для смелых выводов порой недостаточно, поскольку книга (прежде всего её первая часть) основана на ревизии работ предшественников и не предлагает принципиально новых архивных или статистических данных (правда, в работе использованы документы, главным образом из фонда А.И. Микояна⁴, но они уже хорошо известны исследователям). Вызвало удивление то, что Санчес-Сибони проигнорировал устоявшиеся оценки. Масла в огонь подлили ответы автора, который оказался склонен к резким высказываниям не только на страницах своих работ⁵.

Стоит отметить, впрочем, что его позиция всегда подкреплялась фактами, в отличие от абстрактных стилизованных утверждений некоторых оппонентов. В ходе многочисленных дискуссий быстро выяснилось, что к «Красной глобализации» практически каждый более или менее знакомый с темой исследователь мог бы составить собственный список претензий и замечаний. Однако общий

её послыл стимулировал конструктивное обсуждение места советской экономики в глобальном контексте. Без сомнения, под влиянием этой книги в последующие годы вышел ряд монографий, так или иначе затронувших идею социалистического варианта глобализации (и нередко дискутировавших с тезисами Санчеса-Сибони)⁶.

Монография привлекла внимание и отечественных специалистов, которые отнеслись к ней в целом более благосклонно. В рецензии на оригинальное издание М.А. Липкин отметил, что «её автору удалось обозначить “белые пятна” в глобальной и транснациональной истории середины XX в.», несмотря на ограниченность архивной базы (Санчес-Сибони не смог, например, поработать с постановлениями Политбюро ЦК КПСС в РГАНИ). В то же время книга показала рецензенту в значительной степени «провокацией». Возможно, к такому выводу привёл вольный, местами до комичного театрализованной переказ архивных документов (вероятно, сказалось стремление сделать исследование более интересным массовому читателю). Среди прочего автор представил текст советско-египетских торговых переговоров в виде пьесы с ремарками, где участники отвечают друг другу «шутливо» или «без намёка на шутку», «вероятно, откинувшись назад, сосредоточив взгляд в дальнем углу потолка» (с. 312, 325). При этом ничто в текстах не указывает на то, что подобная реконструкция хоть сколько-нибудь правдоподобна⁷. Этот эпизод, пусть и единичный, действительно смотрится странно и негативно влияет на восприятие написанного.

Впрочем, можно указать и на более серьёзные недостатки. Например, частные эпизоды описаны чрезвычайно убедительно. Однако попытки обобщить богатый эмпирический материал и представить его в виде

сложных концепций вызывают вопросы, если не сомнения. Насколько достоверно несколько относительно успешных переговоров на коротком временном отрезке отражают общую картину внешнеторговых отношений? Это один из главных вопросов, возникших у критиков, от ответа на который зависит устойчивость всей авторской аргументации. Особенно заметно это в «европейских» главах.

Санчес-Сибони не занимался проблематикой внешнеторговых отношений СССР с «капиталистическим лагерем». Это было бы оправдано в условиях полной изоляции. Однако достоверно известно, что Министерство внешней торговли вело переговоры с итальянскими или французскими фирмами, представители ведомства и профильных организаций действовали в США и Великобритании. Понятно, что на фоне огромного массива источников пришлось выбирать, с какими сюжетами работать. В этом особенность обширных и слабо исследованных фондов Минвнешторга. Однако такой подход сделал уязвимыми концептуальные обобщения. Как следствие, с интерпретацией роли СССР в глобальной экономике «*Rac Americana*» согласиться сложно.

Наконец, не очень удачной представляется сложная структура изложения, при которой многие главы накладываются друг на друга хронологически и тематически. Порой создаётся впечатление, что тезисы или подходы противоречат друг другу (на что указали многие критики). Более того, используя сложную аргументацию и витиеватый язык изложения, автор рискует запутать читателя. Так, отказ провести в первой части водораздел внешнеторговой политики на время до и после смерти Сталина смотрится свежо и смело. С его помощью автор стремился усилить тезис о приоритете внешних факторов в изменениях кур-

са в середине 1950-х гг. Однако такой подход не получил развития в следующих частях, вновь опирающихся на бюрократические процедуры.

И тем не менее на фоне интереса к тематике холодной войны публикация русского перевода монографии Санчеса-Сибони — событие знаковое и, безусловно, позитивное. С другой стороны, будет удивительно, если оно вызовет отклик, сопоставимый с оригиналом. За прошедшие годы идея СССР как центра альтернативной глобализации прочно закрепилась в исследовательской среде (хотя и остаётся во многом дискуссионной). За последние несколько лет прошли десятки специализированных семинаров, секций и конференций на эту тему, опубликованы сотни текстов (рецензий, обзоров, статей и монографий), сломаны в спорах тысячи интеллектуальных копий. «Красная глобализация», произведшая в своё время такое сильное впечатление, сегодня будет воспринята неспециалистами лишь как очередная книга по истории холодной войны.

К сожалению, редакторы серии «Современная западная русистика» не снабдили перевод ни предисловием для русского издания от автора, ни вступительным словом кого-нибудь из ведущих отечественных специалистов. В результате читатель не сможет оценить ни влияние этой монографии на изменение тематического интеллектуального ландшафта, ни той большой исследовательской работы, которая была проделана после её выхода и позволила скорректировать многие авторские утверждения и углубить наши представления о функционировании мировой экономики в годы холодной войны. Это особенно удивительно и обидно, если учесть, насколько тесно Санчес-Сибони сотрудничал с российским сообществом исследователей международных отношений СССР.

Примечания

¹ *Autio-Saraso S., Miklóssy K.*, Introduction: The Cold War from a new perspective // *Reassessing Cold War Europe*. Routledge, 2010. P. 15–29; *Romeo F.* Cold War historiography at the crossroads // *Cold War History*. Vol. 14. 2014. № 4. P. 685–703.

² РГАЭ, ф. 7, 413, 4372; ГА РФ, ф. 5446; РГАНИ, ф. 5.

³ Этим термином сегодня принято обозначать постколониальные страны вместо устаревших «развивающихся стран» или «стран третьего мира».

⁴ РГАСПИ, ф. 84.

⁵ См., например: H-Diplo Roundtable XVI, 24. On Red Globalization: the political economy

of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev [27 April 2014] (URL: <http://www.tiny.cc/Roundtable-XVI-24>).

⁶ *Alternative globalizations: Eastern Europe and the postcolonial world* / Ed. by J. Mark, M. Kalinovsky, S. Marung. Bloomington (Indiana), 2020; *Trecker M.* Red money for the Global South. East-South economic relations in the Cold War. L., 2020; *Beyond Brussels: reassessing European integration in East and West Europe* / Ed. by M. Broad, S. Kansikas. L., 2020.

⁷ *Липкин М.А.* Глобальное прочтение истории СССР: дискуссии вокруг «Красной глобализации» Оскара Санчеса-Сибони // *Российская история*. 2016. № 1. С. 143–144.

Ирина Быстрова

Рец. на: Становление ракетной мощи страны. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.). Сборник документов. В 3 кн. / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. Кн. 1. 760 с.; Кн. 2. 555 с.; Кн. 3. 617 с. М.: Историческая литература, 2019

Irina Bystrova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Stanovleniye raketnoy moshchi strany. Iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.). Sbornik documentov. 3 Vols. / Ed. by V.I. Ivkin, G.A. Sukhina, M. Uhl. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23030239, EDN: EUFRNG

Фундаментальный трёхтомный сборник документов посвящён одной из самых актуальных тем в мировой истории XX – начала XXI в., связанной с развитием ракетно-ядерного оружия, которое во многом определило ход исторических событий эпохи холодной войны. Это оружие впервые создало реальную возможность гибели человечества от творения рук своих и предопределило длительное противостояние военно-политических блоков во главе с СССР и США, не переходящее в открытое вооружённое

противоборство. В периоды кризисов соперники не раз балансировали на грани войны, однако страх перед неминуемым возмездием, воплощённым в ракетно-ядерном потенциале противника, являлся самым надёжным средством сдерживания.

Тематика, связанная с историей военно-промышленного комплекса (ВПК) СССР, оставалась закрытой для изучения вплоть до 1990-х гг., когда началось постепенное рассекречивание отдельных фондов российских архивов. На самом высоком уровне

секретности находится атомный проект СССР, архив атомного ведомства оставался и остаётся недоступным для исследователей. Однако процесс рассекречивания вылился в публикацию сборника документов в трёх томах (восемь книг) «Атомный проект СССР»¹, а также многочисленных мемуаров создателей ядерного оружия. На этой базе появилась обширная исследовательская литература.

Ракетная отрасль СССР была также частично рассекречена, и истории получили доступ, правда, в ограниченном объёме, к документам соответствующих ведомств, хранящимся в Российском государственном архиве экономики. Материалами других архивов Министерства обороны и Президента РФ имели возможность пользоваться в основном их сотрудники, а также работники ВПК, которые и стали составителями сборников.

Представляемый сборник охватывает 1960–1964 гг. — период наиболее высоких темпов роста военных расходов и интенсивной гонки вооружений. СССР смог вырваться вперёд в ракетной гонке, первым в 1957 г. запустив искусственный спутник Земли. Носителем его стала межконтинентальная баллистическая ракета, запуск которой имел важнейшее значение и в ходе военного соперничества, формально ликвидировав «географическую неуязвимость» Америки. Однако к началу 1960-х гг. соотношение ракетно-ядерных арсеналов двух стран, по выражению американского министра обороны Р. Макнамары, составляло 1:10 в пользу США. Н.С. Хрущёв был известен своей симпатией к ракетам, которые считал самым эффективным оружием. Это придало «лихорадочный» характер гонке вооружений в данной области.

Сборник документов составлен на самом высоком профессиональном уровне. Наряду с материалами

общедоступных архивов (РГАЭ, ГА РФ, РГАНИ) в нём впервые опубликованы документы из Архива Президента РФ (фонды «Коллекция тематических дел», «Коллекции Совета министров СССР»), Центрального архива Министерства обороны РФ (фонды «Управление делами МО», «Космодром Байконур», «Центр подготовки космонавтов»), Центрального архива ракетных и космических войск (фонды «Главное управление ракетного вооружения», «Секретариат Главнокомандующего Ракетными войсками»), которые не доступны для рядовых исследователей. Это делает сборник уникальным изданием. Важно отметить использование документов Федерального архива Германии в Кобленце (фонд Федеральной разведывательной службы), отражающих планы применения ракетно-ядерного оружия на территории ФРГ. Всего в сборнике опубликовано 774 документа.

Рассматриваемое издание является продолжением сборника документов с участием тех же авторов, посвящённого более раннему периоду и созданию в СССР особого, элитного вида Вооружённых сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН)². Следует подчеркнуть, что выделение ракетных войск в отдельный вид не только свидетельствовало об особом значении, которое придавало ракетному оружию руководство СССР, но и стало заметной отличительной особенностью советского варианта ВПК. У США ракетные вооружения находились в ведении «традиционных» армии, флота и военно-воздушных сил.

Представленный сборник носит комплексный характер, в профессионально подобранных документах отражены различные аспекты истории Ракетных войск. Основные сюжеты — развитие и совершенствование ракетной техники, сложные перипетии

научного поиска, конструирования, испытаний, пусков ракет различных образцов, включая неудачные, которые были неотъемлемой частью непростой истории создания управляемых баллистических ракет и ракетных комплексов.

По мнению авторов сборника, выделение РВСН в отдельный вид в декабре 1959 г. вызвало целый ряд проблем, которые пришлось решать именно в 1960–1964 гг., когда сложилась структура войск, аппарат Главного командования, объединений, корпусов, бригад и других подразделений Ракетных войск. Сборник включает серию протоколов Военного совета РВСН, созданного постановлением ЦК КПСС от 22 мая 1960 г. и занимавшегося вопросами строительства РВСН, создания войск, воинской дисциплины, материального положения военнослужащих. Обширный комплекс документов касается разработки, испытаний, принятия на вооружение ракет разных типов. В докладных записках, отчётах, справках ведомств освещаются такие технические вопросы, как строительство объектов, запуски ракет военного назначения и космических аппаратов, виды испытаний, техническое состояние и качество ракетного оружия, принятие систем на вооружение, поступление ракет на боевое дежурство, предупреждение аварийности ракетной техники.

Существенным представляется и то, что в документах в большом объёме отражён «человеческий фактор», с которым было далеко не благополучно. Об этом говорят решения Военного совета Ракетных войск по вопросам укрепления дисциплины и улучшения воспитательной работы, о культурно-массовой работе, о подготовке кадров, а также письма и обращения военнослужащих с жалобами в вышестоящие инстанции. Среди последних выделяется коллективное письмо Хрущёву

офицеров воинской части № 44204, повествующее о недостатках в бытовом и культурном обеспечении. Приводятся вопиющие факты тяжёлых условий жизни и обращения офицеров с подчинёнными. Так, «лейтенант Никифоров получил телеграмму, что при смерти находится отец, и принес её командиру дивизиона, коммунисту Гришину. Тот пренебрежительно отбросил телеграмму и сказал: “Вы не маленький, ничего страшного, пусть умирает!” А лейтенанту Калинникову он ответил: “Мне до ваших семей нет дела. Вы находитесь на войне”» (Кн. 2, с. 342).

Особо следует выделить сводные концептуальные документы, дающие представление о тенденциях развития ракетной техники. Например, аналитический доклад директора НИИ-88 Ю.А. Мозжорина о путях развития отечественных межконтинентальных баллистических ракет от 13 марта 1962 г. характеризует эффективность различных видов такого вооружения (в динамике), сравнивает анализ параметров и боеспособности советских и американских ракет и даже некоторые положения военной стратегии США и СССР (Кн. 2, с. 57–65). Справка от 30 января 1960 г. об организации Госкомитетов по оборонной технике содержит сведения о количестве заводов, НИИ, КБ, численности рабочих, а также о задачах органов управления оборонной промышленностью СССР (определение совместно с Министерством обороны основных направлений в создании новых вооружений, проведение единой технической политики, координация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) (Кн. 2, с. 329).

Большое место в сборнике уделено второму «лику» ракетной эпопеи — космической программе, которая в 1957–1961 гг. превосходила по популярности в СССР военную тематику.

Направления развития космических исследований были определены в размещённом в первой книге сборника документе «Предложения С.П. Королёва от 7 апреля 1961 г. с приложением проектов доклада в ЦК КПСС и постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о дальнейшем развитии работ по исследованию космического пространства». Предлагалось разработать программу создания искусственного спутника Земли, «отработку систем, обеспечивающих полёт человека в космосе», космических аппаратов для полетов на другие планеты, упоминались и «военные задачи» космических исследований (Кн. 1, с. 121–125). С одной стороны, оба направления работали в комплексе, помогая друг другу: «мощные баллистические ракеты-носители» выводили в космос спутники и другие космические аппараты и могли «перебрасывать крупные военные грузы... практически на любые дальности на Земле» (Кн. 1, с. 121). В записке в ЦК КПСС о плане работ по космической тематике на 1960 г. Д.Ф. Устинов, Р.Я. Малиновский, К.Н. Руднев, В.Д. Калмыков, М.И. Неделин, М.В. Келдыш, С.П. Королёв просили «разрешить использовать из запасов Министерства обороны 8 ракет Р-7 для создания носителей объектов “Восток”» (Кн. 1, с. 149).

С другой стороны, имело место и соперничество между военным и гражданским направлениями ракетного дела. Известно, что Королёв главным делом своей жизни считал космос, другие же конструкторы, начавшие отделяться от «королёвского» ОКБ-1 в период «ракетного бума», делали ставку на создание ракет военного назначения (ярким примером был создатель ракет на жидком (высококипящем) топливе М.К. Янгель). В сборник помещены и документы, где военное командование выступает

против чрезмерного развития космических программ в ущерб военным. На упомянутые выше предложения Королёва Малиновский отреагировал письмом в адрес Устинова, указав, что Министерство обороны «не может взять на себя строительство для космических исследований, целесообразно указанные работы поручить гражданским организациям». В записке Ф.Р. Козлову, Л.И. Брежневу и Устинову от 24 января 1961 г. Малиновский, в соответствии с решением Совета обороны от 9 января 1961 г., предложил освободить Министерство обороны от ряда «работ по проектированию и строительству стартовых позиций (космодромов) и наземных измерительных комплексов для космических объектов, которые не могут быть использованы как боевые средства для обороны страны». Обслуживание космических программ потребовало бы «большое количество личного состава Ракетных войск» и «огромный объём... изыскательских, проектных и строительных работ, определяемых... суммой в 200 млн рублей» (только на 1961–1963 гг.). Более того, в документе предлагалось «пересмотреть с целью сокращения тематику работ, заданных постановлениями правительства по исследованию космического пространства в научных целях, имея в виду освободить ведущие конструкторские организации промышленности... для форсирования таких важнейших работ оборонного значения, как создание стратегических ракет на жидких и твёрдых топливах, искусственных спутников земли военного назначения, средств противоракетной и противокосмической обороны» (Кн. 1, с. 418–419).

В связи с этим можно усомниться в правоте авторов сборника, утверждающих во введении к изданию, что СССР принадлежит «уникальный» опыт создания «единой отрасли» —

ракетно-космической промышленности. Аналогии проводятся только с США, однако такое комплексное развитие было характерно и для других стран, например Франции. Название отрасли и в США, и во Франции отличалось от советского, там употреблялся термин «авиационно-космическая» программа (поскольку создание ракетной техники в СССР шло от артиллерии, а в указанных странах Запада — от авиации). Кроме того, в отличие от атомного проекта, ракетные производства в СССР были разбросаны по различным ведомствам. По данным, указанным в сборнике, в работах по ракетно-космической технике в начале 1960-х гг. участвовали 13 ведомств (Кн. 1, с. 21–22). Так продолжалось до 1965 г., когда было создано Министерство общего машиностроения, объединившее основные ракетные производства. С этого момента и следует говорить о «единой отрасли».

Отдельное место в сборнике занимает коллекция документов об участии Ракетных войск в операции «Анадырь», часть из них публикуется впервые, раскрывая малоизвестные страницы «пика холодной войны» — Карибского кризиса. Наряду с изданными ранее материалами, в сборнике впервые увидели свет документы Министерства обороны, главкома РВСН и командующих ракетными полками, размещёнными на Кубе, которые характеризуют участие в событиях именно ракетчиков. В директиве Министерства обороны и начальника Генерального штаба от 13 июня 1962 г. об отправке на Кубу 43-й ракетной дивизии впервые указаны конкретные нормы снабжения отправляемых подразделений ракетной техникой, от руки вписаны номера частей («79, 181 и 664 ракетных полков Р-12... 665 и 668 ракетных полков Р-14» и т.д.), определён порядок отправки отдель-

но «специзделий» (т.е. ядерных боеголовок), меры секретности, легенды и т.д. Включена также директива министра обороны главкому Ракетных войск от 27 октября о возвращении с Кубы 665-го и 668-го ракетных полков. Наибольший интерес представляет отчётная документация, например доклад генерал-майора И.Д. Стаценко об участии 51-й ракетной дивизии. В нём показаны все этапы рекогносцировки, транспортировки и «сосредоточения дивизии на о. Куба», с захватывающими деталями маскировки, переодевания советских военнослужащих в кубинскую форму, разворачивания судов обратно (в результате чего «полки, вооружённые ракетами Р-14, не успели дойти») (Кн. 2, с. 289) и общим выводом, что «51 рд сосредоточилась и была приведена в полную боевую готовность на о. Кубу за 48 суток с момента прибытия последнего корабля, т.е. 27 октября (пик Карибского кризиса. — *И.Б.*) дивизия была способна нанести удар всеми 24 стартами» (с. 292).

Сборник документов снабжён богатыми и детализированными приложениями, раскрывающими структуру, технические параметры продукции и человеческий фактор в развитии ракетной техники и РВСН в 1960–1964 гг. Приложения весьма обширны по тематике, в них отражены и развитие различных видов ракетной техники, и международные события (утверждение военных программ, обнародование военной доктрины США и НАТО, принятие на вооружение военной техники, строительство центра боевого управления в США) (Кн. 3, с. 282). Так, под 13 августа 1962 г. значится возведение Берлинской стены, которое рассматривается как отправная точка нового противостояния между СССР и США в Европе и в комплексе с планом нападения США на СССР (Кн. 3, с. 286). Приводятся и сводные

данные, например, под датой «1961 г.» даны концептуально важные цифры роста ракетной техники и её значение в советском ВПК: «Доля ракетной техники в заказе Министерства обороны СССР составила 43,8%. Для сравнения: 1958 г. — 8,5%, 1959 г. — 21,5%, 1960 г. — 31,9%. Эти данные свидетельствуют о том, что ракетная индустрия начала становиться лидирующей отраслью... военно-промышленного комплекса. С 1957 по 1961 г. затраты на ракетно-космическую технику в масштабе цен 1961 г. увеличились в 10 раз — с 17,2 млн руб. в 1957 г. до 179,8 млн руб. в 1961 г.» (Кн. 3, с. 290).

Достоинством работы является детальное и комплексное освещение в приложениях организационной и технической сторон развития ракетного комплекса: группировка Ракетных войск в 1959–1964 гг.; пуски ракет в 1960–1964 гг.; запуски космических объектов в СССР в 1960–1965 гг.; указатель наименований и индексов ракетных комплексов, ракет-носителей и космических аппаратов, упоминаемых в документах; предприятия, организации, учреждения — создатели и производители ракетно-космической техники; список НИИ, КБ и заводов Государственного комитета по оборонной технике СССР; органы управления Ракетных войск в 1960–1964 гг.; справка о затратах на строительство боевой стартовой станции; справка о стоимости некоторых видов технологического оборудования, поставляемого в Ракетные войска; справка Госплана СССР о затратах на содержание Государственных комитетов по оборонным отрас-

лям техники за счёт средств союзного бюджета; численность личного состава Ракетных войск в 1960–1964 гг.; руководители частей и подразделений, участвовавших в операции «Анадырь». Особо следует отметить раздел «Именной комментарий», в котором scrupulously собраны биографии всех людей, фамилии которых встречаются на страницах трёх томов издания.

На фоне блестяще составленных приложений вызывает удивление подбор иллюстративного ряда. Фотографии, связанные с испытаниями, транспортировкой ракет, повседневной жизнью ракетчиков хороши и оригинальны. Однако среди фотографий космонавтов нет изображения Ю.А. Гагарина, а в ряду конструкторов ракетной техники много фотографий В.Н. Челомея, но нет Королёва и Янгеля, хотя в сборнике, конечно, содержатся десятки документов об их деятельности.

Отдельные недостатки не умаляют большого значения рецензируемого труда как важнейшего источника и чрезвычайно высокой квалификации составителей сборника. Это наиболее фундаментальная и яркая публикация документов по данной тематике за последние годы.

Примечания

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., 1998–2008.

² Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 г.). Сборник документов / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М., 2010.

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Быстрова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Вишняков Ярослав Валерианович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации

Гурьев Евгений Павлович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Девятков Сергей Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России XX–XXI веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Дроздов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Жиляев Валентин Иванович, кандидат исторических наук

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета

Казанцева Юлия Владимировна, младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге

Козлов Денис Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кудряшов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Морозов Мирослав Эдуардович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, начальник лаборатории Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Московского инженерно-физического института)

Попов Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Прямыцын Владимир Николаевич, доктор исторических наук, полковник, начальник отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Рыбаков Владислав Александрович, стажёр-исследователь Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сак Ксения Васильевна, кандидат исторических наук, доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовского университета), старший научный сотрудник Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Уль Маттиас, доктор исторических наук, Германия

Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Чжан Гуансян, доктор исторических наук, профессор Института по проблемам Северо-Восточной Азии и Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (Чанчунь, КНР)

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

80 лет Сталинградской битве

М.Э. Морозов

Сталинград в стратегических замыслах военно-политического руководства СССР и Германии в 1942–1943 гг. 3

С.В. Кудряшов

На пути к Сталинграду: события 1942 г. в контексте битвы 14

М. Уль

Сталинградская битва: некоторые актуальные вопросы изучения 24

В.Н. Прямицын

Советская гидрометеорологическая служба и контрнаступление Красной армии под Сталинградом 33

Сюжеты и эпизоды

К.С. Дроздов

Стратегии выживания московских ополченцев в окружении и на оккупированной территории осенью–зимой 1941–1942 гг. 42

История власти

В.А. Рыбаков

Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг. . . . 51

И.В. Кометчиков

«Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области. 62

Идеи и образы

С.В. Девятков, В.И. Жилиев, В.А. Невежин

««Интернационал» устарел для нашего народа». Создание государственного гимна СССР (1943–1944) 78

А.Д. Попов, Н.Ю. Пивоваров, К.В. Сак

Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) 95

Институты и общности

Г.Н. Шумкин

Законодательное регулирование исполнения военных заказов на казённых горных заводах 115

Россия и мир

Д.Ю. Козлов

«Платонический союз»: взаимовосприятие и взаимодействие российского и французского военных флотов в конце XIX – начале XX в. 129

Я.В. Вишняков

«Дело пахнет керосином». Дунайское пароходство и русская политика на Балканах в конце XIX — начале XX в.	143
---	-----

Г.Г. Корноухова

Российский экспорт хлопчатобумажной ткани в Персию в XIX — начале XX в. . . .	156
---	-----

И.А. Хормач

Лига наций на пути к войне: позиция СССР	165
--	-----

Чжан Гуансян

Роль разведки в создании первых образцов советского ядерного оружия	179
---	-----

Рецензии

<i>А.С. Ищенко — В.М. Ричка. Війна пам'ятей. Змагання за спадщину Київської Русі</i>	194
<i>В.М. Муханов — Военное кавказоведение в лицах</i>	200
<i>Ю.В. Казанцева, Е.А. Крестьянников — Железные дороги Российской империи как место работы женщин</i>	203
<i>О.Р. Айрапетов — Ю.А. Бахурин. Фронт и тыл Великой войны</i>	208
<i>Е.П. Гурьев, А.С. Пученков — Новые издания по истории Второй обороны Севастополя</i>	215
<i>И.Ю. Хрулёва — К 130-летию «великого труженика войны» А.В. Хрулёва</i>	220
<i>А.А. Попов — О. Санчес-Сибони. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущёва.</i>	227
<i>И.В. Быстрова — Становление ракетной мощи страны. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960—1964 гг.). Сборник документов. В 3 кн.</i>	232
<i>Наши авторы</i>	238

CONTENTS

80 years of the Battle of Stalingrad

<i>M.E. Morozov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Stalingrad in the strategic plans of the military-political leadership of the USSR and Germany in 1942–1943	3
<i>S.V. Kudryashov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> On the way to Stalingrad: the events of 1942 in the context of the Battle	14
<i>M. Uhl (Germany)</i> The Battle of Stalingrad: some topical issues of study	24
<i>V.N. Pryamitsyn (Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Moscow)</i> The Soviet Hydrometeorological Service and the Red Army's counteroffensive at Stalingrad	33

Scenarios and episodes

<i>K.S. Drozdov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Survival strategies of the Moscow militia encircled and in the occupied territory in the autumn–winter of 1941–1942	42
---	----

History of power

<i>V.A. Rybakov (HSE University, Moscow, Russia)</i> RSFSR People's Commissariat for Justice and its activity on the courts management (1941–1945)	51
<i>I.V. Kometchikov (Kaluga State University named after K. Tsiolkovsky, Russia)</i> «We're going to sow, not to remove mines»: the local authorities and the total removal of mines in Kaluga region	62

Ideas and images

<i>S.V. Devyatov (Lomonosov Moscow State University, Russia), V.I. Zhilyaev (Moscow, Russia), V.A. Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> «The International” is outdated for our people». Creation of the National anthem of the USSR (1943–1944)	78
<i>A.D. Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia), N.Yu. Pivovarov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow; National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Russia), K.V. Sak (I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia; V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)</i> Rhythms of the past: the first anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet memory politics (1945–1965)	95

Institutions and communities

<i>G.N. Shumkin (Institute of History and Archeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)</i> Legislative regulation of the execution of military orders at state-owned mining plants	115
--	-----

<i>D.Yu. Kozlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«Platonic union»: mutual perception and interaction of the Russian and French Navies in the late 19 th – early 20 th century	129
<i>Ya.V. Vishnyakov (MGIMO University, Moscow, Russia)</i>	
«It smells of kerosene». Danube shipping company and Russian policy in the Balkans at the end of the 19 th – beginning of the 20 th centuries	143
<i>G.G. Kornoukhova (RUDN University, Moscow)</i>	
Russian export of cotton fabric to Persia in the 19 th – early 20 th century	156
<i>I.A. Khormach (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The League of Nations on the road to War: the position of the USSR	165
<i>Zhang Guangxiang (Northeast Asia Research Center of Jilin University, Changchun, China)</i>	
The role of intelligence in the creation of the first samples of Soviet nuclear weapons	179

Reviews

<i>A.S. Ishchenko (Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute, Don State Agrarian University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: V.M. Rychka. Viina pam'iatei. Zmahannia za spadshchynu Kyivskoi Rusi	194
<i>V.M. Mukhanov (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia)</i>	
Military Caucasian studies in persons	200
<i>Iu.V. Kazantseva (European University at Saint Petersburg, Russia), E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)</i>	
Railways of the Russian Empire as a place of work for women	203
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: Yu.A. Bakhurin. Front i tyl Velikoy voyny	208
<i>E.P. Guryev (Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia), A.S. Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
New publications on the history of the Second Defense of Sevastopol	215
<i>I.Yu. Khruleva (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
To the 130 th anniversary of the «great worker of war» A.V. Khrulev	220
<i>A.A. Popov (HSE University, Moscow, Russia)</i>	
Rec. ad op.: O. Sanchez-Sibony. Krasnaya globalizatsia. Politicheskaya ekonomia kholodnoy voyny ot Stalina do Khrustcheva	227
<i>I.V. Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: Stanovleniye raketnoy moshchi strany. Iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.). Sbornik documentov. 3 Vols	232
Contributors to this issue	238

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор

Замеченные опечатки в № 2 (статья Т.А. Кокоревой, И.В. Поздеевой)

Стр.	Напечатано	Должно быть
71 (последний абзац)	обнаружено 213 экземпляров 78 изданий	обнаружено 227 экземпляров 85 изданий

На с. 66 вместо Таблицы 1 должно быть:

Таблица 1

Количество печатных книг XVI–XVII вв., сохранившихся в регионах

Типографии XVI и XVII вв.		Ростов, Ярославль, Переславль	Ветка	Тверь	Пермь	Молдавия- Украина	Всего
XVI в.	Московские	28//7*	5/3	4/3	21/7	11/7	69/11
	Виленские	26/11	11/6	7/5	12/10	15/10	71/19
	Украинские	9/6	4/3	1/1	3/2	7/4	24/9
	Всего	63	20	12	36	33	164
XVII в.	Московские	1522/351	165/114	179/125	536/249	112/80	2514/399
	Виленские	10/9	8/5	8/7	9/8	7/5	42/18
	Украинские	133/59	16/11	28/21	36/19	14/14	227/85
	Всего	1665	189	215	581	133	2783
Всего XVI–XVII вв.		1728	209	227	617	166	2947

* Количество экземпляров / количество изданий.

На с. 72 вместо Таблицы 2 должно быть:

Таблица 2

Количество печатных книг в Ростово-Ярославской и Пермской землях в конце XVI — первой половине XVII в.

Годы	Количество изданий по А.С. Зерновой	Ростов, Ярославль, Переславль	Пермь	Найдено в пяти регионах
XVI в.	16	28/7*	21/7	69/11
1601–1610	13	20/9	18/9	51/11
1611–1620	10	20/3	9/5	39/8
1621–1630	44	129/27	57/26	250/34
1631–1640	68	217/54	127/49	435/64
1641–1652	93	262/74	141/65	550/88

*Первая цифра — количество экземпляров, вторая — количество изданий.